Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2022

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раз в год
ISSN: 0869-6063

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет

акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, д.и.н. А.А. Тишкин, проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания), проф. Ж.-П. Демуль (Франция), проф. Ф. Кол (США), Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова, чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, зам. главного редактора к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Д.С. Коробов (зам. главного редактора), д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов, к.и.н. О.С. Румянцева (ответственный секретарь), д.и.н. А.В. Чернецов

Зав. редакцией
Д.В. Пушкина

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон (499)124-34-42
E-mail: plasphys@pleiadesonline.com

Москва

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИКЦ «АКАДЕМКНИГА»

© Российская академия наук, 2022
© Составление: Редколлегия журнала “Российская археология”, 2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2022

Археологический комплекс Шушук – эталонный постдольменный памятник предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи средней–поздней бронзы

В. Р. Эрлих, А. А. Клещенко, Е. И. Гак, Г. Л. Годизов 7

Палеоэкология – культурогенез – металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней – начале поздней бронзы

Р. А. Мимоход, Е. И. Гак, Т. Э. Хомутова, Н. Е. Рябогина, А. В. Борисов 24

Гончарные традиции населения Среднего Поочья в эпоху бронзы (по материалам поселения поздняковской культуры Логинов Хутор)

А. А. Швецова, Е. С. Азаров 39

Культовое место эпохи ранних кочевников на горе Крутая в Южном Зауралье

Н. С. Савельев 53

К вопросу об обращении селевкидских монет в Северном Причерноморье

Е. В. Захаров, С. В. Смирнов 67

Змейский раннеаланский могильник

В. Ю. Малашев, М. А. Бакушев, Р. Ф. Фидаров, Б. З. Караев, А. С. Леонтьева 78

Клад боспорских статеров из слоя пожара VI в. в Фанагории

М. Г. Абрамзон, С. Н. Остапенко 97

Домостроительство населения раннесредневекового городища Опошня

В. В. Енуков 109

Нижний Новгород в XIII–начале XIV в.: город и округа до образования великого Нижегородско-Суздальского княжества

Н. Н. Грибов 124

ПУБЛИКАЦИИ

Археологические раскопки на поселении Кюльтепе I

В. Б. Бахшалиев 139

Клад кузнеца-ювелира середины VIII в. с территории Харьковщины

В. С. Аксенов 153

ИСТОРИЯ НАУКИ

Из истории науки: Смоленская экспедиция в работах Т.А. Пушкиной

Е. В. Каменецкая, В. Я. Петрухин 166

К истории ликвидации ГАИМК: “Заявление” В.Ф. Зыбковца А.А. Жданову

Е. Г. Панкратова, Н. Ю. Смирнов 174

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В.И. Молодин, А.Е. Гришин. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 5. (Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (Черноозерской), Андроновской (Фёдоровской), Ирменской и Пахомовской культур). Новосибирск: Изд-во ИА ЭТ СО РАН, 2019

С. Н. Кореневский 187

Святилище первых металлургов Среднего Урала / ред. О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов, И.А. Спиридонов; под общ. ред. Е.Н. Черных. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2020

В. В. Ткачев 193

Терський С.В. Археология Владимира. Володимир-Волынський; Новаград-Волынський: НОВОград, 2020

В. Ю. Коваль 198

Ch. Herrmann. Der Hochmeisterpalast Auf Der Marienburg. Konzeption, Bau Und Nutzung Der Modernsten Europäischen Fürstenresidenz Um 1400. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2019

И. В. Антипов 201

К.А. Руденко. Казанские археологи в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) (по материалам переписки А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой). Монография. Казань: Редакционно-издательский центр “Школа”, 2020

С. В. Кузьминых, С. П. Щавелев 205

ХРОНИКА

Пятая международная конференция “Археология и геоинформатика” (Москва, 2021 г.)

Д. С. Коробов 209

Памяти С. С. Ширинского (22.07.1937–13.03.2021)

А. А. Медынцева, А. В. Чернецов, Л. А. Беляев, В. Ю. Коваль 212

Анатолий Степанович Скрипкин (28.11.1940–14.08.2021)

М. В. Кривошеев, Л. В. Яворская, В. Ю. Малашев 215

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

CONTENTS

Number 1, 2022

The Shushuk archaeological complex – a reference post-dolmen site in the piedmont Northwest Caucasus of the Middle–Late Bronze Ages

V. R. Erlikh, A. A. Kleshchenko, E. I. Gak, G. L. Godizov 7

Paleoecology – culture genesis – metal production: the reasons and mechanisms of the change of periods in the cultural space of the south of Eastern Europe at the turn of the Middle and Late Bronze Ages

R. A. Mimokhod, E. I. Gak, T. E. Khomutova, N. E. Ryabogina, A. V. Borisov 24

Pottery making traditions of the Middle Oka population in the Bronze Age (based on materials from the Pozdnyakovo settlement of Loginov Khutor)

A. A. Shvetsova, E. S. Azarov 39

A cult site of the early nomadic period on the mount Krutaya in the Southern Trans-Urals

N. S. Savelev 53

On the circulation of Seleucid coins in the Northern Black Sea Region

E. V. Zakharov, S. V. Smirnov 67

The early Alanian cemetery of Zmeyskaya

V. Yu. Malashev, M. A. Bakushev, R. F. Fidarov, B. Z. Karaev, A. S. Leontyeva 78

A hoard of late Bosporan staters from the sixth-century fire layer in Phanagoria

M. G. Abramzon, S. N. Ostapenko 97

Residential construction in the early medieval fortified settlement of Oposhnya

V. V. Enukov 109

Nizhny Novgorod in the 13th–early 14th century: the town and its vicinity before the formation of the Grand Duchy of Nizhny Novgorod-Suzdal

N. N. Gribov 124

PUBLICATIONS

Archaeological excavations at the settlement of Kültepe I

V. Bakhshaliyev 139

The hoard of a blacksmith-jeweler of the middle 8th century from Kharkiv region

V. S. Aksenov 153

THE HISTORY OF SCIENCE

From the history of science: Smolensk expedition in the works of T. A. Pushkina

E. V. Kamenetskaya, V. Ya. Petrukhin 166

To the history of the liquidation of GAIMK: “statement” of V. F. Zybkovets to A. A. Zhdanov

E. G. Pankratova, N. Yu. Smirnov 174

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

V. I. Molodin, A. E. Grishin. The Sopka-2 site on the Om River. Vol. 5. (Cultural and chronological analysis of burial complexes of the Late Krotovo (Chernoozerye), Andronovo (Fedorovka), Irmen and Pakhomovskaya cultures). Novosibirsk: Publishing House of IAE SB RAS, 2019

S. N. Korenevsky 187

Sanctuary of the earliest metallurgists in the Middle Urals / O. N. Korochkova, V. I. Stefanov, I. A. Spiridonov; Ed. E. N. Chernykh. Yekaterinburg: Publishing House of Ural University, 2020

V. V. Tkachev 193

Tersky S. V. Archaeology of Vladimir. Volodymyr of Volyn; Novagrad of Volyn: NOVOgrad, 2020

V. Yu. Koval 198

Ch. Herrmann. Der Hochmeisterpalast Auf Der Marienburg. Konzeption, Bau Und Nutzung Der Modernsten Europaischen Furstenresidenz Um 1400. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2019

I. V. Antipov 201

K. A. Rudenko. Kazan archaeologists during the Great Patriotic War (1941–1945) (based on the correspondence between A. P. Smirnov and A. M. Efimova)

S. V. Kuzminykh, S. P. Shchavelev 205

CHRONICLE

Fifth International conference “Archaeology and Geoinformatics” (Moscow, 2021)

D. S. Korobov 209

In memory of S. S. Shirinsky (22.07.1937–13.03.2021)

A. A. Medyntseva, A. V. Chernetsov, L. A. Belyaev, V. Yu. Koval 212

Anatoly Stepanovich Skripkin (28.11.1940–14.08.2021)

M. V. Krivosheev, L. V. Yavorskaya, V. Yu. Malashev 215

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал “Российская археология” публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в **электронном виде** (на мэйл редакции или на диске). Оформление: **1.5 интервала**, шрифт **Times New Roman, кегль 14**.

К рукописям (по разделам “Статьи”, “Публикации”, “Дискуссии”) должно быть приложено краткое **резюме на русском и английском языке,** а также **ключевые слова на русском и английском языках (**не более 10 слов**)**.

На отдельной странице – **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электроннного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 иллюстраций (**цветных и/или черно-белых**)**. Для раздела “Заметки” объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикующиеся в разделе “Хроника”, не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2022 г. М. В. Андреева[1,*], М. А. Очир-Горяева[2, 3,]**

[1]Институт археологии РАН, Москва, Россия

[2]Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, РФ

[3]Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, РФ

**E-mail: amvlad11@yandex.ru*

***E-mail: mariaochir@gmail.com*

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Резюме:

Ключевые слова (не более 10)

Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются по следующему образцу: (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. Например:

монография: *Кренке Н.А.* Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с.

статья в сборнике: *Коваль В.Ю.* «Ростиславльский курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

статья в журнале: *Решетова И.К.* Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 147 с.

архивные материалы: *Чернов С.З.* Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего дате года (в противном случае, редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные статьи должны сопровождаться подписанным Договором о передаче авторских прав на публикацию Российской академии наук, который можно найти на сайте журнала “Российская археология” по адресу: http://www.ra.iaran.ru/ Dogovor_2018.doc.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 7–23

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ШУШУК – ЭТАЛОННЫЙ ПОСТДОЛЬМЕННЫЙ ПАМЯТНИК ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ–ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

© 2022 г. В. Р. Эрлих[1], *, А. А. Клещенко[2], **, Е. И. Гак[3], *, Г. Л. Годизов[4], ****

[1] *Государственный музей Востока, Москва, Россия*

[2] *Институт археологии РАН, Москва, Россия*

[3] *Государственный Исторический музей, Москва, Россия*

[4] *Северокавказский филиал Государственного музея Востока, Майкоп, Россия*

**E-mail: verlikh@bk.ru*

***E-mail: sansanych@bk.ru*

****E-mail: e.i.gak@mail.ru*

*****E-mail: ggodizov@gmail.com*

Поступила в редакцию 17.05.2021 г.
После доработки 23.07.2021 г.
Принята к публикации 16.11.2021 г.

Статья посвящена результатам изучения археологического комплекса Шушук, открытого в 2015 г. у пос. Победа (Майкопский р-н Республики Адыгея) и являющегося теперь эталонным постдольменным памятником среднего и позднего бронзового века в предгорьях Северо-Западного Кавказа. Под термином “постдольменные памятники” авторы имеют в виду все разнообразие погребальных конструкций региона этого периода, включающее вторичное использование дольменов и их фрагментов, которое оставили *не строители дольменов*. Самой характерной постдольменной конструкцией являются ящики-рамы, в которых использованы плиты дольменов. На основании погребального инвентаря и полученных радиоуглеродных дат выделяются три периода существования памятника. Период Шушук-I (эпоха средней бронзы) подразделяется на две хронологические группы (IА и IБ). Данный период датируется 28–24 вв. до н.э., хотя по некоторым погребальным комплексам не исключается его продолжительность до конца III тыс. до н.э. Период Шушук-II (начало эпохи поздней бронзы) не выходит за рамки первой половины II тыс. до н.э. Период Шушук-III (развитый и финальный этапы поздней бронзы) ограничивается второй половиной II тыс. до н.э. С предложенной периодизацией археологического комплекса Шушук сопоставлен ряд постдольменных памятников, известных в предгорьях Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, эпоха средней бронзы, эпоха поздней бронзы, постдольменные памятники, периодизация.

DOI: 10.31857/S0869606322010056

Открытие и первые сезоны исследования археологического комплекса Шушук (далее – АКШ) в 2015 и 2016 г. в предгорьях Северо-Западного Кавказа у пос. Победа в Майкопском районе Адыгеи (рис. 1) позволили выделить новый вид погребальных конструкций, названных ящиками-рамами. В этих сооружениях использовались плиты разобранных дольменов, поэтому первоначально они были датированы финалом бронзового века (далее – ФБВ) (Эрлих, 2018). Последующие раскопки памятника показали, что “постдольменная” традиция возникает гораздо раньше, еще в эпоху средней бронзы (далее – СБВ). В результате анализа находок была предложена периодизация АКШ, включавшая три периода, один из которых относится к СБВ (период Шушук-I), а два других (периоды Шушук-II и Шушук-III) – к первой и второй половине позднего бронзового века (далее – ПБВ) (Эрлих, Годизов, 2020). Дальнейшее изучение материалов СБВ позволило разделить период Шушук-I на две хронологические группы, датирующиеся сейчас 28–27 и 26–24 вв. до н.э. (Эрлих, Гак, Клещенко, 2020). Эти горизонты АКШ предлагается обозначить как этапы Шушук-IА и Шушук-IБ.

Сейчас на АКШ исследовано более 30 разных по обряду постдольменных конструкций. Хронология большинства из них основана на датирующих находках и подкреплена радиоуглеродными датами. Два аналогичных постдольменных объ-

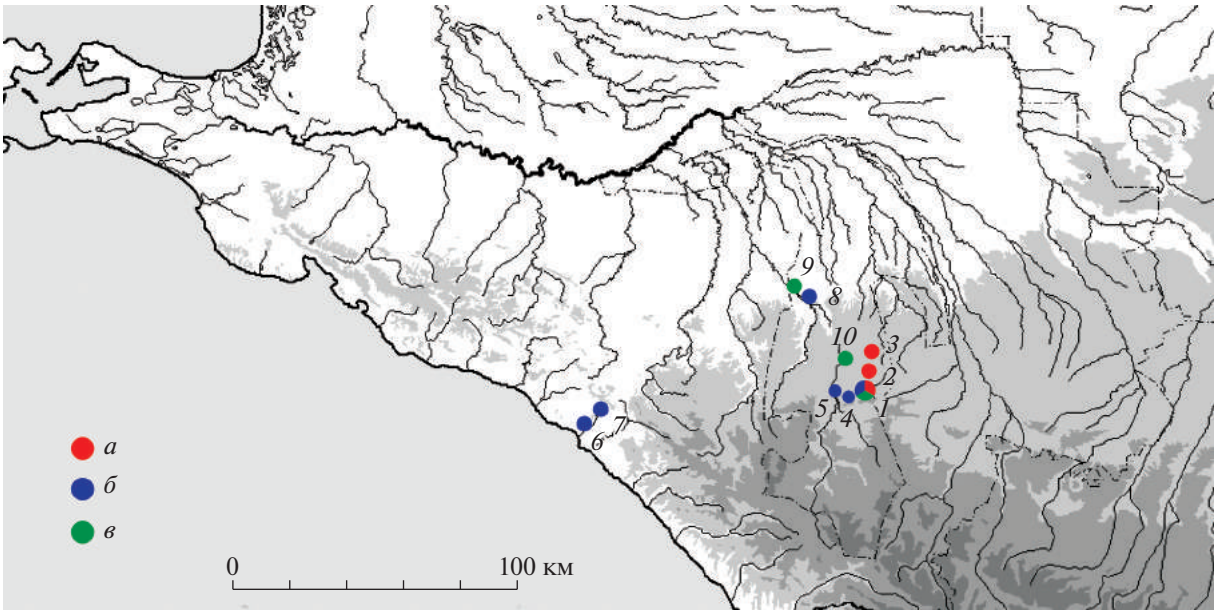


Рис. 1. Карта постдольменных памятников Северо-Западного Кавказа: *1* – археологический комплекс Шушук; *2* – археологический комплекс “Севастопольский”; *3* – погребение на Богатырской поляне; *4* – дольменный могильник Шушук; *5* – погребения на поселении Мешоко; *6* – могильник Гнокопсе; *7* – дольмен Колихо; *8* – погребение 1 на могильнике Гавердовский; *9* – поселение Деметра; *10* – Абадзехское поселение. Условные обозначения: *а* – период Шушук-I; *б* – период Шушук-II; *в* – период Шушук-III.

Fig. 1. Map of post-dolmen sites in the Northwest Caucasus

екта раскопаны в 2020 г. у ст. Севастопольской. Целью данной статьи является обобщение сведений о видах погребальных конструкций, обряде, инвентаре и хронологии постдольменных памятников СБВ – ПБВ на Северо-Западном Кавказе.

Для начала необходимо определиться с термином “постдольменные памятники”. Поскольку сооружение ящиков-рам началось не позже 28 в. и длилось по крайней мере до 12 в. до н.э., остается признать, что сам по себе термин “постдольменный горизонт” (Эрлих, 2018) оказался не вполне удачным. “Горизонт” в археологии – нечто менее продолжительное, чем период, охватывающий фактически две эпохи. При отсутствии надежных данных о непрерывности существования памятника пока нет веских оснований говорить и об особой “постдольменной” культуре. Сравнение мит-ДНК, которое было проведено между индивидуумами из коллективных погребений периода Шушук-I и из вторично использованных дольменов, исследованных А.Д. Резепкиным (Резепкин, 2013; 2018; 2019) и сопровождавшихся инвентарными наборами, идентичными наборам периода Шушук-II, не показали родства по материнской линии (Эрлих и др., 2020. С. 50–52; Шарко и др., 2017).

Таким образом, под термином “постдольменные памятники” мы понимаем теперь все разнообразие погребальных конструкций СБВ и ПБВ в предгорьях Северо-Западного Кавказа с начала вторичного использования дольменов и их фрагментов, т.е. памятники, которые оставили *не строители дольменов*. В могильнике АКШ доминирующей погребальной конструкцией являются ящики-рамы (рис. 2, *2*). Они характерны для всех периодов, каждый из которых имеет свои особенности. В ящиках-рамах периодов Шушук-I и Шушук-II встречаются вторично использованные плиты дольменов. В единственном обнаруженном погребении периода Шушук-III (объект Шушук 53) ящик-рама была сделана из крупных камней известняка. В двух случаях, датированных периодом Шушук-II, в ямах-промоинах зафиксированы комбинированные ящики-рамы, в конструкции которых вместе с фрагментами дольменных плит использовались деревянные плахи. Одно погребение совершено в полностью деревянной раме (объект Шушук 51, погр. 3; предположительно, период Шушук-IБ).

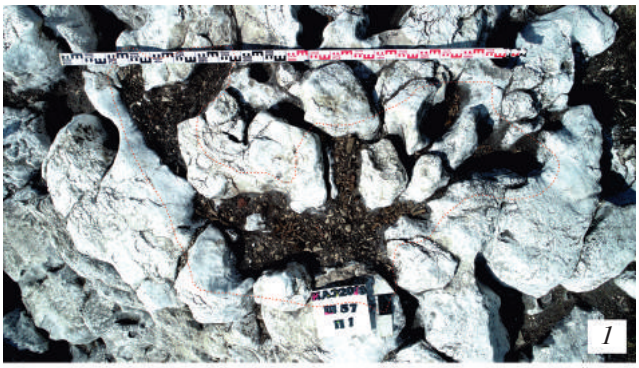
В АКШ встречены и другие виды погребальных конструкций: вторично использованные дольмены – объект Шушук 75, погребение 2 (этап Шушук-IА) (рис. 2, *1*) и, возможно, объект Шушук 50 (рис. 3, *2*) (периоды Шушук-II и Шушук-III); промоины в материковом гипсе – объект Шушук 57 (этап Шушук-IБ) (рис. 3, *1*); промоины в глинистом материке – объект Шушук 52 новый. Кроме этого, выявлены два ритуальных

1

2

Рис. 2. Археологический комплекс Шушук. Погребения периода Шушук-IА (фото): *1* – Шушук 75, погребение 2 во вторично (?) использованном дольмене, второй уровень расчистки, вид с В; *2* – Шушук новый 6, второй уровень расчистки, вид с ЮВ.

Fig. 2. The Shushuk archaeological complex. Burials of the Shushuk-IA period (photos)



1

2

Рис. 3. Археологический комплекс Шушук. Погребения периодов Шушук-IБ и Шушук II (фото): *1* – Шушук 57, погребение ребенка в гипсовой промоине, вид с Ю (период Шушук-IБ); *2* – Шушук 50, погребения четвертого уровня расчистки в каменной гробнице либо во вторично использованном дольмене, вид с ЮЗ (период Шушук-II).

Fig. 3. The Shushuk archaeological complex. Burials of the Shushuk-IБ and Shushuk-II periods (photos)

комплекса (Шушук 64 и Шушук 60), которые представляли собой керамические сосуды, установленные в промоины материкового гипса. Судя по форме и орнаменту сосудов, оба ритуальных комплекса относятся к периоду Шушук-I.

Период Шушук-I. К этому периоду можно отнести 17 объектов могильника АКШ. Они подразделяются на раннюю и позднюю хронологические группы (Эрлих, Гак, Клещенко, 2020).

В основе деления на хронологические группы Шушук-IА и Шушук- IБ лежат изменения, фиксируемые в наборах декоративных изделий из металла. Они прослеживаются на материалах стратифицированных курганных памятников Предкавказья, датированных по перекрестным параллелям и данным ^{14}С (Гак, 2016; 2019; Гак, Калмыков, 2013).

К этапу *Шушук-IА* (рис. 4) относятся 6 комплексов. Это погр. 1 и 2 объекта Шушук 75, погр. 1 и погр. 2 объекта Шушук новый 6[1], объект Шушук 67. Предположительно к этому же этапу относится ритуальный комплекс – объект Шушук 60.

Большинство объектов содержали коллективные погребения, которые были совершены в ящиках-рамах, составленных из плит разобранных дольменов и крупных камней под небольшой каменной наброской. Одну погребальную конструкцию (Шушук 75, погр. 2) (рис. 2, *1*) можно

[1] Согласно учетным документам Управления охраны наследия Адыгеи, номенклатурой “Шушук” обозначены выявленные мегалитические объекты и каменные курганы с двух сторон ручья Шушук. На левом берегу ручья находится 10 разрушенных дольменов, исследованных А.Д. Резепкиным. В публикациях мы этот памятник называем “Дольменный могильник Шушук”. Могильник и поселение на правом берегу ручья Шушук называются нами “Археологический комплекс Шушук”; в него входят объекты Шушук с 11 по 90, стоявшие ранее на учете. Кроме того, вновь выявлено в процессе уже наших работ еще 67 объектов, которые получили номенклатуру “Шушук новый”.

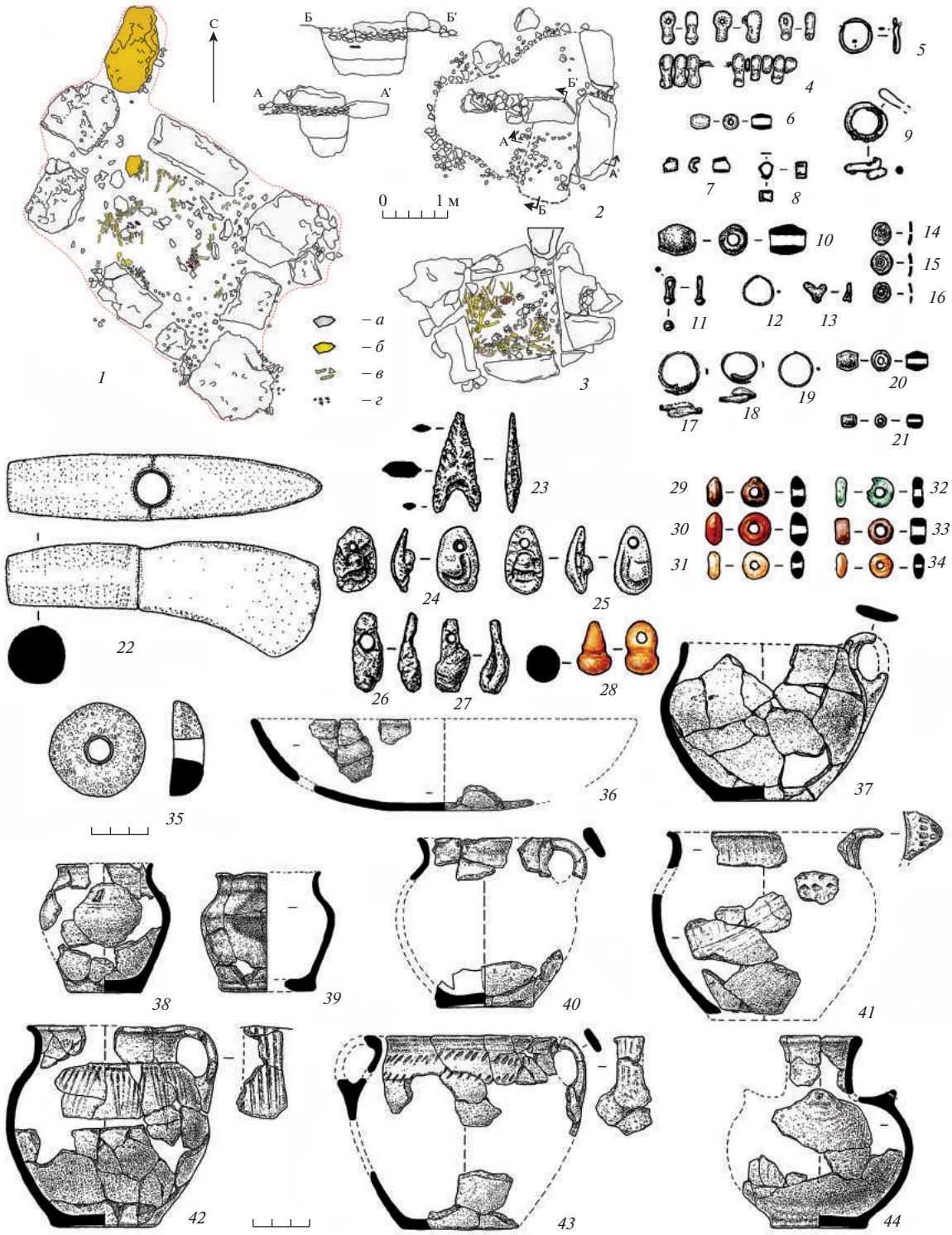


Рис. 4. Археологический комплекс Шушук. Период Шушук-IA: *1–3* – виды погребальных конструкций (*1* – Шушук новый 6, погребение 1; *2* – Шушук 75, погребение 1; *3* – Шушук 75, погр. 2) (условные обозначения здесь и на рис. 5–7: *а* – известняк; *б* – желтый песчаник; *в* – кости; *г* – керамика); *4–44* – погребальный инвентарь (*4–9* – Шушук новый 6 погребение 1; *10–16*, *29–34* – Шушук 75, погребение 1; *17–21*, *24–28*, *38–40*, *42–44* – Шушук 75, погребение 2; *22*, *35* – Шушук новый 6, скопление 1; *23*, *36* – Шушук 75, скопление 1; *37* – Шушук 60, развал керамики 1; *41* – Шушук 75, развал керамики 5): *4*, *6–8*, *10–13*, *20* – бронза; *5*, *12*, *19* – серебро; *9*, *17*, *18* – золото; *14–16* – раковина; *21* – фаянс; *22*, *35* – камень; *23* – кремень; *24*, *25*, *28–34* – кальцит; *26*, *27* – зубы животного; *36–44* – керамика.

Fig. 4. The Shushuk archaeological complex. Shushuk-IA period

признать дольменной (вторично использованной?). Отмечено также погребение в неглубокой ямке, обрамленной фрагментами известковых плит (Шушук 75, погр. 1) (рис. 4, *2*).

Развернутая характеристика находок из металла, керамики и других видов инвентаря СБВ в АКШ опубликована (Эрлих, Гак, Клещенко, 2020. С. 271–275; Гак, Попов, Эрлих, 2021). Здесь имеет смысл обозначить основы хронологии этапов Шушук-IА и Шушук-IБ.

Металл. Главными хронологическими маркерами исследованных объектов, как отмечалось, служат предметы из металла. Для этапа Шушук-IА, который соответствует начальному этапу СБВ, определяющими являются подвески каплевидной и клиновидной формы (рис. 4, *4, 11*). Это древнейшие примеры мелкой декоративной пластики Северного Кавказа, отливавшейся по восковым выплавляемым моделям (Гак, Калмыков, 2013. С. 141). К ним же следует отнести двулопастную подвеску редкого типа (рис. 4, *13)* (Гак, Попов, Эрлих, 2021. С. 385). Материал (золото, серебро), круглая в плане форма и небольшие размеры височных колец (рис. 4, *5, 9, 12, 17–19*) также характерны для начала СБВ (Ростунов, Хашегульгов, 1985; Гей, 2000; Гак, Калмыков, 2014. С. 54–56). Состав металла мелких подвесок и других литых украшений, определенный методом электронно-зондового анализа, содержал в меди лигатуру мышьяка в концентрациях до 34% (Гак, Попов, Эрлих, 2021. С. 386).

Керамические находки представлены рядом диагностирующих форм: высокогорлой амфоркой с четырьмя вертикально проколотыми ручками-выступами (рис. 4, *44*); двуручным сосудом (рис. 4, *43*) и несколькими кувшинами с орнаментом в виде прочерченных свисающих треугольников или округлых вдавлений (рис. 4, *40, 42*); горшками средних пропорций (рис. 4, *38, 39*). В комплексах этого периода встречены также фрагменты мисок и сосудов с раструбовидными и цилиндрическими венчиками. Указанные формы имеют прямые и косвенные аналогии в погребальных комплексах северокавказской (Эрлих, Гак, Клещенко, 2020. Рис. 7, *18, 19*) и новотиторовской (Эрлих, Гак, Клещенко, 2020. Рис. 7, *20, 23, 24*) культур, а также в дольменных памятниках Закубанья (Эрлих, Гак, Клещенко, 2020. Рис. 7, *21, 22, 25–33*). Отдельно следует отметить, что профилировка ручек прочерченными линиями, как на сосудах АКШ, характерна для керамики не только дольменных памятников, но и памятников батуринской позднекатакомбной культуры Прикубанья (Гей, 1995. Рис. 1–3). Для подкурганных погребений Северо-Западного Кавказа не характерны формы мисок и сосудов с высоким раструбовидным или цилиндрическим горлом, в то время как в дольменных памятниках Закубанья они составляют значительную долю керамических находок (Марковин, 1997. Рис. 17б, *6*; 58, *1*; 103, *7*; 108, *1, 2*; 111, *2, 3, 11, 23, 24* и далее). Примечательно и полное отсутствие на керамике могильника АКШ шнурового орнамента, весьма распространенного в степной зоне Предкавказья на сосудах первой половины III тыс. до н.э.

Из некерамического инвентаря к наиболее выразительным находкам этапа Шушук-IА относятся каменный сверленый топор подтипа I.1.3 (Клещенко, 2018) (рис. 4, *22*) и кремневый выемчатый наконечник стрелы (рис. 4, *23*). Они имеют довольно ранний облик в рамках III тыс. до н.э. и тем самым подтверждают датировку этапа Шушук-IА.

Украшения представлены дисковидными бусинами из стенок раковин, такие же встречены в объектах этапа Шушук-IБ. Наиболее массовыми являются подвески из зубов животных (рис. 4, *26, 27*) и подвески сходных форм из кальцита с оригинальным орнаментом (с одной стороны – выступ в виде бугорка, с другой – луновидная прорезь) (рис. 4, *24, 25*). Интересно, что подвески из зубов равно представлены как в первой, так и во второй хронологической группах Шушук-I, в то время как их кальцитовые аналоги маркируют именно этап Шушук-IА.

По объектам этапа Шушук-IА получено 5 радиоуглеродных дат, из которых три можно признать корректными. Они находятся в интервале 2854–2558 CalBC (таблица).

К этапу *Шушук-IБ* (рис. 5) отнесены 11 комплексов могильника. Большинство из них представляли собой ящики-рамы из вторично использованных плит дольменов и крупных камней под каменной наброской. В одном случае (Шушук 51, погр. 3) ящик-рама был сложен из деревянных плах. В нескольких случаях (Шушук 42, Шушук 74, Шушук 51) под одной наброской находились два ящика-рамы. Большинство погребений коллективные – до 16 погребенных (Шушук-42, погр. 1). Дважды встречены одиночные погребения: одно было совершено в деревянном ящике-раме (Шушук 51, погр. 3), другое, детское, – в промоине гипса (рис. 3, *1*).

Металл этапа Шушук-IБ представлен типами украшений второй половины раннего – первой половины позднего этапов СБВ (Гак, Попов, Эрлих, 2021. С. 387–389). Показателен объект Шушук 42, сочетающий крупные подвески (рис. 5, *5, 22, 23, 33*) и их мелкие модификации (рис. 5, *26–31*). Смешение традиций и новаций наблюдается в морфологии височных колец (рис. 5, *17–21*), согнутых из уплощенных и круглых проволочек с заведением концов (ранний признак) на оправках округлого и овального (поздний признак) профиля. Транзитный характер имеет орнаментация бус (рис. 5, *6, 32, 40*). В составе медных

Радиоуглеродные даты археологического комплекса Шушук
Radiocarbon dates of the Shushuk archaeological complex

Лабораторный индекс	Паспортные данные и материал образца	Дата BP (1σ)	CalBC (2σ)	Период по археологическим данным
$IGAN_{AMS}$ 6996	Шушук 75, погр. 2. Зуб животного	4400 ± 30	3098–2917	Шушук-IA
$IGAN_{AMS}$ 6997	Шушук 75, погр. 2. Кость человека	4195 ± 30	2814–2676	–"–
$IGAN_{AMS}$ 7000	Шушук 75, погр. 2. Уголь	4065 ± 25	2673–2558	–"–
$IGAN_{AMS}$ 7126	Шушук новый 6, погр. 1. Зуб животного	3615 ± 20	2030–1917	–"–
$IGAN_{AMS}$ 7127	Шушук новый 6, погр. 2. Зуб животного	4100 ± 20	2697–2577	–"–
$IGAN_{AMS}$ 6998	Шушук 49, погр. 1. Кость человека	4205 ± 30	2813–2679	Шушук-IБ
$IGAN_{AMS}$ 6999	Шушук 42, погр. 1. Кость у черепа	4300 ± 30	2943–2880	–"–
$IGAN_{AMS}$ 7128	Шушук 42, погр. 1. Зуб животного	3825 ± 20	2345–2200	–"–
$IGAN_{AMS}$ 7125	Шушук 51, погр. 2. Зуб животного	4045 ± 20	2540–2488	–"–
$IGAN_{AMS}$ 7666	Шушук 51, погр. 2. Кость человека	3895 ± 25	2466–2331	–"–
$IGAN_{AMS}$ 7665	Шушук новый 5, погр. 1. Кость человека	4035 ± 20	2587–2484	–"–
$IGAN_{AMS}$ 7667	Шушук 74, погр. 2. Череп человека	3620 ± 20	2032–1920	–"–
$IGAN_{AMS}$ 7662	Шушук 70, погр. 1. Кость человека	3280 ± 20	1613–1508	Шушук-II
$IGAN_{AMS}$ 7663	Шушук 70, погр. 2. Кость человека	3320 ± 20	1658–1530	–"–
$IGAN_{AMS}$ 7664	Шушук новый 48, погр. 1. Кость человека	3260 ± 20	1612–1497	–"–
$IGAN_{AMS}$ 7669	Шушук 50, погр. 1, слой горения. Уголь	3450 ± 20	1781–1691	–"–
$IGAN_{AMS}$ 7670	Шушук 50, погр. 1, нижний уровень. Кость человека	3280 ± 20	1613–1508	–"–
MAMS 33997	Шушук 53, погр. 1. Уголь	3007 ± 28	1380–1129	Шушук-III
MAMS 28352	Шушук поселение, яма, штык 6. Уголь	2980 ± 24	1273–1122	–"–
$IGAN_{AMS}$ 7124	Шушук поселение, яма, штык 1. Зуб лошади	2965 ± 20	1235–1117	–"–
$IGAN_{AMS}$ 7668	Шушук 50, погр. 1, верхний уровень. Кость человека	2855 ± 20	1092–971	–"–

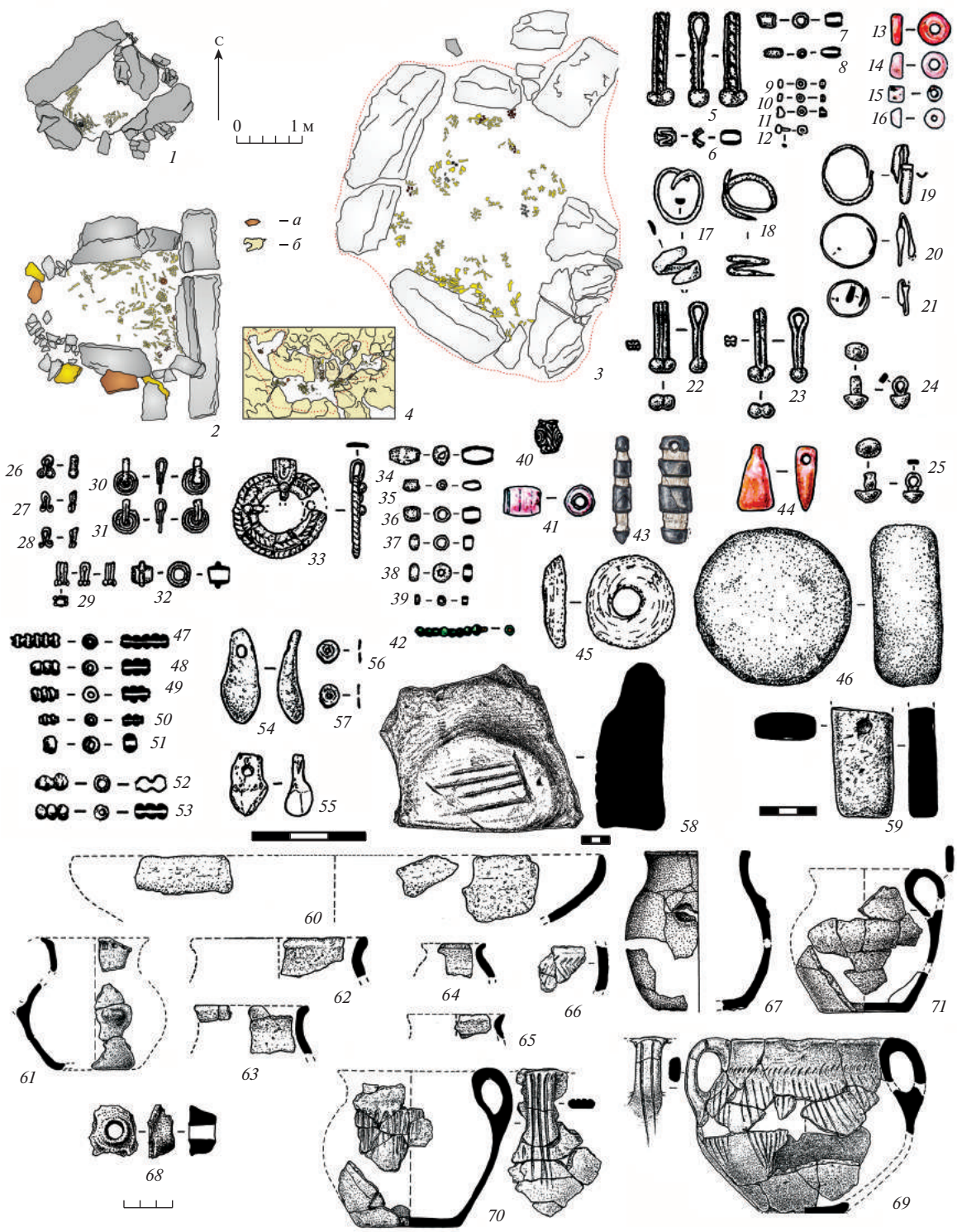


Рис. 5. Археологический комплекс Шушук. Период Шушук-IБ: *1–4* – виды погребальных конструкций (*1* – Шушук 51, погребение 2; *2* – Шушук 49, погребение 1; *3* – Шушук 42, погр 1; *4* – Шушук 57, погр. 1) (условные обозначения здесь и на рис. 6, 7: *а* – красный песчаник; *б* – гипс); *5–71* – погребальный инвентарь (*5–21*, *26–39*, *41*, *42*, *44*, *45*, *61–66*, *69*, *70* – Шушук 42, погребение 1; *22*, *23*, *54–57* – Шушук 57, погребение 1; *24*, *25*, *58* – Шушук 76, погребение 1; *40* – Шушук 74, погребение 1; *43* – Шушук новый 7, погребение 1; *46*, *52*, *53* – Шушук 49, погребение 1; *47–51*, *67*, *68* – Шушук 51, погребение 2; *59* – Шушук 74, погребение 2; *60* – Шушук 42, развал керамики 2; *71* – Шушук 76, развал керамики 3): *5–12*, *17*, *18*, *19*, *22–40* – бронза; *13–16*, *41*, *44* – кальцит; *20*, *21* – серебро; *42* – бронза на жгутике из растительных волокон; *43* – фаянс на кальците; *45*, *46*, *58*, *59* – камень; *47–53* – фаянс; *54*, *55* – зубы животного; *56*, *57* – раковина; *60–71* – керамика.

Fig. 5. The Shushuk archaeological complex. Shushuk-IБ period

сплавов вместе с мышьяком, лигатуры которого достигают 36%, отмечено эпизодическое присутствие свинца (до 17%).

Керамика этапа Шушук-IБ отчасти продолжает традиции этапа Шушук-IА: здесь встречены двуручный сосуд (рис. 5, *69*), целая серия одноручных сосудов-кувшинов (рис. 5, *70, 71*), а также фрагменты сосудов с высоким горлом (рис. 5, *62, 63*) и мисок. В целом орнаментация сосудов близка традициям ранней хронологической группы: прочерченные линии и треугольники, округлые и другие вдавления. Среди не характерных для предшествующего времени находок есть носик-слив (рис. 5, *68*). Фрагменты таких носиков известны в дольменных памятниках Закубанья (Эрлих, Гак, Клещенко, 2020. Рис. 7, *34–37*). Следует также отметить, что часть фрагментов керамики этапа Шушук-IБ имеет аналогии, которые указывают на более поздние традиции, относящиеся к третьей четверти III тыс. до н.э. В этом отношении интересны параллели в орнаментации каменного изделия из погр. 1 объекта Шушук-76 (рис. 5, *58*) и реповидного сосуда батуринской культуры в Прикубанье (Эрлих, Гак, Клещенко, 2020. Рис. 7, *38*).

Из неметаллических украшений, маркирующих этап Шушук-IБ, следует выделить сердоликовые либо кальцитовые (рис. 5, *13–16*, *41, 44*) и фаянсовые (рис. 5*, 47–53*) бусы и бисер. Причем, если единичная находка фаянса присутствует и в ранней группе (рис. 4, *21*), то наличие сердолика является особенностью именно поздних комплексов в рамках СБВ, что имеет подтверждения в материалах погребальных комплексов северокавказской культуры (Клещенко, 2011. С. 255. Рис. 43). Уникальна находка сложной подвески, состоящей из фаянсовых деталей на окаменелости (кальците) (рис. 5, *43*). Она не имеет аналогий в местных культурах СБВ. Почти все комплексы этапа Шушук-IБ содержали подвески из зубов животных (рис. 5, *54, 57*), при этом их подражания из кальцита не встречены ни разу.

По объектам этапа Шушук-IБ имеется 7 радиоуглеродных дат (таблица), находящихся в широком диапазоне – 2943–1920 CalBC.

Кроме АКШ, к памятникам периода Шушук-I в предгорьях Адыгеи можно отнести ящик-раму из плит песчаника на Богатырской поляне, где П.У. Аутлев обнаружил подвеску из “зуба мудрости оленя” (Аутлев, 1972. С. 50, 51, 53. Рис. 2, *20*; 4). В 2020 г. в 6 км от АКШ у ст. Севастопольской были открыты еще два подобных объекта – ящик-рама под каменной наброской и вторично использованный дольмен с каменным закладом. В обоих были встречены подвески из зубов оленя, что также позволяет связывать их с данным периодом (Эрлих, 2020; Эрлих, Годизов, 2021).

Период Шушук-II (рис. 6). К этому периоду мы относим 4 погребения (объект Шушук 48 новый, погр. 1; объект Шушук-70, погр. 1 и 2; объект Шушук-50, погр. 1). Погребальные конструкции различны: ямы в карстовых промоинах с элементами рам из дольменных плит и деревянных плах (Шушук 70), погребение на древнем горизонте под каменной насыпью, содержащей крупные камни-блоки (Шушук 48 новый), коллективное погребение в разрушенном дольмене либо каменном ящике со следами огненного ритуала (Шушук 50). Погребения одиночные (Шушук 70, погр. 1), парные (Шушук 70, погр. 2) либо коллективные – до 10 погребенных (Шушук 50, погр. 1, нижний уровень) (рис. 3, *2*). Ориентировки – юго-западная и северо-западная. В случаях, когда погребения совершены в ямах-промоинах, ориентировка зависит от направления промоин (Шушук 70, погр. 1 и 2).

В металлическом инвентаре преобладают украшения – височные кольца разной формы и сечения, в полтора оборота и с переложной петлей (рис. 6*, 3, 4, 10*), спиральные пронизи-накосники (рис. 6, *11, 12*), бусина (рис. 6, *13*). Из орудий труда встречены иглы (рис. 6*, 6*) и шило (рис. 6, *7*), из деталей одежды – застежка (рис. 6, *5*). Прослеживается корреляция между составом сплавов и функцией предметов. Для изготовления декоративных изделий в основном использовались медные сплавы с лигатурой олова до 12.5%. Два украшения (височное кольцо, бусина) и все орудия изготовлены из ковких низколегированных бронз, содержавших до 3.37% мышьяка (Эрлих, Гак, 2020. Табл. 1). Такая же взаимозависимость отмечена нами в материалах дольменного могильника Шушук, исследованного А.Д. Резепкиным. Морфология предметов данного могильника имеет признаки, характерные для периода Шушук-II, а химический состав металла демонстрирует то же соответствие категории предмета типу сплава (Резепкин, 2019; Эрлих, Гак, 2020. С. 48). В целом материалы, обнаруженные в этих вторично использованных дольменах, чрезвычайно близки материалам АКШ периода Шушук-II.

Керамический инвентарь периода Шушук-II представлен исключительно горшками, часто встречаются сосуды на кольцевых поддонах (рис. 6, *16, 24, 26, 27*). Горшки имеют баночную форму, в ряде случаев с раздутым туловом (рис. 6, *17*). Характерными признаками, кроме кольцевых поддонов, являются ручки-выступы в районе плечиков – горизонтальные (рис. 6, *27*) либо вертикальные (рис. 6, *23*). Иногда вместо ручек имеются небольшие налепы кольцевидной либо “сосцевидной” формы (рис. 6, *16, 18, 22*). Верхняя часть горшков орнаментирована прочерченным “елочным” орнаментом (рис. 6, *14, 18, 27*), волнообразными рядами из косых и вертикаль-

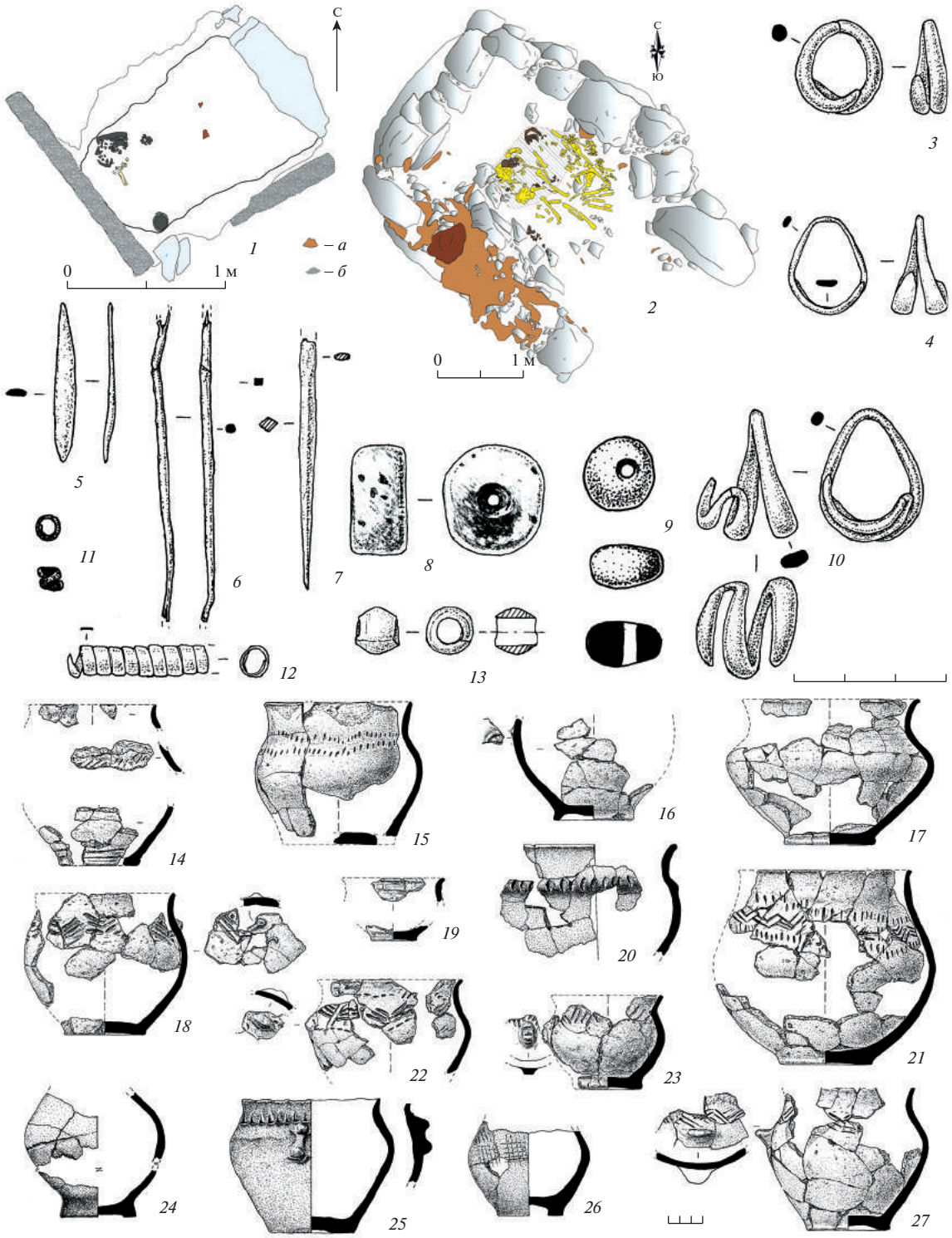


Рис. 6. Археологический комплекс Шушук. Период Шушук-II: *1*, *2* – виды погребальных конструкций (*1* – Шушук 70, погребение 1; *2* – Шушук 50, погребение 1) (условные обозначения: *а* – остатки дерева; *б* – древесный тлен); *3–27* – погребальный инвентарь (*3–8*, *10*, *12–19*, *21–23*, *27* – Шушук 50, погребение 1; *9*, *24–26* – Шушук новый 48, погребение 1; *11*, *20* – Шушук 70, погребение 1): *3–7*, *10–13* – бронза; *8*, *10* – камень, *14–27* – керамика.

Fig. 6. The Shushuk archaeological complex. Shushuk-II period

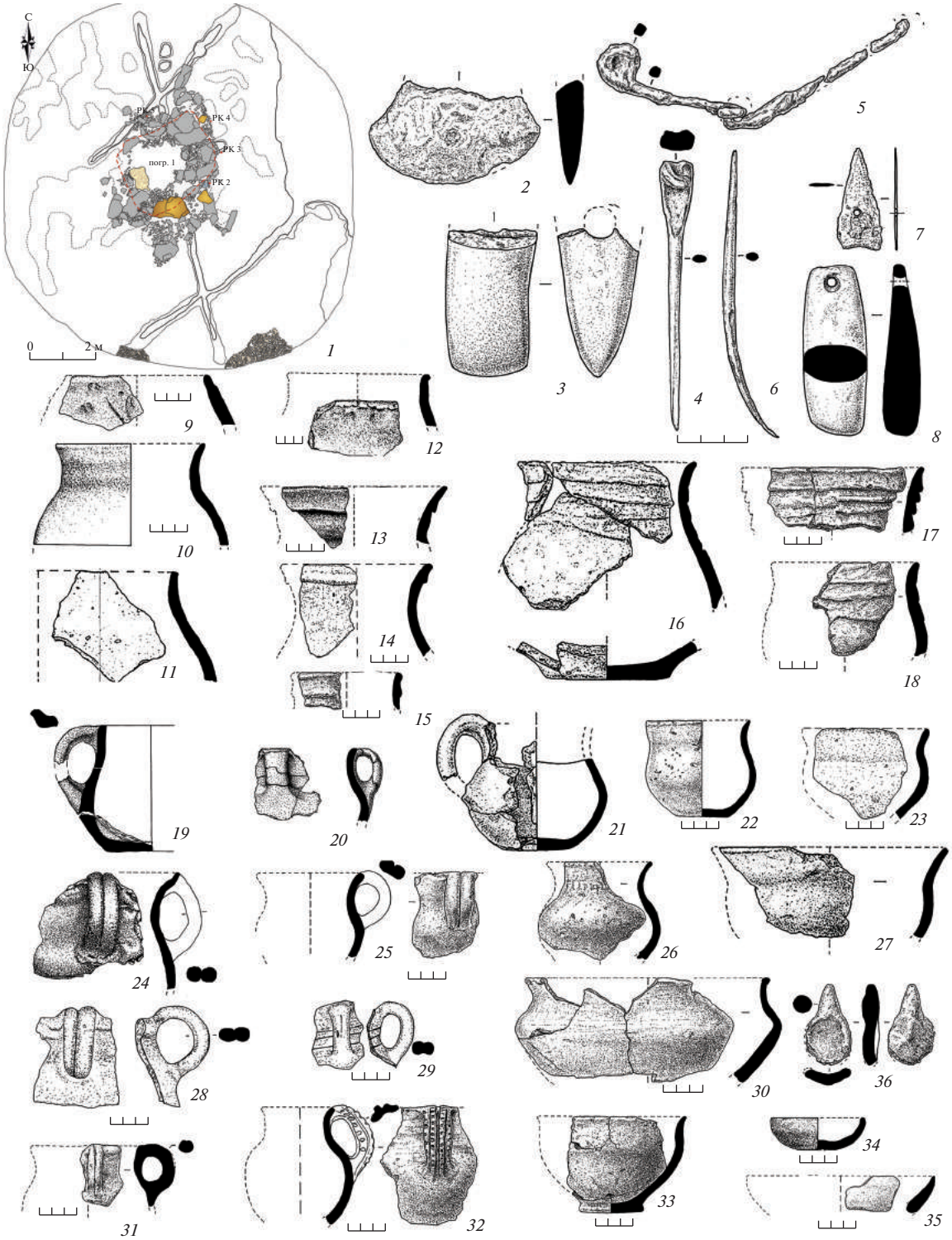


Рис. 7. Археологический комплекс Шушук. Период Шушук-III: *1* –план объекта Шушук 53 (РК – развалы керамики); *2–36* – материалы (*2–18, 21–36* – поселение Шушук; *19, 20* – Шушук 53, тризна): *2*, *6*, *7* – бронза; *3*, *8* – камень; *4* – кость; *5* – железо, *9–35* – керамика.

Fig. 7. The Shushuk archaeological complex. Shushuk-III period

ных ногтевых вдавлений (рис. 6, *15, 20*), сетчатым орнаментом (рис. 6, *26*), сочетанием нескольких орнаментальных мотивов (рис. 6, *21*). Иногда бороздками была украшена нижняя часть сосуда (рис. 6, *14*).

Керамика АКШ периода Шушук-II находит полное соответствие в упомянутом дольменном могильнике Шушук. Сосуды на кольцевых поддонах встречены в дольменах 1, 2, 3, 5, 7, 9 этого могильника (Резепкин, 2018. С. 78. Табл. IV). Сходные сосуды на полых кольцевых поддонах найдены и в других памятниках, относимых к дольменной культуре: в дольмене Колихо и могильнике Гнокопсе (погребение в каменном ящике), исследованных около поселка Агуй-Шапсуг в Туапсинском районе (Трифонов и др., 2012. С. 105. Рис. 1*, 3*). Характерные для периода Шушук-II боковые вертикальные либо горизонтальные ручки-выступы на плечиках или в месте максимального перегиба профиля обнаружены как в дольменном могильнике Шушук (дольмены 1, 3, 5, 9), так и в погребении 1 Гавердовского могильника, отнесенного нами к постдольменным памятникам (Эрлих, Гак, 2020, С. 78. Табл. IV; Эрлих, 2019, С. 240. Рис. 5, *1, 5*). В обоих могильниках имеются и полные аналогии орнаментальным композициям (Резепкин, 2019; Эрлих, 2019. С. 240, Рис. 5, *1, 2, 4*).

Неметаллические украшения периода Шушук-II представлены крупными каменными бусинами (Шушук новый 48, погр. 1; Шушук 50, погр. 1) (рис. 6, *8, 9*). Близкая аналогия происходит из дольмена 1 дольменного могильника Шушук (Резепкин, 2013. С. 120. Рис. 1, *I, 7*).

По объектам АКШ периода Шушук-II имеется 5 радиоуглеродных дат (табл. 1), которые укладываются в первую половину II тыс. до н.э. с наиболее вероятным диапазоном 18–16 вв. до н.э.

К периоду Шушук-II на Северо-Западном Кавказе следует также относить дольменный могильник Шушук, погребение 1 Гавердовского могильника и ряд погребений, совершенных в дольмене Колихо и каменном ящике могильника Гнокопсе, где имеются горшки на кольцевых поддонах со сходной орнаментацией, а также радиоуглеродные даты с общим диапазоном 1850–830 CalBC (Трифонов и др., 2012, табл. 1). Кроме этого, в верхнем слое поселения Мешоко в 1958 г. были обнаружены три погребения (двое взрослых и ребенок), предварительно датированных ПБВ. Два вытянутых погребения взрослых имели юго-западную ориентировку и сопровождались металлическим инвентарем, сходным с инвентарем периода Шушук-II: погр. 1 – спиральная пронизь-накосник, погр. 3 – височное кольцо и бронзовое шило (Столяр, Формозов, 2009. С. 13, 14, 28. Рис. 7; 8, *1–3*).

Период Шушук-III. В могильнике этот период пока представлен объектом Шушук 53 погр. 1 (рис. 7, *1*), для которого получена дата 1380–1129 CalBC (табл. 1). Объект представлял собой каменный ящик, сложенный из крупных камней и необработанных плит известняка, желтого песчаника и гипса. Погребение ограблено, сохранились отдельные кости и зубы человека. За пределами ящика выявлены скопления керамики – тризны. Характерная форма посуды в тризнах – кувшины-кружки с ленточной ручкой (рис. 7, *19, 20*). К ФБВ следует отнести и верхний слой погребений (черепа 1–7), лежавшие поверх слоя горения в гробнице объекта Шушук 50 вместе с невыразительными фрагментами стенок сосудов и кремневым отщепом.

К этому же периоду относится и слой поселения Шушук. Вскрытый раскопками участок занимал пологий склон холма, гипсового в своей основе. По склону с уничтоженной карьером площадки поселения сносились потоками дождевой воды культурные остатки, которые застревали в образовывавшихся промоинах гипса. На склоне имелась карстовая воронка диаметром в верхней части 8 м, которая использовалась жителями древнего поселения для свалки мусорных отбросов. В ней и рядом обнаружено значительное скопление культурных остатков из костей животных, керамики, индивидуальных находок. В центральной части промоины они фиксировались на глубине до 1.8 м. Для данной ямы с ее верха и низа в разных лабораториях были получены две близкие радиоуглеродные даты с общим диапазоном 1273–1117 CalBC (табл. 1). По-видимому, накопление мусора в яме происходило сравнительно недолго, и она может рассматриваться как условно закрытый комплекс. Многочисленные фрагменты костей животных позволяют судить о составе стада и охотничьих предпочтениях жителей поселка. Главенствующее положение в хозяйстве занимал крупный рогатый скот, заметную роль играла лошадь (Эрлих, Спасовский, Годизов, 2019).

Среди индивидуальных находок – каменные сверленые оселки (рис. 7, *8*), костяные проколки и булавки (рис. 7, *4)*, фрагменты бронзового и каменного топоров (рис. 7, *2, 3*), бронзовые шило (рис. 7, *6*) и наконечник стрелы с отверстием (рис. 7, *7*). Аналогии наконечнику известны в могильнике Самтавро и ряде других памятников Закавказья (Каландадзе, 1980. Рис. 56, 312, 450, 536, 584, 611, 640, 668 и др.; Picchelauri, 1997. Taf. 99, *2115–2290*, *2292–2340*; Taf. 100, *2356–2377*). Его тип относится к III и IV периодам ПБВ Восточной Грузии (конец 13 – начало 9 в. до н.э.). К.Н. Питцхелаури отмечает, что в могильнике Самтавро наконечники стрел этого типа сменяются втульчатыми скифскими (Picchelauri, 1997. P. 10, 30). Таким образом, находка наконечника

дает независимое подтверждение хронологической позиции поселения Шушук. Анализ металла бронзовых предметов показал их принадлежность к однотипной низколегированной бронзе с приплавом мышьяка (0.7–1.5%) (Гак, Попов, Эрлих, 2021. С. 393–394).

Уникальна для ФБВ Кавказа находка в слое поселения рядом с ямой-промоиной железных петельчатых удил (рис. 7, *5*), широкое использование которых в регионе начинается не ранее третьей четверти VII в. до н.э. (Эрлих, 2007. С. 122; 2015. С. 45, 46). Можно было бы допустить их случайное попадание в слой поселения, однако другие поздние включения в нем отсутствуют.

Керамика поселения содержит около 3000 профильных фрагментов и требует отдельного подробного анализа. Большая часть керамического комплекса представляла закрытые формы – горшки с разным способом оформления венчиков (рис. 7, *9–12*). Имеются также открытые формы разных типов и размеров. Столовая посуда включает кубки (рис. 7, *22, 23, 26*), кувшины-кружки (рис. 7, *21, 24, 25, 28, 29, 31, 32*), черпаки (рис. 7, *27*). Встречена керамическая ложка или льячка (рис. 7, *36*). Фрагменты с орнаментом составляют менее 10% (Эрлих, 2019. С. 369–390). Ряд форм находят параллели в материалах Шушук-I и Шушук-II, при этом очевидны инновации – горшки с венчиком-воротничком и горлом, сформованным из жгутов глины (рис. 7, *16–18*). Такая же техника зафиксирована в керамике синхронного поселению Шушук слоя жилища 14 поселения Кабардинка-2 (вторая фаза, 1231–1128 CalBC) в горной части Карачаево-Черкесии (Reinhold, Korobov, Belinskij, 2017. Taf. 23, *1–4*; Райнхольд, Белинский, Атабиев, 2020. С. 438, 439. Рис. 16, *11, 17–19*). В Центральном Предкавказье фрагменты аналогичных сосудов обнаружены в насыпи кургана № 426 у с. Кенделен в Кабардино-Балкарии (раскопки А.А. Клещенко, 2014 г.). На Северо-Западном Кавказе венчик сосуда с таким горлом найден в шурфе на Абадзехском поселении (Аутлев, 1972. С. 59. Рис. 8, *8*). Фрагменты подобной керамики встречены на поселении Деметра (раскопки В.Р. Эрлиха, 2012 г.).

Другой яркой инновацией являются кувшины-кружки с “двуствольными” либо желобчатыми ручками, иногда покрытыми насечками (рис. 7, *24, 25, 28, 29, 31, 32*). Аналогии им к северу от Кавказского хребта нам не известны, но их можно найти на западе Закавказья в протоколхидских слоях поселений Пичори, Табакони и Наохваму (Apakidze, 2009. Taf. 13, *11, 12*; 14, *1, 2*; 15, *7, 8*; 57, *1, 2, 4, 5*; Апакидзе и др., 2020. С. 464. Рис. 11). Эти параллели свидетельствуют о сложном и нелинейном характере развития постдольменного керамического комплекса в ФБВ.

Таким образом, проведенные к настоящему времени исследования АКШ позволяют заключить, что переход к “постдольменному” обряду начался в предгорьях Северо-Западного Кавказа в СБВ на рубеже первой–второй четверти III тыс. до н.э. В это время прекращается строительство дольменов, и они начинают разбираться для сооружения новых погребальных конструкций – ящиков-рам, либо используются для вторичных погребений. Возможно, использование частей разобранных дольменов было вызвано притоком нового равнинного населения, под влиянием традиции погребений в деревянных рамах северокавказской культуры. Население АКШ использовало украшения характерных для этой культуры типов, изготовленные из местного сырья. Погребения АКШ периода Шушук-I не уникальны в предгорьях Северо-Западного Кавказа (рис. 1), а сходство их керамических комплексов с керамикой СБВ Дегуакско-Даховского поселения и поселения Старчики, традиционно относившихся к дольменной культуре (культуре строителей дольменов, по М.Б. Рысину), заставляет снова ставить вопросы о культурной принадлежности этих памятников и хронологических рамках “дольменостроительства”.

Определенная преемственность по материалам АКШ прослеживается в погребальных конструкциях и некоторых формах керамики между комплексами СБВ и ПБВ. Возможным объяснением этому является то, что могильник использовался одним и тем же населением более тысячелетия. Однако отсутствие переходных комплексов и имеющиеся “белые пятна” в хронологии памятника пока не позволяет уверенно говорить о непрерывности совершения погребений в АКШ. Дальнейшее изучение этого памятника позволит приблизиться к пониманию культурно-исторических процессов, происходивших в предгорьях Северо-Западного Кавказа в III–II тыс. до н.э.

Благодарим Э.П. Зазовскую (ИГАН) и Сабину Райнхольд (DAI) за содействие в получении радиоуглеродных дат.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 19-09-00100а “Финал эпохи бронзы в предгорьях Северо-Западного Кавказа. Постдольменный горизонт”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апакидзе Д., Хансен С., Мёртц Т., Чабашвили Л. Предварительные данные об археологических раскопках искусственного жилого холма колхидской культуры Табакони в Западной Грузии // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога: Междунар. науч. археолог. конф. по архео-

логии Кавказа и Гумбольдт-лекторий / Ред. М. Кашуба и др. Berlin: Reimer, 2020 (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 19). С. 457–475.

Аутлев П.У. Новые памятники бронзового века Прикубанья // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. III. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1972. С. 47–59.

Гак Е.И. Этапы трансформаций в металлопроизводстве среднего бронзового века на территории степного Предкавказья и юго-востока Русской равнины // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите – бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.): материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко / Ред. В.А. Алёкшин и др. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 74–79.

Гак Е.И. Две фазы развития в металлопроизводстве раннего этапа средней бронзы Предкавказья и юго-востока Русской равнины // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II / Отв. ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 146–148.

Гак Е.И., Калмыков А.А. Металлический инвентарь курганных погребений позднеямного – раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI / Отв. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 117–158.

Гак Е.И., Калмыков А.А. Металл изделий позднеямного – раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // Древние культуры юго-восточной Европы и западной Азии: сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–57.

Гак Е.И., Попов Ю.В., Эрлих В.Р. Металл археологического комплекса Шушук (Северо-Западный Кавказ) в свете хронологических и микроскопических исследований // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 262. С. 383–400.

Гей А.Н. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир; М.: Армавирский краевед. музей, 1995. С. 4–14.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.

Каландадзе А.Н. Самтавро. Археологические памятники доантичной эпохи. Тбилиси: Мецниереба, 1980 (Мцхета: Результаты археологических исследований; т. IV). 190 с.

Клещенко А.А. Северокавказская культура Закубанья: дис. ... канд. ист. наук [Рукопись]. М., 2011. 262 с. // Архив ИА РАН. Р-2. № 2801.

Клещенко А.А. Каменные втульчатые топоры эпохи средней бронзы Предкавказья: классификация и хронология // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века / Отв. ред. М.В. Андреева. М.: ИА РАН, 2018. С. 154–252.

Марковин В.И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.: ИА РАН, 1997. 403 с.

Райнхольд С., Белинский А.Б., Атабиев Б.Х. Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога: Междунар. науч. археолог. конф. по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий / Ред. М. Кашуба и др. Berlin: Reimer, 2020 (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 19). С. 405–455.

Резепкин А.Д. Комплекс украшений из дольмена Шушук в Адыгее // Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: материалы / Отв. ред. М.Т. Кашуба, А.Ю. Скаков. Сухум: Дом печати, 2013. С. 119–121.

Резепкин А.Д. Спектральный анализ бронзовых украшений и вопросы хронологии дольменного могильника Шушук // Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения ученого-кавказоведа Ю.Н. Воронова. Археологические открытия на Кавказе и сопредельных территориях: хронология и интерпретация памятников. Сухум: Дом печати, 2018. С. 76–82.

Резепкин А.Д. Дольмены могильника Шушук. Спектральный анализ металла, хронология // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. С. 125–141.

Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М. К хронологии височных подвесок в 1,5–2,5 оборота эпохи ранней бронзы Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа / Отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1985. С. 41–55.

Столяр А.Д., Формозов А.А. Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа. 1958–1965 гг. / Ред. А.Д. Столяр и др. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2009. 250 с.

Трифонов В.А., Зайцева Г.И., Плихт Х., Бурова Н.Д., Семенцов А.А., Ришко С.А. Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда “дольменной” культуры на Северо-Западном Кавказе // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы междунар. науч. конф. Кн. 2 / Ред. В.А. Алёкшин и др. СПб.: ИИМК РАН: Периферия, 2012. С. 100–107.

Шарко Ф.С., Булыгина Е.С. Цыганкова С.В., Резепкин А.Д., Недолужко А.В. Анализ митохондриальной ДНК, выделенной из человеческих останков дольменного памятника Шушук [Электронный ресурс] // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2017. С. 1156–1157 (CD-ROM).

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.

Эрлих В.Р. Конское снаряжение и предметы вооружения // Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе / Ред. А.И. Иванчик, А.М. Лесков. М.; Берлин; Бордо: Палеограф, 2015 (Степные народы Евразии; 6) (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum; 2). С. 44–57.

Эрлих В.Р. Бытовая и погребальная керамика постдольменного горизонта финала эпохи бронзы Западного Кавказа (предварительный анализ по материалам археологического комплекса Шушук) // IX "Анфимовские чтения" по археологии Западного Кавказа. Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа. К 110-летию со дня рождения Н.В. Анфимова: материалы междунар. археолог. конф. Краснодар: Смородин Е.В., 2019. С. 369–390.

Эрлих В.Р. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 250. С. 7–24.

Эрлих В.Р. Финал поздней бронзы в предгорьях Адыгеи // SCYTHIA et SARMATIA / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 230–247.

Эрлих В.Р. Отчет о работах Кавказской археологической экспедиции в 2020 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-I. Б/н.

Эрлих В.Р., Годизов Г.Л. Постдольменный археологический комплекс Шушук. Периодизация и хронология // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции (Махачкала, 20–25 апреля 2020 г.) / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 161–165.

Эрлих В.Р., Годизов Г.Л. Открытие и начало исследования постдольменного могильника у станицы Севастопольской // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2 (104). С. 130–143.

Эрлих В.Р., Спасовский Ю.Н., Годизов Г.Л. Состав стада и мясная диета постдольменного общества предгорий Северо-Западного Кавказа (по данным поселения Шушук) // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15, № 1. С. 47–56.

Эрлих В.Р., Гак Е.И. Древнейшие оловянные бронзы на Северо-Западном Кавказе. Новые данные // Восток (Oriens). 2020. № 5. С. 36–53.

Эрлих В.Р., Гак Е.И., Клещенко А.А. Погребения эпохи средней бронзы археологического комплекса Шушук // Археологические вести. Вып. 27. СПб., 2020. С. 253–278.

Эрлих В.Р., Гак Е.И., Клещенко А.А., Шарко Ф.С., Булыгина Е.С., Слободова Н.В., Недолужко А.В., Годизов Г.Л. Коллективные погребения эпохи средней бронзы археологического комплекса Шушук (Адыгея): материальная культура, абсолютная хронология, палеогенетическое исследование // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Магарин О.Г., 2020. С. 44–56.

Apakidze J. Die Spätbronze- und Früheisenzeit in West- und Zentralkaukasien. Chronologische Studien zur Kolchis-Kultur, 1600–700 v. Chr. Rahden: Leidorf, 2009 (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa; Bd. 24). 2 vols. (459 p. + 290 p. pl.: il.)

Picchelauri K.N. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien. Espelkamp: Leidorf, 1997 (Archäologie in Eurasien; Bd. 4). 87 p., 116 p. pl.: il.

Reinhold S., Korobov D.S., Belinskij A.B. Landschaftsarchäologie im Nordkaukasus: Studien zu einer neu entdeckten bronzezeitlichen Kulturlandschaft im Hochgebirge des Nordkaukasus. Bonn: Habelt, 2017 (Archäologie in Eurasien; Bd. 38). 453 p.: il., diagrams.

THE SHUSHUK ARCHAEOLOGICAL COMPLEX – A REFERENCE POST-DOLMEN SITE IN THE PIEDMONT NORTHWEST CAUCASUS OF THE MIDDLE–LATE BRONZE AGES

Vladimir R. Erlikh[a,#], Aleksandr A. Kleshchenko[b,##], Evgeny I. Gak[c,###], Georgy L. Godizov[d,####]

[a] *The State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia*

[b] *Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[c] *The State Historical Museum, Moscow, Russia*

[d] *North Caucasian Branch of the State Museum of Oriental Art, Maykop, Russia*

[#] *E-mail: verlikh@bk.ru*

[##] *E-mail: sansanych@bk.ru*

[###] *E-mail: e.i.gak@mail.ru*

[####] *E-mail: ggodizov@gmail.com*

The article is focused on the results of studying the archaeological complex of Shushuk, which after its uncovering near the village of Pobeda (Maykop district of the Republic of Adygea) in 2015 has become a reference post-dolmen site of the Middle and Late Bronze Ages in the foothills of the Northwest Caucasus. The authors use the term "post-dolmen sites" to mean the entire variety of burial structures in the region of the specified period including the reuse of dolmens and their fragments, which were left *not by the builders of dolmens*. The most characteristic post-dolmen structure is cyst-frames, in which dolmen slabs are used. Based

on the grave goods and the obtained radiocarbon dates, three periods of the site's existence are distinguished. The Shushuk-I period (the Middle Bronze Age) is subdivided into two chronological groups (IA and IB). This period dates back to the 28th–24th centuries BC, although some burial complexes do not exclude its functioning until the end of the 3rd millennium BC. The Shushuk-II period (the beginning of the Late Bronze Age) does not extend beyond the first half of the 2nd millennium BC. The Shushuk-III period (the developed and final stages of the Late Bronze Age) is confined to the second half of the 2nd millennium BC. The paper correlates a number of post-dolmen sites known in the foothills of the Northwest Caucasus with the proposed periodization of the Shushuk archaeological complex.

Keywords: Northwest Caucasus, Middle Bronze Age, Late Bronze Age, post-dolmen sites, periodization.

REFERENCES

Apakidze D., Khansen S., Mertts T, Chabashvili L., 2020. Preliminary data on archaeological excavations of the Tabakoni artificial settlement mound of the Colchian culture in Western Georgia. Kavkaz mezhdu Vostochnoy Evropoy i Perednim Vostokom v bronzovom i zheleznom veke: dialog kul'tur, kul'tura dialoga: Mezhdunarodnaya nauchnaya arkheologicheskaya konferentsiya po arkheologii Kavkaza i Gumbol'dt-lektoriy [Caucasus between Eastern Europe and the Near East in the Bronze and Iron Ages, dialogue of cultures, culture of dialogue: International scientific archaeological conference on the archaeology of the Caucasus and Humboldt lectures]. M. Kashuba, ed. Berlin: Reimer, pp. 457–475. (Archäologie in Iran und Turan, 19). (In Russ.)

Apakidze J., 2009. Die Spätbronze- und Früheisenzeit in West- und Zentralkaukasien. Chronologische Studien zur Kolchis-Kultur, 1600–700 v. Chr. Rahden: Leidorf. 2 vols. (459 p. + 290 p. pl.: ill.). (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, 24).

Autlev P.U., 1972. New Bronze Age sites of the Kuban River region. Sbornik materialov po arkheologii Adygei [Collected materials on the archaeology of Adygea], III. Maykop: Adygeyskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 47–59. (In Russ.)

Erlikh V.R. Otchet o rabotakh Kavkazskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2020 g. [Report on the activities of the Caucasian archaeological expedition in 2020]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS], F. R-I.

Erlikh V.R., 2007. Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznogo veka. Protomeotskaya gruppa pamyatnikov [The Northwest Caucasus at the beginning of the Iron Age. Protomaeotic group of sites]. Moscow: Nauka. 430 p.

Erlikh V.R., 2015. Horse gear and weaponry. Ul'skie kurgany. Kul'tovo-pogrebal'nyy kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze [The Ulyap burial mounds. A cult and burial complex of the Scythian period in the North Caucasus]. A.I. Ivanchik, A.M. Leskov, eds. Moscow; Berlin; Bordo: Paleograf, pp. 44–57. (Stepnye narody Evrazii, 6) (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum, 2). (In Russ.)

Erlikh V.R., 2018. Post-dolmen horizon in the Northwest Caucasus. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 250, pp. 7–24. (In Russ.)

Erlikh V.R., 2019. Household and burial pottery of the post-dolmen horizon of the Bronze Age final in the West Caucasus (preliminary analysis based on materials from the Shushuk archaeological complex). IX "Anfimovskie chteniya" po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Problemy issledovaniya drevnikh i srednevekovykh poseleniy i mogil'nikov Zapadnogo Kavkaza. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya N.V. Anfimova: materialy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii [IX Anfimov readings on the archaeology of the West Caucasus. Problems of studying ancient and medieval settlements and burial grounds of the West Caucasus. To the 110th anniversary of N.V. Anfimov: Proceedings of the International archaeological conference]. Krasnodar: Smorodin E.V., pp. 369–390. (In Russ.)

Erlikh V.R., 2019. Final of the Late Bronze Age in the piedmont Adygea. SCYTHIA et SARMATIA. A.A. Malyshev, ed. Moscow: MAKS Press, pp. 230–247. (In Russ.)

Erlikh V.R., Gak E.I., 2020. The earliest tin bronzes in the Northwest Caucasus. New data. Vostok (Oriens) [Oriens], 5, pp. 36–53. (In Russ.)

Erlikh V.R., Gak E.I., Kleshchenko A.A., 2020. Burials of the Middle Bronze Age at the archaeological complex of Shushuk. Arkheologicheskie vesti [Archaeological news], 27. St. Petersburg, pp. 253–278. (In Russ.)

Erlikh V.R., Gak E.I., Kleshchenko A.A., Sharko F.S., Bulygina E.S., Slobodova N.V., Nedoluzhko A.V., Godizov G.L., 2020. Collective burials of the Middle Bronze Age at the archaeological complex of Shushuk (Adygea): material culture, absolute chronology, and palaeogenetic research. Voprosy arkheologii Adygei [Issues of the Adygea archaeology]. Maykop: Magarin O.G., pp. 44–56. (In Russ.)

Erlikh V.R., Godizov G.L., 2020. The postdolmen archaeological complex of Shushuk. Periodization and chronology. Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu Krupnovskikh chteniy i 50-letiyu Derbentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [The archaeological heritage of the Caucasus: current problems of study and preservation. XXXI Krupnov readings: Proceedings of the International scientific conference to the 50th anniversary of the Krupnov readings and the 50th anniversary of the Derbent archaeological expedition]. M.S. Gadzhiev, ed. Makhachkala: Mavraev, pp. 161–165. (In Russ.)

Erlikh V.R., Godizov G.L., 2021. The discovery and early studies of the postdolmen burial site near Sevastopolskaya. Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences], 2 (104), pp. 130–143. (In Russ.)

Erlikh V.R., Spasovskiy Yu.N., Godizov G.L., 2019. Herd composition and meat diet of postdolmen society in the piedmont Northwest Caucasus (based on the data of the Shushuk settlement). Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza [History, archaeology and ethnography of the Caucasus], vol. 15, no. 1, pp. 47–56. (In Russ.)

Gak E.I., 2016. Stages of transformations in metal production in the steppe Ciscaucasia and the southeast of the Russian Plain during the Middle Bronze Age. Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoy Evropy v eneolite – bronzovom veke (V–II tys. do n.e.): materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 80-letiyu so dnya rozhdeniya S.N. Bratchenko [External and internal relations of the steppe (pastoralist) cultures of Eastern Europe in the Eneolithic – Bronze Age (5th–2nd millennia BC): Proceedings of the Round table to the 80th anniversary of S.N. Bratchenko]. V.A. Alekshin, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 74–79. (In Russ.)

Gak E.I., 2019. Two phases of the development in metal production of the Ciscaucasia and the southeast of the Russian Plain in the early Middle Bronze Age. Drevnosti Vostochnoy Evropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii) [Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and South Siberia in the context of connections and interactions in the Eurasian cultural space (new data and ideas)], II. A.V. Polyakov, E.S. Tkach, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 146–148. (In Russ.)

Gak E.I., Kalmykov A.A., 2013. Metal goods from mound burials of the late Pit Grave – early Catacomb period in the Yegorlyk-Kalaus interfluve. Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus], XI. A.B. Belinskiy, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 117–158. (In Russ.)

Gak E.I., Kalmykov A.A., 2014. Metal of items from the late Pit Grave – early Catacomb period of the Yegorlyk-Kalaus interfluve. Drevnie kul'tury yugo-vostochnoy Evropy i zapadnoy Azii: sbornik k 90-letiyu so dnya rozhdeniya i pamyati N.Ya. Merperta [Ancient cultures of Southeast Europe and West Asia: Collected papers for the 90th anniversary and in memory of N.Ya. Merpert]. R.M. Munchaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 45–57. (In Russ.)

Gak E.I., Popov Yu.V., Erlikh V.R., 2021. Metal from the Shushuk archaeological site (Northwest Caucasus) in the light of chronological and microscopic studies. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 262, pp. 383–400. (In Russ.)

Gey A.N., 1995. The Baturynskaya Catacomb culture and the Middle Bronze Age finale in the steppe Kuban region. Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh [Historical and archaeological almanac], 1. Armavir; Moscow: Armavirskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 4–14. (In Russ.)

Gey A.N., 2000. Novotitorovskaya kul'tura [The Novotitorovskaya culture]. Moscow: Staryy sad. 224 p.

Kalandadze A.N., 1980. Samtavro. Arkheologicheskie pamyatniki doantichnoy epokhi [Samtavro. Archaeological sites of the pre-classical period]. Tbilisi: Metsniereba. 190 p. (Mtskheta: Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy, IV).

Kleshchenko A.A., 2011. Severokavkazskaya kul'tura Zakuban'ya: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The North Caucasian culture of the Trans-Kuban region: a Doctoral Thesis in History]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS], R-2, № 2801.

Kleshchenko A.A., 2018. Stone shaft-hole axes of the Middle Bronze Age from the Ciscaucasia: classification and chronology. Arkheologicheskie pamyatniki i mezhkul'turnye fenomeny eneolita i bronzovogo veka [Archaeological sites and intercultural phenomena of the Eneolithic and the Bronze Age]. M.V. Andreeva, ed. Moscow: IA RAN, pp. 154–252. (In Russ.)

Markovin V.I., 1997. Dol'mennye pamyatniki Prikuban'ya i Prichernomor'ya [Dolmen sites of the Kuban River region and the Pontic]. Moscow: IA RAN. 403 p.

Picchelauri K.N., 1997. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien. Espelkamp: Leidorf. 87 p., 116 p. pl.: ill. (Archäologie in Eurasien, 4).

Raynkhol'd S., Belinskiy A.B., Atabiev B.Kh., 2020. The Late Bronze Age in the mountains of the North Caucasus and neighbouring areas. Kavkaz mezhdu Vostochnoy Evropoy i Perednim Vostokom v bronzovom i zheleznom veke: dialog kul'tur, kul'tura dialoga: Mezhdunarodnoy nauchnoy arkheologicheskoy konferentsii po arkheologii Kavkaza i Gumbol'dt-lektoriy [The Caucasus between Eastern Europe and the Near East in the Bronze and Iron Ages: Dialogue of cultures, culture of dialogue: International scientific archaeological conference on the archaeology of the Caucasus and Humboldt lectures]. M. Kashuba, ed. Berlin: Reimer, pp. 405–455. (Archäologie in Iran und Turan, 19). (In Russ.)

Reinhold S., Korobov D.S., Belinskij A.B., 2017. Landschaftsarchäologie im Nordkaukasus: Studien zu einer neu entdeckten bronzezeitlichen Kulturlandschaft im Hochgebirge des Nordkaukasus. Bonn: Habelt. 453 p.: ill., diagrams. (Archäologie in Eurasien, 38).

Rezepkin A.D., 2013. A complex of ornaments from the Shushuk dolmen in Adygea. Tret'ya Abkhazskaya mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya: Problemy drevney i srednevekovoy arkheologii Kavkaza: materialy [The 3rd Abkhaz international archaeological conference: Issues of ancient and medieval archaeology of the Caucasus: Proceedings]. M.T. Kashuba, A.Yu. Skakov, eds. Sukhum: Dom pechati, pp. 119–121. (In Russ.)

Rezepkin A.D., 2018. Spectral analysis of bronze adornments and issues of chronology of the Shushuk dolmen cemetery. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo-kavkazoveda Yu.N. Voronova. Arkheologicheskie otkrytiya na Kavkaze i sopredel'nykh territoriyakh: khronologiya i interpretatsiya pamyatnikov [Proceedings of the International scientific conference to the 75th anniversary of Yu.N. Voronov. Archaeological discoveries in the Caucasus and adjacent territories: chronology and interpretation of sites]. Sukhum: Dom pechati, pp. 76–82. (In Russ.)

Rezepkin A.D., 2019. Dolmens of the Shushuk burial ground. Spectral analysis of metal and chronology. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow State Region University. Series: History and Political Science], 5, pp. 125–141. (In Russ.)

Rostunov V.L., Khashegul'gov B.M., 1985. To the chronology of 1.5–2.5-turn temple pendants of the Early Bronze Age from the North Caucasus. Problemy khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov Severnogo Kavkaza [Problems of chronology of archaeological sites in the North Caucasus]. T.B. Turgiev, ed. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 41–55. (In Russ.)

Sharko F.S., Bulygina E.S. Tsygankova S.V., Rezepkin A.D., Nedoluzhko A.V., 2017. Analysis of mitochondrial DNA isolated from human remains of the Shushuk dolmen site (electronic source). V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy s"ezd: sbornik nauchnykh trudov [V (XXI) All-Russian Archaeological Congress: Collected research papers]. A.P. Derevyanko, A.A. Tishkin, eds. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 1156–1157 (CD-ROM). (In Russ.)

Stolyar A.D., Formozov A.A., 2009. Meshoko – drevneyshaya krepost' Predkavkaz'ya. Otchety Severokavkazskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. 1958–1965 gg. [Meshoko – the most ancient fortress of the Ciscaucasia. Reports of the North Caucasian Expedition of the State Hermitage Museum. 1958–1965]. A.D. Stolyar, ed. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh. 250 p.

Trifonov V.A., Zaytseva G.I., Plikht Kh., Burova N.D., Sementsov A.A., Rishko S.A., 2012. The first radiocarbon dates for alternative forms of the "dolmen" culture burial rite in the Northwest Caucasus. Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations: Proceedings of the International scientific conference], 2. V.A. Alekshin, ed. St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiya, pp. 100–107. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 24–38

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ – КУЛЬТУРОГЕНЕЗ – МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВО: ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ СМЕНЫ ЭПОХ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ СРЕДНЕЙ – НАЧАЛЕ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

© 2022 г.
Р. А. Мимоход[1, *], Е. И. Гак[2, **], Т. Э. Хомутова[3, *], Н. Е. Рябогина[4, ****], А. В. Борисов[3, *****]**

[1] *Институт археологии РАН, Москва, Россия*

[2] *Государственный исторический музей, Москва, Россия*

[3] *Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия*

[4] *Институт проблем освоения севера СО РАН, Тюмень, Россия*

**E-mail: mimokhod@gmail.com*

***E-mail: e.i.gak@mail.ru*

****E-mail: khomutova-t@rambler.ru*

*****E-mail: nataly.ryabogina@gmail.com*

******E-mail: a.v.borisovv@gmail.com*

Поступила в редакцию 26.10.2021 г.
После доработки 26.10.2021 г.
Принята к публикации 16.11.2021 г.

Статья представляет собой комплексный анализ проблем культурогенеза, палеоэкологии, металлургии и металлообработки в переходный период от средней к поздней бронзе на территории степной-лесостепной зоны Восточной Европы. Разработки авторского коллектива вкупе с отечественными и зарубежными исследованиями позволяют по-новому оценивать причины и последствия процессов, которые обусловили формирование культурно-исторической картины позднего бронзового века. Показано, что климатические события конца III тыс. до н.э. и связанное с ними ухудшение условий зимнего периода послужили причиной двух культурных выплесков из Центральной Европы и Кавказа в восточноевропейскую степь-лесостепь вплоть до южной границы лесной зоны. В результате последовали распад общности катакомбных культур и сложение на ее основе блока посткатакомбных культурных образований – культурного круга Бабино и культурного круга Лола (2200–2000 CalBC). Гумидизация климата в период 2000–1800 CalBC спровоцировала резкое снижение численности населения в пустынных степях, что затруднило транзит кавказского металла далее на север, к носителям формировавшихся в степи-лесостепи колесничных культурных образований. Сократившийся поток кавказского сырья не мог удовлетворить запросы быстро развивавшихся военизированных обществ колесничных культур, в результате чего резко возрос спрос на уральский металл. Это привело к переориентации векторов культурных влияний, а в итоге – к смене эпох и металлургических провинций.

Ключевые слова: эпоха средней – поздней бронзы, Восточноевропейская степь-лесостепь, Кавказ, Карпато-Дунайский регион, палеоклимат, миграции, культурогенез, металлопроизводство, металлургические провинции.

DOI: 10.31857/S0869606322010159

Рассматриваемый период для археологии бронзового века Восточной Европы имеет первостепенное значение в связи с реконструкцией сложных культурно-генетических процессов, сопровождавших переход от средней бронзы (далее СБВ) к поздней (далее ПБВ). В предшествующие эпохи, согласно известной концепции Е.Н. Черных, функционировала Циркумпонтийская металлургическая провинция, охватывавшая Европу и Ближний Восток. На смену ей в ПБВ пришла Евразийская (Западноазиатская) металлургическая провинция, простиравшаяся от Днепра до Китая (Черных, 1978; 2007; 2013 и др.). Выяснение механизмов глобальной смены металлургических традиций, за которыми стояли конкретные социумы и исторические события, является ключом для понимания ритмов культурогенеза всей эпохи бронзы.

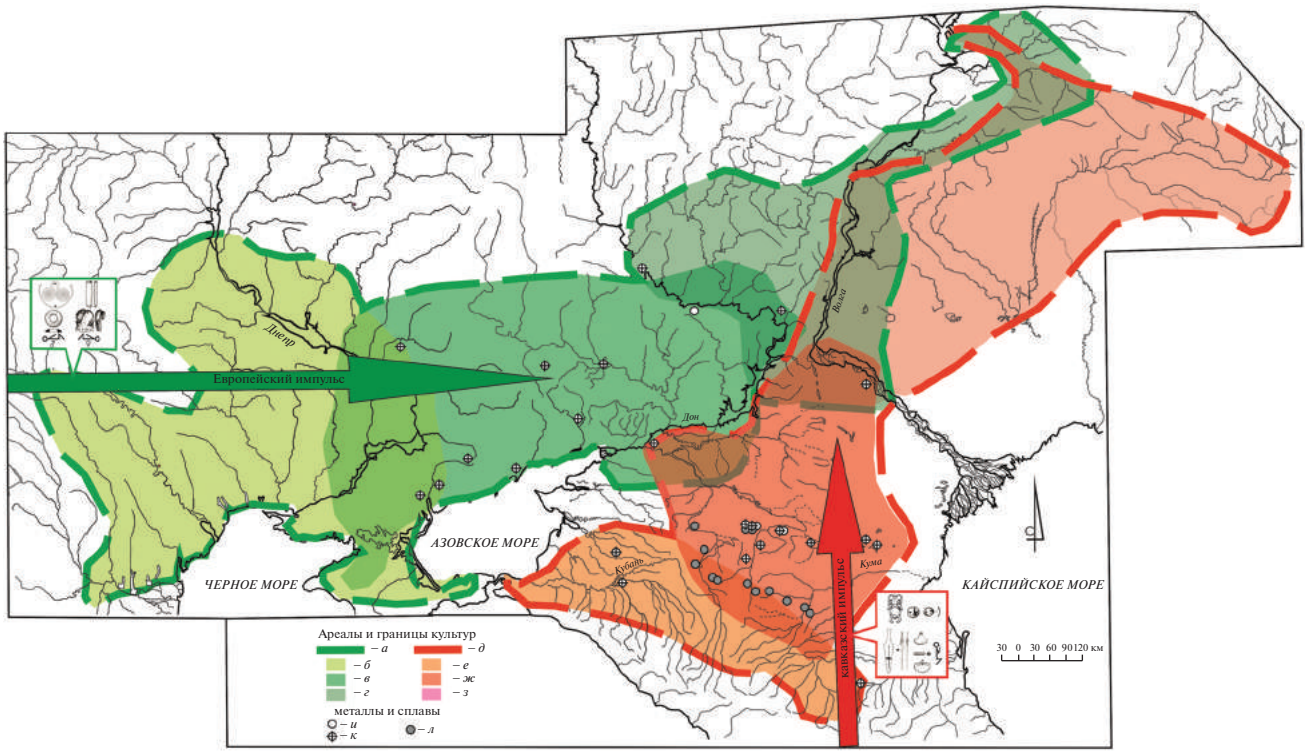


Рис. 1. Территория блока посткатакомбных культурных образований, фазы ПКБ I и II (2200–2000 CalBC). Распространение основных металлов и сплавов. Условные обозначения: *а* – территория культурного круга Бабино; *б* – днепро-прутская бабинская культура; *в* – днепро-донская бабинская культура; *г* – волго-донская бабинская культура; *д* – территория культурного круга Лола; *е* – невинномысская культура; *ж* – лолинская культура; *з* – волго-уральская культурная группа; *и* – Cu; *к* – Cu(As), Cu + As; *л* – Sb.

Fig. 1. Territory of the block of post-catacomb cultural formations, PCB phases I and II (2200–2000 CalBC), spreading of base metals and alloys

Металлообработка тогда была одним из основных двигателей прогресса. Именно новации в этой области приводили к кардинальным сдвигам в культурной ситуации на больших территориях. С другой стороны, сами новации зависели от культурно-генетических процессов, которые были обусловлены внешними климатическими факторами. В этой сложной цепи взаимосвязей “климат–социум–металл” есть как магистральные векторы развития, стимулированные, прежде всего, изменениями природной обстановки, так и линейные и нелинейные системы разнообразных корреляций, выявление и анализ которых позволяют реконструировать во всем многообразии картину культурно-исторических реалий финала СБВ – начала ПБВ.

Основной ареной культурных трансформаций были степь и лесостепь от Прута до Урала и от юга лесной зоны до Кавказа (рис. 1). Наиболее значимые события разворачивались в восточной половине этой территории – днепро-уральском ареале и Предкавказье. Безусловно, важную роль в культурогенезе играли трансформации на территории Южного Зауралья и Северного Казахстана, но там они охватывали только начало поздней бронзы, из-за чего картина является неполной. В отличие от зауральско-казахстанских степей материалы памятников днепро-уральского и предкавказского регионов демонстрируют все основные хронологические фазы финала СБВ – начала ПБВ и ключевые тенденции эволюции металлообработки, что в совокупности с новейшими данными по палеоклимату превращает их в полноценный полигон для исторических реконструкций.

В калиброванных радиоуглеродных значениях рассматриваемый период охватывает интервал 2200–1800 CalBC. В своих относительных рамках он делится на три фазы в соответствии с периодизацией памятников посткатакомбного блока (далее ПКБ): ранняя фаза ПКБ I, развитая фаза ПКБ II, поздняя фаза ПКБ III. Финалу СБВ соответствуют фазы ПКБ I и II – 2200–2000 CalBC, к началу ПБВ относится фаза ПКБ III – 2000–1800 CalBC. Следует отметить, что памятники финала СБВ заканчивают свое существование на фазе ПКБ III, т.е. отождествляемые с ней позднебабинские и позднелолинские древности син-

хронны колесничим культурным образованиям (Синташта–Потаповка–Покровск), появление которых знаменует начало ПБВ. Иными словами, на фазе ПКБ III мы имеем синхронное существование на разных территориях памятников разных эпох: финала СБВ и начала ПБВ. Это нелинейное развитие, отмечаемое и другими исследователями (Бочкарев, 2017), хорошо прослеживается по инвентарно-обрядовому комплексу. Для объективной оценки его характеристик необходимо учитывать особенности подстилающего, позднекатакомбного, и перекрывающего, раннесрубного культурно-хронологических пластов.

Культурогенез и миграции. В конце III тыс. до н.э. в Восточной Европе распалась общность катакомбных культур, и на ее основе сформировался блок посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2005). Эти масштабные культурные трансформации датируются фазой ПКБ I. В посткатакомбном блоке выделяются две большие общности: культурный круг Бабино и культурный круг Лола. В первый из них входят днепро-донская, днепро-прутская (Литвиненко, 2009; 2011), волго-донская (Мимоход, 2014) бабинские культуры. Культурный круг Лола представлен лолинской и недавно выделенной невинномысской культурой, а также волго-уральской культурной группой (рис. 1) (Мимоход, 2018). Приведем признаки культурного своеобразия соответствующих памятников.

В погребальном обряде обращает на себя внимание то, что в культурах круга Бабино полностью доминирует ямная конструкция могилы (рис. 2, *I*, *3–10*; *II*, *III*), в то время как в культурах круга Лола наряду с ямами активно (рис. 2, *IV*, *28*, *29*, *32*, *33*, *35*; *V*, *36–48*; *VI*, *53–61*), особенно на ранней фазе, использовали катакомбы и подбои (рис. 2, *IV*, *30*, *31*, *34*; *V*, *49*, *50*; *VI*, *51*, *52*, *62*). В позе умершего в бабинских культурах, преимущественно на раннем этапе, доминировали катакомбные позиции, когда при скорченном на боку положении руки были протянуты к коленям, либо одна протянута к коленям, а вторая согнута в локте под прямым углом так, что ее кисть находилась в районе локтевого сустава другой руки (рис. 2, *I*, *9*, *10*; *II*, *III*). В культурных образованиях Лолы с самого начала в положении скелета господствовала поза адорации, которая была распространена с эпохи ранней бронзы на Кавказе, когда при скорченном на боку положении руки были согнуты в локтях, а кисти находились перед лицом либо перед грудью (рис. 2, *IV–VI*). Особенностью погребального обряда культур бабинского круга, в частности, начальной фазы днепро-донской и волго-донской культур, являлась бинарная оппозиция в положении костяков, когда мужчин в могилы укладывали на левый бок (рис. 2, *II*, *11–17*), а женщин на правый (рис. 2, *II*, *18*).

Хорошо прослеживаются различия между культурным кругом Бабино и культурным кругом Лола в инвентарном комплексе (рис. 3). Для бабинских культур характерна ребристая посуда стройных пропорций, украшенная налепными валиками (рис. 3, *I*, *1–11*; *II*, *25–36*, *III*, *58–63*, *67*, *70*). В лолинских комплексах полностью доминирует округлобокая, нередко хорошо обожженная посуда кавказской традиции, на которой зачастую присутствуют разнообразные упоры и петельчатые ручки (рис. 3, *IV*, *83–100*; *V*, *130–149*, *VI*, *178*).

На уровне роговых и костяных пряжек хорошо прослеживаются различия между бабинскими и лолинскими древностями. В ранних материалах тех и других присутствуют роговые фигурные поясные пряжки. В культурах круга Бабино представлены крючково-планочные пряжки европейской традиции (рис. 3, *II*, *57*), а в лолинских – кольцевидно-планочные изделия кавказской традиции (рис. 3, *IV*, *129*; *VI*, *140*).

Исключение здесь составляет невинномысская культура, которая по основным стандартам относится к культурному кругу Лола (рис. 2, *V*; 3, *V*), но имеет в материалах своего северо-западного локального варианта несомненные признаки влияния бабинских культур. Так, в комплексах этой культуры пока не встречены фигурные пряжки кавказской традиции, но при этом присутствуют бабинские типы пряжек всех фаз ПКБ (рис. 3, *V*, *177*). Только в период ПКБ III в невинномысской культуре юго-восточного локального варианта появляются поясные подвески округлой формы с одним небольшим отверстием в центре типа Элиста-Калиновский (рис. 3, *V*, *176*), хорошо представленные в позднелолинской культуре (рис. 3, *IV*, *128*).

Особое внимание следует обратить на категории инвентаря, присутствующие в бабинских материалах и отсутствующие в лолинских, и наоборот. В погребениях днепро-донской и волго-донской бабинских культур известны каменные бруски с двумя перетяжками (рис. 3, *II*, *41*; *III*, *72*), известные в европейских культурах энеолита и периода Br A1 по П. Рейнеке (Pittioni, 1954. Abb. 188, s. 258; Ondrãček, Šebela, 1985. Tab. 6, 9, 11, 29; Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1997. Taf. 513, verb. 393, 4) (рис. 3, II, *41*, III, *72*). На раннем этапе в бабинских культурах распространяются бронзовые гривны и очковидные подвески (рис. 3, II, *47*, *48*), имеющие аналогии в Центральной Европе и карпато-балканском регионе. Эти изделия неизвестны в культурном круге Лола. Зато в нем представлены украшения кавказского и непосредственно лолинского происхождения: бронзовые и сурьмяные секировидные и волютообразные подвески, пуговицы, бляшки-скорлупки, ко-

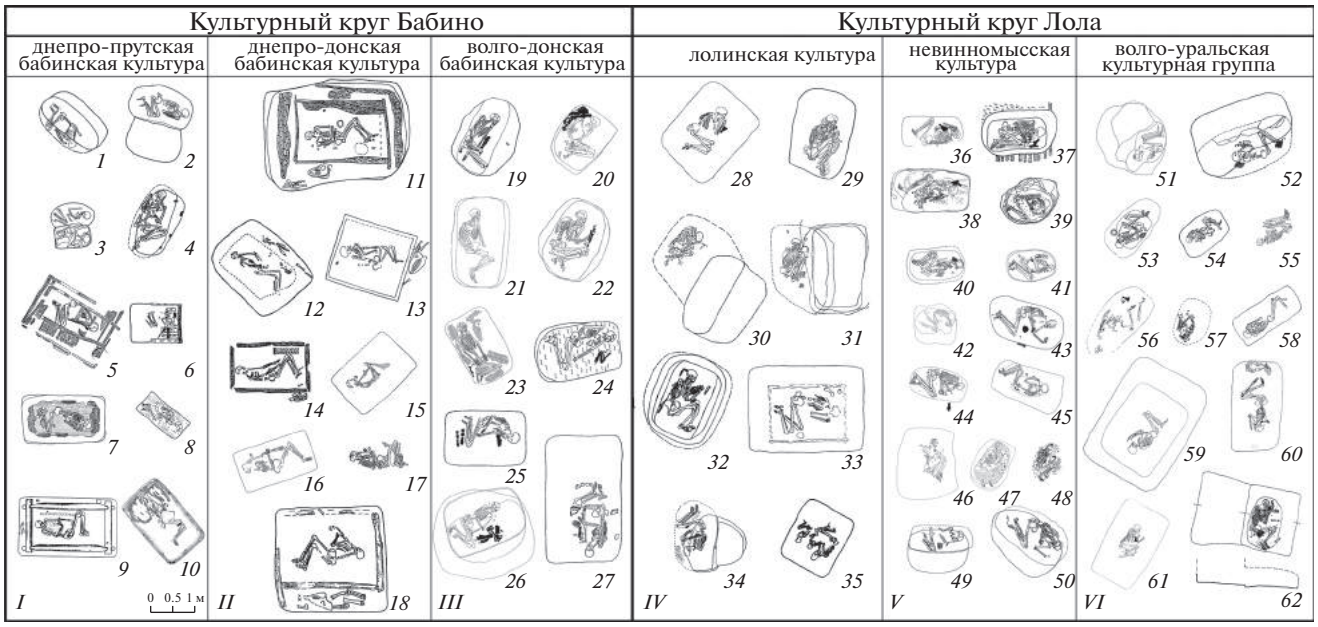


Рис. 2. Погребальный обряд культурного круга Бабино и культурного круга Лола.
Fig. 2. Funeral rite of the Babino cultural circle and the Lola cultural circle

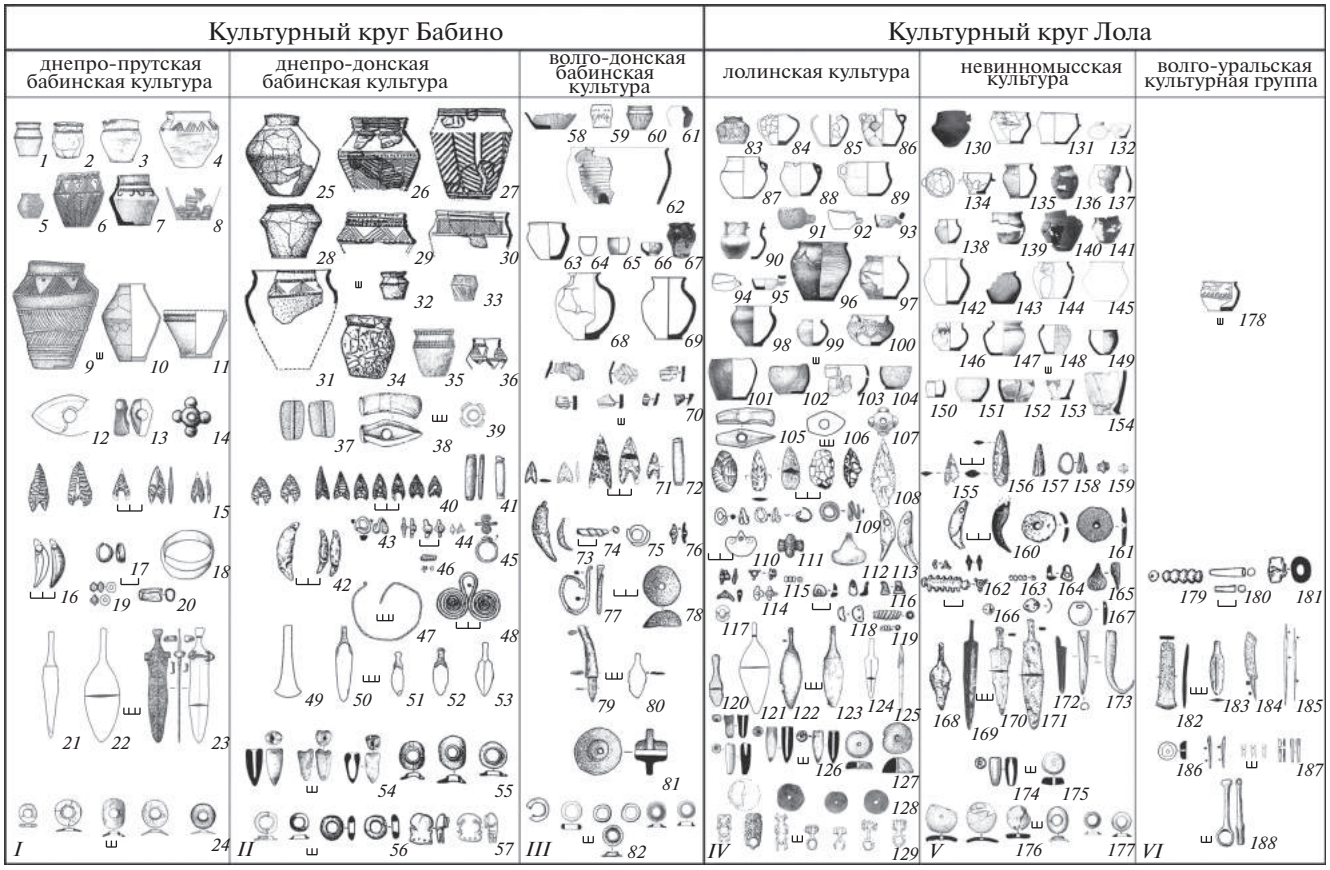


Рис. 3. Инвентарные комплексы посткатакомбных культурных образований.
Fig. 3. Complexes of goods of post-catacomb cultural formations

лесовидные бусины, фаянсовый лепестковидный бисер (рис. 3, *IV*, *110*, *112*, *116–118*; *V*, *166*, *167*).

На основе сравнительного анализа памятников устанавливается, что сложение культурных кругов Бабино и Лола было вызвано двумя миграционными импульсами. Приток населения с Восточного Кавказа в катакомбную среду предкавказской степи привел к формированию культурных образований лолинского круга (рис. 1). Центральноевропейский и карпато-дунайский импульс в большей степени и кавказский в меньшей обусловили сложение культурного круга Бабино (рис. 1). Пожалуй, самым ярким примером масштабных миграций в Восточную Европу в конце III тыс. до н.э. является средневолжская абашевская культура, появление которой было связано с продвижением носителей культуры колоколовидных кубков из Центральной Европы (Мимоход, 2018). Эти события происходили в фазе ПКБ I – 2300/2200 CalBC.

Палеоклимат. Единовременность, масштабы и скорость реконструируемых событий приводят к мысли об общем внешнем факторе, который их инициировал. Для обществ эпохи бронзы в качестве такого фактора можно рассматривать климатические изменения. Конец III–начало II тыс. до н.э. – это период сильного похолодания и засухи (Mayewski et al., 2004), которые в той или иной мере отмечены по всему северному полушарию: в Северной Америке (Carter et al., 2018), Средиземноморье (Bini et al., 2019), Восточной Азии (Liu, Feng, 2012). Последствия этих климатических изменений были весьма драматическими для ряда культур древнего мира (Weiss et al., 1993; Staubwasser, Weiss, 2003; Liu, Feng, 2012; Ran, Chen, 2019).

В разных частях Евразии изменения климата были неравнозначными: засуха фиксируется в нижних широтах, более прохладные и/или более влажные условия – в высоких широтах (Roland, 2012; Roland et al., 2014). При этом сам факт резкой трансформации климата в указанный период сейчас признается большинством исследователей (Geirsdóttir et al., 2019; Pleskot et al., 2020).

В конце III тыс. до н.э. в степной и пустынно-степной зоне Восточной Европы имела место резкая аридизация (Александровский, 1997, Демкин, 1997). Недавними исследованиями раскрыт механизм этого процесса и доказано, что причиной аридизации было сокращение зимних осадков в условиях усиления сибирского максимума (Борисов, Мимоход, 2017; Khomutova et al., 2018; Ryabogina et al., 2020). На таком палеоэкологическом фоне происходили распад катакомбной общности и формирование блока посткатакомбных культур.

В Центральной и Западной Европе в это же время приходит в упадок общность культур колоколовидных кубков и формируются новые локальные образования. Таким образом, есть основания предполагать, что климатические события 2200 CalBC, получившие широкую известность как “4.2 ka BP climatic event” (Weiss, 2016), могли приводить к массовым миграциям во многих частях Старого Света. Отдельная проблема – выяснение механизмов влияния природных изменений на древнее население и конкретных причин, которые заставляли людей покидать свои территории.

Для культурного круга Лола ответ на этот вопрос уже предложен. Для скотоводов Кавказа определяющими факторами были не столько иссушение в летний период, сколько понижение температур и увеличение количества осадков в зимний период. Это приводило к формированию высокого снежного покрова, что затрудняло тебеневку или полностью исключало возможность зимнего выпаса скота. В результате сокращения кормовой базы часть населения региона вынуждена была выйти в прикаспийскую степь, где на тот момент сложились более благоприятные условия для зимнего содержания скота. Контакт мигрировавших восточнокавказских групп с местными представителями восточноманычской катакомбной культуры привел к формированию культурного круга Лола (Борисов, Мимоход, 2017; Мимоход, 2018).

Что послужило причиной центральноевропейского культурного импульса и выплеска населения этого региона в восточноевропейскую степь и лесостепь еще предстоит установить[1]. Более или менее надежно локализована территория исхода – это Паннонская низменность и прилегающие к ней области западных Карпат и Северо-Восточных Альп. Имеющиеся опубликованные данные по палеоклимату региона неоднозначны.

В Средиземноморском регионе и на Балканах в период после 4.2 ka BP установились холодные и сухие зимы (Bini et al., 2019). Такие же условия сложились в Центральной и Северной Европе (Perşoiu et al., 2017; 2019). И лишь в юго-восточной части Центральной Европы авторы отмечают увеличение зимних осадков. Возможно, это связано со специфическим положением региона в переходной области между западноевропейским регионом (с преобладанием океанического климата), центральноевропейским регионом (с преобладанием континентального климата) и юго-восточноевропейским регионом (с преобладанием средиземноморского климата).

В одной из недавних статей (Perşoiu et al., 2017a) приведены данные по зимним температу-

[1] Сейчас поставлен вопрос о влиянии климатического фактора и западного импульса в формировании синташтинской культуры (Корякова, Пантелеева, 2021), которая соотносится с фазой ПКБ III.

рам и осадкам на основе данных изотопного анализа льда из пещер в румынских Карпатах. Эта прокси-запись наиболее близка к региону, откуда мог исходить культурный импульс. На основании дейтериевого индекса льда (d-excess = δ2H – – 8*δ18O) установлено, что на период 4.2 ka BP приходился максимум зональной циркуляции, в результате чего средиземноморские циклоны перестали проникать дальше на северо-восток в континентальную Европу. Это обусловило резкое возрастание там количества зимних осадков, в то время как севернее, на территории современной Германии, куда не проникали циклоны, сохранялись холодные и сухие условия (Breitenbach et al., 2019). Это могло быть одной из причин, почему в интересующей нас юго-восточной части центральной Европы в период 4.2 ka BP увеличилось количество зимних осадков.

Но уже для периода 3.7 ka BP в южных районах Венгрии отмечен теплый и влажный климат (Demény et al., 2019), в восточной части Паннонской низменности – потепеление, активизация эоловых процессов накопления карбонатных лессоподобных отложений (Sherwood et al., 2013), в Словакии – теплый и сухой климат (Dabkowski et al., 2018). В период 4.2–4.0 ka BP полностью прекращается осадконакопление в озерах французских Альп (Sabatier et al., 2017). В австрийских Альпах резко снижается скорость осадконакопления в озерах (Swierczynski et al., 2013). Все это может выступать в качестве индикаторов резкого похолодания в горах и аккумуляции влаги в форме ледников. В подобных случаях следовало бы ожидать разлива рек в период весенне-летнего снеготаяния, но подтверждений этому нет. Таяние льда и снега в горах происходило весьма медленно в условиях холодного лета, что нашло отражение в низкой интенсивности меандрирования и паводковых процессов в поймах рек карпатского региона (Rădoane et al., 2015; Perşoiu, Rădoane, 2017). В Венгрии сток реки Тисса в этот период сократился на 30–50% по сравнению с предшествующим периодом (Kiss et al., 2015).

Таким образом, есть основания полагать, что увеличение осадконакопления в зимний период, а также слабое таяние снега и льда летом обуславливало опускание ледников, что неизбежно приводило к сокращению площадей летних пастбищ в предгорной и горной зонах и сокращение продолжительности летнего пастбищного сезона. Это увеличивало пастбищную нагрузку на низменности, что не могло не отразиться на социальной ситуации в Паннонии и сопредельных территориях. Возможно, возросшее демографическое давление послужило причиной миграции части населения в поисках подходящих зимних пастбищ и выплеску центральноевропейского культурного компонента в Восточную Европу, в южной части которой условия зимнего периода были достаточно комфортными.

Металлопроизводство. Сложные процессы взаимодействия носителей посткатакомбных (Бабино, Лола) (рис. 1) и колесничных традиций (Синташта–Потаповка–Покровск) (рис. 4) отражены в металлокомплексах конкретных культур и территорий. Анализ корреляций различных морфологических и химико-технологических признаков приводит к следующим выводам о металлопроизводстве конца СБВ–начала ПБВ в степной – лесостепной зоне.

Морфология изделий финала СБВ иллюстрирует дезинтеграцию связей, которые в предшествующий позднекатакомбный период обеспечивали сравнительно высокий уровень стандартизации. Восточные культуры бабинского круга, судя по самой металлоемкой из них днепро-донской, продолжают эксплуатировать стереотипы катакомбного времени (рис. 5, *1–14*, *25–37*). Маркерами наступления новой эпохи являются треугольно-ромбическое оформление черенка (рис. 5, *25*) и украшения европейской моды – гривны и проволочные очковидные подвески (рис. 5, *34–37*), отражающие вместе с комплексом других обрядово-инвентарных признаков инкорпорацию западных мигрантов в культурный круг Бабино. На юге, в лолинской культуре и близких ей культурных группах, металлообработка также функционировала на сложившейся ранее основе (рис. 5, *15–24*, *38–58*), но акцент был перенесен на редко использовавшиеся ранее формы – листовидный клинок (рис. 5, *40*, *43*, *44*), пластинчатые височные кольца (рис. 5, *56*, *57*), спиральные пронизи (рис. 5, *52–55*). По сравнению с позднекатакомбным периодом усилилось кавказское влияние, особенно в гарнитуре украшений (фигурные подвески, свернутые конусы, бляшки-пуговицы, скорлупковидные бляшки с двумя отверстиями, спиралевидные пронизи) (рис. 5, *45–49*, *52–55*), что на уровне металлопроизводства отражает кавказский импульс в сложении культурного круга Лола.

К началу ПБВ морфология металла лолинской и бабинской культур не претерпела особых изменений. Металл колесничных культур между Доном и Уралом заметно отличается от посткатакомбного, а в своих территориально-хронологических рамках имеет много общего (рис. 6, *1–20*). В колесничном комплексе присутствуют пережиточные стереотипы, собственные модификации и заимствования через межкультурные контакты. К архаичным формам кавказско-степного происхождения относятся аморфные, пятиугольные, ромбовидные и листовидные клинки (рис. 6, *2–6*); втульчатые крюки; серьги-калачики (рис. 6, *17*); спиральные и гладкие свернутые пронизи (рис. 6, *19*); бляшки с отверстиями; толстые прут-

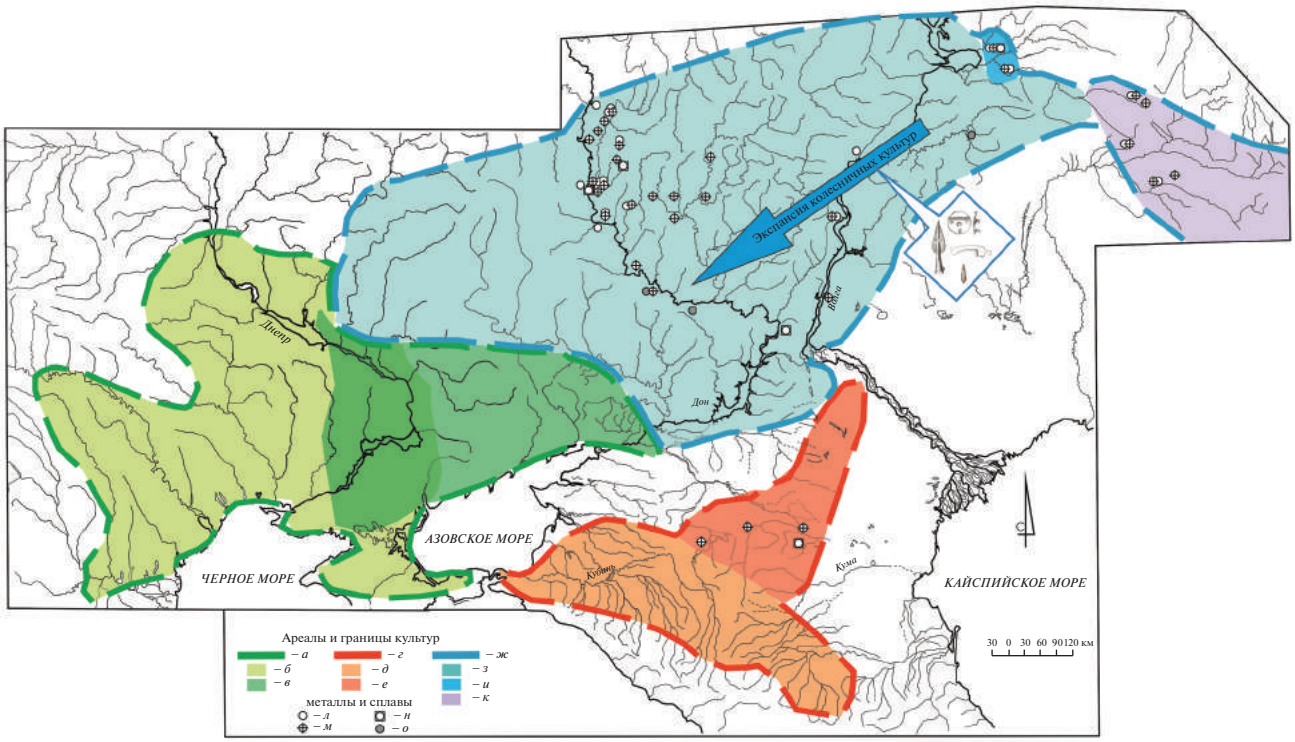


Рис. 4. Территориальное соотношение посткатакомбного (финал СБВ) и колесничного (начало ПБВ) блоков, фаза ПКБ III (2000–1800 CalBC). Распространение основных металлов и сплавов. Условные обозначения: *а* – территория культурного круга Бабино; *б* – днепро-прутская бабинская культура; *в* – днепро-донская бабинская культура; *г* – территория культурного круга Лола; *д* – невинномысская культура; *е* – лолинская культура; *ж* – территория колесничных культур; *з* – Покровск; *и* – Потаповка; *к* – Синташта; *л* – Cu; *м*– Cu(As), Cu + As; *н* – CuSn; *о* – Sb.

Fig. 4. Territorial correlation of the post-catacomb (the final stage of the MBA) and chariot (the beginning of the LBA) blocks, PCB phase III (2000–1800 CalBC), spreading of base metals and alloys

ковые браслеты (рис. 6, *9*). Все они фиксируются локально и с разной частотой. Очевидно, посткатакомбные группы были одним из субстратов колесничных культур. Черты культур лолинского круга в большей степени представлены в синташтинско-потаповском металлокомплексе, а бабинского – в покровском.

Главная новация, выработанная в круге колесничных образований, – тип кинжала, сочетающего листовидный клинок, короткий перехват, ромбическую пятку черенка и сплошную кованую продольную нервюру (рис. 6, *7*, *8*). В гарнитуре украшений появляются свернутые пронизи с рифлением (рис. 6, *20*). От приуральской абашевской культуры исходит форма листовидно-лавролистного ножа с плавными контурами абриса и удлиненным черенком, равным или большим, чем длина клинка (рис. 6, *9*). Средневолжской абашевской культуре, происхождение которой прямо связано с центральноевропейскими и карпато-дунайскими мигрантами, своим появлением обязаны очковидные подвески, перстни и спирали с завитками, широкие желобчатые браслеты, височные кольца с ложковидными концами (рис. 6, *11–14*, *18*). В целом абашевские истоки имеют типы наконечников копий, серповидных орудий, втульчатых топоров и плоских топоров-тесел.

Металлообработка раннесрубного времени в основном эксплуатирует стереотипы предшествующего этапа (рис. 6, *21–43*). Комплекс клинковых орудий по сравнению с поздним периодом – финалом СБВ полностью модернизируется, хотя некоторые детали оформления (кованые фаски вдоль лезвий, выпуклая литая нервюра, округлая пятка черенка) повторяют характерные для ножей манычской катакомбной культуры (рис. 6, *23–25*). Архаичные схемы (аморфная, ромбовидная) воспроизводятся редко. Модификация трехчастного кинжала с треугольно-листовидным клинком, удлиненно-выемчатым перехватом, выраженным перекрестием и прямоугольным завершением насада становится основной новацией, а впоследствии ведущим типом ножей срубной культуры. В серии находок височных колец мелкие круглые изделия полностью вытеснены крупными овальными (рис. 6, *26–31*). Последние сопоставимы по конфигурации с позднекатакомбными и посткатакомбными изделиями, но имеют не утолщенные, а пластинчато-желобча-

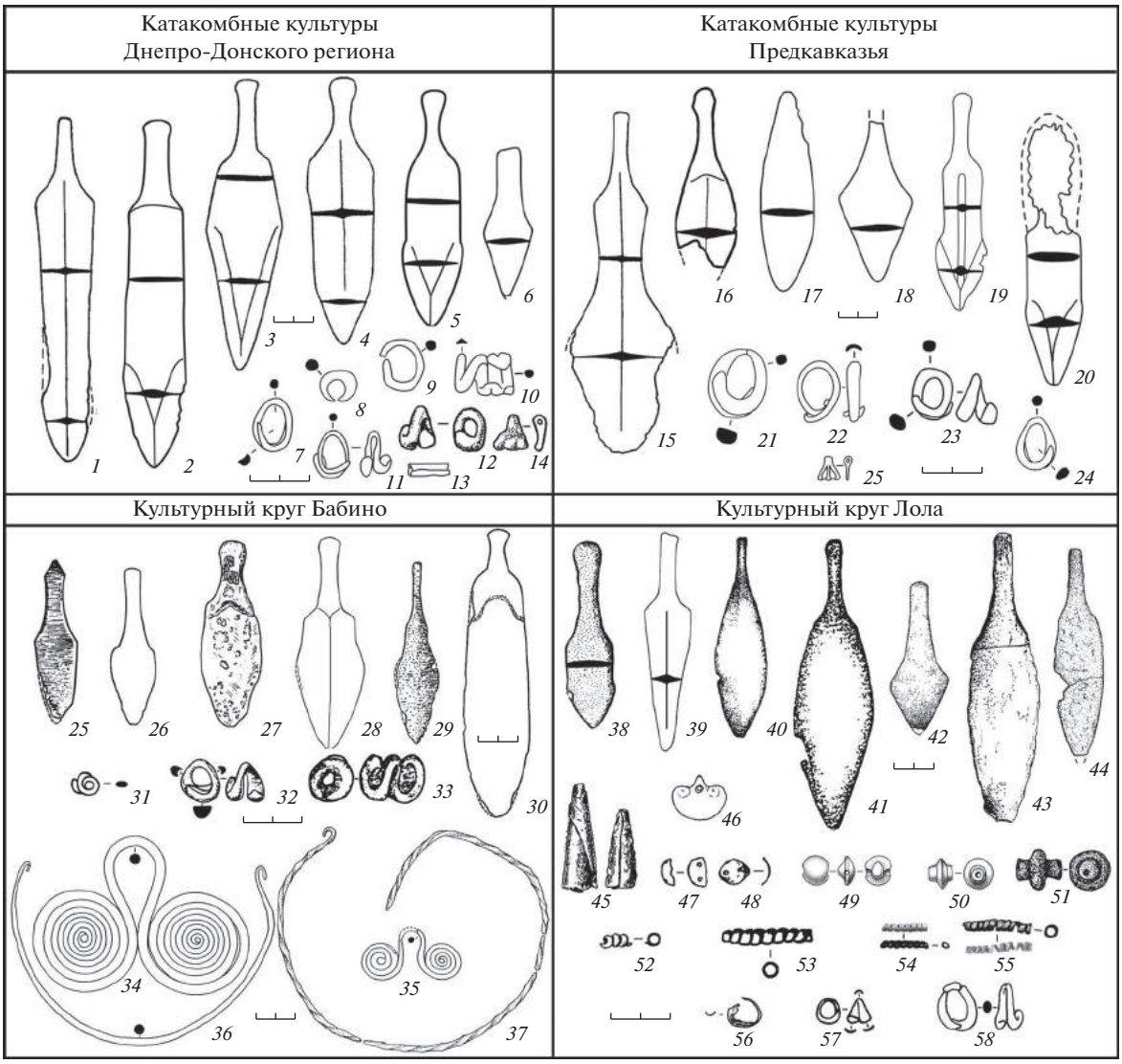


Рис. 5. Металлокомплексы культурных образований конца СБВ восточноевропейской степи – лесостепи: *1–48*, *51–53*, *56–58* – медь/бронза; *49–50* – сурьма; *54* – золото; *55* – электрум.

Fig. 5. Metal complexes of cultural formations of the final stage of the MBA in the East European steppe – forest-steppe

тые лопасти. Явную новацию представляют крупные удлиненно-овальные и удлиненно-трапециевидные кольца пластинчато-желобчатого сечения, которые с вариациями продолжали бытовать в срубной культуре. Типы пронизей полностью переходят в раннесрубный гарнитур украшений (рис. 6, *32–34*). У браслетов повсеместно и отчетливо наметилась тенденция к сужению, утонщению и уплощению сечений (рис. 6, *35–38*). Стереотипными эти признаки стали в развитый период ПБВ. Из кавказского ареала широко распространилась мода на треугольные, ромбовидные и лапчатые подвески, копии и различные местные варианты которых воспроизводились из привезенного с Кавказа материала (рис. 6, *39–43*).

Традиции и новшества химико-технологического плана отражены в составах металла и некоторых особенностях его обработки для получения тех или иных изделий (рис. 7). В кузнечном производстве посткатакомбных культур продолжалось использование бинарных медно-мышьяковых сплавов при почти полном отсутствии чистой меди (рис. 1). Как и в предшествующий позднекатакомбный период, отливалась преимущественно мелкая ювелирная продукция. В лолинской культуре она, главным образом, делалась из сурьмы и не выходила за пределы Предкавказья. С появлением колесничных культур север степи и лесостепь наводнились чистой медью явно некавказского, а скорее всего, уральского происхождения (рис. 4). При этом роль мышьяковых бронз, если и упала,

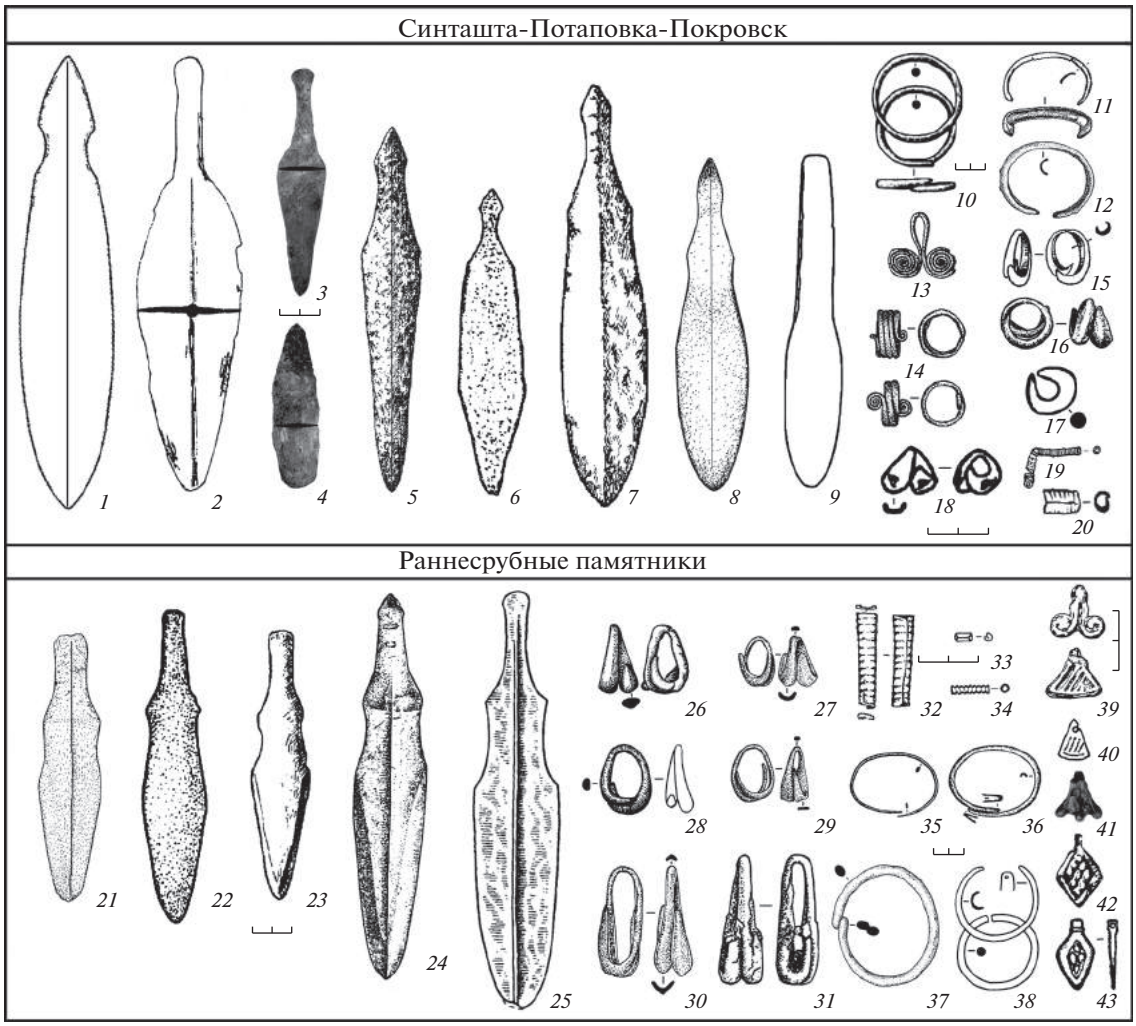


Рис. 6. Металлокомплексы культурных образований начала ПБВ восточноевропейской степи – лесостепи: *1–11*, *13–17*, *19–38* – медь/бронза; *12* – сплав меди с серебром; *18* – медь, золото; *39, 40, 42, 43* – сурьма; *41* – сплав меди с сурьмой.

Fig. 6. Metal complexes of cultural formations of the beginning of the LBA in the East European steppe – forest-steppe

то незначительно, а на юге она полностью сохранила свои позиции, что свидетельствует о преемственности традиционных связей с Кавказом. Вероятно, к началу ПБВ относится точечное проникновение меди, легированной оловом. Судя по локализации находок, оловянные бронзы в это время распространялись со стороны Кавказа. Резко сократилось сурьмяное литье. На фоне ренессансного господства кузнечных технологий в ювелирном деле зафиксированы характерные для СБВ кавказско-степных территорий литые высокомышьяковые бронзы. На раннесрубном этапе от Дона до Урала увеличивается частота использования двойных и тройных (с мышьяком) оловянных сплавов, появление которых могло быть разновекторным – закавказским и зауральским. В сериях предметов как бытовой, так и неутилитарной функции, эти сплавы совокупно достигают паритета с мышьяковой бронзой. Чистая медь употреблялась значительно реже и только для орудий. Возобновилось массовое литье сурьмяной пластики, которая даже при отсутствии находок с промежуточной территории однозначно указывает на кавказский источник сырья.

В целом распространение новаций в металлопроизводстве переходного периода от СБВ к ПБВ на юге Восточной Европы носило встречный пульсирующий характер. Подавляющим вначале было южное (кавказское) влияние, затем восточное (поволжско-зауральское). На этапе становления срубной культуры оба генеральных направления сбалансировались по уровню влияния, что, очевидно, было следствием интеграционных процессов и повлекло за собой стандартизацию металлообработки в ПБВ.

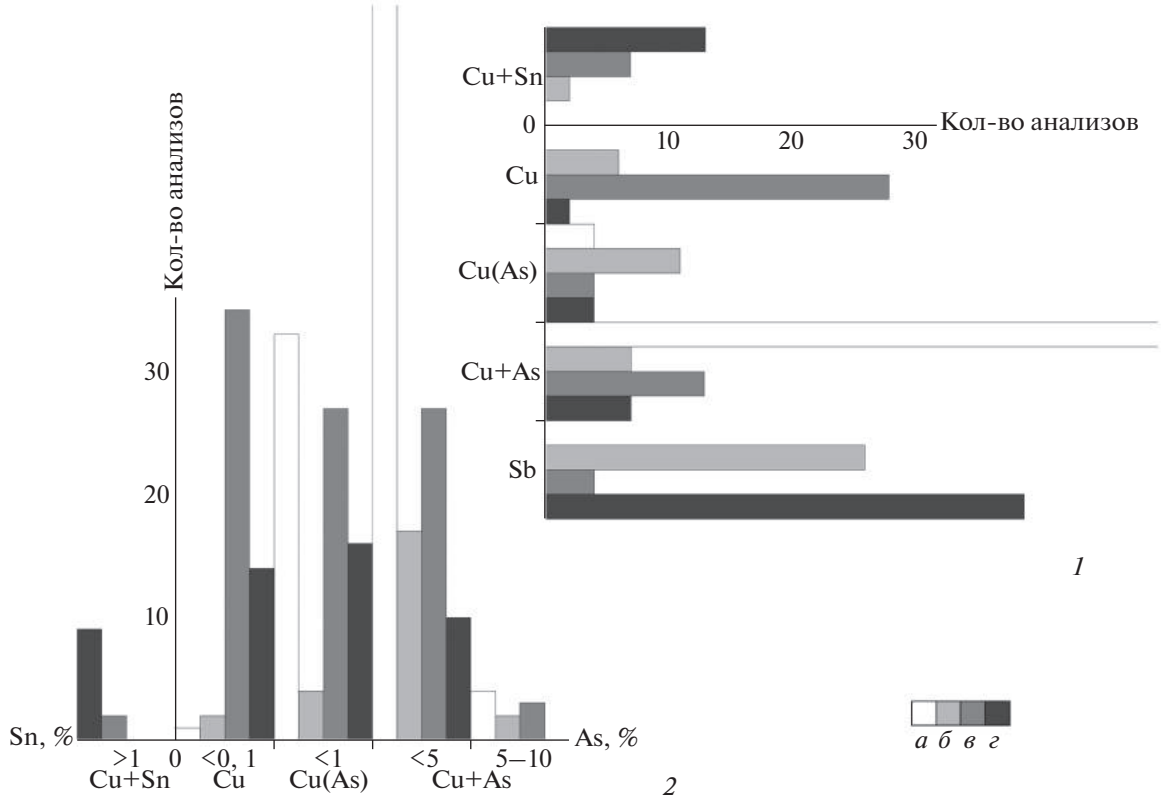


Рис 7. Распределение металла разных культурно-хронологических групп конца СБВ – начала ПБВ восточноевропейской степи – лесостепи по функциональным группам инвентаря в зависимости от основы и лигатур (по данным химических анализов): *1* – неутилитарные изделия (украшения, крепежи и пр.); *2* – утилитарные изделия (орудия, оружие). Условные обозначения: *а* – позднекатакомбные культуры; *б* – посткатакомбные культуры; *в* – колесничные культуры; *г* – раннесрубный горизонт.

Fig 7. Distribution of metals of different cultural-chronological groups of the final stage of the MBA – the beginning of the LBA in the East European steppe – forest-steppe across the functional groups of the goods depending on the base and ligatures (based on chemical analyzes)

Сведение всех трех блоков проблем финала СБВ – начала ПБВ (палеоклимат, культурогенез и миграции, металлопроизводство) воедино открывает следующую картину.

Резкая аридизация климата, датирующаяся 2200 CalBC (фаза ПКБ I), стимулировала мощные миграционные процессы в западной части Старого Света. В Восточной Европе они фиксируются по двум импульсам: европейскому и кавказскому. Передвижение больших групп населения было обусловлено, вероятнее всего, наступлением неблагоприятных условий для выпаса скота в зимний период, что толкало социумы в целом и отдельные социальные группы на поиски новых, более благоприятных экологических ниш. Эти миграции привели к сложению культурного круга Бабино и культурного круга Лола. Пришлые коллективы сталкивались в восточноевропейской степи–лесостепи с местными позднекатакомбными группами. Их взаимодействие привело к возникновению новых культур. Неудивительно, что в металлокомплексе финала СБВ преобладают категории инвентаря и стереотипы, характерные для катакомбного времени исходных территорий. Химический состав металла также демонстрирует циркумпонтийские стандарты рецептур, в том числе у изделий, сделанных по европейским и кавказским образцам. Предкавказье на фазах ПКБ I и II было освоено и заселено носителями лолинской и невинномысской культур, которые обеспечивали бесперебойный транзит кавказского металла далее на север, северо-запад и северо-восток. Так было и в предшествующие периоды бронзового века, что позволяло ставить вопрос о функционировании кавказского очага культурогенеза (Бочкарев, 1995; Кияшко, 2000).

Фаза ПКБ III (2000–1800 CalBC) связана с гумидизацией климата и ростом количества зимних осадков, повлекших за собой деградацию овцеводческой модели скотоводства в Предкавказье и, как следствие, заметное сокращение численности лолинского населения. В результате и возможности транзита кавказского металла в степь – лесостепь сильно сократились. В то же время на территории доно-волжского региона, Волго-Уралья и Зауралья формируется блок колесничных

культур Синташта–Потаповка–Покровск. Их хозяйственная модель, основанная на пастушеском скотоводстве с преобладанием в стаде КРС и лошади, была адаптирована к гумидным условиям и высоким нормам зимних осадков.

С возникновением колесничных культур наступает новый этап использования уральских месторождений, которые активно эксплуатировались до этого в “ямно-полтавкинское время” (Черных, 2007. С. 89). Возросшая с начала ПБВ потребность в новых меднорудных источниках была обусловлена их относительно близким расположением и дефицитом кавказских поступлений, в свою очередь, вызванным указанными выше климатическими изменениями. Существенное сокращение населения в Предкавказье было связано с мягкими многоснежными зимами, частота которых резко увеличилась в ПБВ. При этом полного обезлюдения не было, и на фазе ПКБ III транзит металла со стороны Кавказа в степь и лесостепь Восточной Европы полностью не прекращался. Об этом свидетельствуют характерные формы изделий, оловянные лигатуры и сурьмяное литье. Однако сильно обмелевший поток кавказского сырья не мог удовлетворить даже минимальные запросы быстро развившихся военизированных обществ колесничных культур, которым были необходимы альтернативные (уральские) источники металла. С другой стороны, именно их освоение и переориентация культурных векторов в совокупности с климатическим фактором стали причиной возникновения самого колесничного блока. Эти взаимосвязанные процессы (использование новых источников сырья и формирование колесничного блока начала ПБВ) напрямую зависели от тех кризисных явлений, которые имели место в Предкавказье и свели до исторического минимума возможности транзита кавказского металла. Данные причинно-следственные связи обусловили упадок деятельности кавказского очага культурогенеза в отношении восточноевропейской степи-лесостепи и формирование нового волго-уральского очага, что в итоге привело к смене эпох и металлургических провинций.

Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 19-18-00406 “Палеоэкология-металлургия-культурогенез: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве Восточной Европы на рубеже средней и поздней бронзы”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.Л. Степи Северного Кавказа в голоцене по данным палеопочвенных исследований // Степь и Кавказ. М.: Гос. ист. музей, 1997 (Труды Гос. ист. музея; вып. 97). С. 22–29.

Борисов А.В., Мимоход Р.А. Аридизация: формы проявления и влияние на население степной зоны в бронзовом веке // Российская археология. 2017. № 2. С. 48–60.

Бочкарев В.С. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы: материалы конф. Ч. 1 / Ред. В.С. Бочкарев. СПб.: ИИМК РАН, 1995 (Археологические изыскания; вып. 25). С. 18–29.

Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2. С. 159–204.

Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пущино: Пущинский научный центр РАН, 1997. 213 с.

Каргалы. Т. 5. Каргалы: феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

Кияшко А.В. Динамика культурных изменений на территории восточноевропейских степей в эпоху бронзы // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2000. С. 58–63.

Литвиненко Р.О. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 2009. 32 с.

Литвиненко Р.А. Культурный круг Бабино: название, таксономия и структура // Краткие сообщения Института археологии. 2011. Вып. 225. С. 108–123.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам’яток археології Східної України. Луганськ: Шлях, 2005. С. 70–74.

Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 232. С. 100–119.

Мимоход Р.А. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // Российская археология. 2018. № 2. С. 33–48.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Советская археология. 1978. № 4. С. 53–82.

Черных Е.Н. Феномен Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2013. С. 386–400.

Bini M., Zanchetta G., Perşoiu A., Cartier R., Català A., Cacho I., Dean J.R., Di Rita F., Drysdale R.N., Finnè M., Isola I., Jalali B., Lirer F., Magri D., Masi A., Marks L., Mercuri A.M., Peyron O., Sadori L., Sicre M.-A., Welc F., Zielhofer C., Brisset E. The 4.2 ka BP event in the Mediterranean region: an overview // Climate of the Past. 2019. Vol. 15, № 2. P. 555–577.

Breitenbach S.F.M., Plessen B., Waltgenbach S., Tjallingii R., Leonhardt J., Jochum K.P., Meyer N., Goswami B., Marwan N., Scholz D. Holocene interaction of maritime and continental climate in Central Europe: New speleothem evidence from Central Germany // Global and Planetary Change. 2019. Vol. 176. P. 144–161.

Carter V.A., Shinker J.J., Preece J. Drought and vegetation change in the central Rocky Mountains and western Great Plains: potential climatic mechanisms associated with megadrought conditions at 4200 cal yr BP // Climate of the Past. 2018. Vol. 14, № 8. P. 1195–1212.

Dabkowski Ju., Frodlová Ji., Hájek M., Hájková P., Petr L., Fiorillo D., Dudová L., Horsák M. A complete Holocene climate and environment record for the Western Carpathians (Slovakia) derived from a tufa deposit // The Holocene. 2018. Vol. 29, № 3. P. 493–504.

Demény A., Kern Z., Czuppon G., Németh A., Schöll-Barna G., Siklósy Z., Leél-Őssy S., Cook G., Serlegi G., Bajnóczi B., Sümegi P., Király Á., Kiss V., Kulcsár G., Bondár M. Middle Bronze Age humidity and temperature variations, and societal changes in East-Central Europe // Quaternary International. 2019. Vol. 504. P. 80–95.

Geirsdóttir Á., Miller G.H., Andrews J.T., Harning D.J., Anderson L.S., Florian C., Larsen D.J., Thordarson T. The onset of neoglaciation in Iceland and the 4.2 ka event // Climate of the Past. 2019. Vol. 15, № 1. P. 25–40.

Khomutova T., Kashirskaya N., Demkina T., Kuznetsova T., Fornasier F., Shishlina N., Borisov A. Precipitation pattern during warm and cold periods in the Bronze Age (around 4.5–3.8 ka BP) in the desert steppes of Russia: Soil-microbiological approach for palaeoenvironmental reconstruction // Quaternary International. 2019. Vol. 507. P. 84–94.

Kiss T., Hernesz P., Sümeghy B., Györgyövics K., Sipos G. The evolution of the Great Hungarian Plain fluvial system – Fluvial processes in a subsiding area from the beginning of the Weichselian // Quaternary International. 2015. Vol. 388. P. 142–155.

Liu F., Feng Z. A dramatic climatic transition at ~4000 cal. yr BP and its cultural responses in Chinese cultural domains // Holocene. 2012. Vol. 22, № 10. P. 1181–1197.

Mayewski P.A., Rohling E.E., Stager J.C., Karlén W., Maasch K.A., Meeker L.D., Meyerson E.A., Gasse F., van Kreveld S., Holmgren K., Lee-Thorp J., Rosqvist G., Rack F., Staubwasser M., Schneider R.R., Steig E.J. Holocene climate variability // Quaternary Research. 2004. Vol. 62, iss. 3. P. 243–255.

Neugebauer C., Neugebauer J.-W. Franzhausen. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld I. Horn: Berger, 1997 (Fundberichte aus Österreich Materialehefte; A 5). 2 Bd.

Ondrãček J., Šebela L. Pohřebiště nitranské skupiny v Holešově: katalog nálezú. Kroměříž, 1985. 200 s. (Studie Muzea Kroměřižska)

Perşoiu A., Ionita M., Weiss H. Atmospheric blocking induced by the strengthened Siberian High led to drying in west Asia during the 4.2 ka BP event – a hypothesis // Climate of the Past. 2019. Vol. 15, № 2. P. 781–793.

Perşoiu A., Onac B.P., Wynn J.G., Blaauw M., Ionita M., Hansson M. Holocene winter climate variability in Central and Eastern Europe // Scientific Reports. 2017a. Vol. 7. 1196.

Perşoiu I., Rădoane M. Fluvial activity during the Holocene // Landform dynamics and evolution in Romania / Eds. M. Radoane, A. Vespremeanu-Stroe. Cham: Springer, 2017. 865 p.

Pittioni R. Urgeschichte des österreichischhen Raumes. Wien: Franz Deuticke, 1954. 854 p.

Pleskot K., Apolinarska K., Kołaczek P., Suchora M., Fojutowski M., Joniak T., Kotrysh B., Kramkowski M., Słowiński M., Woźniak M., Lamentowicz M. Searching for the 4.2 ka climate event at Lake Spore, Poland // Catena. 2020. Vol. 191. 104565.

Rădoane M., Nechita C., Chiriloaei F., Rădoane N., Popa I., Roibu C., Robu D. Late Holocene fluvial activity and correlations with dendrochronology of subfossil trunks: Case studies of northeastern Romania // Geomorphology. 2015. Vol. 239. P. 142–159.

Ran M., Chen L. The 4.2 ka BP climatic event and its cultural responses // Quaternary International. 2019. Vol. 521. P. 158–167.

Roland T. Was there a 4.2 kyr event in Great Britain and Ireland? Evidence from the peatland record: PhD thesis. Exeter, 2012.

Roland T.P., Caseldine C.J., Charman D.J., Turney C.S.M., Amesbury M.J. Was there a '4.2 ka event' in Great Britain and Ireland? Evidence from the peatland record // Quaternary Science Reviews. 2014. Vol. 83. P. 11–27.

Ryabogina N.E., Nasonova E.D., Borisov A.V., Idrisov I.A. Holocene vegetation and climate changes in the North-Eastern Caucasus (pollen data from mountains and plain peatlands) // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Vol. 438: The 5th International Conference "Ecosystem dynamics in the Holocene". 2020. 012024.

Sabatier P., Wilhelm B., Ficetola F.G., Moiroux E., Poulenard, J. Develle A.-L., Bichet A., Chen W., Pignol C., Reyss J.-L., Gielly L., Bajard M., Perrette Y., Malet E., Taberlet P., Arnaud F. 6-kyr record of flood frequency and intensity in the western Mediterranean Alps – Interplay of solar and temperature forcing // Quaternary Science Reviews. 2017. Vol. 170. P. 121–135.

Sherwood S., Windingstad J., Barker A., O'Shea J., Sherwood W. Evidence for Holocene aeolian activity at the close of the Middle Bronze Age in the Eastern Carpathian basin: geoarchaeological results from the Mureş River Valley, Romania // Geoarchaeology. 2013. Vol. 28, iss. 2. P. 131–146.

Staubwasser M., Weiss H. Holocene climate and cultural evolution in late prehistoric–early historic West Asia // Quaternary Research. 2006. Vol. 66, iss. 3. P. 372–387.

Swierczynski T., Lauterbach S., Dulski P., Delgado J., Merz B., Brauer A. Mid- to late Holocene flood frequency changes in the northeastern Alps as recorded in varved sediments of Lake Mondsee (Upper Austria) // Quaternary Science Reviews. 2013. Vol. 80. P. 78–90.

Weiss H. Global megadrought, societal collapse and resilience at 4.2–3.9 ka BP across the Mediterranean and west Asia // Past Global Changes. 2016. Vol. 24, № 2. P. 62–63.

Weiss H., Courty M.-A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A. The genesis and collapse of third millennium North Mesopotamian civilization // Science. 1993. Vol. 261, iss. 5124. P. 995–1004.

PALEOECOLOGY – CULTURE GENESIS – METAL PRODUCTION: THE REASONS AND MECHANISMS OF THE CHANGE OF PERIODS IN THE CULTURAL SPACE OF THE SOUTH OF EASTERN EUROPE AT THE TURN OF THE MIDDLE AND LATE BRONZE AGES

Roman A. Mimokhod[a,#], EvgenyI. Gak[b,##], Tatiana E. Khomutova[c,###], Natalia E. Ryabogina[d,####], Alexandr V. Borisov[c,#####]

[a] *Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[b] *The State Historical Museum, Moscow, Russia*

[c] *Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science RAS, Pushchino, Russia*

[d] *Institute of the Problems of Northern Development, Siberian Branch of RAS, Tyumen, Russia*

[#]*E-mail: mimokhod@gmail.com*

[##]*E-mail: e.i.gak@mail.ru*

[###]*E-mail: khomutova-t@rambler.ru*

[####]*E-mail: nataly.ryabogina@gmail.com*

[#####]*E-mail: a.v.borisovv@gmail.com*

The paper presents a comprehensive analysis of the issues of cultural genesis, paleoecology, metallurgy and metalworking during the period of transition from the Middle to Late Bronze Age in the steppe and forest-steppe zone of Eastern Europe. The data obtained, combined with Russian and foreign studies, make it possible to re-evaluate the causes and consequences of the processes that led to the formation of the cultural and historical situation of the Late Bronze Age. The study shows that climatic events of the late 3rd millennium BC and the associated deterioration of winter conditions caused two cultural outbursts from Central Europe and the Caucasus to the East European steppe and forest-steppe zone up to the boundary of forests. This was followed by the disintegration of community of catacomb cultures and arising on its basis of a block of post-catacomb cultural formations (PCB) – the Babino and the Lola cultural circles (2200–2000 CalBC). Humidization of climate in the period between 2000–1800 CalBC provoked a sharp decline in population in desert steppes, which hindered the transit of Caucasian metal further northward, to the bearers of chariot cultural formations that were developing in the steppe and forest-steppe. The reduced flow of Caucasian materials could not satisfy the demands of rapidly developing militarized societies of chariot cultures, as a result of which the demand for the Ural metal increased sharply. This led to a reorientation of the vectors of cultural influences and eventually to a change in ages and metallurgical provinces.

Keywords: the Middle–Late Bronze Age, the East European forest-steppe, the Caucasus, the Carpathian-Danube region, paleoclimate, migration, cultural genesis, metal production, metallurgical provinces.

REFERENCES

Aleksandrovskiy A.L., 1997. The steppe of the North Caucasus in the Holocene based on the data of palaeosoil studies. Step' i Kavkaz [The steppe and the Caucasus]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 22–29. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 97). (In Russ.)

Bini M., Zanchetta G., Perşoiu A., Cartier R., Català A., Cacho I., Dean J. R., Di Rita F., Drysdale R.N., Finnè M., Isola I., Jalali B., Lirer F., Magri D., Masi A., Marks L., Mercuri A.M., Peyron O., Sadori L., Sicre M.-A., Welc F., Zielhofer C., Brisset E., 2019. The 4.2 ka BP event in the Mediterranean region: an overview. Climate of the Past, vol. 15, no. 2, pp. 555–577.

Bochkarev V.S., 1995. The Carpathian-Danube and Volga-Ural centres of cultural genesis of the Bronze Age (an experience of comparative characteristics). Konvergentsiya i divergentsiya v razvitii kul'tur epokhi eneolita – bronzy Sredney i Vostochnoy Evropy: materialy konferentsii [Convergence and divergence in the development of the Eneolithic – Bronze Age cultures of Central and Eastern Europe: Conference proceedings], 1. V.S. Bochkarev, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 18–29. (Arkheologicheskie izyskaniya, 25). (In Russ.)

Bochkarev V.S., 2017. Stages in the development of metal production in the Late Bronze Age in the south of Eastern Europe. Stratum plus, 2, pp. 159–204. (In Russ.)

Borisov A.V., Mimokhod R.A., 2017. Aridity: forms of manifestation and influence on the steppe zone population in the Bronze Age. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 2, pp. 48–60. (In Russ.)

Breitenbach S.F.M., Plessen B., Waltgenbach S., Tjallingii R., Leonhardt J., Jochum K.P, Meyer N., Goswami B., Marwan N., Scholz D., 2019. Holocene interaction of maritime and continental climate in Central Europe: New speleothem evidence from Central Germany. Global and Planetary Change, 176, pp. 144–161.

Carter V.A., Shinker J.J., Preece J., 2018. Drought and vegetation change in the central Rocky Mountains and western Great Plains: potential climatic mechanisms associated with megadrought conditions at 4200 cal yr BP. Climate of the Past, vol. 14, no. 8, pp. 1195–1212.

Chernykh E.N., 1978. Metallurgical provinces and periodization of the early metal age on the territory of the

USSR. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 4, pp. 53–82. (In Russ.)

Chernykh E.N., 2013. The phenomenon of the West Asian (Eurasian) metallurgical province. Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii: k 70-letiyu akademika A.P. Derevyanko [Fundamental problems of archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia: to the 70th anniversary of Academician A.P. Derevianko]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 386–400. (In Russ.)

Dabkowski Ju., Frodlová Ji., Hájek M., Hájková P., Petr L., Fiorillo D., Dudová L., Horsák M., 2018. A complete Holocene climate and environment record for the Western Carpathians (Slovakia) derived from a tufa deposit. The Holocene, vol. 29, no. 3, pp. 493–504.

Demény A., Kern Z., Czuppon G., Németh A., Schöll-Barna G., Siklósy Z., Leél-Őssy S., Cook G., Serlegi G., Bajnóczi B., Sümegi P., Király Á., Kiss V., Kulcsár G., Bondár M., 2019. Middle Bronze Age humidity and temperature variations, and societal changes in East-Central Europe. Quaternary International, 504, pp. 80–95.

Demkin V.A., 1997. Paleopochvovedenie i arkheologiya: integratsiya v izuchenii istorii prirody i obshchestva [Palaeosoil science and archaeology: integration in studying the history of nature and society]. Pushchino: Pushchinskiy nauchnyy tsentr RAN. 213 p.

Geirsdóttir Á., Miller G.H., Andrews J.T., Harning D.J., Anderson L.S., Florian C., Larsen D.J., Thordarson T., 2019. The onset of neoglaciation in Iceland and the 4.2ka event. Climate of the Past, vol. 15, no. 1, pp. 25–40.

Kargaly [Kargaly], 5. Kargaly: fenomen i paradoksy razvitiya. Kargaly v sisteme metallurgicheskikh provintsiy. Potaennaya (sakral'naya) zhizn' arkhaichnykh gornyakov i metallurgov [Kargaly: the phenomenon and paradoxes of its development. Kargaly in the system of metallurgical provinces. Hidden (sacral) life of prehistoric miners and metal makers]. E.N. Chernykh, ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2007. 200 p.

Khomutova T., Kashirskaya N., Demkina T., Kuznetsova T., Fornasier F., Shishlina N., Borisov A., 2019. Precipitation pattern during warm and cold periods in the Bronze Age (around 4.5–3.8 ka BP) in the desert steppes of Russia: Soil-microbiological approach for palaeoenvironmental reconstruction. Quaternary International, 507, pp. 84–94.

Kiss T., Hernesz P., Sümeghy B., Györgyövics K., Sipos G., 2015. The evolution of the Great Hungarian Plain fluvial system – Fluvial processes in a subsiding area from the beginning of the Weichselian. Quaternary International, 388, pp. 142–155.

Kiyashko A.V., 2000. The dynamics of cultural changes in the East European steppes during the Bronze Age. Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [The Lower Volga archaeological bulletin], 3. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 58–63. (In Russ.)

Litvinenko R.A., 2011. The Babino cultural circle: its name, taxonomy and structure. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 225, pp. 108–123. (In Russ.)

Litvinenko R.O., 2009. Kul'turne kolo Babine (za materialami pokhoval'nikh pam'yatok): avtoreferat disertatsiï ... doktora istorichnikh nauk [The Babino cultural circle (based on the materials from burial sites): an author's abstract of the Doctoral Thesis in History]. Kiïv. 32 p.

Liu F., Feng Z., 2012. A dramatic climatic transition at ~4000 cal. yr BP and its cultural responses in Chinese cultural domains. Holocene, vol. 22, no. 10, pp. 1181–1197.

Mayewski P.A., Rohling E.E., Stager J.C., Karlén W., Maasch K.A., Meeker L.D., Meyerson E.A., Gasse F., van Kreveld S., Holmgren K., Lee-Thorp J., Rosqvist G., Rack F., Staubwasser M., Schneider R.R., Steig E.J., 2004. Holocene climate variability. Quaternary Research, vol. 62, iss. 3, pp. 243–255.

Mimokhod R.A., 2005. The block of post-catacomb cultural formations (problem statement). Problemi doslidzhennya pam'yatok arkheologiï Skhidnoï Ukraïni [Issues of studying archaeological sites of Eastern Ukraine]. Lugans'k: Shlyakh, pp. 70–74. (In Russ.)

Mimokhod R.A., 2014. Post-catacomb period in the Lower Volga region: from the Krivaya Luka cultural group to the Volga-Don Babino culture. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 232, pp. 100–119. (In Russ.)

Mimokhod R.A., 2018. Paleoclimate and cultural genesis in Eastern Europe of the 3rd millennium BC. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 2, pp. 33–48. (In Russ.)

Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1997. Franzhausen. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld I. Horn: Berger. 2 Bd. (Fundberichte aus Österreich Materialehefte, A 5).

Ondrãček J., Šebela L., 1985. Pohřebiště nitranské skupiny v Holešově: katalog nálezú. Kroměříž. 200 p. (Studie Muzea Kroměřižska).

Perşoiu A., Ionita M., Weiss H., 2019. Atmospheric blocking induced by the strengthened Siberian High led to drying in west Asia during the 4.2 ka BP event – a hypothesis. Climate of the Past, vol. 15, no. 2, pp. 781–793.

Perşoiu A., Onac B.P., Wynn J.G., Blaauw M., Ionita M., Hansson M., 2017a. Holocene winter climate variability in Central and Eastern Europe. Scientific Reports, 7, 1196.

Perşoiu I., Rădoane M., 2017. Fluvial activity during the Holocene. Landform dynamics and evolution in Romania. M. Radoane, A. Vespremeanu-Stroe, eds. Cham: Springer. 865 p.

Pittioni R., 1954. Urgeschichte des österreichischhen Raumes. Wien: Franz Deuticke. 854 p.

Pleskot K., Apolinarska K., Kołaczek P., Suchora M., Fojutowski M., Joniak T., Kotrysh B., Kramkowski M., Słowiński M., Woźniak M., Lamentowicz M., 2020. Searching for the 4.2 ka climate event at Lake Spore, Poland. Catena, 191, 104565.

Rădoane M., Nechita C., Chiriloaei F., Rădoane N., Popa I., Roibu C., Robu D., 2015. Late Holocene fluvial activity and correlations with dendrochronology of subfossil trunks: Case studies of northeastern Romania. Geomorphology, 239, pp. 142–159.

Ran M., Chen L., 2019. The 4.2 ka BP climatic event and its cultural responses. Quaternary International, 521, pp. 158–167.

Roland T., 2012. Was there a 4.2 kyr event in Great Britain and Ireland? Evidence from the peatland record: PhD thesis. Exeter.

Roland T.P., Caseldine C.J., Charman D.J., Turney C.S.M., Amesbury M.J., 2014. Was there a '4.2 ka event' in Great Britain and Ireland? Evidence from the peatland record. Quaternary Science Reviews, 83, pp. 11–27.

Ryabogina N.E., Nasonova E.D., Borisov A.V., Idrisov I.A., 2020. Holocene vegetation and climate changes in the North-Eastern Caucasus (pollen data from mountains and plain peatlands). IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 438. The 5th International Conference "Ecosystem dynamics in the Holocene", 012024.

Sabatier P., Wilhelm B., Ficetola F.G., Moiroux E., Poulenard, J. Develle A.-L., Bichet A., Chen W., Pignol C., Reyss J.-L., Gielly L., Bajard M., Perrette Y., Malet E., Taberlet P., Arnaud F., 2017. 6-kyr record of flood frequency and intensity in the western Mediterranean Alps – Interplay of solar and temperature forcing. Quaternary Science Reviews, 170, pp. 121–135.

Sherwood S., Windingstad J., Barker A., O'Shea J., Sherwood W., 2013. Evidence for Holocene aeolian activity at the close of the Middle Bronze Age in the Eastern Carpathian basin: geoarchaeological results from the Mureş River Valley, Romania. Geoarchaeology, vol. 28, iss. 2, pp. 131–146.

Staubwasser M., Weiss H., 2006. Holocene climate and cultural evolution in late prehistoric–early historic West Asia. Quaternary Research, vol. 66, iss. 3, pp. 372–387.

Swierczynski T., Lauterbach S., Dulski P., Delgado J., Merz B., Brauer A., 2013. Mid- to late Holocene flood frequency changes in the northeastern Alps as recorded in varved sediments of Lake Mondsee (Upper Austria). Quaternary Science Reviews, 80, pp. 78–90.

Weiss H., 2016. Global megadrought, societal collapse and resilience at 4.2–3.9 ka BP across the Mediterranean and west Asia. Past Global Changes, vol. 24, no. 2, pp. 62–63.

Weiss H., Courty M.-A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The genesis and collapse of third millennium North Mesopotamian civilization. Science, vol. 261, iss. 5124, pp. 995–1004.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 39–52

ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПООЧЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛОГИНОВ ХУТОР)

© 2022 г. А. А. Швецова[1], *, Е. С. Азаров[2], **

[1] *Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, Нижний Новгород, Россия*

[2] *Государственный исторический музей, Москва, Россия*

**E-mail: asendriy@mail.ru*

***E-mail: hazari4@yandex.ru*

Поступила в редакцию 03.03.2021 г.
После доработки 03.03.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

В статье приводятся результаты изучения керамического комплекса поселения Логинов Хутор – одного из наиболее ранних памятников поздняковской археологической культуры позднего бронзового века. Исследование проведено в рамках историко-культурного подхода и включает анализ внешней (форма и орнаментация сосудов) и внутренней (некоторые аспекты технологии) культуры гончарного производства. Изучение гончарной технологии охватывает культурные традиции подготовительной стадии производства (анализ глинистого сырья и формовочных масс). Итогом работы стало выделение трех групп гончарных традиций, две из которых принадлежали разному по происхождению населению. Первая группа связана с ранним этапом поздняковской культуры, вторая – со срубной культурно-исторической общностью. Третья группа гончарных традиций сложилась в результате культурных контактов носителей двух первых.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, поздняковская культура, керамика, форма, декор, технология, подготовительная стадия гончарного производства, историко-культурный подход.

DOI: 10.31857/S0869606322010184

Поселение Логинов Хутор расположено на песчаном всхолмлении поймы правого берега р. Ока, вблизи северо-западной границы г. Рязань (Археологическая карта..., 1993. С. 58, 59). Археологический памятник был выявлен в начале XX в. В.А. Городцовым, но первые раскопки проведены только в 1968–1969 гг. экспедицией Государственного исторического музея (ГИМ) под руководством Т.Б. Поповой (1969б; 1974. С. 223–230). На вскрытой площади в 356 м^2 были выявлены остатки двух “полуземляночных” построек подпрямоугольной в плане формы площадью 65.7 и 50 м^2. Вдоль одной из стен снаружи каждой постройки располагалось погребение с остатками кремации и погребальным инвентарем. Близость могильных ям, а также наличие кострищ и мощных зольников с врытыми в них целыми сосудами, возможные остатки ритуальной пищи и ряд иных находок внутри одной из построек позволили Т.Б. Поповой усомниться в определении ее функции как жилища (Попова, 1974. С. 227).

Обнаруженные в ходе раскопок предметы были вмещены в слой серого песка (культурный слой) мощностью до 70 см и в слой темно-серого (почти черного) песка, который составлял заполнение построек (Попова, 1974. С. 224). С учетом особенностей топографии и стратиграфии памятника, а также наличия двух открытых комплексов построек вопрос о культурной и хронологической целостности всего полученного материала остается дискуссионным. Автором раскопок памятник отнесен к раннему периоду поздняковской археологической культуры (Попова, 1974. С. 228–230). Вместе с тем Т.Б. Попова часть керамики связывала с “предпоздняковским временем” (Попова, 1969а. С. 71; 1974. С. 229). Позднее эта керамика была отнесена к примокшанской культуре конца III тыс. до н.э. (Королев, 2013. С. 93). Б.А. Фоломеев в свою очередь определял существование всего основного керамического комплекса в целом “допоздняковским временем” (Фоломеев, 2017. С. 328). Учитывая современные представления о хронологии основной массы поздняковских древностей – вторая четверть II тыс. до н.э. (Воронин, 2013. С. 330; Сулержицкий, Фоломеев, 1993. С. 50–52. Табл. 1), поселение более правильно датировать первой четвертью II тыс. до н.э.

Таблица 1. Виды и подвиды глинистого сырья керамики поселения Логинов Хутор, число сосудов и %
Table 1. Types and subtypes of clay raw materials for pottery from the settlement of Loginov Khutor, the number of vessels and proportion in %

Вид сырья	Степень ожелезненности	Степень запесоченности	Число сосудов	%
Илистая глина	Ожелезн.	Незапес.	8	7.9
		Слабозапес.	2	2
		Среднезапес.	1	1
	Неожелезн.	Среднезапес.	2	2
Всего			13	12.9
Глина	Ожелезн.	Незапес.	**34**	**33.7**
		Слабозапес.	**25**	**24.8**
		Среднезапес.	11	10.9
		Запес.	4	4
	Неожелезн.	Слабозапес.	**14**	**13.9**
Всего			89	87.1
Итого			*101*	*100*

В ходе раскопок обнаружено свыше 8 тыс. фрагментов керамики (Попова, 1974. С. 227), однако, коллекция предметов, доступная для изучения в фондах Исторического музея[1], насчитывает всего около 2.5 тыс. фрагментов сосудов и несколько полных форм[2]. Ранее объектом специального анализа выступала только система орнаментации сосудов (Попова, 1985. С 148–154). Т.Б. Поповой было указано общее число орнаментированных сосудов (88%), отмечены преимущественное употребление для декорирования зубчатых штампов и инструментов с округлой рабочей частью и широкое использование таких узоров, как зигзаги, “елочки”, треугольники, параллельные линии, фестоны и бахрома.

Волго-Окское междуречье в поздний период бронзового века было широко освоено племенами поздняковской культуры. Число зафиксированных памятников составляет более 300, около 50 из них в разной степени исследовано археологическими раскопками и шурфовочными работами. При этом среди ученых все еще не сложилось единого мнения о путях формирования поздняковской культуры и ее развитии. Обращение к керамическим материалам раннего памятника для определения гончарных традиций оставившего его населения – один из важных шагов для рассмотрения проблемы происхождения поздняковской культуры.

[1] Раскопки 1968 г. – ГИМ 100935; раскопки 1969 г. – ГИМ 101357.

[2] На постоянное хранение была взята максимально информативная часть массового материала (венчики, отдельные стенки, донца), а неинформативная часть оставлена на месте раскопок после камеральной обработки.

Методика. Изучение керамики памятника Логинов Хутор[3] проведено с позиций историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским (1978, 1999), а позднее развитого другими последователями (Цетлин, 2012, 2017, 2018; Волкова, 2010; Васильева, Салугина, 2015). В статье изложены результаты анализа форм и орнаментации сосудов, а также гончарной технологии на подготовительной стадии производства.

Анализ форм сосудов по массовому фрагментированному материалу оказался возможным только на уровне исследования естественной структуры форм. Для этого использованы фрагменты верхних частей с сохранившимся (полностью или частично) плечом, предплечьем или плечом/предплечьем. Исследованная выборка составила 107 различных сосудов. Кроме того, для семи полных форм сосудов получена информация об их общей пропорциональности.

Изучение декора включало технологический и стилистический анализы орнамента по методике, предложенной Ю.Б. Цетлиным (2008. С. 18–28; 2012. С. 196–203). Кроме того, рассматривался способ механической обработки внешней поверхности сосудов.

Анализ навыков труда мастеров на подготовительной стадии гончарного производства включал получение информации о характере исходного пластичного сырья, способах его обработки и навыках составления формовочных масс. Для этого с помощью микроскопа Микромед МС-2-ZOOM исследованы обломки от 101 сосуда, по которым изучались форма и орнамент изделий.

[3] Материал, отнесенный Т.Б. Поповой к “предпоздняковскому времени”, в выборку не включен.

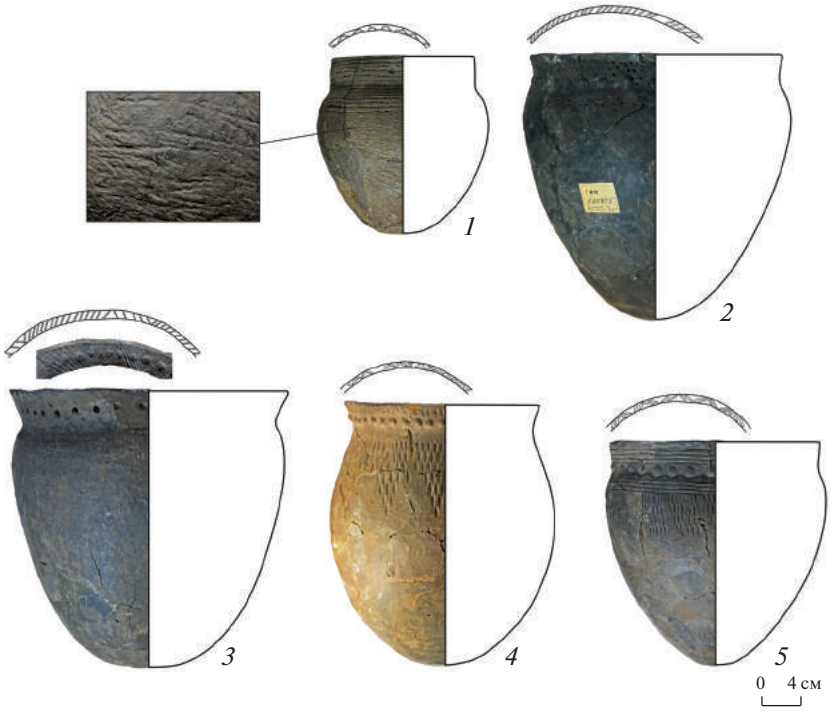


Рис. 1. Полные формы сосудов. *1*, *2* – сосуды из постройки 1; *3–5* – сосуды из погребений.
Fig. 1. Full shapes of vessels

Исследовательские возможности историко-культурного подхода не исчерпываются получением информации о гончарных традициях определенного коллектива. Они позволяют использовать полученные сведения для реконструкции истории древнего населения (Бобринский, 1978. С. 242–265; 1999. С. 48–74; Цетлин, 2012. С. 125–136, 227–243). Это особенно важно для изучения раннего этапа развития поздняковской культуры, когда происходило ее формирование.

Форма сосудов. Анализ общей пропорциональности семи сосудов, из которых пять лучшей сохранности (рис. 1), показал, что все они имеют средние/высокие пропорции – от 1.926 до 2.376, т.е. относятся к 44–46-й ступеням шкалы качеств общей пропорциональности (Цетлин, 2018. С. 129).

Изучение естественной структуры форм позволило получить информацию о видах конструкций сосудов, которые использовались жителями поселения Логинов Хутор. По изученным материалам удалось выделить семь разных по степени сложности конструкций:

Г (губа) + Т (тулово) + ОТ (основание тулова) – 11 сосудов (10.3%);

Г + ПП (предплечье) + Т + ОТ – 8 сосудов (7.5%);

Г + Ш (шея) + ПП + Т + ОТ – 43 сосуда (40.2%);

Г + Щ(щека) + ПП + Т + ОТ – 18 сосудов (16.8%);

Г + Ш + П/ПП(плечо/предплечье) + Т + ОТ – 1 сосуд (0.9%);

Г + Щ/Ш(щека/шея) + ПП + Т + ОТ – 24 сосуда (22.4%);

Г + Щ/Ш + П/ПП + Т + ОТ – 2 сосуда (1.9%).

Массовое распространение имели пять 5-частных конструкций (82.2%), среди которых наиболее часто использовались три: Г+Ш+ПП+Т+ОТ (40.2%) (рис. 1, *1*, *4*, *5*; 2, *8*, *10*, *12*, *15*, *16*; 3, *2–12*; 4, *7–11*), Г+Щ/Ш+ПП+Т+ОТ (22.4%) (рис. 1, *3*, рис. 2, *2*, *5*, *7*, *14*; рис. 3, *1*; рис. 4, *4-6*) и Г+Щ+П+Т+ОТ (16,8%) (рис. 2, *1*, *3*, *4*, *6*, *9*; 4, *1–3*). Морфологически это сосуды горшковидных форм. Значительно реже изготавливались 4- и 3-частные сосуды (7.5 и 10.3% соответственно). Это сосуды баночных форм, в первом случае – закрытого типа (рис. 2, *19*, *20*; 3, *13–16*; 4, *13*), во втором – открытого (рис. 2, *18*, *21*, *22*; 3, *17–19*; 4, *12*).

Из семи полностью сохранившихся форм шесть сосудов имели округлые донные части и один – плоское дно. Среди массового материала преобладают плоские днища (94%), из которых более трети – имеют закраины (или сапожок). Одно из днищ с кольцевым поддоном. Округлые днища представлены 11 фрагментами (6%).

Рис. 2. Сосуды (*1–22*) I группы (глинистое сырье + дресва + органический раствор, глинистое сырье + дресва).
Fig. 2. Vessels (*1–22*) of group I (clay raw material + grit + organic solution, clay raw material + grit)

Рис. 3. Сосуды (*1–19*) II группы (глинистое сырье + шамот + органический раствор).
Fig. 3. Vessels (*1–19*) of group II (clay raw materials + grog + organic solution)

Декор. Традиции декорирования сосудов изучались по 104 сосудам (3 сосуда не имели орнаментации). Наиболее массово гончарами поселения Логинов Хутор использовались на сосудах изображения 1-го класса, создающие определенный облик внешней поверхности изделия, и изображения 4-го класса, представляющие собой орнамент (Цетлин, 2012. С. 169).

Изображения 1-го класса (обработка внешней поверхности сосудов). Среди сосудов Логинова Хутора значительно преобладают изделия с нерельефной внешней поверхностью (70%), подвергшейся механическому заглаживанию. Поверхность 27% сосудов была полностью или частично покрыта "бороздчатым" заглаживанием (так называемыми расчесами), выполненным преимущественно зубчатыми штампами (рис. 2, *6*, *8*; 3, *10*, *17*; 4, *7*). Они протаскивались по поверхности вылепленного сосуда, оставляя параллельно ориентированные бороздки, чаще расположенные горизонтально и в единичных случаях вертикально, диагонально или разнонаправленно. Глубина бороздок небольшая, чаще всего менее 1 мм. Внешняя поверхность нескольких сосудов покрыта так называемыми текстильными отпечатками (3%)[4]. Встречаются фрагменты с "ниточными" (рис. 1, *1*; 4, *12*) и "рябчатыми" (рис. 2, *5*) отпечатками. Один из сосудов покрыт хорошо различимыми ниточными отпечатками в виде оттисков перевитого шнура, расположенными разнонаправленно, в том числе пересекающимися (рис. 1, *1*). Рябчатые отпечатки имеют в основном

[4] В целом доля фрагментов керамики с "текстильными" отпечатками в коллекции не превышает 1.5% (Попова, 1985. С. 154).

Рис. 4. Сосуды (*1–13*) III группы (глинистое сырье + дресва + шамот + органический раствор).
Fig. 4. Vessels (*1–13*) of group III (clay raw material + grit + grog + organic solution)

форму удлиненных ячеек, расположенных как плотно, так и разреженно относительно друг друга (рис. 2, *5*).

Изображения 4-го класса (орнамент). ***Орнаментиры.*** Декорирование сосудов осуществлялось инструментами со специально подготовленной рабочей частью, которая могла иметь как гладкую (70.2% случаев), так и рельефную поверхность (28.8% случаев). Среди первых наиболее широко использовались штампы с округлым в сечении окончанием диаметром от 3 до 9 мм (в основном 5–7 мм), оставляющие на поверхности сосуда вдавления округлой формы (32.2%) (рис. 2, *2*, *6*, *10* и др.; 3, *2*, *10*, *12* и др.; 4, *3*, *4*, *7* и др.). Форма их оснований уплощенная, единично полусферическая или с небольшим выступом в центральной части. На втором месте – длинные гладкие штампы (15.9%) в виде шпателей с плоской или дуговидной рабочей частью, имеющие подпрямоугольное или треугольное сечение (рис. 2, *14*, *15*, *21*; 3, *13*, *18*, *19*). На третьем месте – штампы с подовальной рабочей частью (10.6%) длиной от 7 до 20 мм (рис. 2, *6*; 3, *4*, *11*, *13*, *14*; 4, *11*). Еще реже использовались инструменты с треугольной рабочей частью (4.3%) (рис. 3, *5*, *8*, *9*; 4, 6), кольцевидной (вероятно, трубчатые кости или полые стебли растений; 2.9%) (рис. 2, *4*, *8*, *11*), клиновидной (1.9%) (рис. 3, *12*) и прямоугольной (1.4%) (рис. 4, *1*); единично – с каплевидной рабочей частью (рис. 3, *3*) и в форме полумесяца.

Орнаментиры с рельефной рабочей частью массово представлены длинными зубчатыми штампами (20.6%) с мелкими подпрямоугольными зубцами (13.9%) (рис. 2, *1*, *2*, *6*, *8*, *16* и др.; 3, *6*, *17*; 4, *1*). Также в качестве орнаментира применялся перевитой шнур, оттиски которого образовывали линии или вдавления подовальных форм (в тех случаях, когда шнур был согнут в петлю или кольцо; 6.7%) (рис. 2, *3*, *4*, *7*, *12*, *15*; 4, *2*). В нескольких случаях элементы орнамента не оттискивались на поверхности сосуда, а прочерчивались при помощи заостренного инструмента (рис. 4, *5*).

Для декорирования одного сосуда чаще применялось два или три орнаментира (47.1 и 19.2% соответственно), редко – четыре или пять инструментов. При употреблении двух орнаментиров чаще использовались длинные зубчатые или гладкие штампы вместе с инструментами, имеющими округлую рабочую часть (19.2 и 12.5% соответственно) (рис. 2, *1*, *2*, *10*; 3, *2*, *10*). В случаях использования трех орнаментиров чаще это были длинные штампы – гладкие и зубчатые, одиночные штампы округлой формы и перевитый шнур. Применение только одного орнаментира для декорирования сосудов зафиксировано примерно в 27.9% случаев. Наиболее часто для этого использовались штампы с округлой, подовальной или треугольной рабочей частью (рис. 3, *1*, *4*, *11*, *14*; 4, *3*, *4*, *6*, *7*, *12* и др.).

Орнаментальное поле. Декор на сосудах горшковидных форм в подавляющем большинстве случаев занимал всю верхнюю часть: шею, щеку (или щеку/шею) и предплечье (или плечо/предплечье) – 68 сосудов (79.1%) (рис. 1, *2*, *4*, *5*; 2, *1*, *2*, *6*, *8*, *14* и др.; 3, *5*, *6*, *12; 4*, *1*, *2*, *8*, *11*). При этом у некоторых сосудов дополнительным орнаментальным мотивом подчеркивался переход между

этими частями – 22 сосуда (32.3%) (рис. 1, *2*, *4*, *5*; 2, *1*, *2*, *7*, *9* и др.; 4, *7*, *8*). Иногда фиксируются случаи, когда орнаментальное поле с плеча или предплечья спускается на тулово – девять сосудов (13.2%) (рис. 2, *1*, *8*). Однако фрагментация материала не позволяет получить достоверную информацию о количестве подобных сосудов. Характерно, что у большинства сосудов украшался торец губы – 46 экз. (67.6%), и также ее внутренняя сторона – 10 экз. (14.7%) (рис. 1, *3*; 2, *2*, *6*, *16*). Последний случай наиболее характерен для сосудов, имеющих щеку или щеку/шею. Значительно реже сосуды декорировались в пределах только одной функциональной части – 18 экз. (20.9%) (рис. 1, *3*; 2, *5*; 3, *1*; 4, *3*, *4*, *6*). Среди них наиболее часто орнаментальные мотивы располагались в районе шеи, щеки или щеки/шеи и в месте перехода этих частей в предплечье или плечо/предплечье. У большинства таких сосудов дополнительно украшался торец губы.

Сосуды баночных форм открытого типа (без предплечья) декорировались в верхней части тулова (рис. 3, *14*, *17*, *19*; 4, *12*), закрытого типа – в области предплечья, иногда захватывая тулово (рис. 2, *19–21*; 3, *13*, *18*; 4, *13*). Характерно не столь частое, как у горшков, расположение дополнительной зоны орнаментации на торце губы – пять сосудов (27.7%).

Стилистика орнамента при анализе рассматривалась на четырех уровнях: элемент, узор, мотив и образ (Цетлин, 2008. С. 19, 20).

Элементы. Для орнаментации исследованных сосудов использовалось 25 разных элементов. Наибольшее распространение имели ровные линии, наклоненные вправо, влево и ориентированные горизонтально (19.9, 15.1 и 15.4% соответственно), реже ориентированные вертикально относительно оси сосуда (6.8%). Среди других элементов массово применялись “круги” средних размеров (13%) и “жемчужины” (9.2%). Реже употреблялись вертикальные и наклоненные вправо овалы и треугольники (5.1, 3.8 и 3.1%).

Узоры орнамента, состоящие из нескольких элементов, достаточно часто наносились на керамику. На 104 сосудах зафиксировано 60 случаев употребления узоров, представленных 22 различными видами. Наиболее часто применялись горизонтальный зигзаг (35%) (рис. 2, *1*, *6*, *8*, *9* и др.; 3, *6*), углы, направленные острием вниз, вверх или влево (10, 8.3 и 8.3% соответственно) (рис. 2, *6*, *10*, *13*, *14*), и узоры в виде треугольников, состоящие из одиночных оттисков штампа и ориентированные вершинами вниз или вверх (16.7%) (рис. 1, *2*, *4*, *5*; 3, *9*, *10*). Сложные меандровые узоры зафиксированы на двух сосудах (рис. 2, *1*; 3, *6*).

Мотивы. Значительное разнообразие элементов и узоров орнамента определило использование гончарами при декорировании сосудов большого числа разных мотивов. Всего зафиксировано 57 мотивов орнамента, из которых 41 относится к простым и 16 – к сложным. Простые мотивы, ориентированные горизонтально, чаще состоят из повторяющихся элементов: “кругов” (12.7%), “жемчужин” (10.5%) и одиночных горизонтальных линий (3.2%). Среди простых мотивов, составленных из узоров, чаще использовались узоры из двух, трех или четырех горизонтальных линий (6.4, 6.8, 6.4%) (рис. 1, *1*; 2, *2*, *4*, *6–8* и др.; 4, *1*, *2*), двойной зигзаг (3.6%) (рис. 2, *1*, *8*), ряд треугольников, направленных вершинами вниз (3.6%) (рис. 1, *2*, *4*, *5*; 3, *9*, *10*), одиночный зигзаг (2.7%) (рис. 2, *6*, *9*; 3, *6*) и горизонтальная “елочка” (1.8%) (рис. 2, *13*, *14*; 3, *13*). Сложные мотивы, представляющие собой сочетание разных элементов или узоров или совместно элементов и узоров, единичны (7.3%). Обращает на себя внимание группа мотивов (7), в которых происходит наложение одних элементов орнамента на другие (рис. 2, *1*, *3*, *10*, *18*; 4, *2*, *8*).

Более половины изученных сосудов имели декор на торце губы (58.6%). Чаще всего это ряд наклонных вправо или влево коротких линий (49.2 и 11.5%), ряд поперечных коротких линий и зигзаг (по 9.8%). У 11 сосудов мотив орнамента располагался и на внутренней стороне губы. Здесь чаще наносились ряды вертикальных коротких линий и зигзаги (рис. 1, *3*; 2, *2*, *6*, *16*).

Образы орнамента, образованные двумя или тремя соседними мотивами, использовались при декорировании 80% изученных сосудов. Среди них зафиксировано наиболее частое употребление следующих сочетаний: горизонтальная линия + одиночный зигзаг; три-четыре горизонтальные линии + двойной зигзаг (рис. 2, *1*, *8*, *12*); ряд вертикальных вдавлений + три-четыре горизонтальные линии (рис. 2, *3*, *6*; 4, *1*); ряд наклоненных вправо вдавлений + три-четыре горизонтальные линии (рис. 2, *2*, *4*, *10*); ряд вдавлений округлой формы + ряд наклоненных вправо вдавлений (рис. 3, *12*, *18*); ряд вдавлений округлой формы + три-четыре горизонтальные линии; ряд “жемчужин” + три-четыре горизонтальные линии (рис. 1, *5*; 2, *3*, *8*); три-четыре горизонтальные линии + ряд вдавлений округлой формы + три-четыре горизонтальные линии (рис. 2, *2*, *7*); три-четыре горизонтальные линии + ряд “жемчужин” + три-четыре горизонтальные линии (рис. 2, *14*).

Технология изготовления сосудов на подготовительной стадии. Выделение технологической информации о подготовительной стадии производства проведено по обломкам от 101 сосуда.

Отбор исходного пластичного сырья. Для изготовления сосудов было использовано сырье двух видов: ожелезненные и неожелезненные глины (87.1%), а также ожелезненные и неожелезненные илистые глины (12.9%). Определение степени

ожелезненности сырья проводилось после дополнительного обжига небольших фрагментов в муфельной печи до 800°С.

Илистые глины вследствие особенностей формирования характеризуются особым качественным и количественным составом естественных примесей, отличающим их от природных глин (Васильева, 2015. С. 18, 19).

Все илистые глины содержат полуокатанные прозрачные и полупрозрачные зерна песка. Исходя из проведенного технологического анализа, в зависимости от степени ожелезненности и запесоченности илистые глины разделяются на четыре подвида (табл. 1).

1) Неожелезненная среднезапесоченная илистая глина (3 сосуда). Содержит кварцевый песок размером 0.1–0.2 мм в количестве 30–60 включений на 1 см^2; единичные включения кварцевого песка размером 0.3–0.5 мм и пылевидный песок размером <0.1 мм.

2) Ожелезненная незапесоченная илистая глина (8 сосудов). Характеризуется наличием примеси кварцевого песка размером 0.1–0.2 мм в количестве до 10–15 включений на 1 см^2 и единичных частиц кварцевого песка размером 0.3–0.9 мм. Пылевидный песок отсутствует или встречается редко.

3) Ожелезненная слабозапесоченная илистая глина (2 сосуда). Отличается присутствием примеси кварцевого песка размером 0.1–0.2 мм в количестве 15–30 включений на 1 см^2, редких включений кварцевого песка размером 0.3–1 мм и пылевидного песка.

4) Ожелезненная среднезапесоченная илистая глина (1 сосуд). Содержит включения кварцевого песка размером 0.1 мм в количестве 60–70 включений на 1 см^2, редкие включения кварцевого песка размером 0.3–0.5 мм и небольшое количество пылевидного песка.

Большая часть керамики, изготовленная из природных глин, может быть разделена на неожелезненные (13.9%) и ожелезненные (73.3%) глины. Все неожелезненные глины относятся к слабозапесоченным. Среди ожелезненных глин выделяются незапесоченные (33.7%), слабозапесоченные (24.8%), среднезапесоченные (10.9%) и запесоченные (4%). Все эти виды глин содержат в разном количестве преимущественно полуокатанный и прозрачный или полупрозрачный песок (табл. 1).

1) Неожелезненные слабозапесоченные глины (15 сосудов). В состав входят включения кварцевого песка размером 0.1–0.2 мм в количестве до 30 частиц на 1 см^2, редкие зерна кварцевого песка размером 0.3–1 мм и пылевидный песок.

2) Ожелезненные незапесоченные глины (34 сосуда). Содержат включения песка размером 0.1–0.2 мм в количестве до 10–15 зерен на 1 см^2 и отдельные частицы кварцевого песка размером 0.3–0.7 мм. Пылевидный песок отсутствует или содержится в малом количестве.

3) Ожелезненные слабозапесоченные глины (25 сосудов). Характеризуются наличием включений кварцевого песка размером 0.1–0.2 мм в количестве 15–30 частиц на 1 см^2, редких зерен кварцевого песка размером 0.3–1 мм и небольшого количества пылевидного песка.

4) Ожелезненные среднезапесоченные глины (11 сосудов). В составе имеются включения кварцевого песка размером 0.1–0.2 мм в количестве 30–60 частиц на 1 см^2, кварцевого песка размером 0.3–0.5 мм в количестве до 10–12 включений на 1 см^2, редких зерен кварцевого песка размером 0.6–1 мм и пылевидного песка.

5) Ожелезненные запесоченные глины (4 сосуда). Содержат включения кварцевого песка размером 0.1–0.2 мм в количестве от 60 до 120 зерен на 1 см^2; кварцевого песка размером 0.3–1 мм в количестве от 5 до 30 включений на 1 см^2 и пылевидного песка.

Все подвиды глин, кроме естественного кварцевого песка, содержат редкие включения следующих естественных примесей:

– комки чистой глины (размером до 2.5 мм; форма слабоокатанная, реже окатанная);

– охристые включения (размером от 0.1 до 1 мм; форма округлая; структура однородная, рыхлая или мягкая; цвет красно-коричневый, коричневый или коричнево-оранжевый);

– оолиты бурого железняка размером 0.8 мм (1 образец);

– фрагменты выщелоченной раковины моллюсков (6 образцов; щелевидные пустоты, имеющие скругленную форму на продольном срезе; длина 0.3–1.3 мм; встречаются редко);

– известняковые частицы (4 образца; форма округлая или близкая к ней; цвет молочно-белый; размер 0.1–0.7 мм).

Таким образом, при отборе глинистого сырья гончары поселения Логинов Хутор использовали как минимум девять разных мест его добычи. Мастера отдавали предпочтение применению ожелезненных незапесоченных глин (33.7%), а также ожелезненных и неожелезненных слабозапесоченных глин (24.8 и 13.9% соответственно).

Обработка исходного сырья. При составлении формовочных масс все глинистое сырье использовалось в естественно увлажненном состоянии.

Составление формовочной массы. Для изготовления сосудов использовались как однокомпонентные (5.9%), так и многокомпонентные (94.1%) формовочные массы (табл. 2). В качестве минеральных примесей использовались шамот

Таблица 2. Данные о составе формовочных масс керамики поселения Логинов Хутор, число сосудов и %
Table 2. Data on the composition of pastes for pottery from the settlement of Loginov Khutor, the number of vessels and proportion in %

Исходное пластичное сырье	Искусственные компоненты, %				
	Б/д	Д	Д + Ор	Ш+Ор	Д + Ш + Ор
ИГ ожелезн. незапес.	4	2	1		1
ИГ ожелезн. слабозапес.		1	1		
ИГ ожелезн. среднезапес.	1				
ИГ неожелезн. среднезапес.	1	1			
Всего	5.9	4	2		1
Число сосудов	6	4	2		1
Г ожелезн. незапес.			**22.8**	5.9	5
Г ожелезн. слабозапес.			**10.9**	**10.9**	3
Г ожелезн. среднезапес.			4	5.9	1
Г ожелезн. запес.			1	3	
Г неожелезн. слабозапес.			**8.9**	2	3
Всего			47.5	27.7	11.7
Число сосудов			48	28	12

Примечание: ИГ – илистая глина; Г – глина; Б/д – без добавок; Д – дресва; Ор – органика; Ш – шамот.

(50%) и гранитогнейсовая дресва (32%). Зерна дресвы имели размер от 0.1 до 7, преимущественно 1–2 мм. В состав формовочной массы она вводилась в концентрации от 1:6–1:7 до 1:4, в большинстве случаев 1:5 (66%). Шамот дробился в основном до размера частиц в 1–2 мм (общий диапазон размерности – от 0.2 до 6 мм). Вводился в формовочную массу в концентрации до 1:5, преимущественно 1:6 (41%). Для большинства образцов удалось получить информацию о составе формовочных масс сосудов, использованных для изготовления шамота. Чаще всего глинистое сырье шамота было аналогично сырью сосуда, в формовочную массу которого он был добавлен (71%).

Органические добавки представлены растворами. Их наличие в формовочной массе фиксируется по характерному налету (“пленкам”) на стенках крупных пор, между слоями глиняной массы или спаев строительных элементов, а также на минеральных примесях и в пустотах от них. Налет имеет светло-коричневый, желто-коричневый или оранжево-коричневый цвет и нередко густую обволакивающую структуру. Кроме налета, в изломах встречаются отпечатки от выгоревших очень мелких растительных остатков в малой концентрации (некоторые из них обуглены). Они представлены фрагментами твердых частей полых и плоских стеблей растений и их отдельных волокон (длина до 5–6 мм, преимущественно 0.5–2 мм; ширина до 2 мм, преимущественно 0.1–0.7 мм; диаметр 0.1–0.5 мм; количество – чаще всего 2–5 включений на 1 см^2). В тех случаях, когда “пленки” сочетались с растительными остатками, делалось заключение о вероятном использовании выжимки из навоза жвачных животных.

Соотношение видов и подвидов глинистого сырья с искусственными добавками показало использование местными гончарами 23 разных рецептов. Среди них есть однокомпонентные (5.9%), двухкомпонентные (4%), трехкомпонентные (77.2%) и четырехкомпонентные (12.9%). Массовое распространение имели три рецепта (табл. 2):

1) ожелезненная глина + дресва + органический раствор (38.6%);

2) ожелезненная глина + шамот + органический раствор (25.7%);

3) неожелезненная глина + дресва + органический раствор (8.9%).

Результаты изучения состава формовочных масс свидетельствуют о существовании на поселении Логинов Хутор двух групп населения, одна из которых добавляла дресву, а другая – шамот. Присутствие четырехкомпонентных рецептов отражает смешение между представителями этих групп.

Сопоставление морфологической и технологической информации. Т.Б. Попова, характеризуя керамический комплекс Логинова Хутора, отмечала его архаичность и большое разнообразие форм и орнаментации сосудов (Попова, 1974. С. 228; 1985. С. 154). Проведенное технико-технологическое изучение керамики показало ее четкое разделение на три группы по составу формовочных

масс. Это сосуды с рецептами “глинистое сырье + + дресва + органический раствор”, “глинистое сырье + шамот + органический раствор” и “глинистое сырье + дресва + шамот + органический раствор”.

Теперь сравним особенности форм и орнаментации керамики этих трех технологических групп.

Сосуды I группы – глинистое сырье + дресва + + органический раствор и глинистое сырье + дресва – 60 сосудов (59%) (рис. 2).

Для изготовления сосудов массово использовались ожелезненные незапесоченные и слабозапесоченные глины (56.7%). Наряду с ними часто применялись неожелезненные слабозапесоченные глины и ожелезненные незапесоченные илистые глины (по 15%). Примечательно использование гончарами двух разных по цветности глин. Формовочные массы содержали примесь гранитогнейсовой дресвы в концентрации 1:5 и органического раствора. Исходя из морфологических характеристик в состав этой группы также вошли сосуды, изготовленные из илистых глин без искусственных примесей в формовочной массе (5 сосудов).

Среди сосудов преобладают горшки (90%) в большинстве случаев со щекой или щекой/шеей (61%). Сосуды баночного типа редки. Горшки преимущественно декорировались по всей верхней части (83%), включая торец венчика и часто его внутреннюю сторону. Характерно расположение одного из мотивов орнамента в месте перехода шеи, щеки или щеки/шеи в плечо или плечо/предплечье. Для нанесения орнаментации чаще всего использовались инструменты с округлой рабочей частью (32.8%), мелкие зубчатые штампы (17.6%), длинные гладкие штампы (13.7%), инструменты с овальной рабочей частью (9.9%) и перевитой шнур (8.4%). Мотивы орнамента состояли главным образом из таких элементов, как наклоненные и горизонтальные линии (35.7 и 17.9% соответственно), круги (10.2%), “жемчужины” (10.7%) и узоры в виде зигзагов (38.1%), уголков (28.6%) и треугольников (11.9%). Зафиксировано 47 вариантов мотивов. Среди них распространены ряды горизонтальных линий, ямочных вдавлений, “жемчужин” и разнообразные зигзаги. Декор нанесен аккуратно, отличается многокомпонентностью и разнообразием составляющих его мотивов.

Сосуды II группы – глинистое сырье + шамот + + органический раствор – 28 сосудов (28%) (рис. 3).

Сосуды изготавливались преимущественно из ожелезненных незапесоченных или слабозапесоченных глин (61%), реже из среднезапесоченных или запесоченных (21 и 11% соответственно). Формовочная масса содержит примесь шамота размером 1–2 мм в концентрации 1:6 и органический раствор в виде выжимки из навоза.

В отличие от сосудов I группы массовое распространение имели сосуды двух форм: горшковидных и баночных при преобладании первых (61 и 39%). При этом среди горшков наиболее широко распространены сосуды с шеей (82.4%), а не со щекой или щекой/шеей.

Декор на горшковидных сосудах, как правило, расположен на шее, щеке или щеке/шее и на плече или плече/предплечье (81.2%). Но в отличие от сосудов I группы он редко занимает эти части полностью и только в половине случаев дополнен орнаментацией по торцу губы. Декор на сосудах отличается простотой и лаконичностью мотивов, часто выполненных небрежно. Орнаментация преимущественно наносилась инструментами с округлой (26%), овальной (17%) или треугольной (14%) рабочей частью. Использование гладких штампов значительно преобладает над зубчатыми (86 и 14%). В стилистическом отношении характерно использование таких элементов орнамента, как наклоненные линии (26%), круги (20%), вертикальные овалы и треугольники (по 12%), употребление “жемчужин” единично. Узоры использовались редко. Мотивы орнамента представлены рядами наклоненных вправо отпечатков, ямочных вдавлений и вертикальных овалов (20 разных мотивов).

Сосуды III группы – глинистое сырье + дресва + + шамот + органический раствор – 13 сосудов (13%) (рис. 4).

Сосуды этой группы сочетают в себе черты I и II групп, что проявляется как в технологии их изготовления, так и в морфологических особенностях. В качестве пластичного сырья использовались почти исключительно природные глины разной степени ожелезненности и запесоченности (92%). Очень редко применялись илистые глины (8%). Для этой группы важно отметить использование как ожелезненных, так и неожелезненных глин в заметном соотношении (соответственно 38 и 23%), что указывает на различия гончаров по навыкам отбора исходного сырья. Похожая картина была характерна для керамики I группы. Рецепты формовочных масс содержат и дресву, и шамот. При этом по концентрации примесь дресвы (1:5) немного доминирует над примесью шамота (1:6 и менее). Также в состав формовочных масс входил органический раствор – в основном выжимка из навоза. К этой группе относятся горшки как со щекой или щекой/шеей, так и с шеей (соответственно 38 и 39%), встречаются и баночные сосуды.

В орнаментации также прослеживаются черты первых двух групп. Зоны декора на горшках могли быть расположены как на всех верхних частях – шее, щеке или щеке/шее совместно с предплечьем (54.5%), так и на одной из них или, что чаще, в месте соединения разных функциональных ча-

стей. У большинства сосудов дополнительно декорирован торец губы. Орнаментация преимущественно наносилась инструментами с округлой рабочей частью (38%), длинными гладкими штампами (29%), мелкими зубчатыми штампами и перевитым шнуром (по 10%). Для декорирования наиболее часто использовались наклоненные и горизонтальные линии (43 и 13% соответственно), круги (17%) и "жемчужины" (10%). Узоры создавались в единичных случаях. Среди мотивов наиболее распространены ряды вдавлений округлой формы (22%), ряды "жемчужин" (17%) и ряды горизонтальных и наклоненных влево коротких линий (11%). Встречается наложение одних мотивов орнамента на другие. Манера исполнения декора различна: как простой и небрежно выполненный, так и более сложный и аккуратный.

Выводы. Результаты изучения керамического комплекса поселения Логинов Хутор позволили выделить по ряду морфологических и технологических характеристик три хорошо различимые группы сосудов. При этом можно уверенно говорить об изготовлении гончарами поселения сосудов по двум устойчивым гончарным традициям, выявленным по сосудам I и II групп. Начавшийся процесс смешения носителей этих традиций демонстрируют сосуды III группы. Опираясь на разработки, существующие в рамках историко-культурного подхода (Бобринский, 1999. С. 48–74: Цетлин, 2012. С. 125–136, 227–243), можно полагать, что за изготовлением сосудов первых двух групп стояли две разные в культурном отношении группы населения, между которыми происходили культурные контакты. При этом население, изготавливавшее сосуды I группы, было доминантным по отношению к населению, делавшему сосуды II группы. Об этом свидетельствует преобладание более чем в два раза сосудов I группы, а также появление и массовое распространение в орнаментации сосудов смешанной III группы "жемчужных" элементов орнамента. Нужно отметить, что фрагменты сосудов I и II групп фиксировались в слое совместно на всех глубинах, в том числе и в заполнении построек. При этом показательно, что все целые сосуды (за исключением одного), обнаруженные вкопанными внутри постройки и рядом с ней, а также сосуды, помещенные в погребения, относятся к I группе.

Все это свидетельствует о культурной неоднородности населения Логинова Хутора раннего этапа поздняковской культуры. Носители I группы гончарных традиций, выступающие в роли доминантных, могут быть определены как относящиеся к поздняковской культуре. Однако сосудам этой группы присущ ряд морфологических черт, которые заметно выделяют их среди сосудов, происходящих из других керамических комплексов поздняковской культуры. Прежде всего, это присутствие сосудов средних/высоких пропорций с округлой донной частью и раструбообразным горлом (с щекой и щекой/шеей в составе естественной структуры формы). Для таких сосудов характерно наличие внутреннего ребра при переходе щеки и щеки/шеи в плечо или плечо/предплечье. Некоторые из горшковидных сосудов имеют дуговидное оформление горла, которое создается за счет губы, имеющей внутренний наклон. В стилистике декора обращает на себя внимание обилие мотивов с использованием рядов из нескольких горизонтальных линий (трех и более) и рядов плотно расположенных друг к другу наклоненных или вертикальных оттисков штампа, а в технике декорирования – частое использование перевитого шнура. Учитывая эти особенности, вероятно, следует рассматривать I группу сосудов как относящуюся к отдельному типу древностей, сформировавшихся под влиянием хронологически более ранних культур лесостепной зоны.

Носители II группы гончарных традиций, находившиеся в положении рецессивных, могут быть соотнесены со срубной культурно-исторической общностью. Морфологически сосуды находят многочисленные аналогии в керамических комплексах срубных памятников (Семенова, 2000; Ставицкий, 2001; Шитов и др., 2008. С. 433–454; Васильева, Салугина, 2017). Близка и технология изготовления сосудов на подготовительной стадии гончарного производства (преимущественное использование слабозапесоченных глин с добавлением примеси шамота и выжимки из навоза) (Салугина, 2019).

Интерпретируя результаты исследования, можно предположить более позднее появление носителей традиций срубной культурно-исторической общности на территории поселения Логинов Хутор и их постепенное смешение с местным населением, что отразилось в сложении III гончарной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта России: Рязанская область. Ч. 1 / Под ред. Ю.А. Краснова. М.: ИА РАН, 1993. 261 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский А.А. и др. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 1999. С. 5–109.

Васильева И.Н. О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: междунар. симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва) / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2015. С. 18–23.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства (СЭЭИДГ): 25 лет работы // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 8–27.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Кротовское I поселение срубной культуры в Самарском Заволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6. Самара: Кн. изд-во, 2017. С. 391–473.

Волкова Е.В. Орнаментальные традиции фатьяновских гончаров (опыт выделения субстратных и приспособительных традиций) // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин и др. М.: ИА РАН, 2010. С. 88–106.

Воронин К.В. Комплекс бронзового века поселений Песочное-1 и Дмитриевская слобода II // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Под ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 329–344.

Королев А.И. О предпоздняковском субстрате поздняковской культуры // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 92–96.

Попова Т.Б. Допоздняковские памятники в Окском бассейне // Экспедиции Государственного исторического музея: доклады на сессии Ученого совета ГИМ, 5–7 февраля 1969 г. / Под ред. В.П. Левашовой. М.: Гос. ист. музей, 1969а. С. 64–73.

Попова Т.Б. Отчет о работе Окской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. 1969б. Р-1. № 3737.

Попова Т.Б. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью // Археология Рязанской земли / Ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 222–235.

Попова Т.Б. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняковской культуры на Средней Оке // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Гос. ист. музей, 1985 (Труды Гос. ист. музея; вып. 60). С. 133–185.

Салугина Н.П. Гончарство населения срубной культуры Волго-Уралья // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): материалы Междунар. конф. Т. II. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 260–261.

Семенова А.П. Погребальные памятники срубной культуры // Васильев И.Б. и др. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Самарский науч. центр РАН, 2000. С. 152–208.

Ставицкий В.В. Срубные памятники Пензенского Примокшанья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2001. С. 44–57.

Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна средней Оки // Древние памятники Окского бассейна / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: Науч.-произв. центр по охране памятников истории и культуры Рязанской обл., 1993. С. 42–55.

Фоломеев Б.А. Типология текстильных отпечатков и хронологическое распространение отдельных видов сетчатых фактур. Дополнения из черновиков // Археология евразийских степей. 2017. № 4. С. 319–335.

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К, 2008. 352 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

Цетлин Ю.Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.

Шитов В.Н., Ямашкин А.А., Ставицкий В.В., Королев А.И., Гришаков В.В. Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы: монография. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 552 с.

POTTERY MAKING TRADITIONS OF THE MIDDLE OKA POPULATION IN THE BRONZE AGE (based on materials from the Pozdnyakovo settlement of Loginov Khutor)

Anastasia A. Shvetsova[a,#], Evgeny S. Azarov[b,##]

[a] *The Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve, Nizhny Novgorod, Russia*

[b] *The State Historical Museum, Moscow, Russia*

[#] *E-mail: asendriy@mail.ru*

[##] *E-mail: hazari4@yandex.ru*

The article presents the results of studying the pottery complex of the Loginov Khutor settlement, one of the earliest sites of the Pozdnyakovo archaeological culture of the Late Bronze Age. The study is based on historical and cultural approach and includes an analysis of the external (shapes and ornamentation of vessels) and internal (some aspects of technology) culture of pottery making. The study of pottery technology comprises the cultural traditions of the preparatory stage of production (analysis of clay raw materials and paste materials). As a result, the authors identified three groups of pottery traditions, two of which belonged to popula-

tions of different origins. Group I is associated with the early stage of the Pozdnyakovo culture, while group II – with the Timber-grave cultural and historical community. The third group of pottery traditions developed as a result of cultural contacts between the bearers of group I and group II traditions.

Keywords: the Late Bronze Age, the Pozdnyakovo culture, pottery, form, decor, technology, preparatory stage of pottery production, historical and cultural approach.

REFERENCES

Arkheologicheskaya karta Rossii: Ryazanskaya oblast' [Archaeological map of Russia: Ryazan Region], 1. Yu.A. Krasnov, ed. Moscow: IA RAN, 1993. 261 p.

Bobrinskiy A.A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy: istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe: sources and methods of study]. Moscow: Nauka. 272 p.

Bobrinskiy A.A., 1999. Pottery technology as an object of historical and cultural studies. Bobrinskiy A.A. et al. Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva: kollektivnaya monografiya [Topical issues of studying ancient pottery: a collective monograph]. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 5–109. (In Russ.)

Folomeev B.A., 2017. Typology of textile imprints and chronological distribution of certain net-impressed textures. Additions from drafts. Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archaeology of the Eurasian steppes], 4, pp. 319–335. (In Russ.)

Korolev A.I., 2013. On the pre-Pozdnyakovo substrate of the Pozdnyakovo culture. Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara scientific bulletin], 4 (5), pp. 92–96. (In Russ.)

Popova T.B., 1969a. Pre-Pozdnyakovo sites in the Oka region. Ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya: doklady na sessii Uchenogo soveta GIM, 5–7 fevralya 1969 g. [Expeditions of the State Historical Museum: Reports at the session of the Academic Council of the State Historical Museum, February 5–7, 1969]. V.P. Levashova, ed. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 64–73. (In Russ.)

Popova T.B., 1969б. Otchet o rabote Okskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Report on the activities of the Oka archaeological expedition]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS], R-1, № 3737.

Popova T.B., 1974. Study of the Bronze Age sites on the Kanishchevo dunes near Ryazan. Arkheologiya Ryazanskoy zemli [Archaeology of the Ryazan land]. A.L. Mongayt, ed. Moscow: Nauka, pp. 222–235. (In Russ.)

Popova T.B., 1985. The significance of ornamental motives and pottery shapes for dating Pozdnyakovo culture sites in the Middle Oka region. Novye materialy po istorii plemen Vostochnoy Evropy v epokhu kamnya i bronzy [New materials on the history of tribes of East Europe in the Stone and Bronze Ages]. N.Ya. Merpert, ed. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 133–185. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 60). (In Russ.)

Salugina N.P., 2019. Pottery of the Timber Grave population in the Volga-Ural region. Drevnosti Vostochnoy Evropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii): materialy Mezhdunarodnoy konferentsii [Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and South Siberia in the context of connections and interactions in the Eurasian cultural space (new data and concepts): Proceedings of the International conference], II. St. Petersubrg: IIMK RAN, pp. 260–261. (In Russ.)

Semenova A.P., 2000. Burial sites of the Timber Grave culture. Vasil'ev I.B. et al. Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Bronzovyy vek [History of the Samara area of the Volga region from earliest times to the present day. Bronze Age]. Samara: Samarskiy nauchnyy tsentr RAN, pp. 152–208. (In Russ.)

Shitov V.N., Yamashkin A.A., Stavitskiy V.V., Korolev A.I., Grishakov V.V., 2008. Arkheologiya Mordovskogo kraya: Kamennyy vek, epokha bronzy: monografiya [Archaeology of the Mordovian land: the Stone Age and the Bronze Age: monograph]. Saransk: Nauchno-issledovatel'skiy institut gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. 552 p.

Stavitskiy V.V., 2001. Timber Grave sites in the Penza area of the Moksha region. Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga archaeological bulletin], 4. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 44–57. (In Russ.)

Sulerzhitskiy L.D., Folomeev B.A., 1993. Radiocarbon dates of archaeological sites in the Middle Oka region. Drevnie pamyatniki Okskogo basseyna [Ancient sites of the Oka River region]. V.P. Chelyapov, ed. Ryazan': Nauchnyy-proizvodstvennyy tsentr po okhrane pamyatnikov istorii i kul'tury Ryazanskoy oblasti, pp. 42–55. (In Russ.)

Tsetlin Yu.B., 2008. Neolit tsentra Russkoy ravniny: ornamentatsiya keramiki i metodika periodizatsii kul'tur [The Neolithic of the centre of the Russian Plain: Pottery ornamentation and methods of periodization of cultures]. Tula: Grif i K. 352 p.

Tsetlin Yu.B., 2012. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient pottery. Theory and methods of the historical and cultural approach]. Moscow: IA RAN. 384 p.

Tsetlin Yu.B., 2017. Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Pottery. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow: IA RAN. 346 p.

Tsetlin Yu.B., 2018. On the general approach and methodology for the systemic study of shapes of vessels. Formy glinyanykh sosudov kak ob"ekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyy podkhod [Shapes of clay vessels as an object of study. Historical and cultural approach]. Yu.B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 124–179. (In Russ.)

Vasil'eva I.N., 2015. On the identification of the types of original plastic raw materials for ancient pottery and their areas in the Neolithic (based on materials from the Volga region). Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii: mezhdunarodnyy simpozium (2013) [Modern approaches to the study of ancient pottery in archaeology: International symposium (2013)]. Yu.B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 18–23. (In Russ.)

Vasil'eva I.N., Salugina N.P., 2015. The Samara Expedition for the Experimental Study of Ancient Pottery (SEESAP): 25 years of work. Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara scientific bulletin], 3 (12), pp. 8–27. (In Russ.)

Vasil'eva I.N., Salugina N.P., 2017. The Krotovka I settlement of the Timber Grave culture in the Samara Trans-Volga region. Voprosy arkheologii Povolzh'ya [Issues of the Volga region archaeology], 6. Samara: Knizhnoe izdatel'stvo, pp. 391–473. (In Russ.)

Volkova E.V., 2010. Ornamental traditions of the Fatyanovo potters (an experience of isolating substrate and adaptive traditions). Drevnee goncharstvo. Itogi i perspektivy izucheniya [Ancient pottery. Results and prospects of the study]. Yu.B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 88–106. (In Russ.)

Voronin K.V., 2013. The Bronze Age complex of settlements Pesochnoye-1 and Dmitrievskaya Sloboda II. Tverskoy arkheologicheskiy sbornik [Tver collected papers in archaeology], 9. I.N. Chernykh, ed. Tver': Triada, pp. 329–344. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 53–66

КУЛЬТОВОЕ МЕСТО ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ НА ГОРЕ КРУТАЯ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

© 2022 г. Н. С. Савельев*

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

**E-mail: sns_1971@mail.ru*

Поступила в редакцию 01.05.2021 г.
После доработки 25.05.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

Публикуются два лепных сосуда, найденных в перевернутом виде и сфотографированных жителями г. Магнитогорск в скальном навесе около д. Салаватово Абзелиловского р-на Башкортостана. Находки происходят со склона горы Крутой, являющейся одной из передовых возвышенностей хребта Крыкты, на границе горно-лесной и горно-степной зон. Анализ сосудов свидетельствует об их принадлежности южной части населения иткульской культуры, на формирование керамических традиций которого значительное влияние оказало более восточное бархатовское население. Показано, что данная группа носителей иткульской культуры, освоившая озерные предгорья вдоль восточного склона Южного Урала до широты Магнитогорска, существовала в постоянном взаимодействии с кочевниками скифо-сарматского времени. Вероятно, оно проявлялось в формировании устойчивой системы брачных связей. Это привело к широкому распространению иткульской (и созданной по ее мотивам как своеобразной “лесостепной моды”) керамики в кочевнических погребениях. Также инкорпорированная часть лесостепного населения принесла в кочевническую среду культы и ритуалы, характерные для значительно более северных территорий. Типологически публикуемое культовое место сближается с иткульскими одноактными святилищами. На основе известных археологических и этнографических аналогий данный комплекс интерпретирован как захоронение материнского последа или как результат совершения какого-то иного постпогребального обряда. Находки датированы V в. до н.э. или рубежом V–IV вв. до н.э.

Ключевые слова: Южный Урал, горно-степная зона, ранние кочевники, иткульская культура, святилища.

DOI: 10.31857/S0869606322010172

Абсолютное большинство памятников кочевников Южного Урала скифо-сарматского времени представлено погребениями. Постепенно, благодаря проведению детального обследования территорий и значительным по объему раскопкам, источниковая база по кочевникам середины I тыс. до н.э. начала пополняться данными по стоянкам и поселениям, металлургическим комплексам, кратковременным убежищам, крупным культовым объектам, небольшим летовочным святилищам и т.д. Настоящая статья посвящена публикации культового места, которое может быть интерпретировано как захоронение материнского последа или как площадка совершения какого-то иного постпогребального обряда.

В 1986 г. жители г. Магнитогорск (Челябинская обл., РФ) А.Ш. Минигалеев и Е.А. Криставчук принесли в городской историко-краеведческий музей два древних сосуда, найденных ими во время отдыха в горах, в 35 км западнее города (рис. 1). Судя по рассказам находчиков, отраженным в научном отчете сотрудника музея Г.И. Перегрюмовой, сосуды были найдены “в 15 км от оз. Банное в районе хребта Крыхтытау Салаватовской крехты на южном склоне горы “Крутой” (название условно)” (Перегрюмова, 1986; см. также: Старикова, 2013. С. 96)[1]. В небольшой нише скалы один в другом стояли два сосуда – оба кверху дном. Важно, что находчики сфотографировали сосуды в нетронутом виде (рис. 2; 3) и только после этого вынули их из ниши. По словам Г.И. Стариковой, побывавшей тогда же на месте

[1] С данным отчетом меня в 2002 г. познакомил А.Д. Таиров (аффилиация в то время – Челябинский гос. университет) и передал для публикации фотопленку и оригиналы прорисовок найденных сосудов. Позже, осенью 2006 г. я приезжал в Магнитогорский музей, где познакомился с Г.И. Перегрюмовой (Стариковой), которая любезно показала мне сами сосуды и уточнила ряд моментов по обстоятельствам и месту находки. Искренне благодарю Г.И. Старикову и А.Д. Таирова за ознакомление меня с этим комплексом.

находки[2], ниша находится в небольшом скальном выступе на сильно залесенном склоне горы, с которого виден находящийся у ее подножья большой населенный пункт.

Отсутствие каких-либо четких привязок не позволяло все прошедшие годы взяться за публикацию этого комплекса. Только в августе 2019 г., во время работы экспедиции около д. Кусимово на оз. Банное, местные жители пояснили ряд ключевых моментов. Во-первых, каждый участок хребта Крыкты имеет у местного населения наименование по ближайшему населенному пункту, поэтому "Салаватовская крехта" – это участок хребта Крыкты, находящийся непосредственно напротив д. Салаватово Абзелиловского р-на Башкортостана (см. также: Гончарова, 2011. С. 35). Во-вторых, гора Крутая имеет и собственно башкирское название – Тикэтау, локализована она к З от д. Салаватово и является крайней восточной возвышенностью хребта Крыкты (рис. 4; 5), доминирующей над окружающей местностью[3]. На ее южном склоне находится глубокое ущелье с водопадом (рис. 4), а сам склон залесен. В-третьих, это место пользуется очень высокой популярностью у отдыхающих из Магнитогорска. Эти уточнения, вместе с информацией о том, что описываемое место находится "на северо-восток от г. Караташ" и "вниз по ручью 2 км и от ручья 150 м на север, на южном склоне г. Крутой", сделанные карандашом на листах с прорисовкой сосудов (вероятно, Г.И. Стариковой в 1986 г.), позволяют со значительной точностью локализовать и описать место их находки.

Оно находится в 15 км к Ю от оз. Банное (Якты-Куль), в 6 км к СЗ от д. Салаватово и в 7 км к СВ от наивысшей вершины хребта Крыкты – горы Караташ (1118 мБС), на южном крутом склоне горы, имеющей на карте название Кандыбиль (858 мБС), где в узком ущелье начинается р. Могак (рис. 6). Общая длина этой реки – 23 км, она впадает в оз. Чебаркуль, расположенное уже на границе степи и предгорий. У местных жителей "Кандыбиль" (рус. *Кровавая седловина*) – это не только гора, но и водопад в ущелье, в котором также известны и пещеры (Гончарова, 2011. С. 31).

Горный массив Ирендык-Крыкты является крайним восточным хребтом Уральской горной страны и на всем своем протяжении (около 350 км) отделен от остальной полосы гор межгорными депрессиями (Россия..., 1914. Схема между С. 29 и 30; Савельев, 2011), далее к В от которого уже начинается полоса предгорий (рис. 1). Гора Кандыбиль – одна из крайних восточных возвышенностей хребта (рис. 4; 5). От ее подножья начинается горно-степная (лесостепная) зона шириной не более 10–15 км, изобилующая малыми водотоками и короткими меридиональными хребтиками, закрывающими эту территорию от открытой степи. Контраст данной территории проявляется в резкой смене ландшафтов – от ковыльных степей на востоке до огромных реликтовых лиственниц в полосе предгорий и темнохвойной тайги в горах и ущельях хребта Крыкты. И на этом фоне присутствует значительное количество археологических памятников, большинство из которых относится к эпохам камня и раннего железа (Котов, Савельев, 2007; Археологическая экспедиция..., 2020).

Высота горы Кандыбиль от восточного подножья – около 380 м. Место находки сосудов расположено примерно на 100–150 м ниже вершины горы и приурочено к левому борту ущелья, в котором протекает р. Могак и находится водопад (рис. 6). Ниша, в которой были найдены сосуды, фактически являлась уступом наклонной скалы. Судя по детальным фотографиям (рис. 2; 3), высота и глубина этой ниши не превышают 1 м, свод наклонный, нижняя плоскость скальная, без рыхлых отложений. Перевернутые и поставленные один в другой сосуды находились у задней стенки ниши. С боков они были ограничены крупными камнями, которые первоначально могли представлять собой вертикальные стенки. Фотографии находки *in situ* позволяют говорить о том, что преднамеренно была создана камера с размерами не более 50 × 50 × 50 см, по центру которой и были установлены сосуды. По данным, опубликованным Г.И. Стариковой, никаких других находок в нише не было (2013. С. 96). Впоследствии это место никогда археологами не посещалось и дополнительно не обследовалось.

Поставленные на ровную площадку скального уступа сосуды хорошо сохранились, их поверхности были покрыты отдельными пятнами лишайника. Частичное разрушение сосудов произошло уже после их установки в нише, из-за перепадов температуры и промерзания. Об этом свидетельствует крупная трещина, проходящая через все тулово наружного сосуда и найденные здесь же отпавшие фрагменты (рис. 2).

Сосуд № 1 широкогорлый, приземистый, имеет горизонтально-эллиптическую форму, приостренное дно и низкую раструбовидную шейку (рис. 7, *1*). Толщина стенок 0.5–0.6 см, они немного утончаются в нижней части. Высота сосуда – 16, диаметр по венчику – 20, максимальный диаметр (в верхней части тулова) – 21.5 см. Орнамент состоит из мягких наклонных вдавлений по срезу

[2] В статье 2013 г. она указывает, что выемку сосудов проводил сотрудник музея (Старикова, 2013. С. 96). Сосуды хранятся в Магнитогорском историко-краеведческом музее, колл. № 5941/1 и 5941/2.

[3] Местное название *Тикэтау* отсутствует в словаре топонимов хребта Крыкты (Гончарова, 2011. С. 149–175), однако, автор прямо указывает, что д. Салаватово находится "под горой *Осло* (островерхая)" (С. 27), что также может являться вариантом названия одной и той же горы (Крутая – Тикэтау – Ослотау).

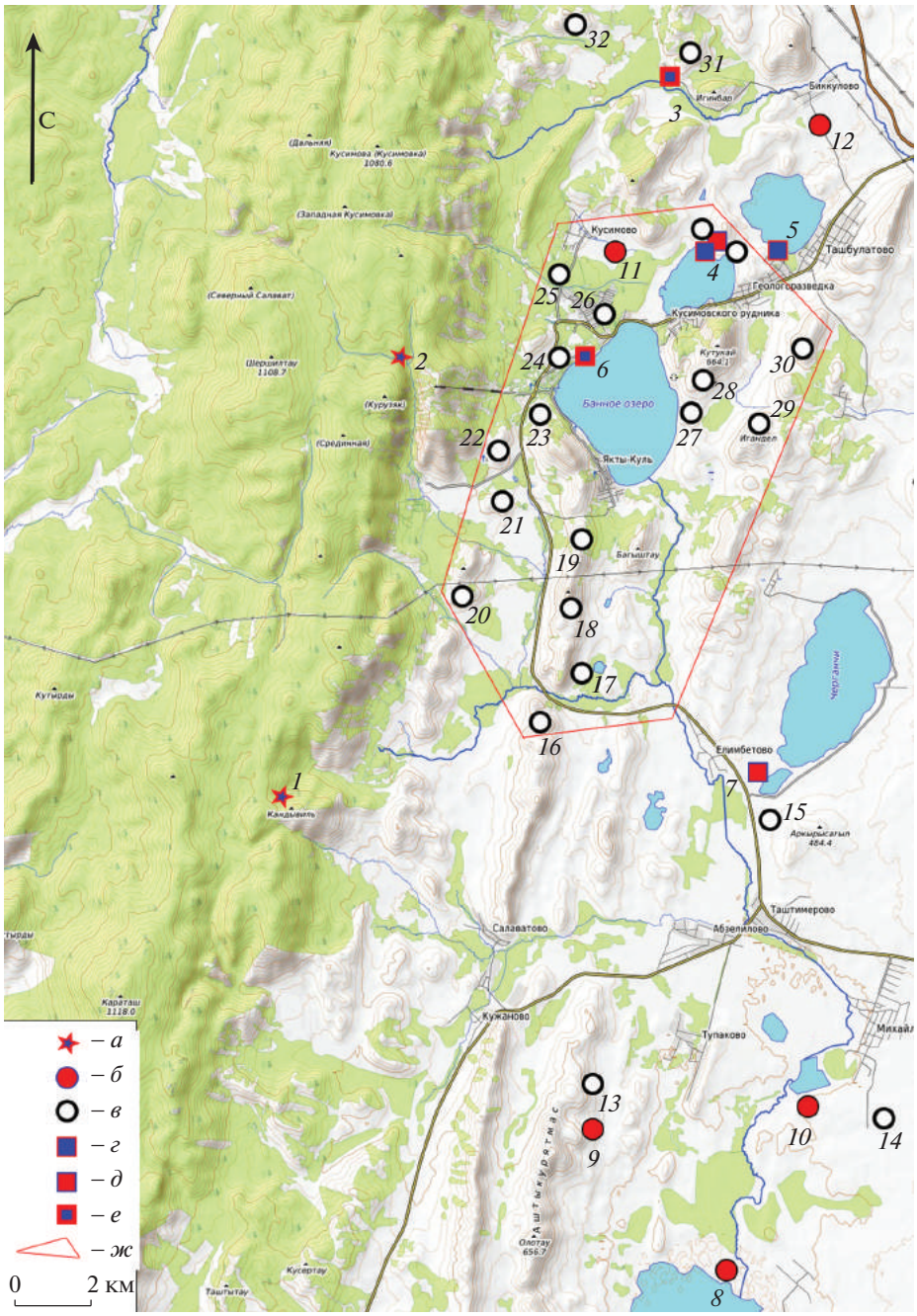


Рис. 1. Южный Урал. Восточные предгорья хребта Крыкты (участок Теляшево – Чебаркуль). Расположение культового места на горе Крутой и памятники середины I тыс. до н.э. (ОК – одиночные курганы; КМ – курганные могильники): *1* – гора Крутая (Тикэтау), культовое место; *2* – Курузак-2, святилище; *3* – Теляшево-4, поселение; *4* – Сабакты-3/5, комплекс памятников, Сабакты-12, ОК и Сабакты-15, КМ; *5* – Карабалыкты-10, стоянка; *6* – Банное-5а (Березки), поселение; *7* – Елимбетово-3, стоянка; *8* – Чебаркуль-7, ОК; *9* – Тупаково-2, ОК; *10* – Михайловка-2, КМ; *11* – Кусимово-3, КМ; *12* – Биккулово-2, КМ; *13* – Тупаково-1, ОК; *14* – Михайловка-3, ОК; *15* – Елимбетово-1, КМ; *16* – Каран-1, ОК; *17* – Хюлюктыкуль-1, ОК; *18* – Каранъялык-1, ОК; *19* – Каранъялык-2, ОК; *20* – Курузак-1, ОК; *21* – Ульсакай-2, ОК; *22* – Ульсакай-1, ОК; *23* – Банное-20, ОК; *24* – Яктыкуль-1, ОК; *25* – Кусимово-4, ОК; *26* – Зеленая Поляна, КМ; *27* – Банное-13, ОК; *28* – Кутукай-2, ОК; *29* – Игандол-2, ОК; *30* – Игандол-1, ОК; *31* – Теляшево-2, ОК; *32* – Теляшево-3, КМ. Основа: https://www.opentopomap.ru/#map=11/53.4976/58.6890. Условные обозначения: *а* – иткульские святилища; *б* – курганы ранних кочевников (исследованные); *в* – курганы ранних кочевников (известные по разведочным данным); *г* – поселенческие памятники с керамикой иткульской и/или гамаюнской культур; *д* – поселенческие памятники (стоянки?) с керамикой ранних кочевников (савроматское и раннесарматское время); *е* – поселенческие памятники, на которых присутствует керамика ранних кочевников, иткульской и/или гамаюнской культур; *ж* – граница территории плотного археологического обследования.

Fig. 1. Southern Urals. Eastern foothills of the Krykty ridge (Telyashevo-Chebarkul section). The location of the cult site on the Mount Krutaya and the sites of the middle of the 1st millennium BC

Рис. 2. Культовое место на горе Крутой (Тикэтау). Фото *in situ* (1986 г.).
Fig. 2. The cult site on the Mount Krutaya (Tiketau). Photo *in situ* (1986)

Рис. 3. Культовое место на горе Крутой (Тикэтау). Детализация. Фото *in situ* (1986 г.).
Fig. 3. The cult site on the Mount Krutaya (Tiketau). Detailing. Photo *in situ* (1986)

венчика, разреженного пояска одинарных крупных ямок по основанию шейки и резных штрихованных наклонными линиями треугольников, занимающих верхнюю половину тулова. Одна из треугольных фигур заполнена горизонтальными поясками наклонных насечек. Между ямками и висячими треугольниками расположен поясок наклонных вдавлений, сделанных торцом шпателя. На внутренней стороне сосуда жемчужины от ямок отсутствуют. Цвет сосуда серый, поверхности слоящиеся. Тесто комковатое, с примесью кусочков талька и крупного песка.

Сосуд № 2 широкогорлый, приземистый, круглодонный, имеет горизонтально-эллиптическую форму и низкую раструбовидную шейку (рис. 7, *2*). Толщина стенок 0.4–0.5 см, они немного утончаются в нижней части. Высота сосуда – 12, диаметр по венчику – 15.5–16, максимальный диаметр (в средней части тулова) – 16.7 см. Орнамент состоит из резных крестовидных фигур по срезу венчика, разреженного пояска одинарных крупных ямок по нижней части шейки и бордюра из двух рядов наклонных вдавлений по плечикам. Цвет, состояние поверхностей, фактура теста и примеси аналогичны таковым у сосуда № 1, также

Рис. 4. Восточный склон хребта Крыкты в окрестностях горы Крутой (Тикэтау). Вид с СВ. Фото автора, 2019 г.
Fig. 4. Eastern slope of the Krykty ridge in the vicinity of the Mount Krutaya (Tiketau). NE view. Photo by the author (2019)

Рис. 5. Восточный склон хребта Крыкты, на заднем плане – гора Крутая (Тикэтау). Вид с С, с вершины горы Большой Караулташ. Источник: https://commons.wikimedia.org.
Fig. 5. Eastern slope of the Krykty ridge, the Mount Krutaya (Tiketau) is in the background. North view, from the top of the Mount Bolshoy Karaultash

на внутренней стороне отсутствуют и выдавленные жемчужины от ямок.

По форме и орнаменту сосуды могут быть отнесены к середине I тыс. до н.э. и связаны с так называемой керамикой первого типа зауральского горно-лесного и предгорно-лесостепного населения иткульской культуры (Бельтикова, 1977). Учитывая, что расстояние до южной границы иткульской культуры от места находки составляет порядка 200 км к С, а также достаточное своеобразие самой найденной посуды, необходимы прояснение причин их попадания в совершенно иную ландшафтно-географическую зону, а также детализация данных об их культурной и хронологической принадлежности.

Существующие материалы по иткульско-гамаюнским древностям показывают, что принятое в литературе прохождение их южной границы по широте верхнего течения р. Миасс (Борзунов, 1992. Рис. 1; 2019. Рис. 1) должно быть скорректировано. В настоящее время зафиксировано наличие иткульских и гамаюнских памятников на двух более южных территориях – в горном течении р. Белая (Савельев, 2018. Рис. 1; Древности...,

Рис. 6. Южный склон горы Крутая (Тикэтау). Водопад на ручье Могак. Источник: https://commons.wikimedia.org.
Fig. 6. Southern slope of the Mount Krutaya (Tiketau). Waterfall on the Mogak stream

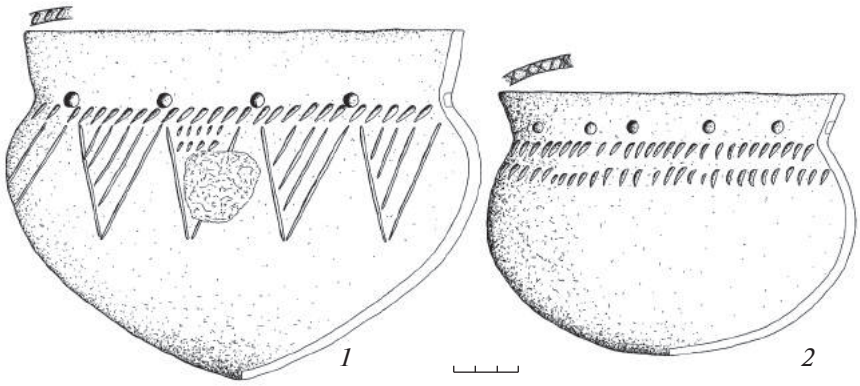


Рис. 7. Культовое место на горе Крутой (Тикэтау). Сосуды.
Fig. 7. The cult site on the Mount Krutaya (Tiketau). Vessels

2018. С. 51–55. Рис. 1.36) и по восточным предгорьям Урала до широты Магнитогорска (Савельев, 2017. С. 117, 119, 120. Рис. 1; 3), что увеличивает ранее описанный ареал на 350 км к ЮЗ и на 200 км к Ю. Сосуды с горы Крутой пока являются самыми южными из находок этого облика в Южном Зауралье. Возможно, что озерные предгорья горного массива Ирендык-Крыкты, также, как и верхнее течение р. Белая, должны быть выделены в отдельные локальные варианты иткульско-гамаюнских древностей.

Особенностью южнозауральских иткульско-гамаюнских памятников является их тесное соседство с многочисленными синхронными памятниками ранних кочевников (рис. 1). Только в микрорайоне Банное – Сабакты – Карабалыкты выявлено несколько десятков каменных курганов, которые по своим характерным признакам относятся к савромато-сарматскому времени (Котов, Савельев, 2007), а на некоторых поселениях встречается как “северная”, так и кочевническая керамика (Матюшин, 1982. Табл. 48; Савельев, 2014. Рис. 3, *7*, *8*; 2017. Рис. 3). Более того, для кочевнических погребений Южного Зауралья (в основном – предгорной полосы) V–IV вв. до н.э. присутствие иткульской, в том числе и с гамаюнскими чертами, керамики является распространенным явлением (Пшеничнюк, 1983. Табл. XXXVIII, *7*, *8*; Савельев, 2000. С. 23–33. Рис. 2–7). Эта особенность северо-восточной пе-

риферии мира кочевников Южного Урала неоднократно отмечалась исследователями (Мошкова, 1974. С. 35–38. Рис. 6, *10*; Пшеничнюк, 1983. С. 84).

В орнаментации публикуемых сосудов принципиально важными элементами являются одинарный разреженный поясок из крупных округлых ямок, орнаментация плоского среза венчика насечками и вдавлениями и крупные резные треугольники по тулову. Важно, что ни один из этих элементов не характерен для собственно иткульской (первой группы) посуды, а на иткульско-гамаюнской (по В.А. Борзунову – исетской) керамике они встречаются в очень небольшом количестве. Из всего перечисленного на последней наиболее распространены пояски ямок (Бельтикова, 1977. Рис. 1, *1*, *9*; 2, *4*, *12*, *13*; Борзунов, 1981. Рис. 2, 17; 2019. Рис. 2, *11*, *14*, *16*, *22*; Наумов, 2016. Рис. 56, *6*, *11*, *14*; 93, *1*, *3*, *10*; 121, *8*; Савельев, 2017. Рис. 3, *8*, *10*, *11*, *14*, *15*).

Поиск истоков одинарного разреженного пояска округлых ямок позволяет говорить о его инородности как для иткульской, так и для гамаюнской традиции, и связанности, в первую очередь, с орнаментикой бархатовской культуры лесостепного и подтаежного Притоболья рубежа эпох бронзы и раннего железа (Матвеев, Аношко, 2009. С. 252, 309, 332; Зимина, Зах, 2009. С. 160, 194. Табл. 1–5). Мнение о проникновении населения бархатовской культуры на восточный склон Урала, т.е. в верховья рек Исеть и Миасс, и их воздействии на позднее межовское и гамаюнское население высказывалось уже достаточно давно (Шорин, 1996. С. 21). Приводимая для подтверждения данного заключения керамика (поселения Березки II, V, Аргази XIII, Перевозный III) рассматривалась А.Ф. Шориным как смешанная межовско-сарматоидная, явившаяся основой для гафурийских или даже гафурийско-иткульских традиций (Петрин и др., 1993. С. 175), однако она несет в себе абсолютное большинство именно бархатовских черт (см., напр.: Бельтикова, 1988. Рис. 2). Эти же материалы, но проанализированные через призму степных аналогий, позволили автору говорить о том, что в основе кочевнического талькового (раннесарматского) керамического комплекса находился именно родственный иткульскому локальный позднемежовско-саргаринско-бархатовский микс, получивший наименование раннегафурийского (Савельев, 2000. С. 24–34; 2011. С. 16, 17). Для части этих памятников, но локализованных глубоко в горной зоне (Чеславское селище, Сикияз-Тамак, Грот Малый у омута), характерны преобладание декора в виде одинарного разреженного пояска округлых ямок и сосуществование его с резным геометрическим орнаментом (Алаева, 2011. Табл. 1. С. 263; Боталов, 2016. Рис. 6, *9*, *20*, *40*).

Происхождение мотива заполненного насечками или штрихованного треугольного фестона на кочевнической керамике ранее также рассматривалось автором. Было показано, что резной фестончатый орнамент формируется на межовской основе в предгорной лесостепи северной части Южного Зауралья, распространяется на более поздней межовско-гафурийской керамике той же территории, впоследствии единично попадает в иткульскую орнаментику, а в раннекочевнической керамике V–III вв. до н.э. становится достаточно широко представленным (Савельев, 2000. С. 28, 29). Появившиеся новые материалы позволяют скорректировать эти выводы в сторону снижения роли собственно межовских традиций в происхождении многих черт, перенесенных впоследствии на “раннесарматский тальковый комплекс” керамики. Это касается и мотива резного треугольного фестона, имеющего значительное распространение именно в орнаментике бархатовской культуры (Матвеев, Аношко, 2009. Рис. 21, *3*; 22, *15*; 34, *18*; 61, *10*; 67, *8–10* и др.). Важной особенностью бархатовских фестонов является их заполнение как насечками, в том числе и разнонаправленными, так и наклонными резными линиями, а также сочетание этих особенностей на одном сосуде (Матвеев, Аношко, 2009. Рис. 81, *4*), как на первом сосуде с горы Крутой (рис. 7, *1*). Очень близкие фестоны присутствуют и на так называемой межовско-гафурийской керамике поселения Остров Малый Вишневый на оз. Аргази (Бельтикова, 1988. Рис. 2, *6*, *7*, *15*). Вместе с сетчатым орнаментом, наличием ямок, утолщенными шейками, орнаментацией среза венчика, абсолютным преобладанием резной техники орнаментации и т.д. это только подтверждает значительную роль бархатовского компонента в формировании истоков “раннесарматского талькового комплекса”.

Все эти признаки либо вообще не представлены на иткульских памятниках, либо представлены единичными включениями (Дюрягин, 2009. Рис. 8; Наумов, 2016. Рис. 37, *4*). Их максимальная концентрация прослеживается на озерах верховьев р. Миасс, и в первую очередь, на оз. Аргази (Бельтикова, 1988; Петрин и др., 1993. С. 175, 184–186. Рис. 46; 72), т.е. в самой южной части распространения памятников зауральского лесостепного населения эпохи раннего железа. Учитывая, что именно эти черты становятся максимально представленными на кочевнической керамике V–III вв. до н.э., можно уверенно говорить, что в ее сложении определяющую роль сыграли традиции именно рассмотренных выше южных популяций лесостепного населения Зауралья. В первую очередь, это относится к так называемому раннегафурийскому локальному варианту, возникшему на этапе формирования иткульской культуры

под воздействием более восточного бархатовского населения.

Ближайшие известные находки керамики с орнаментами в виде резного штрихованного фестона и одинарного пояска ямок на памятниках лесостепного населения находятся в 10–15 км к С от горы Крутой. Из трех фрагментов керамики эпохи раннего железа со святилища Курузак-2 (рис. 1, *2*) на одном присутствует треугольный резной фестон, на другом – одинарный поясок ямок и насечки по венчику, а третий несет в себе устойчивые гамаюнские черты (приостренный срез венчика и поясок из парных ямок, расположенных в шахматном порядке) (Савельев, 2017. Рис. 3, *14*, *15*, *17*). Второй памятник – поселение Сабакты-3 на северном берегу одноименного озера (рис. 1, *4*). На нем присутствовала гамаюнская керамика как с очень сложной, так и с обедненной орнаментацией, а также иткульские сосуды с гребенчатым орнаментом и пояском крупных круглых ямок (Савельев, 2017. Рис. 3, *1–12*). Близость керамики этих трех памятников (гора Крутая, Курузак-2, Сабакты-3) свидетельствует о том, что население их было родственным.

Различие между формой обоих публикуемых сосудов заключается только в яйцевидной форме первого (рис. 7, *1*). Этот широко распространенный в иткульской культуре признак, ввиду своей специфичности, является четко определяемым маркером присутствия иткульских черт на степной кочевнической керамике. Без детализации по орнаментам, чему была посвящена отдельная статья (Савельев, 2000), в степной зоне Южного Урала сейчас известно около десятка сосудов с характерной для иткульской культуры яйцевидной формой. Среди них сосуды из кург. 9 и кург. 17 Альмухаметово (Пшеничнюк, 1983. Табл. XXXV, *15*; XXXVIII, *7*, *8*), курган у с. Наваринка (Гуцалов, Боталов, 2001. Рис. 6, *9*), Гадельша III (Савельев, 2000. Рис. 5, *5*), кург. 2 Валитово-2 (Исмагил, Сунгатов, 2013. Рис. 32, *35*) и т.д. Все эти памятники вытянуты узкой полосой по восточным предгорьям Уральских гор. За этими пределами яйцевидные сосуды найдены в могильниках Кудуксай III в верховьях р. Орь, на западных склонах хребта Мугоджары (Гуцалов, 2004. Табл. 20, *19*), Дэвкескен-4 на плато Устюрт (Ягодин, 1990. С. 61, 62. Рис. 13), а также Юкаликулево-2 и Кадырово-9 в островной Месягутовской лесостепи (Савельев, 2007. Рис. 3, *2*; 14, *3*). Расстояние между наиболее удаленными точками находок таких сосудов по линии С–Ю составляет около 1300 км, а ближайшие находки к горе Крутой находятся в 50–60 км к Ю и ЮВ (Альмухаметово, Наваринка).

Имеющиеся данные позволяют считать район озер Банное – Сабакты – Карабалыкты южным пределом распространения памятников лесостепного населения эпохи раннего железа по восточному склону Уральской горной страны. Изучение коллекций стоянок эпохи камня с немного более южных озер предгорной полосы, исследовавшихся Г.Н. Матюшиным в 1960–70-е годы[4], показало полное отсутствие в них примеси материалов эпохи раннего железа и иных эпох, что повсеместно фиксируется на более северных памятниках. В то же время полоса предгорий и края гор к Ю от оз. Банное пока практически не обследована и, за исключением единичных выявленных курганов, там не известно ничего (рис. 1). Расширение разведочных работ в этой зоне с очень сложным рельефом позволит значительно детализировать картину, в том числе и в отношении различных памятников эпохи раннего железа (Котов, Савельев, 2007; Археологическая..., 2020). Таким образом, линия реального разграничения кочевников и лесостепного населения середины I тыс. до н.э. восточных предгорий Урала пока еще четко не установлена. Вероятно, сейчас можно говорить о том, что вся предгорная полоса (как минимум – от оз. Иртяш на севере Челябинской области до округи оз. Банное) являлась своеобразным фронтиром, где происходило взаимодействие населения совершенно разных культур и хозяйственных укладов.

О тесном взаимодействии кочевников с оседлым населением свидетельствует, в первую очередь, керамика, начинающая встречаться в курганах степной части региона еще савроматского времени, т.е. с V в. до н.э. Какие-либо иные материальные свидетельства данного взаимодействия, кроме керамики, в кочевнических памятниках отсутствуют. Это не позволяет говорить о миграции лесостепного населения на юг и включении его в состав кочевников, что привело к значительной трансформации материальной культуры последних. Данная гипотеза была высказана в конце 1960-х – начале 1970-х годов (Мошкова, 1974. С. 36, 37), на начальном этапе осмысления савромато-сарматских древностей восточных районов Урала; впоследствии она долгое время по инерции использовалась для различных археологических и исторических построений.

Детальный анализ этой керамики показал ряд очень важных закономерностей, которые также не подтверждают миграционного характера ее появления (Савельев, 2000. С. 34–39). Во-первых, вся ранняя лесостепная керамика в кочевнических погребениях близка иткульской или упоминавшемуся в настоящей статье позднемежовско-саргаринско-бархатовскому миксу, называемому также раннегафурийским. Более того, в ряде памятников (Альмухаметово, Комсомольский V,

[4] Проводилось изучение той части коллекций Г.Н. Матюшина, которая хранится в фондах Музея археологии и этнографии УФИЦ РАН.

Кичигино I и др.) погребения содержат иткульские сосуды с традиционной гребенчатой орнаментацией (Пшеничнюк, 1983. Табл. XXX, *5*; XLV, *15*; Таиров, 2019. С. 167, 197. Рис.). Во-вторых, четко прослеживается неравномерное распределение "лесостепной" керамики в кочевнических памятниках Южного Зауралья: единичность на юге (на фоне общего небольшого количества керамики в погребениях) и резкое нарастание ее к северу. То есть увеличение ее количества происходит по мере приближения к территориям проживания оседлого зауральского населения. В-третьих, показано, что только небольшая и самая ранняя часть встречающейся у кочевников "лесостепной" керамики может быть отнесена к собственно лесостепной. Вся она является иткульской и раннегафурийской. Абсолютное же большинство такой керамики – часто называемой "тальковым керамическим комплексом" – не имеет никакой близости ни к более ранним лесостепным формам, ни к более ранним лесостепным орнаментам. Эта керамика для IV в. до н.э. являлась своеобразной "лесостепной модой", возникшей в среде кочевников при непосредственном участии (вероятно – в форме установившейся системы брачных контактов) лесостепного населения, быстро и широко распространившейся, и очень быстро, пройдя этап стандартизации и упрощения, практически полностью исчезнувшей к III–II вв. до н.э. (Савельев, 2000. С. 39; Краева, 2012. С. 402, 403). Нельзя также отрицать и того, что в формировании "лесостепной моды" значительную роль сыграло подражание импортным и металлическим сосудам, распространенное в кочевнической среде (Краева, 2019. С. 140, 142. Рис. 2, *1–8*).

Приведенные данные позволяют четко определить культурную принадлежность сосудов, найденных на горе Крутой (специфическая южная разновидность керамики иткульской культуры), их датировку (судя по имеющимся аналогиям – V в. до н.э., возможно – его конец или рубеж V–IV вв. до н.э.), но о культурной принадлежности населения, их оставившего, так однозначно сказать нельзя. Это могло быть население самой иткульской культуры, поселенческие и культовые памятники которого известны в 10–15 км к С, в полосе края гор и предгорных озер. Это могли быть и кочевники – носители раннего этапа прохоровской культуры, в состав которых, вследствие тесных брачных связей, были инкорпорированы отдельные представители этой группы оседлого населения. В принципе, обе эти интерпретации связаны между собой, но каждая при этом имеет свою доказательную базу.

Кочевническая принадлежность культового места может подтверждаться значительным количеством курганов савромато-сарматского времени в полосе горной степи (рис. 1), доминированием в них именно тальковой (как собственно лесостепной, так и смешанной) керамики, а также фактами некоторого обособленного использования этой керамики в обрядовой сфере. В могильнике Селивановский II (15 км к ЮВ от горы Крутой, на берегу оз. Чебаркуль) на поверхности насыпи одного из курганов эпохи бронзы был помещен развал крупного сосуда воробьевского типа, после чего курган был перекрыт мощной вторичной досыпкой (Рафикова, Федоров, 2017. С. 146–148. Рис. 96, 126, 127). Территория распространения памятников воробьевского типа – Среднее Притоболье и Средняя Исеть, т.е. как минимум в 350–400 км к СВ. В небольшом количестве эта керамика встречается совместно с иткульской в горно-лесном Зауралье. Ситуация, близкая селивановской, зафиксирована и в кург. 3 могильника Альмухаметово: в насыпи земляного кургана, под которым отсутствовали погребения, найден круглодонный сосуд с примесью талька в тесте и орнаментом в виде треугольных фестонов, выполненных гребенчатым штампом (Пшеничнюк, 1983. С. 41. Табл. XXX, *5*).

Если же мы обращаемся к более северным территориям предгорной полосы Южного Зауралья, Среднему Зауралью и собственно горной стране, то здесь известно большое количество святилищ на вершинах гор и каменных останцов, в том числе существовавших и в эпоху раннего железа. Их особенность – в долговременности использования одних и тех же природных доминант в культовых целях (Культовые..., 2004), т.е. в отличие от находок на горе Крутой они являются "открытыми" комплексами. Одним из немногих "чистых" иткульских святилищ подобного типа является Лысая гора на оз. Большой Теренкуль в 200 км к СВ от горы Крутой. Часть найденной на этом святилище керамики близка публикуемому сосуду с резным фестончатым орнаментом (Дюрягин, 2009. Рис. 8). Автор исследования делает вывод, что во время функционирования святилища сама Лысая гора являлась островом, а ритуалы, проводившиеся на ее вершине (в том числе и танцы), были связаны с плавкой металла; большинство же находок являлись культовыми приношениями (Дюрягин, 2009. С. 69).

Принципиальное отличие публикуемого комплекса с горы Крутой – в его одномоментности, археологической закрытости, т.е. одноактности совершения самого обряда. Такая же одноактность зафиксирована и в гроте Сухореченский в островной Красноуфимской лесостепи (300 км к С). Здесь, в гроте площадью 1.5 м^2 найдено 7 бронзовых птицевидных идолов, стоящих вдоль стен, и бронзовая зеркаловидная бляха, лежавшая в центре (Культовые..., 2004. С. 328). Уединенность, небольшой размер ниши, малое количество и гомогенность находок, отсутствие следов накопления культурного слоя – по этим показа-

телям грот Сухореченский и гора Крутая очень близки. Вероятно, такие объекты в ареале распространения иткульской культуры имели значительное распространение, но большинство из них было найдено просто местными жителями и полные данные по их контексту отсутствуют.

Важно, что на территории проживания южноуральских кочевников подобные памятники не известны. Единственный внешне похожий объект эпохи раннего железа в степи Южного Урала – грот на горе Чека, в 110 км к ЮЮВ от горы Крутая (Петров, 2002. С. 126–131). Однако специфика находок (бронзовый черешковый наконечник стрелы, кусок кожаного изделия, несколько фрагментов костей животных, следы двух кострищ) не позволяет с полной уверенностью относить данный памятник к культовым объектам. Более он похож на кратковременное убежище, большое количество которых известно в горно-лесной зоне Южного Урала (Древности..., 2018). Все приведенные выше данные свидетельствуют о том, что не только по морфологии и орнаментике найденных сосудов, но и по самому типу памятника публикуемый комплекс с горы Крутой имеет исключительно иткульское (т.е. "зауральское горно-лесное") происхождение.

Обращение к мотиву перевернутого сосуда показывает, что он связан со смертью, погребальной обрядностью и распространен практически повсеместно, с глубокой древности и вплоть до современности. Известны такие находки и в памятниках эпохи раннего железа Урала и Западной Сибири. Так, на краю наземной постройки на поселении Акаваз-1 (горное течение р. Белая, Южный Урал) найден поставленный вверх дном гамаюнский сосуд (Древности..., 2018. С. 141. Рис. 2.130). В кург. 4 могильника Шумаево I в Западном Оренбуржье в заполнении могильной ямы вплотную друг к другу стояли два крупных яйцевидных сосуда (Моргунова и др., 2003. С. 30, 31. Рис. 20, *2–4*). Курган 2 могильника Калачевка II в лесостепи Омского Прииртышья дал не менее интересную картину – в древнюю насыпь во второй половине – конце I тыс. до н.э. был впущен ритуальный комплекс, состоявший из ямы без каких-либо находок и двух крупных яйцевидных сосудов саргатской культуры, установленных вплотную друг к другу на ее краю (Могильников, 1968. С. 97, 98. Рис. 45).

М.А. Итина, специально анализировавшая находки перевернутых сосудов, пришла к выводу, что помимо каких-то ритуальных комплексов в погребениях, они встречаются и вне традиционных некрополей – на поселениях, в пределах дома (около входа или около очага) и даже вдали от человеческого жилья (Итина, 1979). Благодаря привлечению этнографического материала, в основном африканского, она посчитала возможным связать такие находки с погребениями новорожденных детей, для которых у ашанти даже существовал специальный термин – "горшковые дети". В ряде случаев, связанных со специфичностью причин смерти, перевернутый горшок ставился и на могилу взрослого человека (Итина, 1979. С. 17). Многочисленны случаи использования перевернутых сосудов и у народов Урала и Сибири. К примеру, на современных хантыйских кладбищах существует практика вывешивания перевернутых ведер на шестах, окружающих сами наземные захоронения (Федорова, 2007. Рис. 5; 8). Принципиально важными являются данные из бурятской этнографии – после родов материнский послед прятался (захоранивался) либо в доме/юрте, либо в уединенном месте в горах. Часто для захоронения последа использовались берестяные туеса или глиняная посуда. Сам же послед воспринимался двойником или душой ребенка, место его погребения должно было охраняться, а место захоронения последа предка считалось сакральным центром общины (Обряды..., 2002. С. 57–74).

Совмещение всех этих данных позволяет считать, что перевернутые сосуды с горы Крутой появились вследствие проведения ритуальных действий, связанных со смертью и загробным миром. Назвать их местом погребения новорожденного ребенка нельзя, так как размеры внутреннего сосуда очень небольшие – его высота всего 12 см, а диаметр по венчику 15.5–16 см (рис. 7, *2*). Возможно, это место захоронения материнского последа или же следы совершения какого-то иного одноактного постпогребального обряда.

Судя по имеющимся аналогиям глиняным сосудам, публикуемый комплекс с горы Крутой может быть датирован V в. до н.э. или рубежом V/IV вв. до н.э. Население, оставившее его, относилось к выдвинувшейся далеко на юг части носителей иткульской культуры, проживавшей на берегах предгорных озер, – территории, также освоенной и кочевниками. Возможно, учитывая значительное распространение у кочевников Южного Урала лесостепной керамики и возникших на ее основе подражаний, что это население уже было интегрировано в состав мира кочевников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алаева И.П. Археологическая коллекция Златоустовского краеведческого музея // Гороховские чтения: материалы второй регион. музейной конф. Челябинск: Челябинский гос. краевед. музей, 2011. С. 261–265.

Археологическая экспедиция Якты-Куль – Кусимово "Северные амуры": научные исследования и Школьный лекторий. Уфа: Информреклама, 2020. 44 с.

Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // *Вопросы археологии Урала. Вып. 14.* Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Уральский гос. ун-т, *1977.* С. 119–133.

Бельтикова Г.В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // *Вопросы археологии Урала. Вып. 19.* Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1988. С. 103–117.

Борзунов В.А. Иткульско-гамаюнское городище *Красный Камень* // Вопросы археологии Урала. Вып. 15. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1981. С. 112–118.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1992. 189 с.

Борзунов В.А. О культурной принадлежности иткульских и гамаюно-иткульских древностей Зауралья // Российская археология. 2019. № 3. С. 131–146.

Боталов С.Г. Историко-культурные горизонты раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза) / Ред. А.Д. Таиров и др. Челябинск: Рифей, 2016 (Этногенез уральских народов). С. 468–541.

Гончарова Г.И. Имя отчей земли. Топонимия Абзелиловского района. Уфа: Ин-т истории, языка и литературы Уфимского науч. центра РАН, 2011. 184 с.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2004. 136 с.

Гуцалов С.Ю., Боталов С.Г. Курганы прохоровской культуры в районе г. Магнитогорска // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. 3. С. 148–161.

Древности Башкирского Урала / Ред. Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2018. 216 с.

Дюрягин В.С. Святилище “Лысая гора” раннего железного века на оз. Большой Теренкуль в Чебаркульском районе Челябинской области // Проблемы археологического изучения Южного Урала / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2009. С. 46–71.

Исмагил Р., Сунгатов Ф.А. Памятники яицкой культуры последней четверти V – IV вв. до н.э. на Южном Урале. Уфа: Белая река, 2013. 223 с.

Итина М.А. Реконструкция некоторых первобытных обрядов методом аналогий // Этнография и археология Средней Азии / Ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 1979. С. 15–19.

Котов В.Г., Савельев Н.С. Разведочные работы на озерах Якты-Куль (Банное) и Сабакты в Башкирском Зауралье // Археологические открытия 2005 г. М.: Наука, 2007. С. 377–380.

Краева Л.А. Культурогенез ранних кочевников Южного Приуралья IV–I вв. до н.э. (по результатам технико-технологического анализа керамики) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы междунар. науч. конф. Кн. 2 / Ред. В.А. Алёкшин и др. СПб.: ИИМК РАН: Периферия, 2012. С. 401–406.

Краева Л.А. Заимствования и подражания в гончарстве сарматских племен Южного Приуралья и Западного Казахстана // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э.–V в. н.э.). V. Материалы X Междунар. науч. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории”. Симферополь: “Салта” ЛТД, 2019. С. 136–146.

Культовые памятники горно-лесного Урала / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2004. 431 с.

Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. 416 с.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.

Могильников В.А. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка II // Краткие сообщения Института археологии. 1968. Вып. 114. С. 94–98.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2003. 393 с.

Наумов А.М. Фортификация и планиграфия Иртяшских городищ иткульской культуры // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза) / Ред. А.Д. Таиров и др. Челябинск: Рифей, 2016 (Этногенез уральских народов). С. 188–318.

Обряды в традиционной культуре бурят / Отв. ред. Т.Д. Скрынникова. М.: Восточная литература, 2002. 222 с.

Перегрюмова Г.И. Археологическая разведка в районе г. Магнитогорска в 1986 г. Научный отчет. Челябинск, 1986 // Архив Лаборатории археологических исследований Челябинского государственного университета. Р-I. № 89.

Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). Новосибирск: Наука, 1993. 212 с.

Петров Ф.Н. Раскопки культовых памятников на массиве горы Чека // Вестник Общества открытых исследований древности: научный альманах. Вып. 2. Челябинск: Общество открытых исследований древности, 2002. С. 114–131.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

Рафикова Я.В., Федоров В.К. Курганы Южного Зауралья. Кн. 1. Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2017. 244 с.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 5. Урал и Приуралье / Сост. Г.Н. Кирилин и др. СПб.: А.Ф. Девриен, 1914. 669 с.

Савельев Н.С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник. 2000. Вып. 2. С. 17–48.

Савельев Н.С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007. 260 с.

Савельев Н.С. На границе Европы и Азии: факторы геокультурного развития Южного Урала // Антропология башкир / Ред. Н.Х. Спицына и др. СПб.: Алетейя, 2011. С. 11–24.

Савельев Н.С. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Уфимский археологический вестник. 2014. Вып. 14. С. 191–206.

Савельев Н.С. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тыс. до н.э. // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 114–129.

Савельев Н.С. Памятники гамаюнской и курмантауской культур юго-западной оконечности Уральской горной страны // Уфимский археологический вестник. 2018. Вып. 18. С. 24–42.

Старикова Г.И. Археологическая коллекция Магнитогорского историко-краеведческого музея // Проблемы истории, филологии и культуры. № 3. 2013. С. 80–99.

Таиров А.Д. Южный Урал в эпоху ранних кочевников. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2019 (История Южного Урала; т. 3). 400 с.

Федорова Е.Г. Погребальный обряд: от настоящего к прошлому (несколько сюжетов из этнографии обских угров) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 76–87.

Шорин А.Ф. О роли межовской культуры Среднего Зауралья в формировании уральских культур раннего железного века // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа: Восточный университет, 1996. С. 20–32.

Ягодин В.Н. Курганный могильник Дэвкескен-4 // Археология Приаралья. Вып. 4. Ташкент: Фан, 1990. С. 28–81.

A CULT SITE OF THE EARLY NOMADIC PERIOD ON THE MOUNT KRUTAYA IN THE SOUTHERN TRANS-URALS

Nikita S. Savelev[a,#]

[a] *Ufa Federal Research Centre RAS, Ufa, Russia*

[#]*E-mail: sns_1971@mail.ru*

The paper publishes two hand-made vessels found upside down and photographed by residents of the city of Magnitogorsk in a rock shelter near the village of Salavatovo, Abzelilovsky district of Bashkortostan. The finds come from the slope of the Mount Krutaya, which is one of the frontal elevations of the Krykty ridge, on the border of the mountain-forest and mountain-steppe zones. An analysis of the vessels testifies to their attribution to the southern population of the Itkul culture. The formation of their pottery traditions was significantly influenced by the Barkhatovo population occupying areas to the east. The study shows that this group of the Itkul culture bearers, who populated the lacustrine foothills along the eastern slope of the Southern Urals up to the latitude of modern Magnitogorsk, existed in constant interaction with nomads of the Scythian-Sarmatian period. Probably, this circumstance manifested itself in the formation of a stable system of marriage ties. This led to the widespread use of Itkul pottery (and those based on it as a kind of "forest-steppe fashion") in nomadic burials. Besides, the incorporated part of the forest-steppe population brought to the nomadic environment the cults and rituals characteristic of much more northern territories. In terms of its typology, the published cult site approaches the Itkul single-act sanctuaries. Based on known archaeological and ethnographic analogies, this complex is interpreted as a burial of the maternal placenta or as a result of some other post-burial ritual. The finds are dated to the 5th century BC or to the turn of the 5th–4th centuries BC.

Keywords: Southern Ural, mountain-steppe zone, early nomads, Itkul culture, sanctuaries.

REFERENCES

Alaeva I.P., 2011. Archaeological collection of the Zlatoust Museum of Local Lore. Gorokhovskie chteniya: materialy vtoroy regional'noy muzeynoy konferentsii [Gorokhov readings: Proceedings of the Second regional museum conference]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy kraevedcheskiy muzey, pp. 261–265. (In Russ.)

Arkheologicheskaya ekspeditsiya Yakty-Kul'–Kusimovo "Severnye amury": nauchnye issledovaniya i Shkol'nyy lektoriy [The archaeological expedition Yakty-Kul–Kusimovo "Northern Amurs": Research work and the course of lectures for school students]. Ufa: Inform-reklama, 2020. 44 p.

Bel'tikova G.V., 1977. Itkul settlements. Voprosy arkheologii Urala [Issues of Ural archaeology], 14. Arkheologicheskie issledovaniya na Urale i v Zapadnoy Sibiri [Archaeological research in the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 119–133. (In Russ.)

Bel'tikova G.V., 1988. A site of metal production on Maly Vishnevy island. Voprosy arkheologii Urala [Issues of Ural archaeology], 19. Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri [Material culture of the early population of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 103–117. (In Russ.)

Borzunov V.A., 1981. The Itkul-Gamayun fortified settlement of Krasny Kamen. Voprosy arkheologii Urala [Issues of Ural archaeology], 15. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 112–118. (In Russ.)

Borzunov V.A., 1992. Zaural'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (gamayunskaya kul'tura) [Trans-Urals at the turn of the Bronze and Iron Ages (Gamayun culture)]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 189 p.

Borzunov V.A., 2019. On the cultural attribution of the Itkul and Gamayun-Itkul antiquities of the Trans-Urals. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 3, pp. 131–146. (In Russ.)

Botalov S.G., 2016. Historical and cultural horizons of the Early Iron Age and the Middle Ages of the forest-steppe Trans-Urals. Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep'. Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e (problemy kul'turogeneza) [Archaeology of the Southern Urals. Forest, forest-steppe. The early Iron Age and the Middle Ages (problems of cultural genesis)]. A.D. Tairov, ed. Chelyabinsk: Rifey, pp. 468–541. (Etnogenez ural'skikh narodov). (In Russ.)

Drevnosti Bashkirskogo Urala [Antiquities of the Bashkir Urals]. N.S. Savel'ev, ed. Ufa: Informreklama, 2018. 216 p.

Dyuryagin V.S., 2009. The Lysaya Gora sanctuary of the early Iron Age on lake Bolshoi Terenkul in Chebarkul district of Chelyabinsk Region. Problemy arkheologicheskogo izucheniya Yuzhnogo Urala [Problems of archaeological study of the Southern Urals]. N.B. Vinogradov, ed. Chelyabinsk: Abris, pp. 46–71. (In Russ.)

Fedorova E.G., 2007. Funeral rite: from the present to the past (several scenes from the ethnography of the Ob Ugrians). Mif, obryad i ritual'nyy predmet v drevnosti [Myth, rite and ritual object in antiquity]. A.Ya. Trufanov, ed. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 76–87. (In Russ.)

Goncharova G.I., 2011. Imya otchey zemli. Toponimiya Abzelilovskogo rayona [The name of the fatherland. Toponymy of Abzelilovsky district]. Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN. 184 p.

Gutsalov S.Yu., 2004. Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII–I vv. do n.e. [Ancient nomads of the Southern Urals of the 7th–1st centuries BC]. Ural'sk: Zapadno-Kazakhstanskiy oblastnoy tsentr istorii i arkheologii. 136 p.

Gutsalov S.Yu., Botalov S.G., 2001. Mounds of the Prokhorovo culture in the vicinity of Magnitogorsk. Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa archaeological bulletin], 3, pp. 148–161. (In Russ.)

Ismagil R., Sungatov F.A., 2013. Pamyatniki yaitskoy kul'tury posledney chetverti V – IV vv. do n.e. na Yuzhnom Urale [Sites of the Yaik culture of the last quarter of the 5th–4th century BC in the Southern Urals]. Ufa: Belaya reka. 223 p.

Itina M.A., 1979. Reconstruction of prehistoric rituals by means of analogy. Etnografiya i arkheologiya Sredney Azii [Ethnography and archaeology of Central Asia]. A.V. Vinogradov, ed. Moscow: Nauka, pp. 15–19. (In Russ.)

Kotov V.G., Savel'ev N.S., 2007. Surveys on lakes Yakty-Kul (Bannoye) and Sabakty in the Bashkir Trans-Urals. Arkheologicheskie otkrytiya 2005 g. [Archaeological discoveries of 2005]. Moscow: Nauka, pp. 377–380. (In Russ.)

Kraeva L.A., 2012. Cultural genesis of the early South Ural nomads of the 4th–1st centuries BC (based on the results of technical and technological pottery analysis). Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations: Proceedings of the International scientific conference], 2. V.A. Alekshin, ed. St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiya, pp. 401–406. (In Russ.)

Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala [Cult sites of the mountain-forest Urals]. V.D. Viktorova, ed. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie RAN, 2004. 431 p.

Matveev A.V., Anoshko O.M., 2009. Zaural'e posle andronovtsev: Barkhatovskaya kul'tura [Trans-Urals after the Andronovo population: Barkhatovo culture]. Tyumen': Tyumenskiy dom pechati. 416 p.

Matyushin G.N., 1982. Eneolit Yuzhnogo Urala [The Eneolithic of the Southern Urals]. Moscow: Nauka. 328 p.

Mogil'nikov V.A., 1968. Study of the Early Iron Age mound group of Kalachevka II. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 114, pp. 94–98. (In Russ.)

Morgunova N.L., Gol'eva A.A., Kraeva L.A., Meshcheryakov D.V., Turetskiy M.A., Khalyapin M.V., Khokhlova O.S., 2003. Shumaevskie kurgany [Shumaevo burial mounds]. Orenburg: Izdatel'stvo Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 393 p.

Moshkova M.G., 1974. Proiskhozhdenie rannesarmatskoy (prokhorovskoy) kul'tury [The origin of the early Sarmatian (Prokhorovo) culture]. Moscow: Nauka. 52 p.

Naumov A.M., 2016. Fortification and planigraphy of the Irtyash fortified settlements of the Itkul culture. Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep'. Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e (problemy kul'turogeneza) [Archaeology of the Southern Urals. Forest, forest-steppe. The early Iron Age and the Middle Ages (problems of cultural genesis)]. A.D. Tairov, ed. Chelyabinsk: Rifey, pp. 188–318. (Etnogenez ural'skikh narodov). (In Russ.)

Obryady v traditsionnoy kul'ture buryat [Rituals in the traditional culture of Buryats]. T.D. Skrynnikova, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. 222 p.

Peregryumova G.I., 1986. Arkheologicheskaya razvedka v rayone g. Magnitogorska v 1986 g. Nauchnyy otchet [Survey in the area of Magnitogorsk in 1986. Scientific report]. Arkhiv Laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Archive of the Laboratory of Archaeological Research at Chelyabinsk State University], R-I, № 89.

Petrin V.T., Nokhrina T.I., Shorin A.F., 1993. Arkheologicheskie pamyatniki Argazinskogo vodokhranilishcha (epokhi kamnya i bronzy) [Archaeological sites of the Argazi reservoir (the Stone and Bronze Ages)]. Novosibirsk: Nauka. 212 p.

Petrov F.N., 2002. Excavation of cult sites on the Cheka mountain group. Vestnik Obshchestva otkrytykh issledovaniy drevnosti: nauchnyy al'manakh [Bulletin of the Society for Open Antiquity Research: scientific alma-

nac], 2. Chelyabinsk: Obshchestvo otkrytykh issledovaniy drevnosti, pp. 114–131. (In Russ.)

Pshenichnyuk A.Kh., 1983. Kul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [The culture of the early nomads of the Southern Urals]. Moscow: Nauka. 200 p.

Rafikova Ya.V., Fedorov V.K., 2017. Kurgany Yuzhnogo Zaural'ya [Burial mounds of the Southern Trans-Urals], 1. Uchalinskiy i Abzelilovskiy rayony Respubliki Bashkortostan [Uchaly and Abzelilovsky districts of the Republic of Bashkortostan]. Ufa: Kitap. 244 p.

Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey [Russia. Complete geographical description of our Fatherland: Handbook and road book for Russian people], 5. Ural i Priural'e [The Urals and Cis-Urals]. G.N. Kirilin, comp. St. Petersburg: A.F. Devrien, 1914. 669 p.

Savelev N.S., 2000. Stone burial mounds of the eastern foothills of the Southern Urals and some issues of the Prokhorovo culture formation. Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa archaeological herald], 2, pp. 17–48. (In Russ.)

Savelev N.S., 2007. Mesyagutovskaya lesostep' v epokhu rannego zheleza [The Mesyagutovo forest-steppe in the Early Iron Age]. Ufa: Gilem. 260 p.

Savelev N.S., 2011. On the border of Europe and Asia: factors of geocultural development of the Southern Urals. Antropologiya bashkir [Anthropology of the Bashkirs]. N.Kh. Spitsyna, ed. St. Petersburg: Aleteyya, pp. 11–24. (In Russ.)

Savelev N.S., 2014. Sarmatization of the South Ural forest-steppe: prerequisites, main stages, characteristics, consequences. Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa archaeological herald], 14, pp. 191–206. (In Russ.)

Savelev N.S., 2017. On the southern border of forest and forest-steppe cultures in the Urals in the 1st millennium BC. Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River region archaeology], 1 (19), pp. 114–129. (In Russ.)

Savelev N.S., 2018. Sites of the Gamayun and Kurmantau cultures of the southwestern extremity of the Ural mountain region. Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa archaeological herald], 18, pp. 24–42. (In Russ.)

Shorin A.F., 1996. On the role of the Mezhovka culture of the Middle Trans-Urals in the formation of Uralic cultures of the Early Iron Age. Aktual'nye problemy drevney istorii i arkheologii Yuzhnogo Urala [Topical issues of early history and archaeology of the Southern Urals]. Ufa: Vostochnyy universitet, pp. 20–32. (In Russ.)

Starikova G.I., 2013. Archaeological collection of the Magnitogorsk Museum of History and Local Lore. Problemy istorii, filologii i kul'tury [Journal of historical, philological and cultural studies], 3, pp. 80–99. (In Russ.)

Tairov A.D., 2019. Yuzhnyy Ural v epokhu rannikh kochevnikov [The Southern Urals in the age of early nomads]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 400 p. (Istoriya Yuzhnogo Urala, 3).

Yagodin V.N., 1990. The mound cemetery of Devkesken-4. Arkheologiya Priaral'ya [Archaeology of the Aral Sea region], 4. Tashkent: Fan, pp. 28–81. (In Russ.)

Zimina O.Yu., Zakh V.A., 2009. Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov [The Lower Tobol River region at the turn of the Bronze and Iron Ages]. Novosibirsk: Nauka. 232 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 67–77

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЩЕНИИ СЕЛЕВКИДСКИХ МОНЕТ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ[1]

© 2022 г. Е. В. Захаров[1, *], С. В. Смирнов[2, **]

[1] Государственный исторический музей, Москва, Россия

[2] Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

*E-mail: zakharov.evg@gmail.com

**E-mail: smirnovSV3@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.03.2021 г.
После доработки 19.03.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

В статье дан обзор находок селевкидских монет с территории античных государств Северного Причерноморья. В историографии зафиксировано около 20 таких монет, но всего лишь 4 бронзовых номинала обнаружено в ходе раскопок Ольвии, Херсонеса Таврического и городов Боспора Киммерийского: Пантикапея и Мирмекия. Происхождение остальных экземпляров вызывает определенные сомнения. Сравнение рассматриваемых находок с монетами государства Селевкидов, происходящими из соседних с Северным Причерноморьем Фракии и Закавказья, позволяет на новом уровне оценить вопрос о роли селевкидских монет в денежном обращении античных государств Северного Причерноморья и проблему непосредственных контактов между регионом и владениями селевкидских царей.

Ключевые слова: Селевкиды, нумизматика, монеты, Северное Причерноморье, Фракия, Закавказье, денежное обращение.

DOI: 10.31857/S0869606322010202

Проблема торговых контактов между государством Селевкидов и городами Северного Причерноморья крайне редко становилась предметом специального научного исследования. В отличие от птолемеевского Египта, чьи экономические взаимоотношения с рассматриваемым регионом хорошо зафиксированы различными источниками[2], контакты между Селевкидами и полисами северного побережья Черного моря не находят достоверного подтверждения и выглядят скорее гипотетическими. Однако находки селевкидских монет на территории Северного Причерноморья, казалось бы, должны свидетельствовать в пользу обратного.

Впервые с гипотезой о прямых контактах Селевкидов и Северного Причерноморья выступил С.П. Потоцкий, опубликовавший в 1958 г. тетрадрахму Антиоха IV (175–164 гг. до н.э.), обнаруженную при невыясненных обстоятельствах в окрестностях Корсунь-Шевченковского в 1917 г. Происхождение этой монеты осталось для автора неизвестным – удалось лишь узнать, что она входила в состав неопубликованного клада монет III–II вв. до н.э., найденного одним из жителей Корсунь-Шевченковского, который пропал в период Гражданской войны, заранее передав часть своих находок соседям, которые их и сохранили (Потоцкий, 1958. С. 71).

Находка серебряной тетрадрахмы Антиоха IV на территории Украины, по словам самого С.П. Потоцкого, имела бы большое значение для науки, однако загадочные обстоятельства обнаружения клада, его состав[3], а также последующая история (важно отметить, что С.П. Потоцкий познакомился с ним в ходе работы с частной нумизматической коллекцией в Подмосковье) вызывают определенные сомнения в достоверности его

[1] Некоторые положения данной работы представлены авторами в виде тезисов на международной конференции “XX Боспорские чтения” (Захаров, Смирнов, 2019).

[2] Контакты между птолемеевским Египтом и Северным Причерноморьем надежно подтверждаются археологически. Монеты Птолемеев, а также египетские геммы эллинистического периода широко известны на территории всего региона (см. Карышковский, 2003. № 59, 60; Ладынин, Попова, 2010. С. 71–85; Абрамзон, Кузнецов, 2015. С. 17, 143).

[3] Кроме тетрадрахмы Антиоха IV в нем также присутствовали медные монеты Ольвии III–II вв. до н.э., медная монета Антигона и серебряная монета Катаны.

происхождения[4]. Тем не менее именно на основании данного материала исследователь сделал вывод о существовании непосредственных экономических контактов между государством Селевкидов и полисами Северного Причерноморья. В подтверждение своей теории С.П. Потоцкий привел данные посвятительной надписи из западнопонтийского города Одесса в честь некоего уроженца Антиохии Гермия (Corpus... (CIG), 1843. № 2056; Граков, 1939. С. 251), прибывшего ко двору скифского царя Канита. Однако этот факт не подтверждает высказанную гипотезу, поскольку ни официальный статус самого Гермия, ни его точное происхождение (в эллинистическом мире существовало более десятка Антиохий) не известны. Более того, сам текст надписи был утрачен во время Второй мировой войны и сейчас не доступен для исследователей. Несмотря на столь слабую аргументацию, большое количество допущений и условностей, идея прямых торговых контактов между Селевкидами и городами Северного Причерноморья в историографии проблемы *locus communis* (Абрамзон, 2010; 2018а, б; Абрамзон, Кузнецов, 2015. С. 80–81).

Так, предположение С.П. Потоцкого было поддержано П.О. Карышковским, опубликовавшим пять селевкидских монет из собрания Одесского археологического музея, которые, по сведениям автора, происходили с территории Северного Причерноморья (Карышковский, 1962. С. 105–114; также см. Карышковский, 1961. С. 86, 87). Среди них большой интерес вызывают две тетрадрахмы Селевка I (312–281 гг. до н.э.) типа “слоновая колесница”, одна из которых обнаружена у д. Раздельная Одесской обл., а вторая – в районе д. Литавка Харьковской обл., что весьма неожиданно, учитываю относительную отдаленность находок от территории античных государств Северного Причерноморья[5]. Обе тетрадрахмы были отчеканены на монетном дворе Селевкии на Тигре, однако, если монета, найденная под Харьковом, имеет достаточно точное определение (Seleucid...(SC 1), 2002a, b. 130.33), то экземпляр из Одесской области отличает неизвестное сочетание монограмм. Третья монета, опубликованная П.О. Карышковским, тетрадрахма Александра I Балы (150–145 гг. до н.э.) найдена в 1949 г. на берегу Буга в районе современного г. Вознесенск Николаевской обл. Она относится к производству монетного двора Антиохии на Оронте (Seleucid...(SC 2), 2008a,b. 1784.4c). Также П.О. Карышковский упоминает о драхме Антиоха III, обнаруженной в районе Измаила, впрочем, не приводя детальной информации о находке и атрибуции этого экземпляра.

Последняя монета из коллекции Одесского археологического музея (О/49, п/о № 4719) представляет собой мелкий бронзовый номинал, отчеканенный от имени царя Антиоха I (281–261 гг. до н.э.) и относящийся к выпускам Антиохии на Оронте (SC 351.1b). Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что из всех селевкидских монет, опубликованных П.О. Карышковским, только эта монета была обнаружена в ходе археологических раскопок в Ольвии в 1949 г. (рис. 1, *1*; 2, *1*), в то время как происхождение остальных экземпляров остается неизвестным. Последнее обстоятельство не должно исключать вероятности их обнаружения как случайных находок в регионе или происхождения из частных коллекций.

Кроме монет, опубликованных С.П. Потоцким и П.О. Карышковским, известно еще несколько экземпляров селевкидских монет, происходящих с территории Северного Причерноморья. Небольшой бронзовый номинал Александра Балы (Seleucid...(SC 1), 2002a, b. 1816), хранящийся ныне в собрании Государственного Эрмитажа (К.п./485, инв. № 504), был обнаружен в ходе работ на некрополе Херсонеса Таврического в 1892 г. (Гилевич, 1968. С. 51, № 32, *1*). Монета (рис. 1, *2*; 2, *2*) найдена на участке некрополя у южной городской стены в составе сопроводительного инвентаря погребения 120, куда помимо нее входили также “бронзовый колокольчик и бронзовая круглая бляшка от ожерелья, бронзовая серьга, 4 бусы из массы...” (Отчет..., 1894. С. 106). К сожалению, археологический контекст этой находки и сопутствующий ей инвентарь, представленные в Отчете Археологической комиссии, не позволяют точно датировать погребение, в котором она была сделана. Тем не менее важно отметить, что рассматриваемая монета сильно потерта и имеет отверстие, свидетельствующее о ее вторичном использовании в качестве подвески. Однако вопрос о том, попала ли она в Херсонес в таком виде, или же была превращена в подвеску уже там, остается открытым.

Еще одна монета (рис. 1, *3*; 2, *3*) государства Селевкидов происходит из раскопок Пантикапея в 1960 г. (Голенко, Шелов, 1963. С. 25, 58. № 678). Она найдена на Ново-Эспланадном раскопе на северном склоне горы Митридат в одном контексте с двумя пантикапейскими монетами, одна из которых датируется последним десятилетием II в. до н.э. (Голенко, Шелов, 1963. № 676). Сейчас эта монета находится в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина (инв. № 268978)[6]. Рассматриваемый экземпляр обломан, имеет очень плохую со-

[4] Подобные сомнения в аутентичности происхождения данной монеты уже высказывались специалистами (см. Mielczarek, 1989. P. 84).

[5] Тем не менее стоит отметить, что кладовые находки монет данного типа известны на территории Фракии (Coin... (CCCYBulg.), 2007. P. 71).

[6] Авторы благодарны заведующему отделом нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина С.А. Коваленко за уточнение сведений об этой монете.

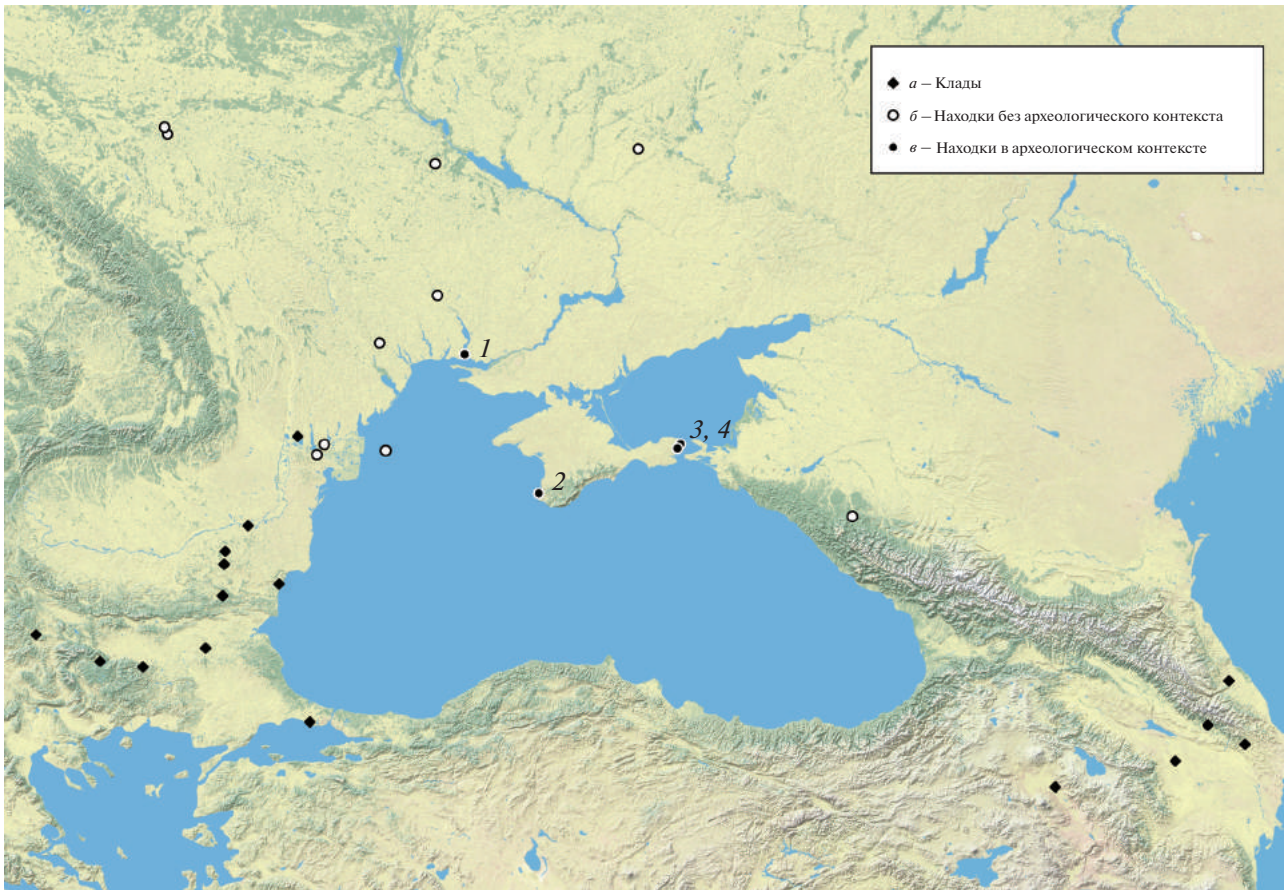


Рис. 1. Карта. Находки селевкидских монет в Северном Причерноморье и соседних регионах. *1* – бронзовый номинал Антиоха I, Ольвия; *2* – бронзовый номинал Александра Балы, Херсонес; *3* – бронзовый номинал середины II в. до н.э., Пантикапей; *4* – бронзовый номинал Деметрия II, Мирмекий. Условные обозначения: *а* – клады; *б* – находки без археологического контекста; *в* – находки в археологическом контексте.

Fig. 1. Map. Finds of Seleucid coins in the Northern Black Sea region and neighbouring regions

хранность и атрибутирован издателями как селевкидская монета II в. до н.э. с большой долей вероятности на основании изображения на лицевой стороне мужской головы в лучевой короне вправо.

В 1957 г. в ходе раскопок Мирмекия найдена бронзовая монета (рис. 1, *4*; 2, *4*) Деметрия II (129–126/125 гг. до н.э.), выпущенная в течение его второго правления на монетном дворе Антиохии на Оронте в 129–128 гг. до н.э. ((Seleucid...(SC 2), 2008a,b. 2170; Захаров, Смирнов, 2020a). Этот экземпляр (№ п/о М-57/2574), находящийся сейчас в собрании Государственного Эрмитажа, найден на участке М в восточном районе городища на одной из вымосток эллинистического времени вместе с боспорскими монетами III–II вв. до н.э.[7]

Золотые, серебряные и бронзовые монеты государства Селевкидов конца IV–II в. до н.э. также известны среди нумизматических находок, обнаруженных в 1839–1851 гг. в ходе раскопок чиновников карантинной службы святилища Ахилла на о. Левка в западной части Черного моря (Абрамзон, Тункина, 2018). Высокая концентрация находок монет в низменной северо-восточной части острова позволила исследователям сделать вывод о том, что здесь мог находиться священный участок героя, в котором приезжавшие на остров совершали вотивные приношения (Булатович, 1971). Перечень селевкидских монет с о. Левка включает золотой статер Селевка I, драхму Антиоха III (223–187 гг. до н.э.) и две бронзовые монеты: Селевка I и Деметрия II (145–140 гг. до н.э.). К сожалению, информация об этих монетах известна только по рисункам Н.Н. Мурзакевича, опубликовавшего некоторые нумизматические материалы из раскопок на острове, а археологический контекст находок утрачен, что не позволяет выяснить время проникновения интересующих нас экземпляров в регион. Тем не менее они позволяют судить о том, что все монеты, происходящие из святилища Ахилла, очевидно являются вотивными подношениями божеству, сделанны-

[7] Подробнее о контексте см. Пругло, 1960.

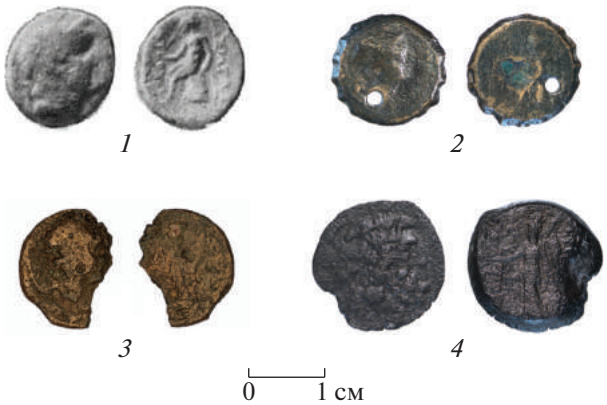


Рис. 2. Монеты государства Селевкидов, обнаруженные на территории Северного Причерноморья в археологическом контексте. *1* – бронзовый номинал Антиоха I, Ольвия; *2* – бронзовый номинал Александра Балы, Херсонес; *3* – бронзовый номинал середины II в. до н.э., Пантикапей; *4* – бронзовый номинал Деметрия II, Мирмекий.

Fig. 2. Coins of the Seleucid state found in the Northern Black Sea region in archaeological context.

ми моряками и торговцами, посещавшими эту часть Черного моря в разное время в течение длительного периода (нумизматический комплекс в целом датируется V в. до н.э.–IV в. н.э.). В ходе нашего обзора важно заметить, что находки селевкидских монет в святилище Ахилла показывают, что торговцы и путешественники, направлявшиеся в Северное Причерноморье, могли иметь не только бронзовые, но и золотые, и серебряные монеты Селевкидов.

В нашем распоряжении также имеется информация о находках селевкидских монет на территории Восточной Европы. Так, на территории Западной Украины в Тернопольской области обнаружены две монеты царя Антиоха IV (Mielczarek, 1989. № 109). По имеющейся скудной информации, одна монета (металл и номинал неизвестны) обнаружена в районе д. Башуки до 1899 г. Другая монета мелкого бронзового номинала найдена в районе д. Лопушное. Точное время и обстоятельства обнаружения этих монет неизвестны, а достоверность находок весьма сомнительна. С осторожностью следует относиться и к сведениям о находке тетрадрахмы царя Антиоха VII (138–129 гг. до н.э.) в районе г. Байльроде в Германии, сделанной, по имеющимся сведениям, местными жителями в 1967 г. (Arnold, 1968; Mielczarek, 1989. № 77).

О находках монет государства Селевкидов на территории Азиатского Боспора пока достоверных данных нет. Бронзовая монета II в. до н.э. из клада, найденного в 2003 г. на территории поселения Соленый 3, первоначально была отнесена к монетному делу Селевка IV (Абрамзон, Кузнецов, 2015. С. 80), но затем атрибутирована как выпуск Крита эллинистического времени (Abramzon, 2018. P. 56. № 4).

В собраниях музеев Краснодарского края (Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына [КМ], Музей истории города-курорта Сочи [МИГКС] и Новороссийский исторический музей-заповедник [НМ]) хранится несколько монет государства Селевкидов, однако их происхождение не позволяет с уверенностью утверждать, что они были обнаружены на территории Северного Причерноморья[8]. Редким исключением стоит признать золотой статер Селевка I с типом Александра Великого, найденный в 1935 г. в районе Майкопа (Лунин, 1939. С. 214–218; Захаров, Смирнов, 2020б). Находка сделана в комплексе с предметами IV–III вв. до н.э. “на территории” кургана “Золотая горка” или отдельно от них “при промывке золота в русле р. Белой, пониже станицы Даховской, в правом борту реки” (Лунин, 1939. С. 214, 215). Скорее всего, рассматриваемый статер поступил на Северо-Западный Кавказ в III в. до н.э. с территории обращения золотых монет “александровского” типа в Закавказье, Восточном или Северном Причерноморье. Судя по данным кладов, селевкидские статеры с типом Александра Великого, золотые монеты Филиппа II, Александра Великого и Филиппа Арридея обращались совместно. Очевидно, селевкидские выпуски с типами или от имени Александра потребители не отличали от оригинальных. По всей видимости, именно в таком качестве селевкидские статеры “александровского” типа и поступали в денежное обращение Причерноморья, где золотые монеты македонских царей в последней четверти IV в. до н.э. заняли место электровых статеров Кизика, выполнявших тут прежде функцию интерлокальной валюты.

Таким образом, обзор находок селевкидских монет в Северном Причерноморье показывает, что большинство из них обнаружено случайно. Это не позволяет рассматривать данные монеты как полноценный исторический источник для изучения торговых контактов Селевкидов с государствами Северного Причерноморья. Таким образом, из всех находок только четыре монеты обнаружены в ходе археологических работ: монета Антиоха I из Ольвии, Александра Балы из Херсонеса, Деметрия II из Мирмекия и неопределенный экземпляр II в. до н.э. из Пантикапея (см. рис. 1, 2).

[8] Краснодар – бронзовые монеты Антиоха VII (КМ 14204/64), Антиоха IV (КМ 14204/67) и Деметрия I (КМ 14204/66); Новороссийск – Антиоха I (НМ 3105/116) и Антиоха IV (НМ 6571/21); Сочи – серебряная тетрадрахма Антиоха VII (МИГКС ОФ 8214/52).

В Северном Причерноморье не известны находки селевкидских монет в составе кладов. Между тем в соседних регионах, Фракии и Закавказье известно большое количество комплексов, содержащих монеты государства Селевкидов, что свидетельствует об их активном участии в денежном обращении. Скорее всего, это было связано с близостью указанных территорий к государству Селевкидов и его политическими интересами. О близком знакомстве жителей Фракии и Закавказья с селевкидскими монетами также свидетельствуют многочисленные их имитации, многие из которых были более низкопробными, чем прототипы. Часто эта ситуация вызывала недоверие потребителей к подлинным селевкидским монетам, о чем свидетельствуют следы проверки качества металла, надрубы на многих из них.

Клады, содержащие селевкидские монеты, хорошо известны на территории Фракии[9]. Их появление, очевидно, было связано с высокой экономической активностью местного населения и прямыми контактами с государством Селевкидов. Нет сомнений в том, что все известные селевкидские монеты попали в регион в результате экономических контактов между фракийскими городами и племенами и полисами Малой Азии или Ближнего Востока. Крупные номиналы (тетрадрахмы и драхмы), к которым принадлежит большинство известных селевкидских монет из Фракии, как кажется, подтверждают эту версию. Оказавшись здесь, часть монет оседала в регионе и в дальнейшем могла использоваться для внутренней и внешней торговли, другая же часть могла продолжить свое движение дальше, на восток и северо-восток, участвуя в обмене с кочевыми племенами кельтов и скифов. В конечном итоге селевкидские монеты могли достигать областей, расположенных далеко за пределами Северной Фракии, – это уже упомянутое среднее течение Эльбы, Днепра, а также восток современной Украины (Mielczarek, 1989. P. 83–91).

Примечательно, что все селевкидские монеты, обнаруженные в кладах на территории Фракии, относятся к монетному делу ранних Селевкидов (от Селевка I до Антиоха III), в то время как монеты поздних представителей династии в них отсутствуют вовсе, что может объясняться особенностями политической истории региона. Влияние государства Селевкидов в Северо-Западной Малой Азии и Фракии относится к III в. до н.э. Начиная с основателя династии Селевка I и до конца III в. до н.э. практически все правители государства Селевкидов с разной степенью успеха, но все же стремились установить свой контроль над этими территориями. Наибольших результатов в этом достиг Антиох II, завоевавший в середине III в. до н.э. на короткое время Фракию. Последним царем, удерживавшим контроль на Геллеспонтом, был Антиох III. После его поражения в войне с Римом (192–188 гг. до н.э.) и возвышения Пергамского царства Селевкиды навсегда утратили прямые контакты с Фракией (Dumitru, 2015).

Почти идентичную картину демонстрируют находки селевкидских монет в Закавказье – другом соседним с Северным Причерноморьем регионом. За исключением некоторых случайных находок[10], хорошо известны несколько крупных кладов, обнаруженных на территории современного Азербайджана[11]. Один из наиболее значимых, так называемый Кабалинский клад открыт в 1966–1967 гг. в ходе раскопок городища Кабала – столицы Кавказской Албании. Он содержал 593 монеты, включая 131 селевкидскую и 3 варварских подражания им (Бабаев, Казиев, 1971)[12]. В 1958 г. найден клад около д. Хинисла, содержавший 84 селевкидские монеты и 64 варварских подражания (Пахомов, 1966. № 2080). Еще один клад обнаружен в 1929 г. в районе д. Барда. К сожалению, его изначальный состав неизвестен, однако, по сведениям Е.А. Пахомова, клад содержал несколько селевкидских монет (Пахомов, 1938. № 314). Также известно несколько кладов, обнаруженных на территории современной Армении. Клад из Сарнакунка содержал 58 монет государства Селевкидов (Мушегян, 1973. С. 124–176), 37 монет входили в состав комплекса, обнаруженного в ходе раскопок городища Артаксата (Moushehian et al., 2000. P. 91–95).

Нет сомнений в том, что обращение селевкидских монет в Закавказье – результат активных контактов местных племен и городов Кавказской Албании (Дадашева, 1976). Большинство селевкидских монет, происходящих с территории Закавказья, относятся к крупным серебряным номиналам, что подтверждает их использование в качестве средства обмена в ходе крупных торговых операций. Обилие подражаний подчеркивает плотные торговые контакты между городами государства Селевкидов и местным населением. Тем не менее у торговцев региона монеты Селевкидов все же не пользовались таким доверием, как монеты Александра Великого или Лисимаха,

[9] Болгария: An Inventory... (IGCH), 1973. 853, 854, 859, 860, 870, 871, 872, 874, 887; Coin... (CCCHBulg.), 2007. P. 71, 72. Южная Украина: IGCH 866 – Анадольский клад; Румыния (единичная находка): см. Булатович, 1980. С. 67. Прил. 2; Турция: IGCH 867 – клад из Бююкчекмедже.

[10] Несколько случайных находок селевкидских монет известно на территории Армении и Азербайджана (см. Пахомов, 1926. С. 22; Moushehian et al., 2000. P. 98).

[11] О монетах Антиоха IV, обнаруженных в кладах, происходящих с территории Азербайджана, см. Дадашева, 1976.

[12] В.К. Голенко, публиковавший клад спустя 30 лет после его находки, относил к нему 638 монет, из них 138 селевкидских (1998).

о чем свидетельствует наличие надруба на большинстве известных экземпляров. Подражания же, выполненные в более примитивной художественной технике, стоит отнести к продукции местных племен, широко использовавших селевкидские монеты в качестве средств накопления и платежа с целью интегрировать имитации в обращение этих монет в регионе. Некоторые селевкидские монеты, очевидно попавшие в регион Закавказья, продолжали свой маршрут далее на территорию Северного Кавказа.

Уникальная находка на территории Северного Кавказа – селевкидские монеты, обнаруженные в 1964 г. в районе Шаракунского могильника в Сулейман-Стальском районе Дагестана. По сведениям М.С. Гаджиева, клад включал несколько десятков селевкидских монет (Гаджиев, 1997. С. 55–57), однако в публикации В.П. Дзагуровой упоминается лишь три монеты (Дзагурова, 1975). Известные экземпляры представляют собой крупные бронзовые номиналы и относятся к монетному делу царя Антиоха IV. Все монеты принадлежат к так называемой египтизированной серии, выпускавшейся после победы Антиоха над птолемеевским Египтом в 171–169 гг. до н.э. Неясно, в каком качестве попали эти монеты в регион – в виде средства обмена либо как статусная вещь (данную серию отличает нетипично крупный для селевкидской бронзы номинал). Однако нет сомнений в том, что они свидетельствуют об устойчивых контактах местного населения с Кавказской Албанией. Не исключено, что селевкидские монеты "египтизированной" серии, будучи стилистически близки монетам Птолемеев, оказались смешаны с египетской бронзой, хорошо известной в регионе по находкам из Шаракунского клада 1985 г. (Гаджиев, 1997. С. 50–54; 1999. С. 157).

В отличие от Фракии, где обнаруженные селевкидские монеты относятся к чеканке ранних Селевкидов, монеты, происходящие с территории Закавказья, принадлежат выпускам поздних правителей этой династии (от Селевка IV до Филиппа I). Как и в случае с Фракией, это обстоятельство объясняется политической активностью Селевкидов в данном регионе. До Антиоха III селевкидское влияние здесь было спорадическим и непостоянным. В конце III в. до н.э. этот царь в ходе восточного похода установил контроль над Арменией. Его наследник Антиох IV продолжил политику отца и сохранял свое влияние на это государство. Прямые политические контакты Селевкидов с Арменией были нарушены усилением Парфии, однако торговые связи сохранялись. При этом нельзя исключать возможности попадания большого количества селевкидских монет в регион с войском армянского царя Тиграна II, на время овладевшего Сирией в 83 г. до н.э. Примечательно в связи с этим, что все известные клады с территории Закавказья, содержащие селевкидские монеты, датируются I в. до н.э.

Анализ монетных кладов, найденных на территории Фракии и Закавказья, демонстрирует два потенциальных маршрута проникновения селевкидских монет в Северное Причерноморье. Монеты Селевкидов, обращавшиеся на территории Фракии в конце IV–III в. до н.э., могли поступать на территорию Северного Причерноморья через северо-западную часть региона, в то время как монеты, обращавшиеся на территории Закавказья в III–I вв. до н.э., могли проникать в государства северного берега Черного моря через территорию Северного Кавказа и Прикубанья[13]. При этом важно заметить, что на территории Фракии и Закавказья практически неизвестны находки бронзовых селевкидских монет, в то время как все известные экземпляры, найденные в ходе археологических исследований античных государств Северного Причерноморья, представляют собой мелкие номиналы бронзовых выпусков. В сравнении с многочисленными находками в соседних регионах они не могут свидетельствовать об активном обращении селевкидских монет на рынках причерноморских полисов.

При этом нельзя исключать и возможности попадания селевкидских монет в Северное Причерноморье в результате прямых торговых контактов с городами Восточной Эгеиды и Малой Азии, в денежном обращении которых могли присутствовать и селевкидские монеты различных номиналов. Как показывают "клады перипла", найденные в 2003 и 2007 г. на хоре Фанагории, многие монеты центров Восточного Средиземноморья могли проникать в Причерноморье с помощью купцов, отмечая пункты их следования (Абрамзон, 2018а). Такие комплексы вкупе с обширным средиземноморским керамическим импортом эллинистического времени показывают высокую степень интеграции региона Северного Причерноморья в обширную торговую сеть. Несмотря на это, редкие находки мелких медных монет не позволяют делать выводы о прямых торговых контактах между местными рынками и монетными центрами, где были отчеканены эти монеты. Напротив, большинство таких монет могло попасть в регион случайно в результате транзитной торговли с участием большого числа посредников.

В свете сказанного выше очевидно, что столь редкие находки селевкидских монет в Северном Причерноморье не подтверждают активного участия этих и иных бронзовых эллинистических

[13] М. Мельчарек высказывал определенное сомнение в возможности существования маршрута проникновения монет из Закавказья (Mielczarek, 1989. P. 85), что, впрочем, может объясняться недостаточным анализом находок селевкидских монет на территории Северного Кавказа.

монет в денежном обращении данного региона. Более того, едва ли такие монеты принимались местным населением в качестве средств накопления или платежа, так как локальные рынки были полностью обеспечены собственной медной монетой. Во многом это объясняет и вторичное использование монеты царя Александра Балы из некрополя Херсонеса, если, конечно, эта монета не прибыла в Северное Причерноморье уже в качестве украшения или амулета.

Также стоит обратить внимание на то, что все серебряные монеты Селевкидов (даже несмотря на отсутствие надежного археологического контекста) обнаружены не на территории полисов, а скорее далеко за их пределами на варварской периферии. Эти монеты могли проникнуть в регион не с торговцами, а с местными кочевыми племенами, находившимися в тесном контакте с фракийцами. Маршрут проникновения этих монет из Закавказья также возможен, однако, судя по практически полному отсутствию находок серебряных монет Селевкидов на Северном Кавказе, маловероятен. Принципиально особый случай демонстрируют находки в святилище Ахилла на о. Левка. Как и в случае с любой храмовой сокровищницей, вотивные приношения там накапливались на протяжении долгого времени, что объясняет большое разнообразие монетных выпусков и центров чеканки. Безусловно, монеты, привезенные на Левку, оказались там с помощью иноземных торговцев и моряков, хотя точное время их попадания на остров остается неизвестным. Невозможно утверждать наверняка, были ли селевкидские монеты привезены сюда в период существования династии либо уже после ее исчезновения.

Как уже отмечено ранее, одним из главных аргументов С.П. Потоцкого в пользу прямых торговых контактов между государством Селевкидов и полисами Северного Причерноморья стала посвятительная надпись из Одесса в честь некоего уроженца Антиохии Гермия. Упоминание жителя Антиохии, в которой С.П. Потоцкий очевидно видел столицу государства Селевкидов Антиохию на Оронте, было важнейшим основанием в ходе его рассуждений. Той же логики придерживался и П.О. Карышковский, приведя в качестве дополнительного аргумента еще одну надпись, на этот раз из Ольвии, в которой также упомянут некий антиохиец Гераклеон, сын Никия (Карышковский, 1962. С. 112). Нет сомнений в том, что обе надписи упоминают двух уроженцев либо членов гражданского коллектива полиса Антиохии, которые в силу тех или иных обстоятельств оказались в Северном Причерноморье.

Однако и С.П. Потоцкий, и П.О. Карышковский упустили несколько важных деталей. Во-первых, надписи не уточняют, выходцами из какой именно Антиохии были Гермий и Гераклеон. Возможно, это были разные города. Кроме того, важно заметить, что ряд малоазийских Антиохий ко времени изготовления надписей (II в. до н.э.) уже не входил в состав государства Селевкидов. Во-вторых, из текста надписей ничего не известно об официальном или профессиональном статусе упомянутых в них антиохийцев. Мы не знаем, были ли Гермий и Гераклеон царскими чиновниками или торговцами, представляли ли они интересы династии или были частными лицами, преследовавшими свои личные интересы. Стоит также заметить, что о пребывании антиохийцев на территории полисов Северного Причерноморья свидетельствует лишь надпись из Ольвии, в то время как надпись из Одесса связана с историей и контактами центров Западного Причерноморья.

Монеты государства Селевкидов, обнаруженные на территории Северного Причерноморья, представляют собой случайные находки и никогда не встречаются в кладах. Это обстоятельство заставляет пересмотреть гипотезу о прямых торговых контактах Селевкидов и полисов Северного Причерноморья и обращения там селевкидских монет. В то же время четыре селевкидские монеты, происходящие из надежного археологического контекста, представляют собой мелкие медные номиналы, которые, по всей вероятности, не использовались местным населением как средство платежа и накопления. Происхождение серебряных монет вызывает ряд сомнений, но даже несмотря на это, их находки локализуются на варварской периферии. Анализ монетных кладов, содержащих селевкидские монеты, двух близлежащих регионов – Фракии и Закавказья – показывает два потенциальных маршрута попадания селевкидских монет в Северное Причерноморье в ходе транзитной торговли. Однако не стоит исключать и возможности случайного импорта этих монет в результате прямых контактов с центрами Восточного Средиземноморья в процессе морской торговли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон М.Г. Экономические связи Боспора в VI в. до н.э. – III в. н.э.: греческие монеты в денежном обращении // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 1. С. 477–521.

Абрамзон М.Г. Два перипла из Фанагории в Восточное Средиземноморье (по данным позднеэллинистических кладов) // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 4 / Ред. В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин. М.: ИА РАН, 2018а (Фанагория. Результаты археологических исследований; т. 7). С. 6–30.

Абрамзон М.Г. Торговые связи Боспора с Восточным Средиземноморьем в IV в. до н.э. – III в. н.э. по данным нумизматики // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период

античности и средневековья. Традиции и инновации: материалы междунар. науч. конф. / Ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь; Керчь, 2018б. С. 5–8.

Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории. М.: ИА РАН, 2015 (Фанагория. Результаты археологических исследований; т. 3). 382 с.

Абрамзон М.Г., Тункина И.В. Гости острова Левки (античные монеты по неизданным рисункам Н.Н. Мурзакевича) // Вестник древней истории. 2018. № 1. С. 52–87.

Бабаев И.А., Казиев С.М. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи // Нумизматика и эпиграфика. Т. IX. М.: Наука, 1971. С. 16–32.

Булатович С.А. Монетные находки на острове Левке // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 7. Одесса: Маяк, 1971. С. 212–225.

Булатович С.А. Распространение золотых монет Филиппа II, Александра и Лисимаха в Северо-Западном Причерноморье // Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР / Отв. ред. П.О. Карышковский. Киев: Наукова думка, 1980. С. 52–71.

Гаджиев М.С. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии Дагестанского науч. центра РАН, 1997. 154 с.

Гаджиев М.С. Шаракунский клад (Дагестан) // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. М.: ИА РАН, 1999. С. 152–160.

Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. Вып. 3. Киев: Наукова думка, 1968. С. 3–198.

Голенко В.К. Материалы Кабалинского клада в свете формирования денежного обращения в Кавказской Албании // Херсонесский сборник. Вып. 9. Севастополь: Дизайн-студия “КАЛАМО”, 1998. С. 210–224.

Голенко К.В., Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1961 гг. // Нумизматика и сфрагистика. Вып. 1. Киев: Изд-во Акад. наук Украинской ССР, 1963. С. 3–65.

Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 231–315.

Дадашева С.А. Основные черты денежного обращения Кавказской Албании // Вестник древней истории. 1976. № 4. С. 79–88.

Дзагурова В.П. Монеты Антиоха IV Эпифана в Дагестане // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1975. С. 63–65.

Захаров Е.В., Смирнов С.В. Селевкидские монеты в Северном Причерноморье: переосмысление проблемы // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: материалы междунар. науч. конф. / Ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь; Керчь, 2019. С. 206–210.

Захаров Е.В., Смирнов С.В. Новые данные о находках монет государства Селевкидов в Крыму // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка: материалы междунар. нумизмат. конф. (Судак, 21–25 сентября 2020 г.). Симферополь: Колорит, 2020а. С. 89–90.

Захаров Е.В., Смирнов С.В. Особенности обращения селевкидских статеров, отчеканенных от имени Александра, в Причерноморье // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2020 года. М.: Гос. ист. музей, 2020б. С. 22–25.

Карышковский П.О. Селевкидские монеты, поступившие в Одесский Государственный музей в 1960 г. // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова и Одесского государственного археологического музея в 1960 году. Одесса, 1961. С. 85–88.

Карышковский П.О. Из истории отношений Селевкидского государства с Северо-Западным Причерноморьем // Палестинский сборник. Вып. 9 (72). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 105–114.

Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии. Одесса: А.С. Фридман, 2003. 684 с.

Ладынин И.А., Попова Е.А. Египетская подвеска, найденная на городище Чайка (Северо-Западный Крым), и посмертное обожествление Арсинои II Филадельфы // Вестник древней истории. 2010. № 2. С. 71–85.

Лунин Б. Археологические находки 1935–1936 гг. В окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 210–233.

Мушегян Х.А. Монетные клады Армении. Т. 1. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1973. 184 с.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1892 год. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1894. 174 с.

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 1. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1926 (Труды Общества обследования и изучения Азербайджана; вып. 3). 100 с.

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 2. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1938 (Труды Института истории, языка и литературы; т. II). 102 с.

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 9. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1966. 124 с.

Потоцкий С.П. Сирийская серебряная монета Антиоха IV Епифана из клада монет на Украине // Палестинский сборник. Вып. 3 (66). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 71–74.

Пругло В.И. Восточные кварталы Мирмекия в свете археологических исследований 1957 г. // Записки Одесского археологического общества. Т. I (34). Одесса: Одесское кн. изд-во, 1960. С. 266–274.

Abramzon M. Numismatic Evidence for Ancient Seafaring between the Levant, Western and Southern Asia Minor and the Northern Black Sea // Israel Numismatic Research. 2018. Vol. 13. P. 55–72.

Arnold P. Eine wichtige Neuerwerbung des Dresdner Münzkabinetts. (Tetradrachmon des Antiochos VII. Sidetes) // Dresdener Kunstblätter. 1968. Bd. 12. S. 190–191.

Coin Collections and Coin Hoards from Bulgaria (CCCH-Bulg.). Vol. I. Numismatic collection of the Historical museum Lovech (anc. Melta) & Numismatic collection of the Historical museum Razgrad (anc. Abritus). Sofia: Provias, 2007. 104 p.

Corpus inscriptionum graecarum (CIG). Vol. II. Berolini: Officina Academica, 1843. 1138 p.

Dumitru A. Some Thoughts about Seleucid Thrace in the 3rd Century BC // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas / Eds. G. Tsetskhladze, A. Avram, J. Hargrave. Oxford: Archaeopress, 2015. P. 294–297.

An Inventory of Greek Coin Hoards (IGCH) / Eds. M. Thompson, O. Mørkholm, C.M. Kraay. New York: The American Numismatic Society, 1973. 426 p.

Mielczarek M. Ancient Greek coins, found in Central, Eastern and Northern Europe. Wroclaw: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1989. 205 p.

Moushehian K., Moushehian M., Depeyrot G. History and coin finds in Armenia, Antiquity. Wettern: Moneta, 2000 (Collection Moneta; vol. 17). 184 p.

Seleucid Coins (SC 1): A Comprehensive Catalogue. Part 1. Seleucus I through Antiochus III. Vol. I. Introduction, Maps, and Catalogue / Eds. A. Houghton, C. Lorber. New York: The American Numismatic Society, 2002b. 526 p.

Seleucid Coins (SC 1): A Comprehensive Catalogue. Part 1. Seleucus I through Antiochus III. Vol. II. Appendices, Indices, and Plates / Eds. A. Houghton, C. Lorber. New York: The American Numismatic Society, 2002a. 402 p.

Seleucid Coins (SC 2): A Comprehensive Catalogue. Part 2. Seleucus IV through Antiochus XIII. Vol. I. Introduction, Maps, and Catalogue / Eds. A. Houghton, C. Lorber, O. Hoover. New York: The American Numismatic Society, 2008a. 762 p.

Seleucid Coins (SC 2): A Comprehensive Catalogue. Part 2. Seleucus IV through Antiochus XIII. Vol. II. Appendices, Indices, and Plates / Eds. A. Houghton, C. Lorber, O. Hoover. New York: The American Numismatic Society, 2008b. 656 p.

ON THE CIRCULATION OF SELEUCID COINS IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION

Evgeny V. Zakharov[a, #], Svyatoslav V. Smirnov[b, ##]

[a] *The State Historical Museum, Moscow, Russia*

[b] *Institute of World History RAS, Moscow, Russia*

[#] *E-mail: zakharov.evg@gmail.com*

[##] *E-mail: smirnovSv3@yandex.ru*

The paper provides an overview of the finds of Seleucid coins derived from the territory of the ancient states of the Northern Black Sea region. Despite the fact that about twenty Seleucid coins that came from the region have been recorded in historiography, only four bronzes were discovered during the excavations of Olbia, Tauric Chersonesos, and cities of the Cimmerian Bosporus – Panticapaeum and Myrmekion, while the provenance of the remaining items is doubtful. A comparison with the finds of Seleucid coins from the neighbouring regions of Thrace and Transcaucasia made it possible to address at a new level both the role of these coins in the monetary circulation of the Northern Black Sea region and the issue of direct contacts between that region and the possessions of the Seleucid kings.

Keywords: Seleucids, numismatics, coins, Northern Black Sea region, Thrace, Transcaucasia, monetary circulation.

REFERENCES

Abramzon M., 2018. Numismatic Evidence for Ancient Seafaring between the Levant, Western and Southern Asia Minor and the Northern Black Sea. Israel Numismatic Research, 13, pp. 55–72.

Abramzon M.G., 2010. Economic ties of the Bosporus in the 6th century BC – 3rd century AD: Greek coins in circulation. Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of historical, philological and cultural studies], 1, pp. 477–521. (In Russ.)

Abramzon M.G., 2018a. Two periploi from Phanagoria to the Eastern Mediterranean (based on the data of Late Hellenistic hoards). Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on archaeology and history of Phanagoria], 4. V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 6–30. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy, 7). (In Russ.)

Abramzon M.G., 2018б. Trade relations of the Bosporus with the Eastern Mediterranean in the 4th century BC – 3rd century AD based on numismatic data. XIX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Traditsii i innovat-

sii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [XIX Bosporus readings. The Cimmerian Bosporus and barbarian world in the antiquity and the Middle Ages. Tradition and innovation: Proceedings of the International scientific conference]. V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko, eds. Simferopol'; Kerch', pp. 5–8. (In Russ.)

Abramzon M.G., Kuznetsov V.D., 2015. Monetnye klady vremeni Mitridata VI Evpatora s khory Fanagorii [Coin hoards from the period of Mithridates VI Eupator from the chora of Phanagoria]. Moscow: IA RAN. 382 p. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy, 3).

Abramzon M.G., Tunkina I.V., 2018. Guests of Leuke Island (Ancient coins after unpublished drawings by N.N. Murzakevich). Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history], 1, pp. 52–87. (In Russ.)

An Inventory of Greek Coin Hoards (IGCH). M. Thompson, O. Mørkholm, C.M. Kraay, eds. New York: The American Numismatic Society, 1973. 426 p.

Arnold P., 1968. Eine wichtige Neuerwerbung des Dresdner Münzkabinetts. (Tetradrachmon des Antiochos VII. Sidetes). Dresdener Kunstblätter, 12, pp. 190–191.

Babaev I.A., Kaziev S.M., 1971. The Qabala coin hoard of the Hellenistic period. Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy], IX. Moscow: Nauka, pp. 16–32. (In Russ.)

Bulatovich S.A., 1971. Coin finds from Leuke Island. Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya [Materials on the archaeology of the Northern Black Sea region], 7. Odessa: Mayak, pp. 212–225. (In Russ.)

Bulatovich S.A., 1980. Spread of gold coins of Philippus II, Alexander and Lysimachus in the North-Western Black Sea region. Issledovaniya po antichnoy arkheologii yugo-zapada Ukrainskoy SSR [Studies in classical archaeology of the southwest of the Ukrainian SSR]. P.O. Karyshkovskiy, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 52–71. (In Russ.)

Coin Collections and Coin Hoards from Bulgaria (CCCH-Bulg.). Vol. I. Numismatic collection of the Historical museum Lovech (anc. Melta) & Numismatic collection of the Historical museum Razgrad (anc. Abritus). Sofia: Provias, 2007. 104 p.

Corpus inscriptionum graecarum (CIG), II. Berolini: Officina Academica, 1843. 1138 p.

Dadasheva S.A., 1976. The main features of the monetary circulation in Caucasian Albania. Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history], 4, pp. 79–88. (In Russ.)

Dumitru A., 2015. Some Thoughts about Seleucid Thrace in the 3rd Century BC. The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas. G. Tsetskhladze, A. Avram, J. Hargrave, eds. Oxford: Archaeopress, pp. 294–297.

Dzagurova V.P., 1975. Coins of Antiochus IV Epiphanes in Dagestan. Pyatye Krupnovskie chteniya po arkheologii Kavkaza [Fifth Krupnov readings on the archaeology of the Caucasus]. Makhachkala: Dagestanskiy filial AN SSSR, pp. 63–65. (In Russ.)

Gadzhiev M.S., 1997. Mezhdu Evropoy i Aziey: Iz istorii torgovykh svyazey Dagestana v albano-sarmatskiy period [Between Europe and Asia: From the history of trade relations of Dagestan in the Albanian-Sarmatian period]. Makhachkala: Institut istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN. 154 p.

Gadzhiev M.S., 1999. The Sharakun hoard (Dagestan). Drevnosti Severnogo Kavkaza [Antiquities of the Northern Caucasus]. V.I. Markovin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 152–160. (In Russ.)

Gilevich A.M., 1968. Coins from other cities of the Greek world found in the excavations in Chersonesos. Numizmatika i sfragistika [Numismatics and sphragistics], 3. Kiev: Naukova dumka, pp. 3–198. (In Russ.)

Golenko K.V., Shelov D.B., 1963. Coins from the excavations of Panticapaeum in 1945–1961. Numizmatika i sfragistika [Numismatics and sphragistics], 1. Kiev: Izdatel'stvo Akademii nauk Ukrainskoy SSR, pp. 3–65. (In Russ.)

Golenko V.K., 1998. Materials of the Qabala hoard in the light of the formation of monetary circulation in Caucasian Albania. Khersonesskiy sbornik [Chersonesos collection of papers], 9. Sevastopol': Dizayn-studiya "KALAMO", pp. 210–224. (In Russ.)

Grakov B.N., 1939. Materials on the history of Scythia in Greek inscriptions from the Balkan Peninsula and Asia Minor. Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history], 3, pp. 231–315. (In Russ.)

Karyshkovskiy P.O., 1961. Seleucid coins received at the Odessa State Museum in 1960. Kratkie soobshcheniya o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Odesskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.I. Mechnikova i Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya v 1960 godu [Brief communications on the field archaeological research of I.I. Mechnikov Odessa State University and the Odessa State Archaeological Museum in 1960]. Odessa, pp. 85–88. (In Russ.)

Karyshkovskiy P.O., 1962. From the history of relations between the Seleucid state and the Northwestern Black Sea region. Palestinskiy sbornik [Palestinian collection of papers], 9 (72). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 105–114. (In Russ.)

Karyshkovskiy P.O., 2003. Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie Ol'vii [Coinage and money circulation of Olbia]. Odessa: A.S. Fridman. 684 p.

Ladynin I.A., Popova E.A., 2010. Egyptian pendant found at the Chayka fortified settlement (Crimea), and the posthumous deification of Arsinoe II Philadelphos. Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history], 2, pp. 71–85. (In Russ.)

Lunin B., 1939. Archaeological finds of 1935–1936 in the vicinity of the villages of Tulskaya and Dakhovskaya near Maykop. Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history], 3, pp. 210–233. (In Russ.)

Mielczarek M., 1989. Ancient Greek coins, found in Central, Eastern and Northern Europe. Wroclaw: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. 205 p.

Moushehian K., Moushehian M., Depeyrot G., 2000. History and coin finds in Armenia, Antiquity. Wettern: Moneta. 184 p. (Collection Moneta, 17).

Mushegyan Kh.A., 1973. Monetnye klady Armenii [Coin hoards of Armenia], 1. Erevan: Izdatel'stvo Akademii nauk Armyanskoy SSR. 184 p.

Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1892 god [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1892]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1894. 174 p.

Pakhomov E.A., 1926. Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, kraev i oblastey Kavkaza [Coin hoards of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus], 1. Baku: Izdatel'stvo Akademii nauk Azerbaydzhanskoy SSR. 100 p. (Trudy Obshchestva obsledovaniya i izucheniya Azerbaydzhana, 3).

Pakhomov E.A., 1938. Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, kraev i oblastey Kavkaza [Coin hoards of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus], 2. Baku: Izdatel'stvo Akademii nauk Azerbaydzhanskoy SSR. 102 p. (Trudy Instituta istorii, yazyka i literatury, II).

Pakhomov E.A., 1966. Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, kraev i oblastey Kavkaza [Coin hoards of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus], 9. Baku: Izdatel'stvo Akademii nauk Azerbaydzhanskoy SSR. 124 p.

Pototskiy S.P., 1958. Syrian silver coin of Antiochus IV Epiphanes from a coin hoard in Ukraine. Palestinskiy sbornik [Palestinian collection of papers], 3 (66). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 71–74. (In Russ.)

Pruglo V.I., 1960. Eastern quarters of Myrmekion in the light of archaeological research in 1957. Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva [Proceedings of the Odessa Archaeological Society], I (34). Odessa: Odesskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 266–274. (In Russ.)

Seleucid Coins (SC 1): A Comprehensive Catalogue, part 1. Seleucus I through Antiochus III, vol. I. Introduction, Maps, and Catalogue. A. Houghton, C. Lorber, eds. New York: The American Numismatic Society, 2002b. 526 p.

Seleucid Coins (SC 1): A Comprehensive Catalogue, part 1. Seleucus I through Antiochus III, vol. II. Appendices, Indices, and Plates. A. Houghton, C. Lorber, eds. New York: The American Numismatic Society, 2002a. 402 p.

Seleucid Coins (SC 2),: A Comprehensive Catalogue, part 2. Seleucus IV through Antiochus XIII, vol. I. Introduction, Maps, and Catalogue. A. Houghton, C. Lorber, O. Hoover, eds. New York: The American Numismatic Society, 2008a. 762 p.

Seleucid Coins (SC 2),: A Comprehensive Catalogue, part 2. Seleucus IV through Antiochus XIII, vol. II. Appendices, Indices, and Plates. A. Houghton, C. Lorber, O. Hoover, eds. New York: The American Numismatic Society, 2008b. 656 p.

Zakharov E.V., Smirnov S.V., 2019. Seleucid Coins in the Northern Black Sea region: Rethinking the issue. XX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [XX Bosporus readings. The Cimmerian Bosporus and barbarian world in the antiquity and the Middle Ages. The main results and prospects of research: Proceedings of the International scientific conference]. V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko, eds. Simferopol'; Kerch', pp. 206–210. (In Russ.)

Zakharov E.V., Smirnov S.V., 2020a. New data on the finds of coins of the Seleucid state in the Crimea. PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka: materialy mezhdunarodnoy numizmaticheskoy konferentsii [PONTic money changer: money of the local market: Proceedings of the International numismatic conference]. Simferopol': Kolorit, pp. 89–90. (In Russ.)

Zakharov E.V., Smirnov S.V., 2020б. Peculiarities of circulation of Seleucid staters minted in the name of Alexander in the Black Sea region. Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2020 goda [Numismatic readings of the State Historical Museum of 2020]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 22–25. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 78–96

ЗМЕЙСКИЙ РАННЕАЛАНСКИЙ МОГИЛЬНИК

© 2022 г. В. Ю. Малашев[1, *], М. А. Бакушев[2, **], Р. Ф. Фидаров[3, *], Б. З. Караев[3, ****], А. С. Леонтьева[1, *****]**

[1] *Институт археологии РАН, Москва, Россия*

[2] *ООО "Археологическое общество Кубани", Ростов-на-Дону, Россия*

[3] *Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, Владикавказ, Россия*

**E-mail: malashev@yandex.ru*

***E-mail: bakart@mail.ru*

****E-mail: ziglo@yandex.ru*

*****E-mail: aslesgor@mail.ru*

******E-mail: ananyeno@yandex.ru*

Поступила в редакцию 18.12.2020 г.
После доработки 19.01.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

Статья посвящена анализу катакомб аланской культуры второй половины II – первой половины V в. из могильника Змейского городища. Могильник сближается с некрополями аланской культуры Среднего Терека, объединенными в ее локальный вариант. Для оценки хронологии важны также материалы из культурного слоя Змейского городища. Нижняя граница комплекса памятников оценивается по находкам амфор, ранние из которых датируются второй четвертью II – концом II/началом III в. Верхнюю границу определяют гончарные горны VII – начала VIII в.; для ее уточнения важны материалы могильников Брут 2, Бесланского и поздней группы захоронений Нижнего Джулата, не выходящие за пределы середины VII в.

Ключевые слова: Северный Кавказ, аланская культура, некрополь Змейского городища, катакомбы, вторая половина II – первая половина V в.

DOI: 10.31857/S0869606322010135

При раскопках на Змейском комплексе памятников (РСО-Алания), известном с середины 1950-х годов по работам экспедиции Е.И. Крупнова, были зафиксированы катакомбы, относящиеся к некрополю Змейского городища первой пол.–сер. I тыс. н.э. Они были обнаружены в 1982 г. Р.Ф. Фидаровым в верхней (южной) части могильника развитого Средневековья на территории карьера кирпичного завода (рис. 1, *I*); позднее им же (1993, 1997, 1998, 2001, 2002 гг.) и Б.З. Караевым (1999 г.) там были выявлены и другие комплексы этого круга. В 2001 и 2003 г. Б.З. Караевым были исследованы курганы 1 и 2 Змейского курганного могильника, расположенного на склоне Кабардино-Сунженского хребта в виде полосы шириной 400–450 м и протяженностью около 1 км и начинающегося в 350 м к ЮЗ от Змейского городища. В 2013 г. М.А. Бакушевым в северной части Змейского катакомбного могильника (рис. 1, *I*), на краю первой терской террасы (раскоп IV), были раскопаны катакомбы 1–3, располагавшиеся за пределами границ средневекового Змейского могильника. На сегодняшний день имеется серия из 16 комплексов первой пол.–сер. I тыс. н.э.

Большая часть погребений – бескурганные (рис. 1, *II* – 2, *II*; 3, *I–III*; 4, *II* – 7, *I*). Кат. 202 (рис. 2, *III*) и 340 (рис. 3, *IV*; 4, *I*) имели ровики[1], что подразумевает первоначальное наличие насыпей. Ровики (сохранились фрагментарно) квадратной в плане и трапециевидной в сечении формы ориентированы сторонами по промежуточным сторонам света; у ровика катакомбы 340, размерами в плане 13 × 13 м по внутреннему контуру, в СВ части зафиксирована перемычка. Кург. 1 имел диаметр 15 и высоту 0.7 м, кург. 2 – диаметр 18 и высоту 0.65 м (материалы комплексов представлены на рис. 7, *II;* 8).

Почти все погребения ограблены в древности, часть их нарушена карьером кирпичного завода или средневековыми катакомбами. Захоронения совершены в катакомбах, у которых длинная ось входной ямы перпендикулярна длинной оси ка-

[1] Кат. 202 исследована в 1993 г.; ее ровик, выявленный в 1994 г., в отчете был интерпретирован как комплекс 213.

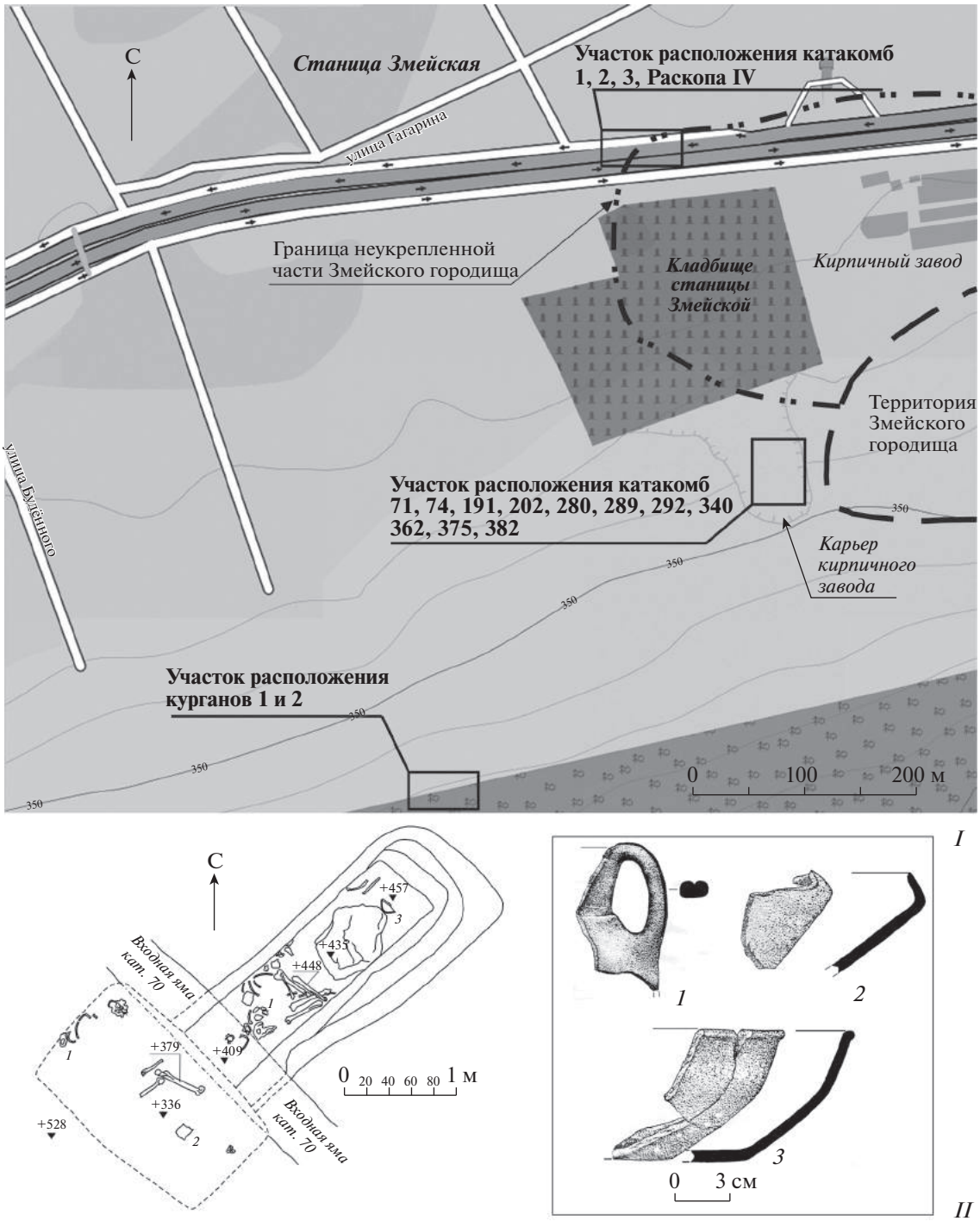


Рис. 1. Змейский могильник. Ситуационный план исследованных погребальных комплексов и катакомба 71: *I* – ситуационный план; *II* – катакомба 71, план погребения и находки: *1* – фрагмент кувшинчика, *2*, *3* – фрагменты мисок (здесь и на рис. 2–5 и 7 номера находок на врезках соответствуют их номерам на планах погребений).

Fig. 1. Plan of the investigated burial complexes (*I*) and catacomb 71 (*II*)

меры (тип I по: Смирнов, 1972; Мошкова, Малашев, 1999). Входные ямы, ориентированные длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ, ЮЗ–СВ, ЮЮЗ–ССВ или Ю–С, были прямоугольной или трапециевидной в плане формы с расширением к входу в камеру, который находился в передней (западно-юго-западной, юго-западной, юго-юго-западной или южной) стенке. Зафиксированы ступеньки трех разновидностей: у задних стенок по всей ширине входной ямы (рис. 2, *II*; 3, *I*, *II*; 5,

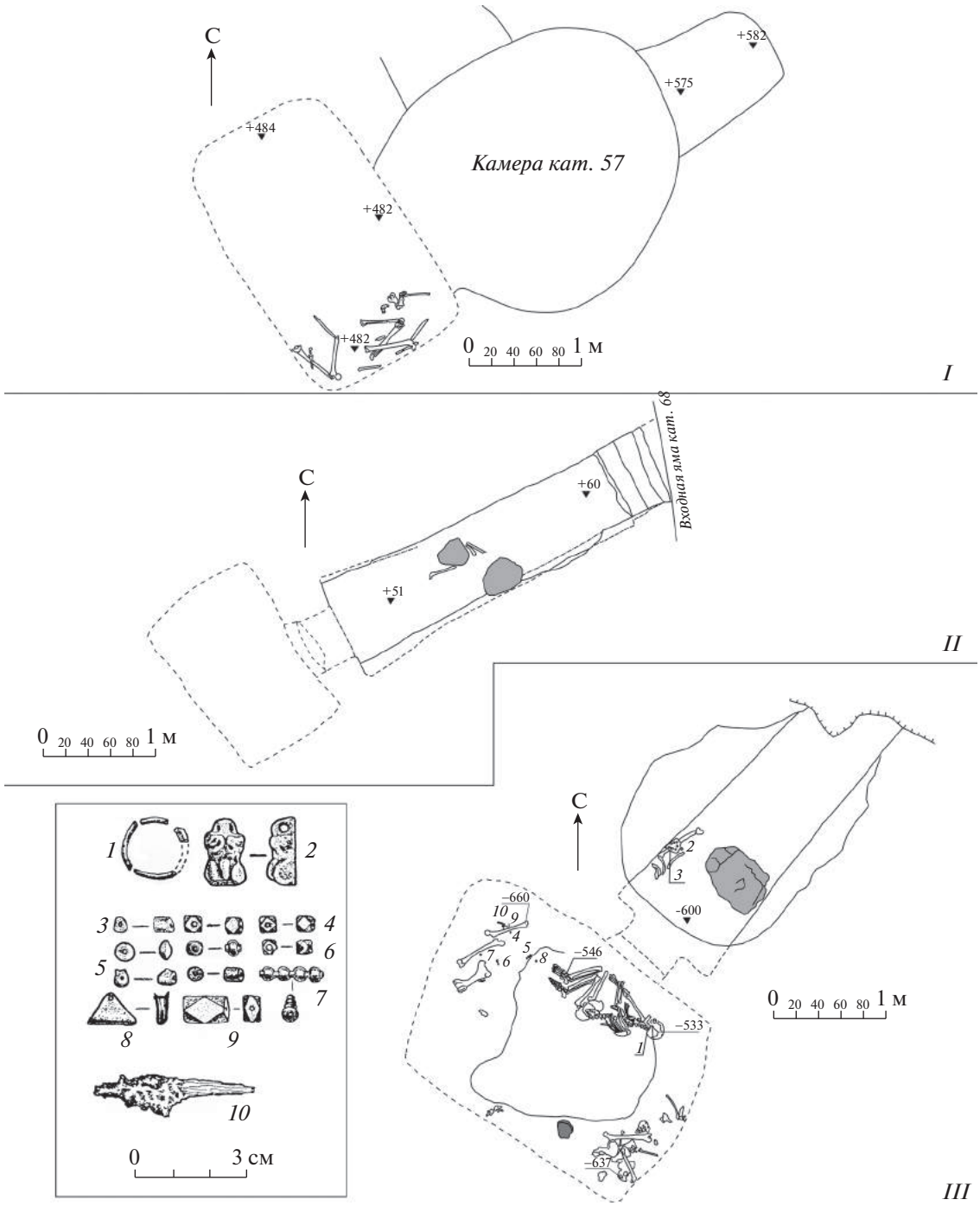


Рис. 2. Катакомбы 74, 191, 202: *I* – катакомба 74, план погребения; *II* – катакомба 191, план погребения; *III* – катакомба 202, план погребения и находки: *1* – бронзовая серьга, *2* – фаянсовая подвеска, *3–7* – стеклянные бусы, *8* – золотая накладка, *9* – сердоликовая бусина, *10* – железный нож.

Fig. 2. Catacombs 74 (*I*), 191 (*II*) and 202 (*III*)

III, *IV*; 7, *I*, *II*), вдоль боковой (северо-западной или западно-северо-западной) стенки (рис. 3, *III*; 4, *I*, *II*) и угловые (рис. 7, *III*). Во входных ямах часто находились закладные камни, смещенные при ограблении. Вход в камеру ненарушенной кат. 2 раскопа IV был закрыт закладом из крупного камня, а также четырьмя крупными гальками по краям, служившими для забутовки щелей и по периметру был обмазан глиной для обеспечения герметизации (рис. 5, *III*). Обмазка глиной у вхо-

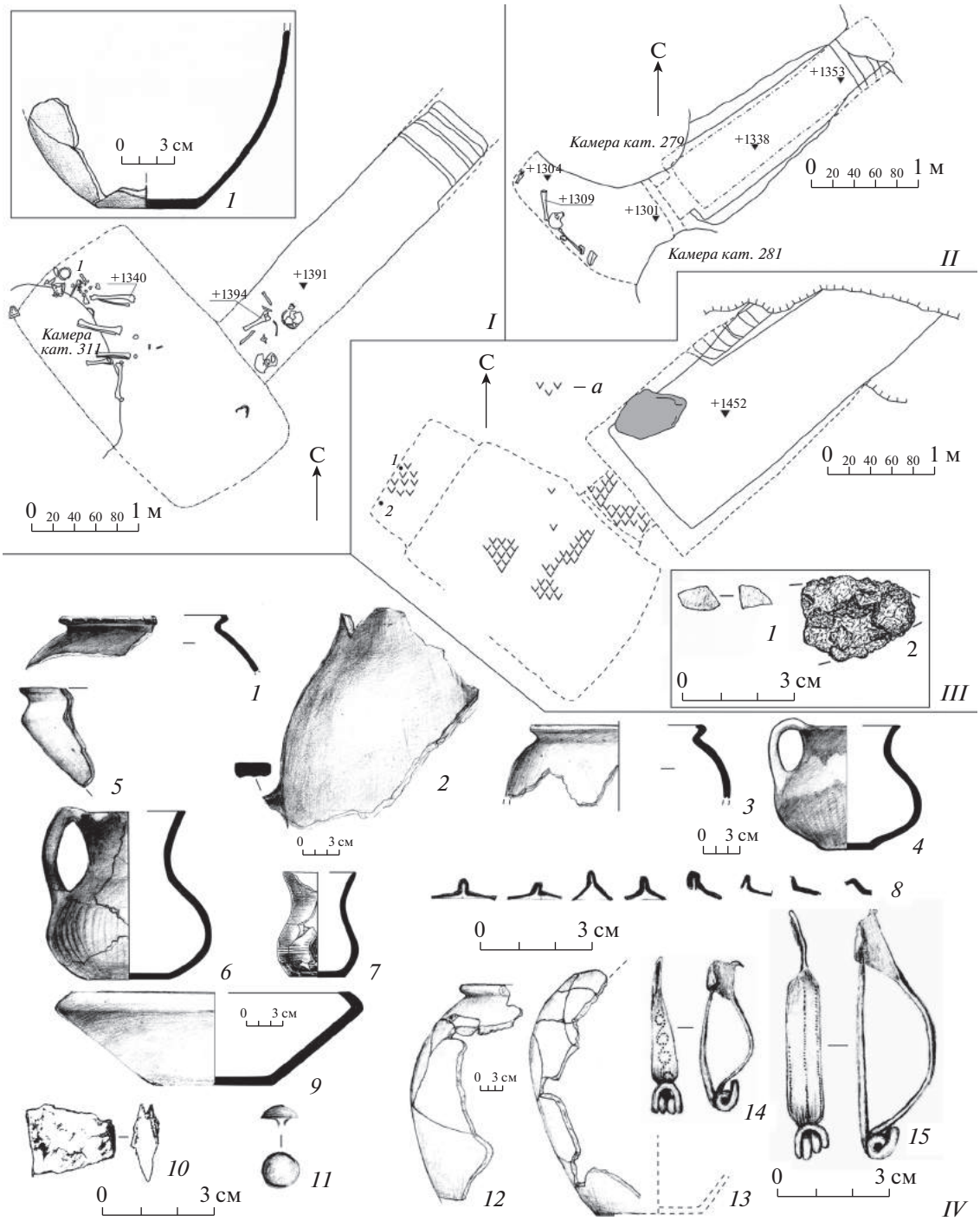


Рис. 3. Катакомбы 289, 280, 292, 340: *I* – катакомба 289, план погребения и находки: *1* – фрагмент сосуда; *II* – катакомба 280 план погребения; *III* – катакомба 292, план погребения и находки: *1* – фрагмент серебряного предмета, *2* – фрагмент железного предмета; *IV* – катакомба 340, находки: *1*, *3* – фрагменты горшков, *2* – фрагмент двуручного кувшина, *4*, *6*, *7* – кувшинчики, *5*, *9* – фрагменты мисок, *8* – бронзовые шпильки, *10* – фрагмент железного меча, *11* – бронзовая бляшка, *12*, *13* – сосуды (из заполнения ровика), *14*, *15* – бронзовые фибулы (номера позиций *1–11* соответствуют номерам находок на плане погребения на рис. 4, *I*). Условные обозначения: *а* – древесный уголь.

Fig. 3. Catacombs 289 (*I*), 280 (*II*), 292 (*III*) and 340 (*IV*)

да и на закладном камне зафиксированы в кат. 1 и 3 раскопа IV. Входные ямы с камерами соединяли дромосы.

Камеры прямоугольной или неправильной овальной в плане формы ориентированы длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ, СЗ–ЮВ, ЗСЗ–

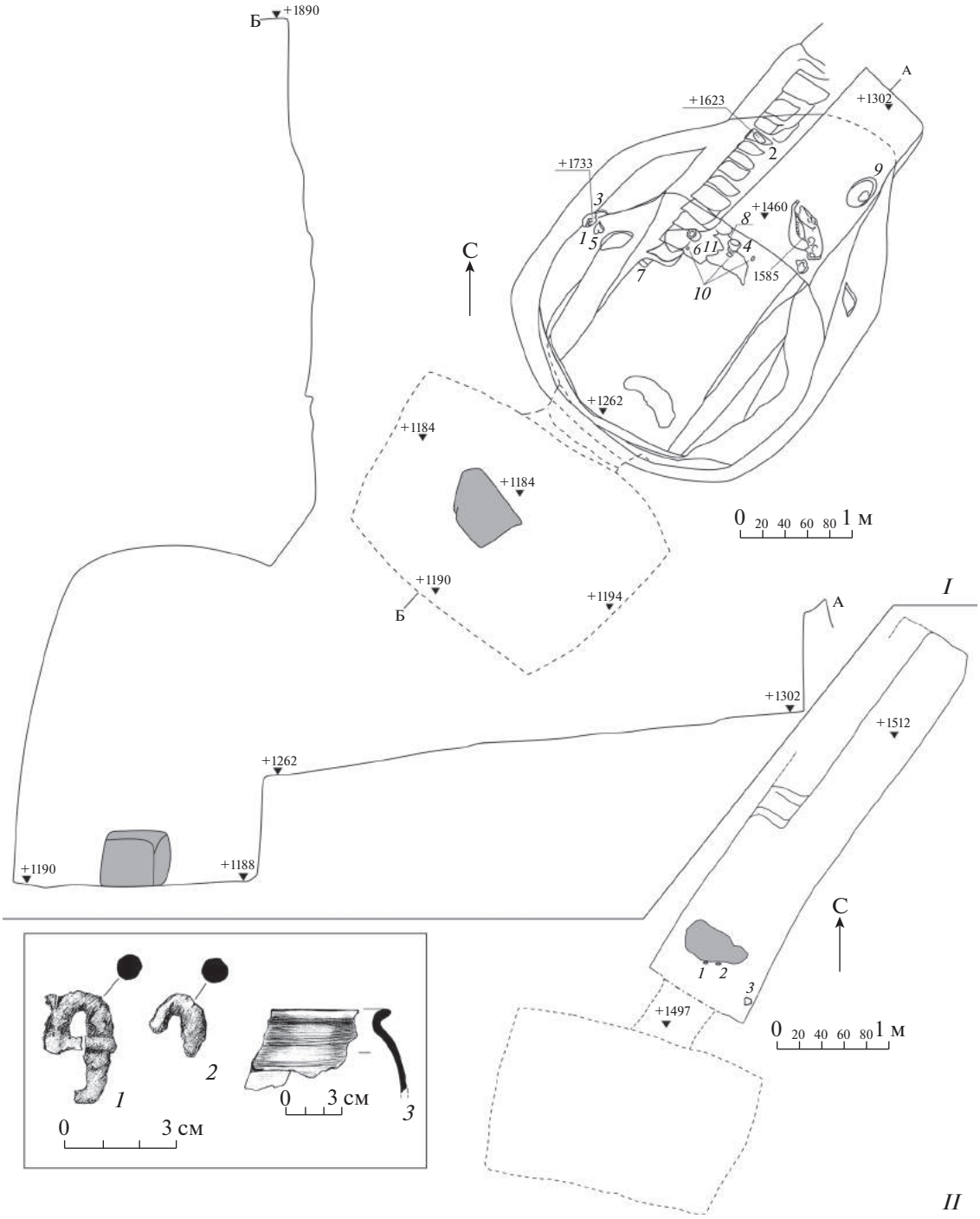


Рис. 4. Катакомбы 340 и 362: *I* – катакомба 340, план погребения: *1*, *3* – фрагменты горшков, *2* – фрагмент двуручного кувшина, *4*, *6*, *7* – кувшинчики, *5*, *9* – фрагменты мисок, *8* – бронзовые шпильки, *10* – фрагмент железного меча, *11* – бронзовая бляшка; *II* – катакомба 362, план погребения и находки: *1*, *2* – фрагменты железных пряжек, *3* – фрагмент горшка.

Fig. 4. Catacombs 340 (*I*) and 362 (*II*)

ВЮВ, ЗЮЗ–ВСВ или З–В перпендикулярно длинной оси входной ямы. Конструкция камеры кат. 292 была осложнена полкой высотой 0.34 м у северо-западной стенки (рис. 3, *III*). Свод камер в большинстве случаев был вынесен вверх от входа и, видимо, был арочной, стрельчатой или трапециевидной в разрезе формы. В кат. 3 (раскоп IV) свод имел горизонтальный участок при входе и

далее понижался к передней стенке камеры (рис. 7, *I*). В кат. 340 и в кургане 1, судя по высокой (0.7 и 0.74 м) ступеньке в камеру, свод первоначально понижался от входа к передней стенке (рис. 4, *I*; 7, *II*); в кургане 2 свод резко понижался от входа (рис. 7, *III*). На стенках камеры кат. 292 прослеживались следы инструмента шириной до 14 см.

В заполнении входных ям встречались кости погребенных и погребальный инвентарь, выброшенные из камеры при ограблении. Во многих погребениях на дне камер фиксировалась посыпка древесным углем от сжигания веток и сучьев на стороне.

Катакомба 71. В заполнении входной ямы и камеры встречены фрагменты кувшинчика (рис. 1, *II*, *1*) и двух мисок (рис. 1, *II*, *2*, *3*).

Катакомба 202 (рис. 2, *III*). В заполнении входной ямы встречены подвеска из голубого фаянса (рис. 2, *III*, *2*) и стеклянные бусы (рис. 2, *III*, *3*). В камере обнаружены кости трех погребенных. *Скелет 1* находился при входе, на слое затека, перекрывавшего дно камеры. Погребенная была положена в скорченном положении на правом боку головой на ЮВ. Правая рука вытянута и отставлена от туловища; кисть – у коленей. Левая рука согнута в локте под тупым углом; кости предплечья перекрывали предплечье правой руки. Ноги согнуты в тазобедренных и коленных суставах под острым углом. Под черепом найдены фрагменты бронзовой серьги (рис. 2, *III*, *1*). Кости *скелетов 2 и 3*, смещенные при ограблении и совершении повторного захоронения (скелет 1), находились на дне камеры у северо-западной и юго-восточной стенок. Среди костей погребенных обнаружена бедренная кость лошади(?), а также стеклянные бусы (рис. 2, *III*, *4–7*), золотая накладка на венчик деревянного сосуда (рис. 2, *III*, *8*), сердоликовая бусина (рис. 2, *III*, *9*) и фрагмент железного ножа (рис. 2, *III*, *10*).

В камере были совершены два разновременных захоронения: первичное (скелеты 2 и 3) и повторное (скелет 1). После совершения первичного захоронения катакомба была ограблена, в результате чего кости погребенных были смещены к боковым стенкам камеры или выброшены во входную яму. Спустя не очень продолжительное время, когда дно камеры у входа покрылось слоем затека, было совершено повторное захоронение.

Катакомба 289 (рис. 3, *I*). В камере обнаружены кости двух погребенных и придонная часть сосуда у северо-западной стенки (рис. 3, *I*, *1*). *Скелет 1* находился ближе к входу в камеру. *In situ* сохранились кости голеней и правой стопы в северо-западной части камеры. Судя по их положению, погребенная была положена в скорченном положении на правом боку головой на ЮВ. *Скелет 2* находился у передней (юго-западной) стенки камеры. *In situ* сохранились кости голеней и левого бедра в центральной части камеры: погребенный (подросток?) был положен в скорченном положении на правом боку головой на ЮВ.

Катакомба 292 (рис. 3, *III*). В камере обнаружены кости трех погребенных, фрагменты железного (клинка?) (рис. 3, *III*, *2*) и серебряного предметов (рис. 3, *III*, *1*).

Катакомба 340 (рис. 4, *I*). В заполнении ровика находились развалы двух крупных сосудов (рис. 3, *IV*, *12*, *13*). Внутри контура ровика, в СВ части на древнем горизонте, обнаружены две бронзовые фибулы (рис. 3, *IV*, *14*, *15*). В заполнении входной ямы встречены выброшенные при ограблении из камеры фрагменты железного меча (рис. 3, *IV*, *10*), бронзовые бляшка и шпильки (рис. 3, *IV*, *8*, *11*), два кувшинчика с ручками, крепящимися верхними прилепами к венчику[2] (рис. 3, *IV*, *4*, *6*), кувшинчик без ручки (рис. 3, *IV*, *7*), фрагменты горшков (рис. 3, *IV*, *1*, *3*), двуручного кувшина (рис. 3, *IV*, *2*) и двух мисок (рис. 3, *IV*, *5*, *9*), череп лошади.

Катакомба 362 (рис. 4, *II*) (Фидаров, Тотаева, 2019. С. 232–236). В заполнении входной ямы обнаружены фрагменты двух железных пряжек (рис. 4, *II*, *1*, *2*) и верхняя часть горшка (рис. 4, *II*, *3*).

Катакомба 375 (рис. 5, *II*) не содержала инвентаря.

Катакомба 382 (рис. 5, *I*) была уничтожена карьером, сохранилась юго-восточная часть камеры. В камере находились кости двух погребенных – взрослого и подростка. *In situ* сохранились бедренные кости и кости голени левой ноги подростка у юго-западной стенки. Судя по ним, погребенный был положен в вытянутом положении на спине головой на ЮВ. Очевидно, что взрослый погребенный располагался ближе к входу и лежал головой также на ЮВ. В камере обнаружены три астрагала (рис. 5, *I*, *1*) и две бронзовые пряжки (рис. 5, *I*, *2*, *3*). В отвале карьера, под исследованной камерой, найдены бронзовая пряжка (рис. 5, *I*, *4*), стеклянные бусы (рис. 5, *I*, *5–7*) и фрагменты предмета из тонкого бронзового листа (рис. 5, *I*, *8*).

Раскоп IV катакомба 1 (рис. 5, *IV*). В заполнении и на дне камеры находились кости мужчины и женщины 20–35 лет[3]. У входа обнаружены фрагменты стеклянного сосуда и железной пряжки (рис. 5, *IV*, *1*).

Раскоп IV катакомба 2 (рис. 5, *III*; 6). В западно-юго-западном углу, справа от входа, стоял

[2] У одного из них (рис. 3, *IV*, *4*) на венчике зафиксированы следы ремонта: асимметрично расположенные бронзовые заклепки, крепившие сложенные пополам бронзовые пластины.

[3] Антропологические определения погребенных в катакомбах 1–3 раскопа IV выполнены С.Ю. Фризеном (ИЭА РАН).

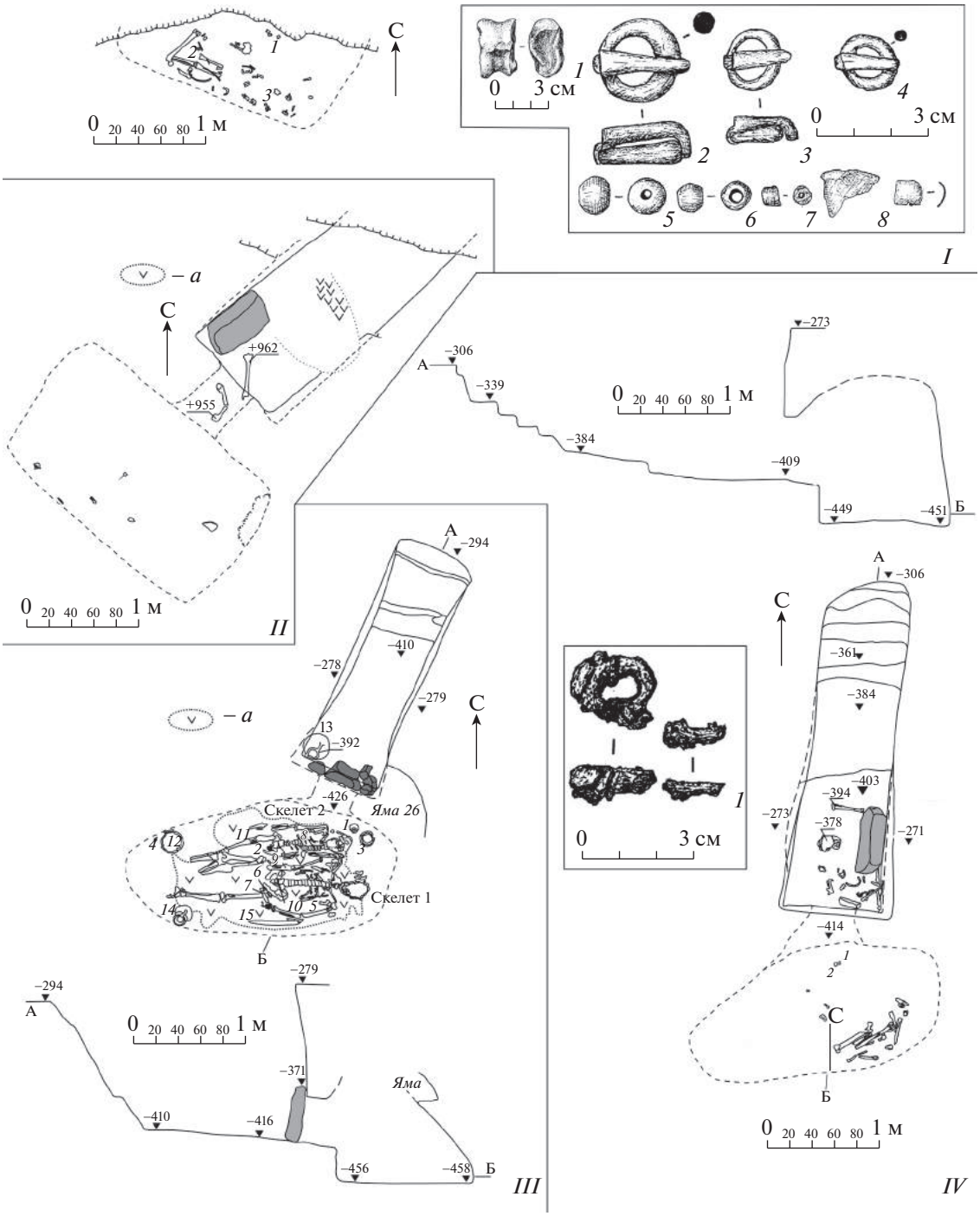


Рис. 5. Катакомбы 382 и 375; раскоп IV катакомбы 2 и 1: *I* – катакомба 382, план погребения и находки: *1* – астрагалы (3 шт.), *2–4* – бронзовые пряжки, *5–7* – стеклянные бусы, *8* – фрагменты бронзового предмета; *II* – катакомба 375, план погребения; *III* – раскоп IV катакомба 2, план погребения: *1* – сосуд, *2*, *6* – бронзовые пряжки, *3* – кружка, *4*, *5* – железное шило, *7*, *11* – железные ножи, *8*, *9* – стеклянные бусы, *10* – железная пряжка, *12* – миска. *13* – кувшин, *14* – кувшинчик, *15* – железный кинжал; *IV* – раскоп IV катакомба 1, план, разрез погребения и находки: *1* – фрагменты железной пряжки, *2* – фрагменты стеклянного сосуда. Условные обозначения: *а* – древесный уголь, зола.

Fig. 5. Catacombs 382 (*I*) and 375 (*II*); excavation site IV, catacombs 2 (*III*) and 1 (*IV*)

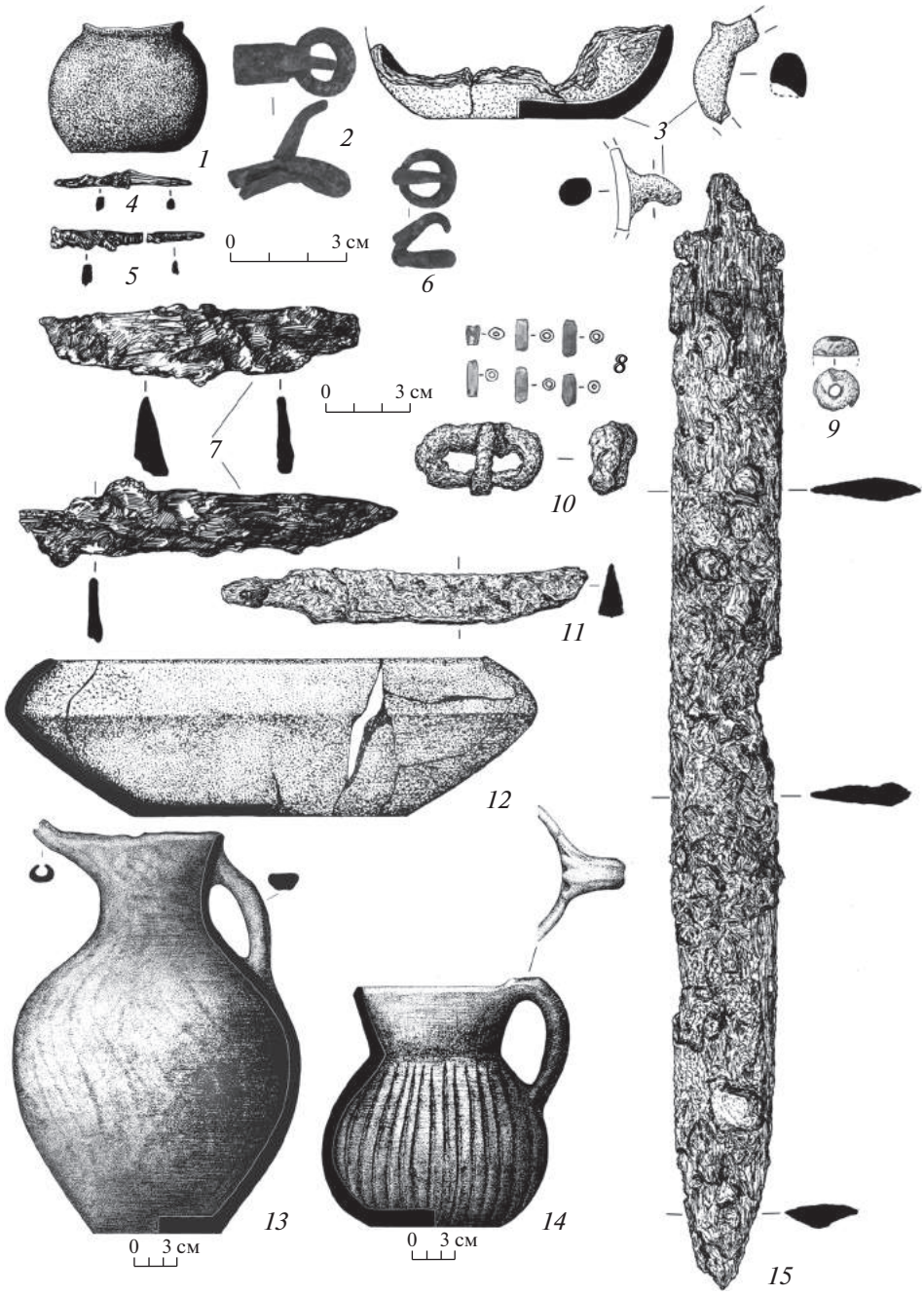


Рис. 6. Раскоп IV катакомба 2. Находки: *1* – сосуд, *2*, *6* – бронзовые пряжки, *3* – кружка, *4*, *5* – железное шило, *7*, *11* – железные ножи, *8*, *9* – стеклянные бусы, *10* – железная пряжка, *12* – миска, *13* – кувшин, *14* – кувшинчик, *15* – железный кинжал (номера позиций соответствуют номерам находок на плане погребения на рис. 5, *III*).

Fig. 6. Excavation site IV, catacomb 2. Finds

кувшин (рис. 6, *13*). В камере было совершено парное захоронение. *Скелет 1* находился у южной стенки камеры. Погребенный был положен в вытянутом положении на спине головой на В. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги вытянуты вдоль оси туловища. Между левой рукой погребенного и южной стенкой камеры находился железный кинжал, лежавший острием к ногам (рис. 6, *15*). На крестце обнаружена железная пряжка (рис. 6, *10*). Поверх левой бедренной кости лежал железный нож (рис. 6, *7*), рядом с ним – бронзовая пряжка (рис. 6, *6*). У южной стенки, напротив стопы погребенного, стоял кувшинчик (рис. 6, *14*). В костном тлене тазовых костей обнаружены фрагменты железных шила (рис. 6, *5*) и ножа (рис. 6, *7*). *Скелет 2* находился ближе к входу в

камеру. Кости правой руки скелета 1 перекрывали часть грудной клетки и левое крыло таза скелета 2, а кости левой ноги – правую ногу скелета 2. Погребенный был положен в вытянутом положении на спине головой на В. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги вытянуты вдоль оси туловища и сведены в голенях. За головой погребенного стояли миниатюрный сосуд (рис. 6, *1*) и слабообожженная кружка (рис. 6, *3*). В верхней части грудной клетки обнаружены 6 стеклянных бусин (рис. 6, *8*), у кисти левой руки – крупная стеклянная бусина (рис. 6, *9*) На костях таза находилась бронзовая пряжка (рис. 6, *2*). Рядом с кистью правой руки лежал железный нож (рис. 6, *11*). У северной стенки находились миска (рис. 6, *12*) и фрагмент железного шила (рис. 6, *4*).

Раскоп IV катакомба 3 (рис. 7, *I*). В заполнении входной ямы обнаружены фрагменты кувшина (рис. 7, *I*, *1*). На дне камеры находились кости погребенного (подростка 13–15 лет) в перемещенном состоянии. Исходя из их расположения, погребенный, видимо, лежал головой на ВСВ.

Курган 1 (рис. 7, *II*). Во входной яме и камере встречены кости трех погребенных и сохранившийся после ограбления инвентарь: фрагменты миски (рис. 7, *II*, *4*), кувшинчик (рис. 7, *II*, *1*), кусок мела, бусы и бисер (рис. 7, *II*, *2*, *3*) и фрагменты железных предметов.

Курган 2 (рис. 7, *III*; 8). Под насыпью на уровне древнего горизонта обнаружены развалы светлоглиняной амфоры (рис. 8, *25*), сероглиняного пифоса (рис. 8, *23*) и каменный терочник (рис. 8, *22*). Вследствие ограбления кости двух погребенных и сохранившийся инвентарь находились в перемещенном состоянии: фрагменты двух мисок (рис. 8, *2*, *18*), одна из которых декорирована по внутренней поверхности пролощенным декором в виде двойной горизонтальной линии с примыкающими к ней сверху тройными ломаными линиями; небольшой лепной горшок (рис. 8, *8*), фрагменты небольшого пифоса (рис. 8, *12*), кувшина (рис. 8, *16*), фрагменты трех сосудов (рис. 8, *20*, *21*, *24*), железная пряжка (рис. 8, *4*), железное кольцо с прямоугольным зажимом (рис. 8, *19*), бронзовый наконечник ремня (рис. 8, *7*), фрагмент железного ножа (рис. 8, *14*), две бронзовые, плакированные снаружи золотой фольгой и остатками кожаной основы с обратной стороны листовидные бляхи, относящиеся к сбруйному набору (рис. 8, *11*), железный и бронзовый браслеты (рис. 8, *3*, *10*), бронзовая серьга (рис. 8, *5*), полусферические (11 шт.) и в виде розеток (17 шт.) золотые бляшки и золотые сферической формы бусы (64 шт.) (рис. 8, *17*), янтарные (2 шт.), 14-гранные сердоликовые (7 шт.) и стеклянные бусы и бисер (рис. 8, *1*, *9*, *13*, *15*).

В материалах аланской культуры раннего этапа выделяются две группы погребений: 1) катакомбы с меридионально ориентированными входными ямами и камерами у северных стенок; 2) катакомбы с широтно ориентированными входными ямами и камерами у западных стенок. Первые характерны для памятников предгорной полосы центральных и восточных районов региона (Бесланский, Брут 1 и 2, Экажевские 1-е курганы, Алхан-Кала и др.; Малашев, Торгоев, 2018. С. 37), вторые – для некрополей Среднего Терека (Братские 1-е курганы, Октябрьский I, Киевский I и др.; Абрамова, 1997. С. 97; Малашев и др., 2018; 2020). Эти различия, а также ряд обрядовых признаков и особенности керамического комплекса дают основания рассматривать памятники двух территорий как локальные варианты аланской культуры раннего этапа (Малашев и др., 2020. С. 447, 448).

У катакомб могильника Змейского городища входные ямы ориентированы в секторе от ЗЮЗ–ВСВ до Ю–С с расположением камер у западно-юго-западных, юго-западных, юго-юго-западных, южных стенок и сближаются с погребальными сооружениями памятников Среднего Терека. Некоторые отличия в ориентировке входных ям змейских катакомб от ориентировки у катакомб Среднего Терека (в секторе от ЮЗ–СВ до ЮВ–СЗ) и расположении камер (у юго-западных, западных и северо-западных стенок) у первых, видимо, связаны с особенностями ландшафта, на котором располагался некрополь – повышающимся к ЮЮВ склоном Кабардино-Сунженского хребта, и являлись результатом адаптации к нему (примерно параллельно изолиниям) стандарта катакомб Среднего Терека с широтной ориентировкой входной ямы и камерой с З.

Катакомбы, расположенные на двух участках (в верхней и нижней частях склона), конструктивно несколько различаются. У первых (кат. 71, 74, 191, 202, 280, 289, 292, 362, 375, 382) (рис. 1, *II* – 5, *II*) ступеньки расположены вдоль боковой (северо-западной, западно-северо-западной) (рис. 3, *III*; 4) или у задней стенки входной ямы (рис. 1, *II*; 2, *II*; 3, *I*, *II*), хорошо выраженный дромос длиной 0.4–0.55 м, прямоугольные камеры с вынесенным вверх сводом. У вторых (раскоп IV, кат. 1–3) (рис. 5, *III*, *IV*; 7, *I*) ступеньки только у задней стенки входной ямы, более короткий дромос (0.15–0.35 м), камеры неправильной овальной формы.

Особенности конструкции первой группы находят аналогии как в памятниках предгорной полосы (Воронин, Малашев, 2006. Рис. 56; Габуев, Малашев, 2009. Рис. 33, 113, 118; Габуев, 2014. Рис. 2, 15, 17, 34, 36, 38, 40, 42, 44), так и на Среднем Тереке (Абрамова, 1997. Рис. 4, *13*; 5, *1*, *5*, *13*; Малашев и др., 2020. Рис. 6, *1*; 7, *1*; 10, *1*). Узкие прямоугольные или трапециевидные входные ямы в сочетании со ступеньками вдоль боковой

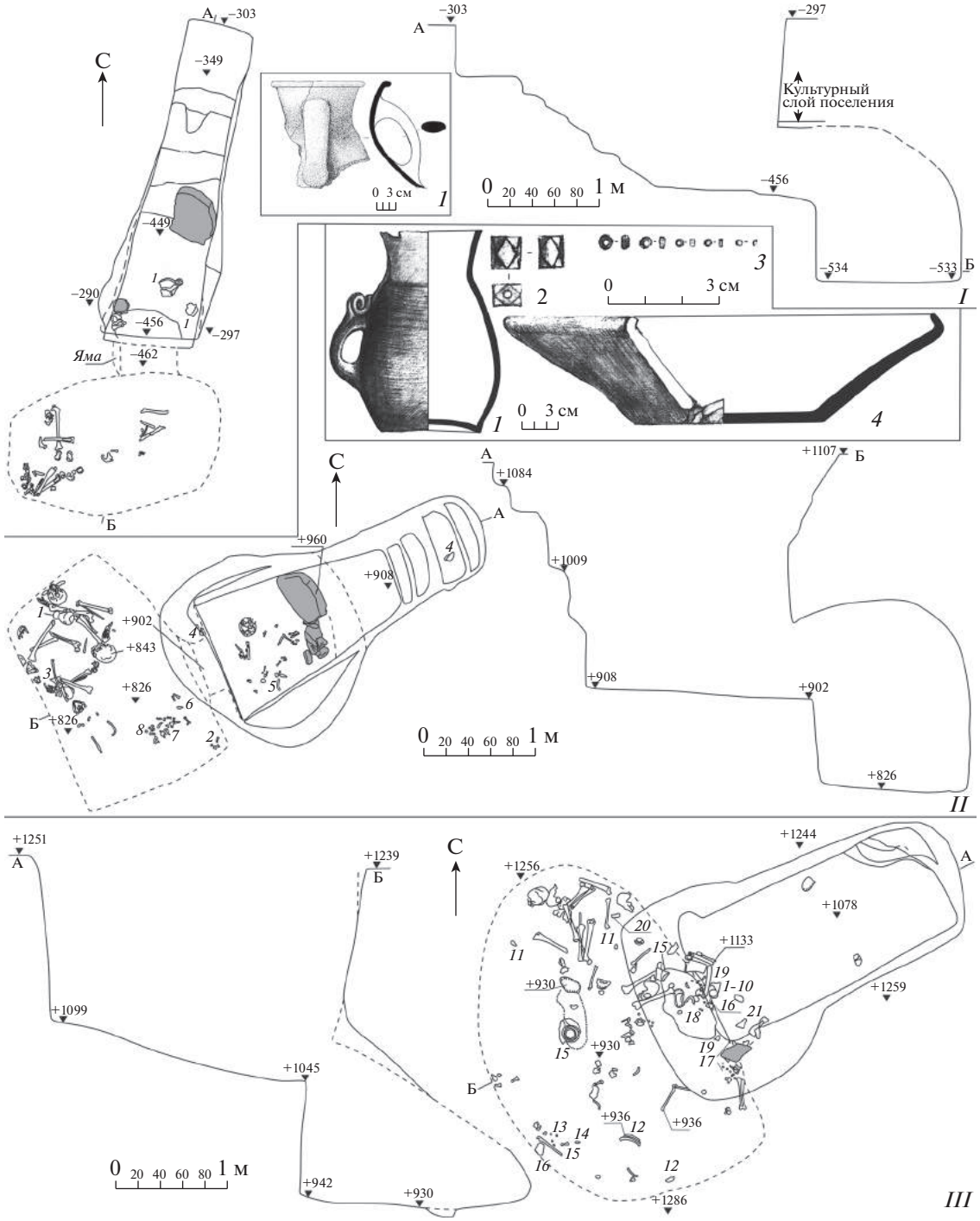


Рис. 7. Раскоп IV катакомба 3 и курганы 1 и 2: *I* – раскоп IV катакомба 3, план, разрез погребения и находки: *1* – фрагмент кувшина; *II* — курган 1, план, разрез погребения и находки: *1* – кувшинчик, *2* – бусина, *3* – бисер, *4*, *7* – фрагменты миски, *5* – мел, *6*, *8* – фрагменты железных предметов, *III* – курган 2, план и разрез погребения: *1* – бусы янтарные, *2* – фрагменты миски, *3* – железный браслет, *4* – железная пряжка, *5* – бронзовая серьга, *6* – фрагмент сосуда, *7* – бронзовый наконечник ремня, *8* – лепной горшок, *9* – стеклянная бусина, *10* – бронзовый браслет, *11* – бронзовые бляхи, плакированные золотом, *12* – фрагменты пифоса, *13* – бусы сердоликовые, *14* – фрагмент железного ножа, *15* – стеклянные бисер и бусы, *16* – фрагмент кувшина, *17* – золотые бусы и бляшки, *18* – миска, *19* – железное кольцо с зажимом, *20*, *21* – фрагменты сосудов.

Fig. 7. Excavation site IV, catacomb 3 (*I*); mounds 1 (*II*) and 2 (*III*)

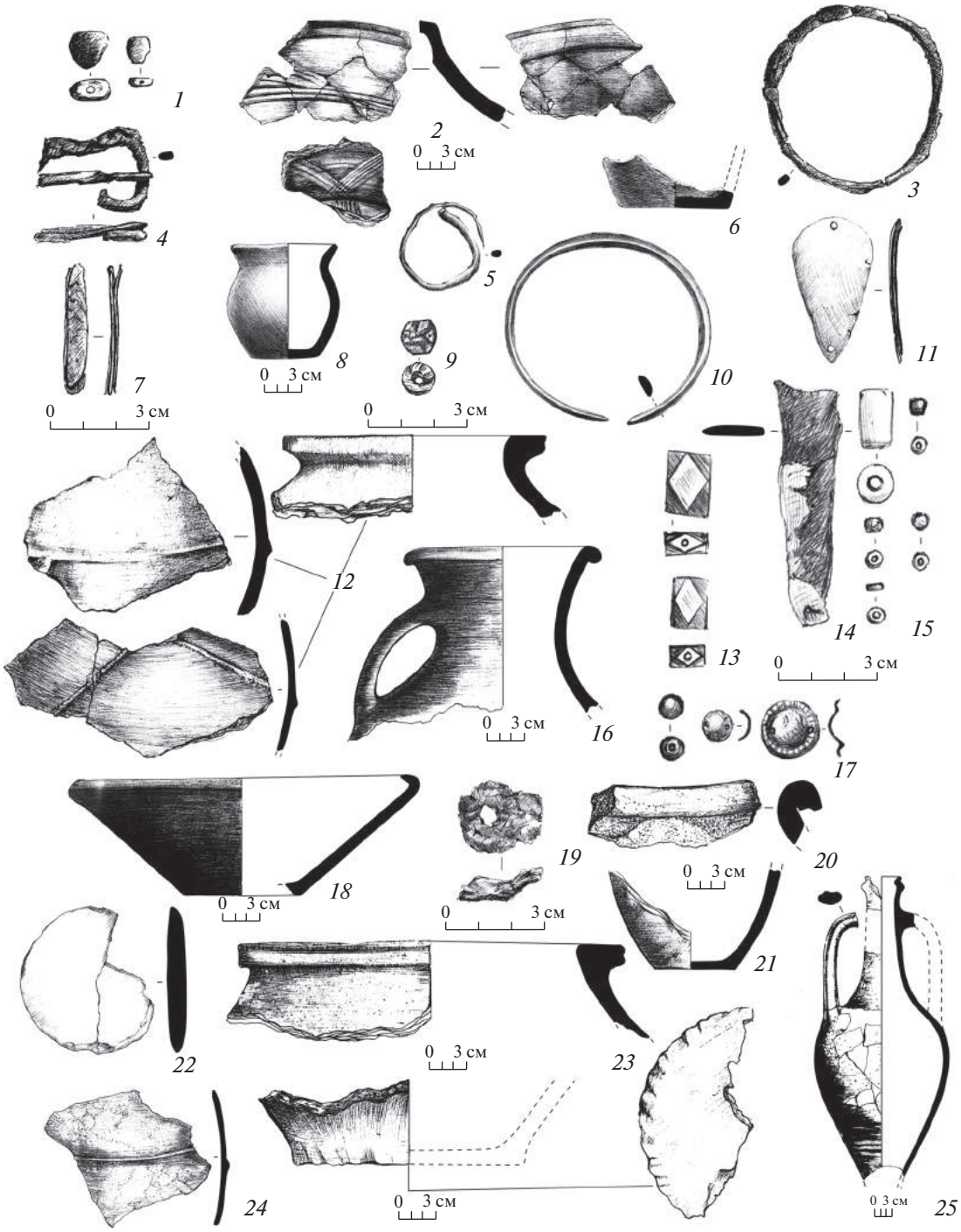


Рис. 8. Курган 2. Находки: *1* – янтарные бусы, *2* – фрагменты миски, *3* – железный браслет, *4* – железная пряжка, *5* – бронзовая серьга, *6* – фрагмент сосуда, *7* – бронзовый наконечник ремня, *8* – лепной горшок, *9* – стеклянная бусина, *10* – бронзовый браслет, *11* – бронзовые бляхи, плакированные золотом, *12*, *23* – фрагменты пифосов, *13* – сердоликовые бусы, *14* – фрагмент железного ножа, *15* – стеклянные бисер и бусы, *16* – фрагмент кувшина, *17* – бусы и бляшки золотые, *18* – миска, *19* – железное кольцо с зажимом, *20*, *21*, *24* – фрагменты сосудов, *22* – каменный терочник, *25* – светлоглиняная амфора; *1–21* (номера позиций соответствуют номерам находок на плане погребения на рис. 7, *III*), *22*, *23*, *25* – с древнего горизонта, *24* – из погребения.

Fig. 8. Mound 2. Finds

стенки наиболее характерны для IV в., в основном его второй половины (Малашев, Торгоев, 2018. С. 39), но использовались и в начале V в. Появление аналогичных погребений, но со сравнительно широкими прямоугольными и трапециевидными входными ямами, фиксируется в памятниках Среднего Терека и относится к первой пол.–сер. III в. (Малашев, 2018. Рис. 191, 354, 702, 1020, 1036, 1165, 1286, 1332; 2019. Рис. 312, 735). Ступеньки у задней стенки входной ямы по всей ширине, в сочетании с узкой прямоугольной или трапециевидной ее формой, появляются в финальные десятилетия IV в. (Малашев, 2019. Рис. 1860–1876, 1285–1305; Малашев и др., 2020. С. 446. Рис. 8) и получают широкое распространение в V в. Вынесенный вверх от входа свод стрельчатой или трапециевидной в разрезе формы появляется во второй пол. III в. (Малашев и др., 2020. С. 443) и получает широкое распространение в IV в. и позже (V в.).

Показательными для оценки хронологии являются ременные гарнитуры. Фрагменты двух железных пряжек из катакомбы 362 (рис. 4, *II*, *1*, *2*) с узкими овальными, утолщенными в передней части рамками, встречаясь в развитом IV в. (Храпунов, 2002. Рис. 75, *38*; 115, *9*; 134, *16*; 177, *9*, *10*; 200, *6*; 213, *6*), получают распространение в комплексах региона гуннского времени (Габуев, Малашев, 2009. Рис. 112, *1*; 121, *3*; Малашев и др., 2015. Рис. 99, *8*; Яковчик и др., 2018. Рис. 1, *9*, *10*; Малашев, 2019. Рис. 1303, *18*; 1313, *3*; 1438, *Оп. 6*; 1691, *5*; 1987, *4*; Гавритухин и др. 2020. С. 238); ранние образцы встречены во второй пол. III в. (Малашев, 2018. Рис. 1174, *Оп. 882*; 1448, *7*). Бронзовая пряжка из катакомбы 382 (рис. 5, *I*, *2*) с округлой утолщенной в передней части рамкой и язычком с высоким уступом у основания, заходящим в передней части за середину сечения рамки и охватывающим ее почти на всю высоту, характерна для комплексов последних десятилетий IV–начала V в. (Gavritukhin, 2018. P. 49, 50; Малашев и др., 2015. С. 100. Рис. 204, *1–9*; Габуев, Малашев, 2009. Рис. 35, *2–4*; Габуев, 2014. Рис. 30, *6–9*; Яковчик и др., 2018. Рис. 1, *5*; Малашев и др., 2020. Рис. 8, *3*, *4*). Другая пряжка из этого комплекса (рис. 5, *I*, *3*) с округлой рамкой и хоботковым язычком с высоким уступом у основания датируется, главным образом, концом IV (рубежом IV/V) – первой пол. V в. (Засецкая, 1993. Табл. 11, *14*, *а–в*; 26, *106*, *109*, *112*, *115*; 47, *219*; 49, *231* и др.; Засецкая, 1994. Табл. 4, *11*; 5, *11*; 16, *9*, *10* и др.; Амброз, 1989. Рис. 6, *4*, *6*, *8*; 7, *1*, *2*; 9, *3–5*, *7*; 10, *5*, *6*; 11, *2–4*; 13, *1–3*; Габуев, 2014. Рис. 7, *2*, *4*; 8, *2*; 11, *1*; 14, *7–10*; и др.). Подобные пряжки встречаются в регионе и позднее, но в данном случае нет оснований для их поздней датировки.

Из катакомбы 202 происходит золотая накладка треугольной формы на венчик деревянного сосуда (рис. 2, *III*, *8*); аналогии представлены в комплексах гуннского времени региона (Габуев, 2014. Рис. 22, *6*; 33, *4*; 47, *7*).

Учитывая хронологию находок и компактное расположение катакомб 71, 74, 191, 202, 280, 289, 292, 362, 375, 382, их конструктивное сходство, можно предложить для них датировку в рамках последних десятилетий IV–первых десятилетий V в.

На данном участке конструкцией и инвентарем выделяется катакомба 340. Одна из фибул в ней (рис. 3, *IV*, *14*) принадлежит группе 13-3 (Амброз, 1966. С. 46), датируемой I–первой пол. III в. (Габуев, Малашев, 2009. С. 134). Другая (рис. 3, *IV*, *15*) относится к группе 12-4а, редкой для центральных и восточных районов Северного Кавказа; датировка А.К. Амброза – вторая пол. II–III в. (1966. С. 44). Декор кувшинчиков в виде смыкающихся вертикальных каннелюр (рис. 3, *IV*, *4*, *6*) появляется в первой пол. III в. (Малашев и др., 2018. Рис. 5, *1*; Малашев, 2018. Рис. 185, *2*; 375; 507, *1*; 739, *1*; 2019. Рис. 350, *Оп. 9*; 566, *1*) и существует до начала V в. (Малашев и др., 2020. Рис. 10, *4*). Кувшинчик без ручки (рис. 3, *IV*, *7*) находит серию аналогий в некрополях Среднего Терека III–IV вв. (Малашев и др., 2018. Рис. 4, *1*) и является диагностической формой для данного варианта аланской культуры. Узкодонные миски с загнутым внутрь бортиком (рис. 3, *IV*, *9*) существуют на протяжении большей части раннего этапа аланской культуры, постепенно сменяясь в рамках второй пол. IV в. широкодонными формами. С учетом фибул данный комплекс может датироваться первой пол.–сер. III в., чему в целом соответствует конструкция ступенек (см. выше) в сочетании с более широкими пропорциями входной ямы и сводом, понижающимся от входа к передней стенке камеры.

Отличия конструкции катакомб второй группы – неправильной овальной формы камера, более короткий дромос и небрежность в выполнении ступенек у задней стенки входной ямы – корреспондируют с хронологической оценкой погребального инвентаря.

Железные пряжки со сравнительно узкими овальными, утолщенными в передней части рамками (рис. 6, *10*), пряжки с округлой утолщенной в передней части рамкой и язычком с высоким уступом у основания, заходящим в передней части за середину сечения рамок и охватывающим ее на всю высоту (рис. 6, *6*) и пряжки с утолщенной в передней части рамкой и массивным хоботковым язычком с высоким уступом у основания, заметно выходящим за пределы рамки (рис. 6, *2*), были рассмотрены выше.

Широкодонные миски с загнутым внутрь бортиком (рис. 6, *12*) получают распространение со второй пол. IV и преобладают в первой пол. V в. (Габуев, Малашев, 2009. С. 116, 117. Рис. 127, *16–23*;

см. также Абрамова, 1997. Рис. 12, *8*, *9*, *20*; Габуев, 2014. Рис. 39, *7*). Кувшинчик с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику, и туловом, орнаментированным узкими не смыкающимися каннелюрами (рис. 6, *14*), может соотноситься с разновидностями сосудов Кр. 4 и Кр. 4/18 и датироваться начиная с первой пол. V в. (Малашев, 2001. С. 17, 23, 38, Рис. 55; 58; 59; 67). Остальные сосуды (рис. 6, *1*, *3*, *13*) не дают узких датировок.

Короткий меч из кат. 2 с вырезами у пяты клинка (рис. 6, *15*) относится по А.М. Хазанову к типу 5; исследователь предположил, что происхождение этих мечей связано с Кавказом, а появление относится к IV в. Большая их часть происходила с территории Северо-Западного Кавказа, в основном с черноморского побережья (Хазанов, 1971. С. 17, 24, 116). Наиболее полно данные предметы вооружения картографировал М.Е. Левада (2013. Рис. 2–4)[4]; он предложил их нижнюю дату – рубеж III/IV вв. (может быть, вторая пол. III в.) и назвал территорию формирования – районы Западного Прикаспия (С. 172, 174). О.А. Радюш указывает на середину–вторую пол. III в. как возможное время появления клинков с вырезами и разбирает вопрос о характере использования данного вида вооружения – в качестве клинкового или древкового (Радюш, 2014. С. 232), приводит примеры их изготовления из обломков длинных мечей (С. 236). Принимая данную аргументацию, отметим, что в значительной части случаев, когда данные предметы зафиксированы *in situ*, они находились рядом с верхней частью туловища (или поверх нее) и лежали острием к голове, что не характерно для положения клинкового оружия в погребениях. По всей видимости, рассматриваемые предметы вооружения могли использовать и как клинковое, и как древковое оружие.

Находки этих предметов в погребальных комплексах центральных и восточных районов Северного Кавказа носят эпизодический характер и встречаются в захоронениях, датирующихся не ранее конца III в.: Дербентский могильник погр. 4 и Кишпек кург. 13 (Кудрявцев, Гаджиев, 1991. Рис. 12, *6*; Бетрозов, 1987. Рис. III, *7*). Датировка кат. 1 у пос. Черноречье (г. Грозный) затруднена, вследствие качества иллюстраций (Виноградов, Савенко, 1991. Рис. 1, *10–17*), но скорее связана с IV в. Могильник Лехкч-корт с каменными гробницами для многоразовых захоронений, судя по инвентарю, датируется в рамках III–первой пол. V в. (Виноградов, Петренко, 1974. Рис. 2; 3). В погр. 2 клинок принадлежал самому позднему захоронению, судя по керамике и выраженной деформации черепа, датирующемуся не ранее V в. Погр. 6, вследствие разрушения, не содержало узко датируемых вещей. Предметы из Вольного аула и Харачойского могильника (культурно близкого могильнику Лехкч-корт) (Багаев, 2008. Рис. 148, *21*) происходили из разрушенных раннесредневековых погребений. Погребальный обряд кург. 13 Кишпек – двухкамерная широкая прямоугольная яма с деревянным перекрытием (Бетрозов, 1987. Рис. II) – отличается от традиционного обряда аланской культуры и лишь с большой натяжкой может быть сопоставим с катакомбным. Находка из Моздока относится к разрушенному карьером погребению (Миллер, 1941. С. 240); учитывая обширную площадь могильника, наличие деформированных черепов и территориальную близость к памятникам аланской культуры на Среднем Тереке, можно допустить, что она могла быть связана с последними.

Таким образом, абсолютное большинство находок с территории Северного Кавказа не имеет отношения к аланской культуре и происходит из иного культурного контекста – с побережья Северо-Западного Кавказа или из комплексов с неясным или не аланской культуры обрядом. Остаются только предметы из Черноречья, Змейской и, возможно, Моздока. Если сопоставить это количество клинков с выборкой исследованных комплексов аланской культуры III–IV вв. (около 1500), то первые по отношению ко вторым – статистически незначимы. В настоящее время большинство находок рассматриваемых предметов вооружения происходит из некрополей Крыма IV–V вв. (Храпунов, 2002. Рис. 72, *7*,*8*; 90, *1–3*; 101, *3*; 164, *3*, *10*; 164, *3*, *4*; 184, *3*, *4*; 212, *6*, *7*; Исследования..., 2011. С. 30; Левада, 2013. Рис. 3), включая, возможно, наиболее раннюю (Радюш, 2014. С. 237). Что касается связи крымских памятников с традициями аланской культуры по обряду и керамике[5], то данная гипотеза основывается на недоказанном посыле и обсуждается только некоторыми специалистами по крымской археологии (Храпунов, 2002. С. 74, 79–80; Исследования ..., 2011. С. 52; Власов, 2003). Вывод: формирование данного типа оружия, более вероятно, связано с Крымом, а не с Кавказом, а носители аланской культуры к его происхождению и распространению не имели отношения.

Датировка катакомбы 2 может рассматриваться в рамках первой пол. V в. Различие в локализации двух групп катакомб соотносится с некоторыми отличиями в их конструкции, хронологией инвентаря и отражает наличие различных участ-

[4] К сожалению, кроме очень интересной и важной карты находок, в статье отсутствует анализ собственно археологических источников, вместо которого рассматриваются письменные источники и приводятся мало аргументированные исторические реконструкции.

[5] Посуда из крымских памятников морфологически и технологически существенно отличается от керамики аланской культуры, хотя бы потому, что последняя изготовлена с использованием гончарного круга.

ков в планиграфии некрополя Змейского городища с различной хронологией.

Расположенные в стороне от этих участков курганы 1 и 2 относятся к более ранней части некрополя. Для оценки хронологии кургана 1 показателен кувшинчик с зооморфной ручкой, верхний прилеп которой оформлен в виде удлиненной морды животного (рис. 7, *II*, *1*). Данное оформление на ручках кувшинчиков и кружек, появляясь во второй пол./конце II в. (Габуев, Малашев, 2009. Рис. 76, *3*), используется на протяжении большей части III в.; в IV в. оно неизвестно. Полуовальная форма ступенек, при общем сходстве конструкции со ступеньками конца IV–первой пол. V в. выраженной прямоугольной формы, отличается от последних. Данная конструкция в сравнительно широких трапециевидных входных ямах известна в первой пол.–сер. III в. (Габуев, Малашев, 2009. Рис. 44; Малашев, 2018. Рис. 949; 2019. Рис. 172; 201; 273). Все это в сочетании с широкими пропорциями входной ямы, а также сводом, понижающимся от входа к передней стенке камеры, позволяет датировать комплекс в рамках III в.

Курган 2 относится к наиболее ранним комплексам аланской культуры. Его дату определяет светлоглиняная узкогорлая амфора с профилированными ручками римского времени С IVС (рис. 8, *25*), датирующаяся второй четв. II–концом II/началом III в. (Внуков, 2016. С. 41–43). Форма пряжки с фигурной рамкой (рис. 8, *4*) восходит к центральноевропейским застежкам раннеримского времени и имеет аналогии в комплексах региона и восточноевропейской степи, главным образом, I – первой пол. II в. (Абрамова, 1993. Рис. 58, *10*, *13–15*; Труфанов, 2004. Рис. 2–4). Схема одночастного наконечника (рис. 8, *7*) соотносится с наконечниками Н3а и синхронизируется с позднесарматским временем (Малашев, 2000. Рис. 2; 4, *Г*, *7*; Габуев, Малашев, 2009. С. 124. Рис. 133, *7–11*). Датировке комплекса – вторая пол. II в. – не противоречат угловая конструкция ступенек и укороченные пропорции входной ямы (рис. 7, *III*). Этой дате соответствуют золотые нашивные бляшки и сферические бусы, а также архаичная профилировка бортика миски (рис. 8, *2*). Отметим, что в состав инвентаря входили лепной горшочек (рис. 8, *8*) и пифосы (рис. 8, *12*, *23*), что дополнительно связывает данный комплекс с традициями памятников локального варианта на Среднем Тереке.

Остановимся на других чертах погребального обряда. В кат. 202 и 2 раскопа IV (рис. 2, *III*; 5, *III*) зафиксированы двукратные захоронения. Данная традиция, в целом, не характерна для погребальной обрядности аланской культуры второй пол. II–первой пол. V в., когда в некрополях преобладали подкурганные катакомбы, используемые для однократных (индивидуальных или коллективных единовременных) захоронений. Однако известны исключения, наблюдаемые в некрополях Среднего Терека (Малашев и др., 2020. С. 447).

Там, где было можно проследить, погребенные лежали головой влево от входа, в секторе ЮВ–В; с учетом отклонений в ориентировке катакомб из-за ландшафтных особенностей это ассоциируется с традициями населения Среднего Терека (Малашев и др., 2018. С. 198; 2020. С. 443, 445). Положение погребенных как вытянуто, так и скорчено находит аналогии во всем ареале аланской культуры (Габуев, Малашев, 2009. С. 73; Малашев и др., 2018. С. 198; 2020. С. 443). Посыпка дна камеры слоем древесного угля появляется во второй пол. III в. и получает распространение в IV в.; наиболее поздние случаи фиксируются в первой пол. VII в.

Большая часть рассмотренных погребений Змейского могильника – бескурганные; наличие подкурганных захоронений фиксируется в четырех случаях (кат. 202, 340, кург. 1 и 2). Таким образом, могильник Змейского городища является курганно-грунтовым и по основным обрядовым признакам наиболее близок группе некрополей раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке, датировка которых, в основном, не выходит за пределы III – первой пол. V в. (Малашев и др., 2020. С. 447). Данные памятники, от Змейской и до, примерно, Толстой-Юрта, могут быть объединены в локальный вариант аланской культуры на Среднем Тереке (Малашев и др., 2020. С. 447, 448)[6].

Учитывая незначительность выборки комплексов могильника, для понимания его хронологии необходимо использовать материалы поселенческого памятника, к которому он относится – Змейского городища. Первоначально оно занимало три укрепленных участка, ограниченных рвами и значительную по площади неукрепленную часть. В настоящее время памятник сильно нарушен карьером кирпичного завода; к 1990 г. полностью был уничтожен западный укрепленный участок, откуда происходила керамика, синхронная основным напластованиям Зильгинского городища. Территория, занимаемая некрополем, полностью не ясна; выявленные участки бескурганных погребений и курганы располагаются к СЗ, З и ЮЗ от городища.

Первые исследования городища были проведены на его неукрепленной части и введены в научный оборот как раскопки Змейского селища; автором памятник был ошибочно признан однослойным и синхронным катакомбному могильнику X–XIII вв. (Деопик, 1961. С. 38, 49) вслед-

[6] Для Змейского и Нижне-Джулатского могильников нужна корректировка верхней границы, уходящая в VII в.

ствие того, что керамика из слоя рассматривалась недифференцированно. Однако исследованные напластования относились к двум различным периодам: первому, связанному со Змейским городищем раннего этапа аланской культуры и начала Раннего Средневековья, и второму – не ранее X в.

Для оценки хронологии интересующего нас первого периода важны исследования культурного слоя на периферии неукрепленной части памятника, проводившиеся 2013 г. Нижнюю хронологическую границу слоя (Бакушев, Безматерных, 2020) определяют светлоглиняные узкогорлые амфоры с профилированными ручками римского времени, наиболее ранние (С IVС) из которых датируются от второй четв. II до конца II/начала III в. (см. выше). Значительное количество фрагментов амфор из культурного слоя, а также амфора из кург. 2 позволяют ставить вопрос о роли населения городища в осуществлении контроля прохода через Эльхотовские ворота.

Верхнюю дату первого периода функционирования Змейского городища, видимо, определяют исследованные здесь гончарные горны, содержавшие керамику VII–начала VIII в. (Бакушев, 2019). Кроме того, на памятнике имеется небольшая группа погребений, обнаруженных в культурном слое периферии неукрепленной части городища, в обрядовом отношении и бедностью инвентаря отличающаяся от стандартных захоронений и датирующаяся в рамках VI–VII вв. (Бакушев, Фризен, 2016); эти комплексы, очевидно, отражают какую-то кратковременную “стрессовую” ситуацию военного или эпидемиологического характера. Для уточнения датировки некрополя и городища нужно также учитывать материалы некрополя Брутского городища (Габуев, Малашев, 2009. С. 10, 141), Бесланского городища (Коробов, Малашев, в печати) и поздней группы захоронений Нижне-Джулатского могильников (Абрамова, 1972), не выходящие за пределы середины VII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик: Эльбрус, 1972. 76 с.

Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: ИА РАН, 1993. 240 с.

Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 1997. 165 с.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э.–IV в. н.э.). М.: Наука, 1966 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д1-30). 142 с.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М.: Наука, 1989. 134 с.

Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и Средневековье. VI в. до н.э.–XII в. н.э. М.: Наука, 2008. 455 с.

Бакушев М.А. Гончарный производственный комплекс раннесредневекового времени у станицы Змейской // Археологическое наследие: материалы и интерпретации / Отв. ред. Р.Ф. Фидаров. Владикавказ: Издат.-полиграф. предприятие им. В.А. Гассиева, 2019. С. 95–117.

Бакушев М.А., Безматерных А.Е. Амфоры раннеаланского Змейского поселения // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции (Махачкала, 20–25 апреля 2020 г.) / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 180–183.

Бакушев М.А., Фризен С.Ю. Раннесредневековые погребения у станицы Змейской // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: материалы междунар. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.) / Ред. М.Х. Багаев, Х.М. Мамаев. Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2016. С. 132–135.

Бетрозов Р.Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 11–39.

Виноградов В.Б., Петренко В.А. Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-Корт // Советская археология. 1974. № 1. С. 171–180.

Виноградов В.Б., Савенко С.Н. Новые материалы из катакомбных могильников IV–V вв. н.э. района г. Грозного // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.): тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Грозный, 1991. С. 22–26.

Власов В.П. Северокавказские параллели в лепной керамике Крым римского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 98–124.

Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // Российская археология. 2016. № 2. С. 36–47.

Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М.: ИА РАН, 2006 (Материалы охранных археологических исследований; т. 6). 152 с.

Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Издат.-полиграф. предприятие им. В.А. Гассиева, 2014. 68 с.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.

Гавритухин И.О., Мастыкова А.В., Свиридов А.Н., Суханов Е.В., Язиков С.В. Финал могильника Фронтовое 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Кры-

му на закате античности) // Stratum plus. 2020. № 4. С. 235–247.

Деопик В.Б. Змейское средневековое селище // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 1. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии / Отв. ред. Е.И. Крупнов. Владикавказ: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1961. С. 37–50.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV–первой половины V вв. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Т. III. Симферополь: Таврия, 1993. С. 23–104.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс, 1994. 221 с.

Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. 274 с.

Коробов Д.С., Малашев В.Ю. Комплексные исследования в окрестностях г. Беслан (РСО-Алания) // Археологические открытия 2020 г. М.: ИА РАН. (В печати).

Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и в средние века. Махачкала: Дагестанский науч. центр АН СССР, 1991. С. 87–115.

Левада М.Е. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху. I / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. С. 171–187.

Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН, 2001. 149 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000 (Материалы и исследования по археологии Дона; вып. 1). С. 194–232.

Малашев В.Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // Российская археология. 2007. № 3. С. 111–121.

Малашев В.Ю. Отчет об охранно-спасательных исследованиях могильника “Братские 1-е курганы” в зоне строительства магистрального газопровода “Моздок–Грозный” в Надтеречном районе Чеченской Республики в 2018 г. (Открытые листы №№ 410, 411) // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.

Малашев В.Ю. Отчет об охранно-спасательных исследованиях могильника об охранно-спасательных исследованиях курганных могильников “Октябрьский I” и “Киевский I” в зоне строительства магистрального газопровода “Моздок–Грозный” в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2019 г. (Открытые листы №№ 2739, 2740) // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: МавраевЪ, 2015. 452 с.

Малашев В.Ю., Торгоев А.И. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // Российская археология. 2018. № 4. С. 36–52.

Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кривошеев М.В. Охранно-спасательные исследования могильника “Братские 1-е курганы” на территории Чеченской Республики в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 4. С. 195–206.

Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кадзаева З.П. Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке Октябрьский I и Киевский I в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 2. С. 439–460.

Миллер М.А. Моздок, 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 238–242.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Научные школы Волгоградского государственного университета / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 1999. С. 172–212.

Радюш О.А. О северной границе распространения так называемых “кинжалов с вырезами” // Stratum plus. 2014. № 4. С. 231–245.

Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. 1972. № 1. С. 73–81.

Фидаров Р.Ф., Тотаева Д.Э. Раскопки Змейского катакомбного могильника в Кировском районе РСО-А в 2001 г. // Археологическое наследие: материалы и интерпретации / Отв. ред. Р.Ф. Фидаров. Владикавказ: Издат.-полиграф. предприятие им. В.А. Гассиева, 2019. С. 173–264.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin: Wydawnictwo Universytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.

Яковчик М.С., Ениосова Н.В., Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Золотые нити из элитного аланского погребения у хут. Пегушин на Ставрополье // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 251. С. 218–236.

Gavritukhin I.O. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt-Verlag, 2018 (Archäologie in Eurasien; Bd. 36). P. 49–96.

THE EARLY ALANIAN CEMETERY OF ZMEYSKAYA

Vladimir Yu. Malashev[a, #], Marat A. Bakushev[b, ##], Rustem F. Fidarov[c, ###], Boris Z. Karaev[c, ####], Anna S. Leontyeva[a, #####]

[a] *Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[b] *Archaeological Society of Kuban LLC, Rostov-on-Don, Russia*

[c] *Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia*

[#] *E-mail: malashev@yandex.ru*

[##] *E-mail: bakart@mail.ru*

[###] *E-mail: ziglo@yandex.ru*

[####] *E-mail: aslesgor@mail.ru*

[#####] *E-mail: ananyeno@yandex.ru*

The article analyzes the catacombs of the Alan culture of the second half of the 2nd – the first half of the 5th century at the cemetery of the Zmeyskaya fortified settlement. The burial ground is similar to the necropolises of the Alan culture in the Middle Terek region, which were united as its local variety. Materials from the occupational layer of the Zmeyskaya fortified settlement are also significant for the purpose of chronological assessment. The lower boundary of the complex of sites is estimated by the finds of amphorae, the earliest of which date back to the second quarter of the 2nd – late 2nd/early 3rd century. The upper boundary is determined by the kilns of the 7th – early 8th century. For its clarification, materials from the Brut 2 and Beslan cemeteries and the late group of burials of Lower Dzhulat, which do not go beyond the middle of the 7th century, are important.

Keywords: the North Caucasus, the Alan culture, cemetery of the Zmeyskaya fortified settlement, catacombs, the second half of the 2nd – first half of the 5th century.

REFERENCES

Abramova M.P., 1972. Nizhne-Dzhulatskiy mogil'nik [The Nizhny Dzhulat cemetery]. Nal'chik: El'brus. 76 p.

Abramova M.P., 1993. Tsentral'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremya (III v. do n.e.–IV v. n.e.) [Central Ciscaucasia in the Sarmatian period (3rd century BC–4th century AD)]. Moscow: IA RAN. 240 p.

Abramova M.P., 1997. Rannie alany Severnogo Kavkaza [Early Alans of the North Caucasus]. Moscow: IA RAN. 165 p.

Ambroz A.K., 1966. Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR (II v. do n.e.–IV v. n.e.) [Fibulae of the south of the USSR's European part (2nd century BC–4th century AD)]. Moscow: Nauka. 142 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1-30).

Ambroz A.K., 1989. Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza [Chronology of antiquities of the North Caucasus]. Moscow: Nauka. 134 p.

Bagaev M.Kh., 2008. Kul'tura gornoy Chechni i Dagestana v drevnosti i Srednevekov'e. VI v. do n.e. – XII v. n.e. [The culture of highland Chechnya and Dagestan in antiquity and the Middle Ages. The 6th century BC–12th century AD]. Moscow: Nauka. 455 p.

Bakushev M.A., 2019. Pottery production complex of the early medieval period near Zmeyskaya. Arkheologicheskoe nasledie: materialy i interpretatsii [Archaeological heritage: materials and interpretations]. R.F. Fidarov, ed. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie imeni V.A. Gassieva, pp. 95–117. (In Russ.)

Bakushev M.A., Bezmaternykh A.E., 2020. Amphorae of the early Alanian settlement of Zmeyskaya. Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu Krupnovskikh chteniy i 50-letiyu Derbentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [The archaeological heritage of the Caucasus: topical issues of study and preservation. XXXI Krupnov readings: Proceedings of the International scientific conference to the 50th anniversary of the Krupnov readings and the 50th anniversary of the Derbent archaeological expedition]. M.S. Gadzhiev, ed. Makhachkala: Mavraev, pp. 180–183. (In Russ.)

Bakushev M.A., Frizen S.Yu., 2016. Early medieval burials near Zmeyskaya. Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Study and preservation of the archaeological heritage of the peoples of the Caucasus. XXIX Krupnov readings: Proceedings of the International scientific conference]. M.Kh. Bagaev, Kh.M. Mamaev, eds. Groznyy: Chechenskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 132–135. (In Russ.)

Betrozov R.Zh., 1987. Mounds of the Hunnic period near the settlement of Kishpek. Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii [Archaeological research on new construction sites in Kabardino-Balkaria]. V.A. Kuznetsov, ed. Nal'chik: El'brus, pp. 11–39. (In Russ.)

Deopik V.B., 1961. The medieval fortified settlement of Zmeyskaya. Materialy po arkheologii i drevney istorii Severnoy Osetii [Materials on archaeology and early history of North Ossetia], 1. Arkheologicheskie raskopki v rayone Zmeyskoy Severnoy Osetii [Archaeological excavations in the area of Zmeyskaya in North Ossetia]. E.I. Krupnov, ed. Vladikavkaz: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 37–50. (In Russ.)

Fidarov R.F., Totaeva D.E., 2019. Excavations of the Zmeyskaya catacomb cemetery in Kirovsky district of the Repubic of North Ossetia-Alania in 2001. Arkheologicheskoe nasledie: materialy i interpretatsii [Archaeological heritage: materials and interpretations]. R.F. Fidarov, ed. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie imeni V.A. Gassieva, pp. 173–264. (In Russ.)

Gabuev T.A., 2014. Alanskie knyazheskie kurgany V v. n.e. u sela Brut v Severnoy Osetii [Alanian princely burial mounds of the 5th century AD near the village of Brut in North Ossetia]. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie imeni V.A. Gassieva. 68 p.

Gabuev T.A., Malashev V.Yu., 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [Early Alanian sites of the central regions of the North Caucasus]. Moscow: Taus. 468 p.

Gavritukhin I.O., 2018. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links. Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt-Verlag, pp. 49–96. (Archäologie in Eurasien, 36).

Gavritukhin I.O., Mastykova A.V., Sviridov A.N., Sukhanov E.V., Yazikov S.V., 2020. The finale of the Frontovoye 3 burial ground (on the study of migrations in the South-Western Crimea at the demise of antiquity). Stratum plus, 4, pp. 235–247. (In Russ.)

Issledovaniya mogil'nika Neyzats [Study of the Neizats cemetery]. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol': Dolya, 2011. 274 p.

Khazanov A.M., 1971. Ocherki voennogo dela sarmatov [Studies on the military art of the Sarmatians]. Moscow: Nauka. 172 p.

Khrapunov I.N., 2002. Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. n.e.) [The Druzhnoye cemetery (3rd–4th centuries AD)]. Lublin: Wydawnictwo Universytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 313 p.

Korobov D.S., Malashev V.Yu. Comprehensive research in the vicinity of Beslan (North Ossetia-Alania). Arkheologicheskie otkrytiya 2020 g. [Archaeological discoveries of 2020]. Moscow: IA RAN. (In print). (In Russ.)

Kudryavtsev A.A., Gadzhiev M.S., 1991. Burial sites of Derbent of the late Albanian period (based on materials from excavation site XIV). Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i v srednie veka [Mountains and plains of the North-East Caucasus in antiquity and the Middle Ages]. Makhachkala: Dagestanskiy nauchnyy tsentr AN SSSR, pp. 87–115. (In Russ.)

Levada M.E., 2013. On the influence of the Alanian military traditions on the East Germanic peoples. Krym v sarmatskuyu epokhu [The Crimea in the Sarmatian period], I. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol'; Bakhchisaray: Dolya, pp. 171–187. (In Russ.)

Malashev V.Yu. Otchet ob okhranno-spasatel'nykh issledovaniyakh mogil'nika "Bratskie 1-e kurgany" v zone stroitel'stva magistral'nogo gazoprovoda "Mozdok–Groznyy" v Nadterechnom rayone Chechenskoy Respubliki v 2018 g. (Otkrytye listy №№ 410, 411) [Report on salvage investigations of the 1st Bratskoye mound cemetery in the construction area of the Mozdok–Grozny gas pipeline in Nadterechny District of the Chechen Republic in 2018 (Excavation permits No. 410, 411)]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS], R-1.

Malashev V.Yu. Otchet ob okhranno-spasatel'nykh issledovaniyakh mogil'nika ob okhranno-spasatel'nykh issledovaniyakh kurgannykh mogil'nikov "Oktyabr'skiy I" i "Kievskiy I" v zone stroitel'stva magistral'nogo gazoprovoda "Mozdok–Groznyy v Mozdokskom rayone Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya v 2019 g. (Otkrytye listy №№ 2739, 2740) [Report on salvage investigations of the Oktyabrsky I and Kievsky I mound cemeteries in the construction zone of the Mozdok–Grozny gas pipeline in Mozdok District of the Republic of North Ossetia-Alania in 2019 (Excavation permits Nos. 2739, 2740)]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS], R-1.

Malashev V.Yu., 2000. Periodization of belt sets of the Late Sarmatian period. Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbours on the River Don]. Yu.K. Guguev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona, 1). (In Russ.)

Malashev V.Yu., 2001. Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Mokraya Balka [Pottery of the early medieval cemetery of Mokraya Balka]. Moscow: IA RAN. 149 p.

Malashev V.Yu., 2007. South Uralian archaeological sites of the second half of the 2nd–4th c. AD: the Late Sarmatian or Hun-Sarmatian culture (analysis of finds). Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 3, pp. 111–121. (In Russ.)

Malashev V.Yu., Gadzhiev M.S., Il'yukov L.S., 2015. Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n.e. [The Land of Maskuts on the western coast of the Caspian Sea. Coastal Dagestan mound cemeteries of of the 3rd–5th cc. AD]. Makhachkala: Mavraev"". 452 p.

Malashev V.Yu., Magomedov R.G., Dzutsev F.S., Mamaev Kh.M., Kadzaeva Z.P., 2020. Salvage investigation of the Oktyabrsky I and Kievsky I cemeteries of the early stage of the Alan culture on the Middle Terek in Mozdok District of the Republic of North Ossetia-Alania in 2019. Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza [History, archaeology and ethnography of the Caucasus], vol. 16, no. 2, pp. 439–460. (In Russ.)

Malashev V.Yu., Magomedov R.G., Dzutsev F.S., Mamaev Kh.M., Krivosheev M.V., 2018. Salvage investigation of the 1st Bratskoye mound cemetery in the Chechen Republic in 2018. Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza [History, archaeology and ethnography of the Caucasus], vol. 14, no. 4, pp. 195–206. (In Russ.)

Malashev V.Yu., Torgoev A.I., 2018. T-shaped catacombs of the Sarmatian period in the Northern Caucasus and Central Asia. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 4, pp. 36–52. (In Russ.)

Miller M.A., 1941. Mozdok, 1935. Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniya [Archaeological research in the RSFSR of 1934–1936. Brief reports and information]. M.I. Artamonov, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 238–242. (In Russ.)

Moshkova M.G., Malashev V.Yu., 1999. Chronology and typology of Sarmatian catacomb burial structures. Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu ran-

nego zheleznogo veka i srednevekov'ya. Nauchnye shkoly Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Archaeology of the Volga-Ural region in the early Iron Age and the Middle Ages. Scientific schools of Volgograd State University]. A.S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 172–212. (In Russ.)

Radyush O.A., 2014. On the northern extremity of the distribution of the so-called "daggers with cutouts". Stratum plus, 4, pp. 231–245. (In Russ.)

Smirnov K.F., 1972. Sarmatian catacomb burials in the Southern Urals, the Volga region and their relation to the catacombs of the North Caucasus. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 1, pp. 73–81. (In Russ.)

Vinogradov V.B., Petrenko V.A., 1974. The cemetery of the Sarmatian period on the Lehkch-Kort mountain. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 1, pp. 171–180. (In Russ.)

Vinogradov V.B., Savenko S.N., 1991. New materials from the catacomb cemeteries of the 4th–5th centuries AD in the vicinity of Grozny. Arkheologiya na novostroykakh Severnogo Kavkaza (1986–1990 gg.): tezisy dokladov regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Archaeology in new construction sites of the North Caucasus (1986–1990): Abstracts of the Regional scientific and practical conference]. Groznyy, pp. 22–26. (In Russ.)

Vlasov V.P., 2003. North Caucasian parallels in the Crimean hand-made pottery of the Roman and early medieval periods. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Taurica], X. Simferopol', pp. 98–124. (In Russ.)

Vnukov S.Yu., 2016. On the typology, evolution and chronology of light-clay (Late Heraclean) narrow-necked amphorae. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 2, pp. 36–47. (In Russ.)

Voronin K.V., Malashev V.Yu., 2006. Pogrebal'nye pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka ravninnoy zony Respubliki Ingushetiya [Burial sites of the Bronze and Early Iron Ages in the flatland of the Republic of Ingushetia]. Moscow: IA RAN. 152 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 6).

Yakovchik M.S., Eniosova N.V., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Petrenko V.G., 2018. Gold threads from the high-status Alanian burial near Pegushin Farmstead in Stavropol Region. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 251, pp. 218–236. (In Russ.)

Zasetskaya I.P., 1993. Materials of the Bosporus necropolis of the second half of the 4th – first half of the 5th century AD. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Taurica], III. Simferopol': Tavriya, pp. 23–104. (In Russ.)

Zasetskaya I.P., 1994. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV – V vv.) [Culture of the nomads of the southern Russian steppes in the Hunnic period (the late 4th–5th century)]. St. Petersburg: Ellips. 221 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 97–108

КЛАД БОСПОРСКИХ СТАТЕРОВ ИЗ СЛОЯ ПОЖАРА VI в. В ФАНАГОРИИ

© 2022 г. М. Г. Абрамзон[1, *], С. Н. Остапенко[2, **]

[1] *Институт археологии РАН, Москва,*
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия
[2] *Государственный историко-археологический музей-заповедник "Фанагория",*
пос. Сенной, Краснодарский край, Россия
**E-mail: abramzon-m@mail.ru*
***E-mail: osn-23@mail.ru*

Поступила в редакцию 20.09.2021 г.
После доработки 20.09.2021 г.
Принята к публикации 16.11.2021 г.

В статье публикуется клад позднебоспорских статеров, найденный в слое пожара VI в. в Фанагории. Кошелек с 82 монетами был спрятан в горло раннесредневековой амфоры типа Opaiţ B–1b. В составе клада – статеры Фофорса, Радамсада, Рескупорида VI и пантикапейский тетрахалк времени Асандра. Слой пожара ассоциируется с сообщением Прокопия Кесарийского (Procop. Caes. De bell. VIII. 5. 28) о разрушении Фанагории и Кеп. Дату катастрофы в Фанагории и сокрытия монетного клада определяют два главных обстоятельства. Одно из них – находка в соседнем здании, сгоревшем в том же пожаре, солида Юстиниана I группы 545–565 гг. вместе с позднебоспорскими статерами. Другое – дата завершения работы Прокопия Кесарийского над VIII книгой "Истории войн", т.е. 554 г. Таким образом, Фанагория и Кепы были разрушены не ранее 545 г., но не позднее 554 г., соответственно и тезаврация относится к 545–554 гг.

Ключевые слова: Фанагория, раннесредневековый период, Византия, Юстиниан I, денежное обращение, монетные клады.

DOI: 10.31857/S0869606322010214

В июле 2021 г. во время археологических работ Фанагорийской экспедиции ИА РАН на городище Фанагории (раскоп "Нижний город") при расчистке жилых кварталов города, погибших в пожаре VI в., был найден клад из 82 позднебоспорских статеров. Монеты, слипшиеся в ком, по форме которого можно заключить, что они хранились в мешочке/кошельке, находились в отбитом горле амфоры, вертикально вкопанном в пол помещения не доследованного здания в кв. Ж3 (рис. 1). При этом монеты были уложены в мешочек аккуратными столбиками по несколько штук. Клад поступил в фонды Государственного историко-археологического музея-заповедника "Фанагория" (инв. № ФМ-КП-108/1–82 Н3575–3656).

Контейнер, к котором хранился кошелек с монетами, – горло амфоры понтийского производства (инв. № ФМ-КП-109 А2282; рис. 1, *В*), представляющей один из вариантов постепенно меняющегося морфологического типа Opaiţ B–1b (Opaiţ, 2004. P. 28–29), бытовавшего с III (амфоры Зеест 72) по VII в. Сменявшие друг друга варианты могли какое-то время сосуществовать, но затем новый окончательно вытеснял "старый" (Opaiţ, 2004. P. 27). А. Опайт полагал, что вариант Opaiţ B–1b, к которому относится рассматриваемая амфора, был типичен для V–начала VI в. (Opaiţ, 2004. P. 28) и предшествовал сосудам позднего варианта Opaiţ B–1d. Однако раскопки в Дичине (Болгария), где амфоры типов Opaiţ B–1b/c и Opaiţ B–1d сосуществовали вплоть до конца VI или даже начала VII в., кажется, опровергают это предположение. Факт их одновременного бытования, возможно, объясняется использованием сосудов для хранения и перевозки разных по цене вин (Swan, 2009. P. 111). Таким образом, хронологический разрыв между временем производства амфоры (Голофаст, 2021а. С. 54, 55) и и датой позднейших статеров в кладе (№ 80, 81 – 328/329 г. н.э.) составляет около двух столетий.

Статеры клада (рис. 2, *А–В*) принадлежат трем боспорским царям: Фофорсу (285/286–309/310 гг.) – 22 экз. (№ 1–22), Радамсаду (309/310–318/319 гг.) – 4 (№ 23–26) и Рескупориду VI (318/319–341/342 гг.) – 56 (№ 26–82). Все они обычны, в то время как сам клад, безусловно,

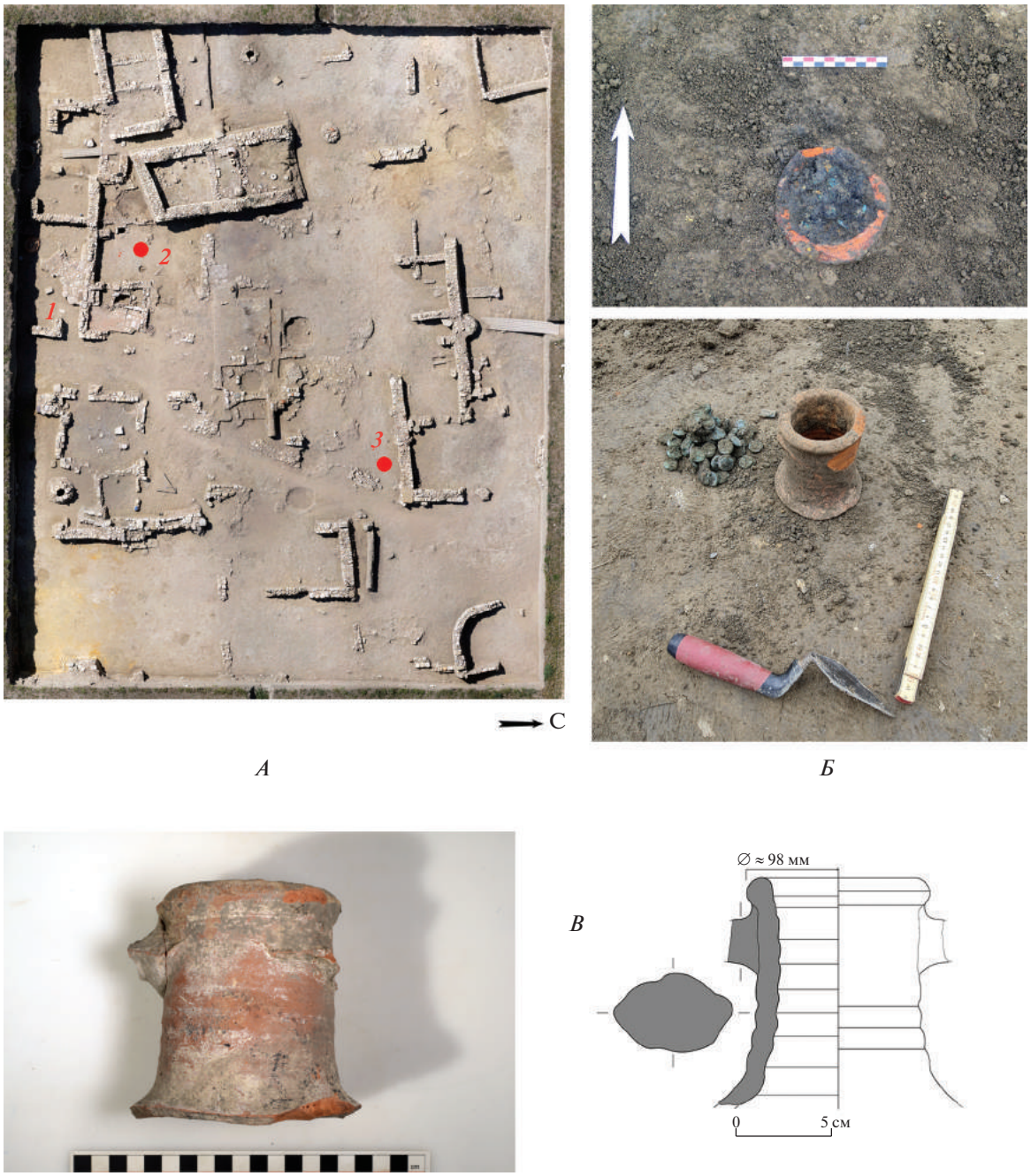


Рис. 1. Фанагория. Слой пожара VI в. Раскоп “Нижний город” (*А*) с указанием расположения здания с винодельней (*1*) и мест находок солидов Юстиниана I (*2*) и монетного клада (*3*); *Б* – клад *in situ*; *В* – горло амфоры, в котором хранились монеты.

Fig. 1. Phanagoria. The sixth-century fire layer. “Lower City” site (*A*) showing the locations of the structure with winery (*1*), places of finds of Justinian I’s solidi (*2*) and the hoard (3); *Б* – hoard *in situ*; *В* – the neck of the amphora in which the coins were kept

представляет большой интерес для изучения денежного обращения и исторических событий на Боспоре в середине VI в. Присутствие в кладе пантикапейского тетрахалка (рис. 2, *В*, № 82) времени правления Асандра (49/48–21/20 гг. до н.э.) типа “голова Аполлона/лук в горите” (Анохин, 1986. № 247) требует особого комментария. Эту монету и самые поздние статеры разделяет около 400 лет, а с момента выпуска тетрахалка до тезаврации клада прошло почти 600 лет. Известен ряд позднебоспорских (и других) кладов, в которых также присутствовали медные монеты эллинистического и римского времени, разрыв между ними и позднейшими монетами составлял до 500 лет:

Рис. 2. Фанагория. Клад боспорских статеров из слоя пожара VI в. *А* – 1– 27. *Б* – 28–56. *В* – 57–82.
Fig. 2. Phanagoria. A hoard of Bosporan staters found in the sixth-century fire layer (*А*), (*Б*), (*В*)

Анапский 1987 г., Керченский 1870 г. и др. (Абрамзон, Фролова, 2007–2008. С. 335).

Слой пожара VI в., погубившего Фанагорию, исследуется на раскопе “Нижний город” с 2019 г. Следы пожара зафиксированы в виде большого количества золы, сажи, фрагментов сгоревших деревянных конструкций, развалов кровельной черепицы, а также битой посуды и остатков обгоревшего зерна (пшеница и просо) в амфорах и пифосах (рис. 3, *Б*).

В 9 м к юго-востоку от места находки клада у южного борта раскопа в кв. В1, Г1–2, Д1–2 расчищено большое здание с винодельней (рис. 3, *А*), ориентированное по оси В–З (Кузнецов, 2019.

Рис. 2. Продолжение.
Fig. 2. Continued

Т. 1. Л. 89–98). Во внутреннем дворе его были найдены фрагменты мраморной столешницы (Кузнецов, 2019. Т. 7. Л. 147. Рис. 449а), а над двором, в борту раскопа, – три фрагмента мраморной купели для крещения. В сезоне 2021 г. в кв. В–2 обнаружены многочисленные другие фрагменты той же столешницы. Эти находки свидетельствуют о разрушении врагами существо-

Рис. 2. Окончание.
Fig. 2. Ending

вавшей поблизости раннехристианской базилики. На полу помещения 1 обнаружено несколько позднебоспорских статеров и два золотых солида Юстиниана I (рис. 3, *B2, 3*), один из которых относится к 538–545 гг. (№ описи Ф-21-13. Тип: Bellinger, 1992. P. 70. No. 8b. Pl. XIII), второй – 545–565 гг. (инв. № ВХ-78/3. Тип: Bellinger, 1992. P. 71. Nos. 9f.1–3). Именно последний экземпляр (рис. 3, *B3*) имеет определяющее значение для даты катастрофы (Абрамзон, Остапенко, 2019) и

А

Б

В

Рис. 3. Фанагория. Слой пожара VI в. Раскоп “Нижний город”. *А*, *Б* – винодельня и пифосы со сгоревшим зерном; *В* – солиды Юстиниана I.

Fig. 3. Phanagoria. The sixth-century fire layer. “Lower City” site: *А*, *Б* – winery and pithoi with burnt grain; *В* – solidi of Justinian I

публикуемого клада. Отметим, что в 2006 г. еще один солид Юстиниана I был найден на раскопе “Верхний город” (Abramzon, 2011. P. 272. Pl. 2, *2*) (рис. 3, *В1*).

Исторический контекст находки связан с турбулентной ситуацией на Боспоре VI в., отразившейся и на судьбе Фанагории. История раннесредневековой Фанагории рассмотрена в новой специальной работе Л.А. Голофаст на основе детального анализа письменных источников и археологических данных в (Голофаст, 2021б). Поэтому мы ограничимся лишь кратким обзором основных событий, непосредственно касающихся времени сокрытия публикуемого клада. В конце V/начале VI в. боспорские города входят в сферу влияния Византийской империи, о чем сообщает надпись царя Тиберия Юлия Диптуна, называющая его “другом кесарей и другом римлян” (Виноградов, 1998. С. 243). Однако переход Боспора (Керчи) под власть империи происходит уже при Юстине I (518–527 гг.), вероятнее всего до 523 г. С этими событиями может быть связано и первое упоминание епископской кафедры в Фанагории под 519 г. (Виноградов, 2010. С. 140).

В начале правления Юстиниана I на Боспоре вспыхивает восстание гуннов против своего правителя Горда или Грода, принявшего христианство и признавшего протекторат Византии. Гун-

ны убили Грода и перебили византийский гарнизон в городе Боспоре. Юстиниан I отправляет в Боспор войско, которое окончательно подчиняет его власти империи. Это событие относится к 527/528 г. (Айбабин, 1999. С. 94–95; Виноградов, 2010. С. 141). Юстиниан I укрепляет крепостные стены Боспора (Procop. Caes. De aed. III. 7. 12) и учреждает имперскую администрацию в портовом городе на азиатском берегу пролива в 533 или 548 г. – в Гермонассе или Фанагории (Голофаст, 2021б). Император также отстраивает заново крепость Ильичевского городища (Николаева, 1981). Фанагория бесспорно входит в сферу влияния Византии, что подтверждает набор находок из нее, датируемых первой половиной VI в., который в значительной степени совпадает с составом синхронных комплексов из раскопок Херсонеса, Боспора (Керчи) и других городов Северного Причерноморья (Голофаст, Ольховский, 2016; Голофаст, 2021б).

На Боспоре размещается значительный имперский военный контингент, состоявший из наемников-федератов, набираемых из варваров, главным образом, представителей германских племен, о чем свидетельствуют находки элементов восточногерманского женского костюма (Голофаст, 2021б). В Фанагории же несут службу выходцы с территории провинций Дардания и Превалис, что подтверждают находки характерной для этих провинций керамики, выявленной и в других севепричерноморских крепостях, где стояли византийские гарнизоны (Голофаст, 2016; 2021б).

Жизнь в Фанагории внезапно обрывается в середине VI в. Следы катастрофы выявлены на ряде участков городища. Так, на раскопе “Береговой Стратиграфический” в 1982–1985 гг. открыт слой пожарища, после которого жизнь на участке ненадолго замирает, однако вскоре опять возобновляется. Все открытые постройки этого слоя перекрыты пожарищем с большим количеством битой посуды и обгоревшего зерна. В горелом слое найдены камни от метательных машин, обстреливавших город со стороны залива. По керамическому материалу А.Г. Атавин и другие исследователи датируют пожар 520–530 гг. или в пределах второй четверти VI в., связывая его с восстанием против Грода (Атавин, 1993. С. 170; Чхаидзе, 2012. С. 122).

Однако наиболее вероятно, что катастрофа вызвана событиями, которые описывает Прокопий Кесарийский: “Два других небольших городка, называемые Кепы и Фанагурис, издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания” (Procop. Caes. De bell. VIII. 5. 28).

До сих пор одни исследователи связывали разрушение Фанагории с восстанием против Грода (Чхаидзе, 2012. С. 258, 259), также как и пожары в Тиритаке и на мысе Зюк (Сазанов, Иващенко, 1989. С. 99, 100). Другие полагали, что разрушение Фанагории и Кеп случилось скорее всего после 560 г., когда к Азиатскому Боспору подошли теснимые тюрками авары, о чем сообщает Евагрий Схоластик в своей “Церковной Истории” (V. 1. 3); тюрки же появляются на Боспоре в 570-е годы (Виноградов, 2010. С. 143). Эти события соотносятся с походом тюрок на Боспор в 576 г. когда пострадала большая часть крепостей и малых городов Керченского и Таманского полуостровов. Так, например, дату гибели в это время поселения Зеленый мыс в синхронном пожаре позволяет определить краснолаковая керамика формы 10 группы LRC, появившаяся впервые в 570–580 гг. (Сазанов, 1989. С. 58; 1999. С. 202).

Между тем датировку пожара в Фанагории и соответственно публикуемого монетного клада определяют два важнейших обстоятельства. Одно – находка в слое пожара упомянутого солида Юстиниана I группы 545–565 гг. (рис. 3, *В3*). Другое – дата завершения работы Прокопия Кесарийского над VIII книгой “Истории войн” – 554 г. н.э. Л.А. Голофаст – единственная из исследователей, обратившая внимание на последнее обстоятельство, что делает несостоятельным все ранее предложенные датировки разрушения Фанагории и Кеп. Таким образом, Фанагория и Кепы были разрушены не ранее 545, но не позднее 554 г. (Голофаст, 2021б), а соответственно и тезаврация относится к Голофаст, 2021а. С. 53, 54; 545–554 гг.

Более позднюю дату имеет Ильичевский клад 1975 г., состоявший из 130 статеров Рескупорида V, Фофорса, Радамсада, Рескупорида VI и 5 солидов Юстиниана I. Он был также найден в мощном слое пожара – на полу в одном из помещений цитадели (Фролова, Николаева, 1978). Два из пяти солидов принадлежат группе 545–565 гг., причем один экземпляр (Абрамзон, Фролова, 2007–2008. Табл. 226, *135*) отчеканен в той же 6-й оффицине Константинопольского монетного двора, что и синхронный солид из Фанагории. Однако в данном случае датировку клада определяют не солиды 545–565 гг., а присутствие фрагментов мисок формы 10А и 10А/В (Hayes, 1972. P. 346) (которые в Фанагории до сих пор не выявлены) в слое пожара крепости (слой 4), что позволяет соотнести дату катастрофы с тюркским разгромом 576 г. Фрагменты мисок формы 10А, В и С найдены и в слое пожара в Боспоре (Керчи) (Голофаст, 2021б с библиографией).

Таким образом, если разрушение города Боспора в 576 г. и малых боспорских городов и поселений связывается с тюрками, которые в конце 560 – начале 570-х годов, одержав победу над

Ираном, заняли пограничные с Азиатским Боспором степи между Меотидой и Кавказом, откуда совершали набеги на византийские владения (Айбабин, 1999. С. 133, 134), то остается не ясным, кто разгромил Фанагорию на четверть века раньше. По-видимому, это те “некоторые из варварских племен, живших в соседних областях”, о которых говорит Прокопий Кесарийский (Procop. BG VIII. 5, 28–29).

В заключение отметим, что Фанагорийский и Ильчевский клады свидетельствуют о том, что масса деградированных статеров III–IV вв. продолжала находиться в обращении спустя более 200 лет после прекращения боспорской чеканки в 341/342 г. Совместные находки единичных солидов Юстиниана I и статеров Фофорса и Рескупорида VI в Фанагории и Китее (Молев, Молева, 2016. С. 77, 89. № 194), а также солидов Юстина I и Юстиниана I вместе со статерами тех же царей на Ильичевском городище отражают единство и континуитет позднеантичной и раннесредневековой материальной культуры Боспора (Фролова, 1998. С. 248).

Авторы выражают искреннюю благодарность к.и.н. Л.А. Голофаст за определение амфоры и детальную консультацию. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-00057.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Каталог

Catalogue

№ п/п	Инв. № ФМ-КП-108/1–82	Правитель	Год боспорской эры (б.э.)	Год н.э.	Вес, г	Диаметр, мм	Литература
1	/1 Н3575	Фофорс	583	286/287	6.69	21	Ср. Абрамзон, Кузнецов, 2017. № 2411
2	/2 Н3576	–"–	584	287/288	6.77	20	Там же. № 2429
3	/3 Н3577	–"–	587	290/291	6.39	19	Там же. № 2472
4	/4 Н3578	–"–	592	295/296	6.98	19	Там же. № 2612
5	/5 Н3579	–"–	593	296/297	7.26	19	Там же. № 2654
6	/6 Н3580	–"–	593	296/297	7.13	20	Там же. № 2703
7	/7 Н3581	–"–	594	297/298	7.28	20	Там же. № 2755
8	/8 Н3582	–"–	594	297/298	7.56	20	Там же. № 2800
9	/9 Н3583	–"–	594	297/298	7.33	20	Там же. № 2806
10	/10 Н3584	–"–	594	297/298	7.07	19	Там же. № 2812
11	/11 Н3585	–"–	594	297/298	7.24	20	Там же. № 2849
12	/12 Н3586	–"–	595	298/299	7.65	20	Там же. № 2951
13	/13 Н3587	–"–	595	298/299	7.38	20	Там же. № 2951
14	/14 Н3588	–"–	595	298/299	5.74	20	Там же. № 2967
15	/15 Н3589	–"–	595	298/299	7.04	20	Там же. № 3020
16	/16 Н3590	–"–	595	298/299	7.54	20	Там же. № 3065
17	/17 Н3591	–"–	595	298/299	7.55	19	Там же. № 3065
18	/18 Н3592	–"–	595	298/299	7.75	21	Там же. № 3071
19	/19 Н3593	–"–	595	298/299	7.15	19	Там же. № 3082.
20	/20 Н3594	–"–	596	299/300	6.40	19	Там же. № 3145
21	/21 Н3595	–"–	596	299/300	7.33	19	Там же. № 3196
22	/22 Н3596	–"–	597	300/301	6.87	18	Там же. № 3304
23	/23 Н3597	Радамсад	613	316/317	6.88	19	Ср. Фролова, 1997. Табл. LXXXIII, *8*
24	/24 Н3598	–"–	614	317/318	7.17	19	Ср. Абрамзон и др., 2019. № 393
25	/25 Н3599	–"–	614	317/318	6.70	20	Ср. Исанчурин Р., Исанчурин Е., 2015. Табл. V, *56*

26	/26 Н3600	–"–	615	318/319	6.95	18	Ср. Абрамзон и др., 2019. № 398
27	/27 Н3601	–"–	616	319/320	7.41	20	Ср. Паспорт монеты... (Электронный ресурс)
28	/28 Н3602	Рескупорид VI	617	320/321	7.35	19	Ср. Абрамзон и др., 2019. № 435
29	/29 Н3603	–"–	617	320/321	7.14	19	Там же. № 445
30	/30 Н3604	–"–	617	320/321	7.32	19	Там же. № 453
31	/31 Н3605	–"–	617	320/321	6.48	19	Ср. Паспорт монеты... (Электронный ресурс)
32	/32 Н3606	–"–	618	321/322	6.21	19	Ср. Фролова, 1997. Табл. XCI, *2*
33	/32 Н3607	–"–	618	321/322	6.03	19	Ср. Голенко, 1960. № 186
34	/34 Н3608	–"–	618	321/322	6.10	19	Ср. Абрамзон и др., 2019. № 469
35	/35 Н3609	–"–	618	321/322	6.00	18	Там же. № 477
36	/36 Н3610	–"–	618	321/322	3.89	18	Там же. № 497–501
37	/37 Н3611	–"–	619	322/323	6.59	20	Там же. № 536
38	/36 Н3612	–"–	619	322/323	5.89	19	Ср. Голенко, 1960. № 204 (вар.)
39	/39 Н3613	–"–	620	323/324	6.64	20	Ср. Абрамзон и др., 2019. № 574
40	/40 Н3614	–"–	620	323/324	7.26	20	Там же. № 579
41	/41 Н3615	–"–	620	323/324	7.26	20	Там же. № 580
42	/42 Н3616	–"–	620	323/324	7.72	20	Ср. Ira & Larry Goldberg Coins & Collectibles, Inc. Sale 7. Lot 35 = Паспорт монеты... (Электронный ресурс)
43	/43 Н3617	–"–	620	323/324	8.00	20	Ср. Абрамзон и др., 2019. № 601
44	/44 Н3618	–"–	620	323/324	8.31	20	Там же. № 606
45	/45 Н3619	–"–	620	323/324	7.56	21	Там же. № 615
46	/46 Н3620	–"–	620	323/324	7.97	21	Там же. № 626
47	/47 Н3621	–"–	620	323/324	5.44	19	Там же. № 635
48	/48 Н3622	–"–	620	323/324	7.14	21	Ср. Голенко, Сокольский, 1968. № 422
49	/49 Н3623	–"–	621	324/325	6.79	20	Ср. Абрамзон и др., 2019. № 660
50	/50 Н3624	–"–	621	324/325	7.47	19	Там же. № 660
51	/51 Н3625	–"–	621	324/325	7.03	19	Там же. № 671
52	/52 Н3626	–"–	621	324/325	5.83	19	Там же. № 671?
53	/53 Н3627	–"–	621	324/325	7.15	19	Там же. № 685
54	/54 Н3628	–"–	621	324/325	7.13	19	Там же. № 700
55	/55 Н3629	–"–	621	324/325	7.47	19	Там же. № 714
56	/56 Н3630	–"–	621	324/325	7.02	20	Там же. № 718
57	/57 Н3631	–"–	621	324/325	6.99	20	Там же. № 718
58	/58 Н3632	–"–	621	324/325	7.13	19	Там же. № 721
59	/59 Н3633	–"–	621	324/325	7.34	19	Там же. № 727
60	/60 Н3634	–"–	621	324/325	6.43	19	Там же. № 735
61	/61 Н3635	–"–	621	324/325	6.99	20	Там же. № 744
62	/62 Н3636	–"–	621	324/325	7.06	20	Там же. № 793

63	/63 H3637	–"–	621	324/325	6.52	20	Ср. Голенко, 1960. № 305
64	/64 H3638	–"–	622	325/326	6.59	19	Ср. Абрамзон и др., 2019. № 823
65	/65 H3639	–"–	622	325/326	6.76	19	Там же. № 842 (л.с.), 839 (о.с.)
66	/66 H3640	–"–	622	325/326	7.22	19	Ср. Голенко, 1960. № 334
67	/67 H3641	–"–	622	325/326	6.93	19	Ср. Абрамзон и др., 2019. № 873
68	/68 H3642	–"–	622	325/326	6.74	20	Там же. № 903
69	/69 H3643	–"–	622	326/327	6.78	19	Там же. № 965
70	/70 H3644	–"–	623	326/327	5.79	19	Там же. № 912
71	/71 H3645	–"–	623	326/327	7.51	20	Там же. № 920
72	/72 H3646	–"–	623	326/327	6.72	19	Там же. № 923
73	/73 H3647	–"–	623	326/327	7.08	20	Ср. Фролова, 1997. Табл. CVI, *25*
74	/74 H3648	–"–	623	326/327	7.09	19	Там же. Табл. CVI, *8*
75	/75 H3649	–"–	623	326/327	6.61	19	Ср. Голенко, Сокольский, 1968. № 652
76	/76 H3650	–"–	624	327/328	7.33	19	Ср. Абрамзон и др., 2019. № 998
77	/77 H3651	–"–	624	327/328	6.34	19	Там же. № 1015
78	/78 H3652	–"–	624	327/328	6.71	20	Там же. № 1015
79	/79 H3653	–"–	624	327/328	6.30	18	Там же. № 1037
80	/80 H3654	–"–	624	328/329	5.98	18	Там же. № 1040
81	/81 H3655	–"–	624	328/329	6.82	18	Там же. № 1045
82	/82 H3656	Пантикапей		49/48–21/20 гг.	6.34	19	Ср. Анохин, 1986. № 247

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории. М.: ИА РАН, 2017 (Фанагория. Результаты археологических исследований; т. 5). 748 с.

Абрамзон М.Г., Новичихин А.М., Сапрыкина И.А., Смекалова Т.Н. Третий Гай-Кодзорский клад позднебоспорских статеров. М.: ИА РАН, 2019. 344 с.

Абрамзон М.Г., Остапенко С.Н. Солид Юстиниана I из слоя пожара 6 в. в Фанагории // HYPANIS. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 1 / Отв. ред. В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин. М.: ИА РАН, 2019. С. 28–32.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I. (1834–2005 гг.). Симферополь; Керчь: Адеф-Україна, 2007–2008 (Боспорские исследования; suppl. 2). 872 с.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 184 с.

Атавин А.Г. Краснолаковая керамика IV–VI вв. н.э. из Фанагории // Боспорский сборник. Вып. 2. М.: ИА РАН, 1993. С. 149–171.

Виноградов А.Ю. Литературные источники // Античное наследие Кубани. Т. II / Ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 136–145.

Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 233–247.

Голенко К.В. Второй Патрэйский клад монет (1951 г.) // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М.: Наука, 1960. С. 223–289.

Голенко К.В., Сокольский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп // Нумизматика и эпиграфика. Т. VII. М.: Наука, 1968. С. 72–126.

Голофаст Л.А. Кухонная посуда западнобалканского производства в Северном Причерноморье // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXI. Симферополь: Соло-Рич, 2016. С. 120–134.

Голофаст Л.А. Амфоры VI в. с изображением меноры из Фанагории // Российская археология. 2021а. № 4. С. 53–64.

Голофаст Л.А. Фанагория 4–7 вв. по сведениям письменных источников и данным археологии // HYPANIS. Труды Отдела классической археологии ИА РАН. Т. 3. М.: ИА РАН, 2021б. С. 42–57.

Голофаст Л.А., Ольховский С.В. Комплекс керамики из подводного фундамента в акватории Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2 / Ред. А.А. Завойкин. М.: ИА РАН, 2016 (Фанагория; т. 4). С. 46–82.

Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р. Монетное дело боспорского царя Радамсада // Нумизматика и эпиграфика. Т. XV. М.: Наука, 1989. С. 53–96.

Кузнецов В.Д. Отчет об археологических раскопках Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2019 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной): в 7 томах // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 64843–64849.

Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский город Китей. Ч. II. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2016 (Боспорские исследования; suppl. 5). 452 с.

Николаева Э.Я. Поселение у д. Ильич // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 168. С. 88–93.

Паспорт монеты: 765-4472-5 [Электронный ресурс] // Монеты Боспора. URL: https://bosporan-kingdom.com/765-4472/5.html (дата обращения: 14.01.2022).

Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // Советская археология. 1989. № 4. С. 41–60.

Сазанов А.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс // Проблемы истории, филологии, культуры. 1999. Вып. VII. С. 167–223.

Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // Советская археология. 1989. № 1. С. 84–102.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Ч. II. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 536 с.

Фролова Н.А. Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 247–262.

Фролова Н.А., Николаева Э.Я. Ильичевский клад монет 1975 г. // Византийский временник. Т. 39. М.: Наука, 1978. С. 173–179.

Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф, 2012. 589 с.

Abramzon M. The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 Excavations at Phanagoria // Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos / Hrsg. N. Povalahev, V. Kuznetsov. Göttingen: Cuvillier Verlag Göttingen, 2011 (Altertümer Phanagoreias; 1). P. 251–274.

Bellinger A.R. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 1. Anastasius I to Maurice, 491–602. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1992. 384 p.

Hayes J.W. Late Roman Pottery. London: British School at Rome, 1972. 477 p.

Opaiţ A. Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th–6th centuries AD). Oxford: Archaeopress, 2004 (British archaeological reports. International series; 1274). 180 p.

Swan V. Dichin (Bulgaria): the Destruction Deposits and the Dating of Black Sea Amphorae in the 5th and 6th centuries // PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea: Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006 / Eds. D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili. Paris: De Boccard, 2009 (Varia Anatolica; XXI). P. 107–119.

A HOARD OF LATE BOSPORAN STATERS FROM THE SIXTH-CENTURY FIRE LAYER IN PHANAGORIA

Mikhail G. Abramzon[a, #], Sergey N. Ostapenko[b, ##]

[a] *Institute of Archaeology RAS, Moscow; Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*

[b] *"Fanagoria" State Historical and Archaeological Museum-Reserve, Sennoy, Krasnodar Territory, Russia*

[#] *E-mail: abramzon-m@mail.ru*

[##] *E-mail: osn-23@mail.ru*

The paper discusses a hoard of the Late Bosporan staters found in the sixth-century fire layer in Phanagoria. A purse with 82 coins was hidden in the neck of an Opaiţ B–1b type early medieval amphora. The hoard includes staters of Thothorses, Rhadamsades, and Rhescuporis VI, as well as a Panticapaean tetrachalkos by Asander's time. The fire layer is associated with the report of Procopius of Caesarea (Procop. Caes. De bell. VIII. 5.28) on the destruction of Phanagoria and Cepoi. The date of the disaster in Phanagoria and the concealment of the coin hoard is determined by the two main circumstances. The first one is the discovery of Justinian I's solidus of 545–565 Group together with Late Bosporan staters in a nearby building which met its end in the same fire. The second circumstance is the date of Procopius' completing Book VIII of his History of Wars, i.e., 554. Thus, Phanagoria and Cepoi were not destroyed before 545, nor it happened after 554. Accordingly, the hoard's deposition dates back to 545–554.

Keywords: Phanagoria, early Medieval period, Byzantine Empire, Justinian I, currency, coin hoards.

REFERENCES

Abramzon M., 2011. The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 Excavations at Phanagoria. Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos. N. Povalahev, V. Kuznetsov, eds. Göttingen: Cuvillier Verlag Göttingen, pp. 251–274. (Altertümer Phanagoreias, 1).

Abramzon M.G., Frolova N.A., 2007–2008. Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet [Corpus of Bosporan hoards of ancient coins], I. (1834–2005). Simferopol'; Kerch': Adef-Ukraïna. 872 p. (Bosporskie issledovaniya, supplement 2).

Abramzon M.G., Kuznetsov V.D., 2017. Klad pozdnebosporskikh staterov iz Fanagorii [The hoard of late Bosporan

staters from Phanagoria]. Moscow: IA RAN. 748 p. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy, 5).

Abramzon M.G., Novichikhin A.M., Saprykina I.A., Smekalova T.N., 2019. Tretiy Gay-Kodzorskiy klad pozdnebosporskikh staterov [The third hoard of late Bosporan staters from the Gai-Kodzor site]. Moscow: IA RAN. 344 p.

Abramzon M.G., Ostapenko S.N., 2019. A solidus of Justinian I from the 6th century fire layer in Phanagoria. HYPANIS. Trudy otdela klassicheskoy arkheologii IA RAN [HYPANIS. Proceedings of the Department of Classical Archaeology of the IA RAS], 1. V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 28–32. (In Russ.)

Anokhin V.A., 1986. Monetnoe delo Bospora [Coinage of the Bosporus]. Kiev: Naukova dumka. 184 p.

Atavin A.G., 1993. Red-slip pottery of the 4th–6th centuries AD from Phanagoria. Bosporskiy sbornik [Bosporan collection of papers], 2. Moscow: IA RAN, pp. 149–171. (In Russ.)

Aybabin A.I., 1999. Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma [Ethnic history of the early Byzantine Crimea]. Simferopol': DAR. 352 p.

Bellinger A.R., 1992. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, 1. Anastasius I to Maurice, 491–602. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies. 384 p.

Chkhaidze V.N., 2012. Fanagoriya v VI–X vekakh [Phanagoria in the 6th–10th centuries]. Moscow: Triumf. 589 p.

Frolova N.A., 1997. Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.) [Coinage of the Bosporus (mid 1st century BC – mid 4th century AD)], II. Moscow: Editorial URSS. 536 p.

Frolova N.A., 1998. The problem of continuity in the late ancient Bosporus in the light of numismatic data. Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History], 1, pp. 247–262. (In Russ.)

Frolova N.A., Nikolaeva E.Ya., 1978. The 1975 Ilyich hoard of coins. Vizantiyskiy vremennik [Byzantine chronicle], 39. Moscow: Nauka, pp. 173–179. (In Russ.)

Golenko K.V., 1960. The second Patreian hoard of coins (1951). Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy], I. Moscow: Nauka, pp. 223–289. (In Russ.)

Golenko K.V., Sokol'skiy N.I., 1968. The 1962 hoard from Cepoi. Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy], VII. Moscow: Nauka, pp. 72–126. (In Russ.)

Golofast L.A., 2016. Western Balkan kitchenware in the Northern Pontic. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria], XXI. Simferopol': Solo-Rich, pp. 120–134. (In Russ.)

Golofast L.A., 2021a. Sixth century amphorae with representations of menorah from Phanagoria. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 4, pp. 53–64. (In Russ.)

Golofast L.A., 2021б. The 4th–7th century Phanagoria based on written sources and archaeological data. HYPANIS. Trudy Otdela klassicheskoy arkheologii IA RAN [HYPANIS. Proceedings of the Department of Classical Archaeology of the IA RAS], 3. Moscow: IA RAN. C. 42–57. (In Russ.)

Golofast L.A., Ol'khovskiy S.V., 2016. Pottery complex from an underwater basement in Phanagoria offshore area. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on archaeology and history of Phanagoria], 2. A.A. Zavoykin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 46–82. (Fanagoriya, 4). (In Russ.)

Hayes J.W., 1972. Late Roman Pottery. London: British School at Rome. 477 p.

Isanchurin R.A., Isanchurin E.R., 1989. Coinage of the Bosporan King Rhadamsades. Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy], XV. Moscow: Nauka, pp. 53–96. (In Russ.)

Kuznetsov V.D. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Fanagoriyskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v Fanagorii v 2019 g. (Krasnodarskiy kray, Temryukskiy rayon, pos. Sennoy): v 7 tomakh [Report on the archaeological excavations of the Phanagoria expedition of the Institute of Archaeology RAS in Phanagoria in 2019 (Krasnodar Territory, Temryuk district, Sennoy settlement): in 7 volumes]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS], F-1, R-1, № 64843–64849.

Molev E.A., Moleva N.V., 2016. Bosporskiy gorod Kitey [The Bosporan town of Kitea], II. Simferopol'; Kerch': Solo-Rich. 452 p. (Bosporskie issledovaniya, supplement 5).

Nikolaeva E.Ya., 1981. A settlement near the village of Ilyich. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 168, pp. 88–93. (In Russ.)

Opaiţ A., 2004. Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th–6th centuries AD). Oxford: Archaeopress. 180 p. (British archaeological reports. International series, 1274). Coin profile: 765-4472-5 (Electronic source). Monety Bospora [Coins of the Bosporus]. URL: https://bosporan-kingdom.com/765-4472/5.html. (In Russ.)

Sazanov A.V., 1989. The Bosporan chronology in the Early Byzantine time. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 4, pp. 41–60. (In Russ.)

Sazanov A.V., 1999. Some preliminary data on the chronology of the Zeleny Mys settlement. Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of historical, philological and cultural studies], VII, pp. 167–223. (In Russ.)

Sazanov A.V., Ivashchenko Yu.F., 1989. On the dates of the late antiquity layers in the Bosporan cities. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 1, pp. 84–102. (In Russ.)

Swan V., 2009. Dichin (Bulgaria): the Destruction Deposits and the Dating of Black Sea Amphorae in the 5th and 6th centuries. PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea: Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006. D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili, eds. Paris: De Boccard, pp. 107–119. (Varia Anatolica, XXI).

Vinogradov A.Yu., 2010. Literary sources. Antichnoe nasledie Kubani [Classical heritage of the Kuban region], II. G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov, eds. Moscow: Nauka, pp. 136–145. (In Russ.)

Vinogradov Yu.G., 1998. The late ancient Bosporus and early Byzantium. Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History], 1, pp. 233–247. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 109–123

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА ОПОШНЯ

© 2022 г. В. В. Енуков*

Научно-исследовательский институт археологии юго-востока Руси,
Курский государственный университет, Курск, Россия
**E-mail: vyenukov@gmail.com*

Поступила в редакцию 26.04.2021 г.
После доработки 31.05.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

Городище Опошня занимает важное место в ряду древностей последней четверти I тыс. н.э. Днепровского левобережья ввиду того, что его уже традиционно помещают между волынцевским культурно-хронологическим горизонтом и роменской археологической культурой. Раскопками И.И. Ляпушкина, О.В. Сухобокова и С.П. Юренко изучена значительная часть памятника, на которой располагалось 23 жилища. В статье предпринимается попытка проведения реконструктивного анализа с целью воссоздания их облика, трактовка которого в историографии имеет небесспорный характер. Автор приходит к выводу, согласно которому для обитателей Опошни были характерны дома, состоявшие из неглубоких котлованов прямоугольной в плане формы, которые перекрывались срубом, имевшим бо́льшие размеры. Подобная схема занимала господствующее положение в домостроительстве носителей роменской культуры последующего времени.

Ключевые слова: Днепровское левобережье, сахновско-волынцевский горизонт, роменская культура, городище Опошня, домостроительство, графическая реконструкция, раннее средневековье.

DOI: 10.31857/S0869606322010044

Домостроительство – одно из самых консервативных проявлений материальной культуры, отражающих этнокультурные традиции, которые, впрочем, могли дополняться инновационными элементами в результате как опосредованного влияния, так и прямых миграционных импульсов. Историография проблемы реконструкции славяно-русского жилья весьма обширна, при этом особое место в ее решении занимают древности роменской и боршевской археологических культур. Во многом на их основе проходили проверку методы воссоздания облика построек. В 1931 г. П.А. Ефименко с опорой на материалы раскопок Большого Боршевского городища предположил, что “сеть сообщающихся между собой помещений” составляла своего рода улей (Ефименко, 1931. С. 7, 8). Предложенная интерпретация надолго утвердилась в литературе, причем она была перенесена и на памятники более обширной территории, включая роменский ареал (Рыбаков, 1939. С. 323; История культуры..., 1948. С. 204, 205; История русской архитектуры, 1951. С. 3; Третьяков, 1953а. С. 164; 1953б. С. 22, 23; Мавродин, 2002. С. 87–91). С ее критикой выступил И.И. Ляпушкин, который доказал индивидуальный характер жилищ (Ляпушкин, 1957) и предложил на примере результатов раскопок Новотроицкого городища варианты их реконструкции, фактически в виде землянок, впервые воплощенные в графике (Ляпушкин, 1958. С. 193–205. Рис. 109–114). В дальнейшем П.А. Раппопорт пришел к выводу о том, что стены домов могли возвышаться над уровнем земли (Раппопорт, 1975. С. 158, 159. Рис. 58, 59), однако и эта схема вызвала серьезные возражения. Г.В. Борисевич кратко выразил свою позицию в афористичной фразе, определяющей основной недостаток жилища – в нем невозможно жить. По его мнению, срубные стены дома были выше и ставились с отступом от котлована, что заметно увеличивало метрические параметры жилища (Борисевич, 1978. С. 282–284).

Идеи Г.В. Борисевича нашли свое воплощение в дальнейших исследованиях (Дьяченко, 1991; Григорьев, 2000. С. 81–100; 2005. С. 38–59). Важной вехой в решении вопросов реконструкции славяно-русских жилищ стали результаты изысканий Ю.Ю. Моргунова, который фактически сформулировал ее основные принципы (Моргунов, 2002; 2003. С. 117–131). В дальнейшем количество реконструктивных признаков увеличилось, они были сведены в единый комплекс и апробированы на конкретных примерах роменских и боршевских памятников (Енукова, 2003,

2005, 2011; Енуков, Енукова, 2012, 2014; Енуков, 2018). Полученные результаты получили обобщение в специальных разделах монографических исследований (Енукова, 2007. С. 21–57; Пуголовок, 2016. С. 193–217). В итоге господствующая схема роменского домостроительства стала выглядеть следующим образом: прямоугольный (в основном квадратный) котлован с облегченной обшивкой по бортам и печью в одном из углов перекрывался срубными стенами, поставленными с отступом от границ заглубленной части. Подчеркну, что речь идет о преобладающей схеме. Отклонения от нее известны (наземное расположение построек, каркасно-столбовая конструкция несущих стен, схема "сруб, впущенный в котлован", "добротная" облицовка бортов, иное местоположение печи), однако они редки.

В ряду древностей Днепровского левобережья особое место занимает городище, расположенное на территории поселка городского типа Опошня (Украина, Полтавская обл., Зеньковский р-н) на р. Псел. Памятник был введен в научный оборот В.Г. Ляскоронским (1907. С. 184, 185). В 1940 г. на его площадке первые стационарные изыскания провел И.И. Ляпушкин, в ходе которых открыто три жилища. Несмотря на небольшой объем материалов, именно на их основе исследователь впервые сформулировал свое видение славянского домостроительства. Позднее эта вербальная характеристика, к которой мы еще обратимся, нашла отражение в реконструкциях домов Новотроицкого городища. Опошня была отнесена к числу наиболее ранних памятников "роменско-боршевской" культуры (Ляпушкин, 1946). В 1957 г. работами И.И. Ляпушкина уже на значительной площади было открыто еще 11 жилищ (Ляпушкин, 1961. С. 258–304).

Изучение Опошни продолжили О.В. Сухобоков и С.П. Юренко. После проведения разведочных работ в 1974 г. в следующем сезоне исследованы оборонительные сооружения, а также центральная часть площадки с девятью жилищами. Они представляли собой каркасно-столбовую конструкцию, стены котлованов были облицованы горизонтально уложенными плахами, закрепленными вертикальными стояками. Авторы выразили свое полное согласие с предложенным И.И. Ляпушкиным вариантом облика жилищ Новотроицкого городища, приведя в качестве образца иллюстрации из его работы. Место Опошни в ряду древностей последней четверти I тыс. определялось следующим образом. С одной стороны, городище было более поздним по сравнению с волынцевскими памятниками, с другой – отражало переход от волынцевского этапа к роменскому в рамках единой культуры (Сухобоков, Юренко, 1992. С. 44–46, 60, 63. Рис. 19). В 2017 и 2018 г. небольшие раскопки на памятнике проведены Ю.А. Пуголовком, при этом на исследованной площади жилища отсутствовали (Пуголовок, 2018, 2020).

Мысль о специфическом месте Опошни в культурно-хронологической колонке древностей Днепровского левобережья сохраняется и в дальнейшем. Так, А.В. Комар выделяет Опошнянский горизонт (вторая четверть IX в.), который занимает промежуточное положение между Битицким (775–825 гг.), маркирующим финал волынцевской культуры, и Новотроицким (вторая–третья четверть IX в.) горизонтами, причем последний расценивается как первый этап собственно роменской культуры. Относительно домостроительства Новотроицкого горизонта автор высказывается следующим образом: "... наблюдается резкое падение процента плетнево-глинобитных стен жилищ, доминирующей становится обшивка стен плахами" (Комар, 2012. С. 146–151). Отсюда следует, что у обитателей Опошни была распространена плетнево-глинобитная строительная техника, что, однако, не подтверждено конкретными аргументами. Судя по всему, это мнение восходит к выводам Д.Т. Березовца, который в числе трех типов стен жилищ Волынцевского поселения наряду со срубами и обкладкой бортов котлована плахами выделял конструкцию из кольев, переплетенных лозой и обмазанных глиной (Березовець, 1969. С. 35, 36).

С.П. Юренко попыталась определить соотношение между ними: плетневые стены, которые расцениваются как вариант каркасно-столбовых, преобладали, с использованием такой техники было возведено 54.7% всех жилищ памятника (Юренко, 1990. С. 65). Ранее на основе анализа ряда волынцевских памятников, а также материалов Опошнянского и Новотроицкого городищ сделан вывод о безраздельном господстве "столбовой конструкции" при крайне редком использовании срубной техники (Юренко, 1984. С. 35. Табл. 1). Интересно отметить, что Д.Т. Березовец, характеризуя тип оформления стенок котлована с обкладками из плах (также каркасно-столбовой по С.П. Юренко), писал: "Про наземну частину таких конструкцій нічого сказати не можна" (Березовець, 1969. С. 36). Наконец, Ю.А. Пуголовок, обращаясь к материалам Опошни, на примере жилища 4С указывал на наличие признаков постановки срубных стен с отступом от котлована (Пуголовок, 2016. С. 244, 245).

В результате трактовка домостроительных схем Опошни несет определенные противоречия. Памятник относится к числу наиболее изученных на территории Днепровского левобережья: при площади 0.8 га[1] исследовано около двух ее третей.

[1] Восточная и северо-восточная стороны памятника пострадали при добыче глины, поэтому его изначальная площадь была несколько больше.

Городище Опошня. Жилища (по: Ляпушкин, 1946, 1961; Сухобоков, Юренко, 1992)
The fortified settlement of Oposhnya. Dwelling structures (after Lyapushkin, 1946, 1961; Sukhobokov, Yurenko, 1992)

№ п/п	Жилище	Размеры котлована, м	Площадь котлована, м² S	Глубина котлована, м	Количество ямок у бортов котлована	Вход	Материковые выступы в котловане	Хозяйственные ямы (количество)
1	9С	3.3–3.45 × 2.55–2.9	9	0.85	0		+	
2	1Л	3.1–3.2 × 3.3	10	0.5–0.7	2			1
3	6Л	2.8 × 2.9	8	0.7	2			
4	7Л	3 × 2.7	8	0.8	2			
5	12Л	3.45 × 3.5	12	0.75	2			1
6	5С	3.7 × 3.6–4	14	0.8	2		+	
7	10Л	3.65 × 3.45	12	0.65–0.85	3			
8	13Л	3 × 3.1	9	0.4–0.85	3			
9	14Л	3.15 × 3.4	10		3			
10	4С	3.4–4.3 × 2.85–3.3	11	0.9	3		+	
11	11С	3.3–4 × 4.1–4.2	15	0.78	3			
12	2Л	3.6 × 4	14	0.7–0.75	4			
13	4Л	3.65–3.75 × 3.5–3.8	13	0.85	4			
14	2С	4.7–5.2 × 4–4.2	20	1	4			1
15	6С	3.05–3.35 × 2.85–3.4	10	1.2	4			
16	8С	3.6 × 3.5	12	0.3–0.6	4		+	
17	10С	4 × 4.2	16	0.8	4	+		
18	8Л	3.2–3.35 × 3.35	11	0.7	5			
19	11Л	4.4 × 4	17	0.7–0.8	5			
20	3Л	3.3 × 3.4	11	0.65–0.75	6			2
21	1С	3.8 × 4.1	15	0.5	8	+	+	
22	9Л	3.2 × 3.1	9	0.75–0.85	9		+	
23	5Л	4.5–4.8 × 5.5	25	0.8	9			

Открыто в общей сложности 23 жилища[2], при этом случаи перекрытия друг другом не отмечены, что делает вывод о кратковременности существования поселка, к которому пришел еще И.И. Ляпушкин в начале своих исследований, практически неоспоримым (рис. 1). Зафиксированные во всех сооружениях следы пожара иллюстрируют его финал. Эти особенности памятника наряду с репрезентативностью материалов позволяют расценивать Опошню как прекрасный полигон для проведения реконструктивного анализа домостроительства.

Все дома были прослежены по котлованам прямоугольной в плане формы, которая обычно приближалась к квадратной. Их площадь невелика: в 12 случаях она не превышает 12 м² (таблица). Самые крупные – котлованы жилища 5Л[3] (26 м²) и 2С (20 м²). Их глубина в среднем составляла 0.7–0.8 м.

Основанием для вывода о каркасно-столбовой конструкции стен послужило главным образом наличие столбовых ямок вдоль стен. Действительно, следы вертикальных стоек обнаружены почти во всех домах Опошни, за исключением

[2] На рис. 1 присутствует 26 построек, однако жилищами из них являются только 23, так как помещения 3, 7 и 12 из раскопок О.В. Сухобокова и С.П. Юренко имели хозяйственное назначение.

[3] В тексте и таблице использованы следующие обозначения: после номера жилища литера Л – раскопки И.И. Ляпушкина, литера С – раскопки О.В. Сухобокова и С.П. Юренко.

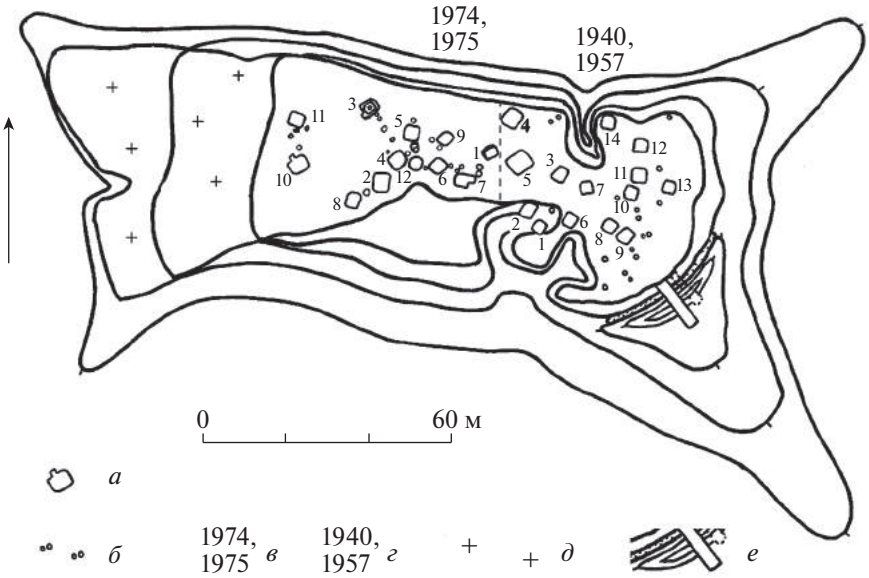


Рис. 1. Городище Опошня. План (по: Пуголовок, 2018). Условные обозначения: *а* – постройки; *б* – хозяйственные ямы; *в* – раскопки И.И. Ляпушкина в 1940 и 1957 г.; *г* – раскопки О.В. Сухобокова в 1974 и 1975 г.; *д* – современное кладбище; *е* – котлованы разрезов укреплений.

Fig. 1. The fortified settlement of Oposhnya. A plan view (after Pugolovok, 2018)

жилища 9С (таблица; рис. 2А, *1*)[4]. Однако этот признак "работает" только с учетом определенных условий. Классический вариант каркасно-столбовой схемы – забирка, которая в идеальном виде предполагает восемь вертикальных опор: четыре по углам котлована и четыре по центру его стенок. В их пазы вставляются горизонтальные плахи с затесами-"гребнями" по торцам. Необходимость центральных стоек объясняется тем, что в Опошне стенки котлована обычно имели длину 3 м и более. Горизонтальные плахи вряд ли могли обладать такими размерами, не ослабляя общей конструкции дома, рассчитанного на круглогодичное проживание, что предполагает определенную, не менее 20 см, толщину стен. Теоретически в котлованах меньших размеров количество стоек могло сокращаться вплоть до использования только самых значимых – угловых, однако малая, до 9 м^2, площадь является, хотя и условным, но, тем не менее, одним из признаков несущих стен жилища, поставленных с отступом от заглубленной части (Енукова, 2007. С. 25). В Опошне она отмечена в трех случаях (таблица).

В подавляющем большинстве жилищ Опошни (19 построек) количество столбовых ямок было меньше, нежели требовалось для "полного" комплекта забирки, и колебалось от 2 до 6 (таблица; рис. 2А, *2–9*; Б; В, *1–3*). В их расположении зачастую отсутствует система, причем пропуски приходятся на углы котлована. Пример такого рода – жилище 2Л, в котором обнаружено четыре "нерегулярно" размещенных ямки, из них две обладали неприемлемым для каркаса малым диаметром. Дополнение к ним – небрежно "разбросанные" следы от кольев (рис. 2Б, *3*). Похожая картина наблюдается в жилище 3Л, где формально выявлено шесть ямок, но только две из них по своим размерам могли играть роль вертикальных стоек каркасно-столбовой конструкции (рис. 2Б, *8*). Заметный интерес представляет жилище 9Л, в котловане которого выявлено девять ямок. Это количество даже превышает "идеальный" для каркаса набор. Однако при этом наблюдается заметное сходство с указанными выше постройками, а именно отсутствие системности в расположении ямок, пропуски в узловых местах и малый диаметр части рассматриваемых элементов (рис. 2В, *3*).

Во многих постройках Опошни отмечались рухнувшие, как правило, обгоревшие деревянные конструкции, которые образовывали разные по размерам скопления обломков. Тем не менее в ряде случаев сохранились детали в первоначаль-

[4] В описаниях жилищ О.В. Сухобокова и С.П. Юренко при указании количества ямок имеются различия между текстом и чертежами. В этих случаях за основу брались сведения последних. Учитывались только следы столбов, которые располагались у стенок котлованов и бесспорно служили конструктивными элементами, тогда как остальные, судя по всему, были связаны с "мебелью". В публикации также присутствуют отдельные, зачастую непринципиальные, неточности в стыковке разрезов с планами, которые, соответственно, имеются и на представленных в настоящей статье иллюстрациях.

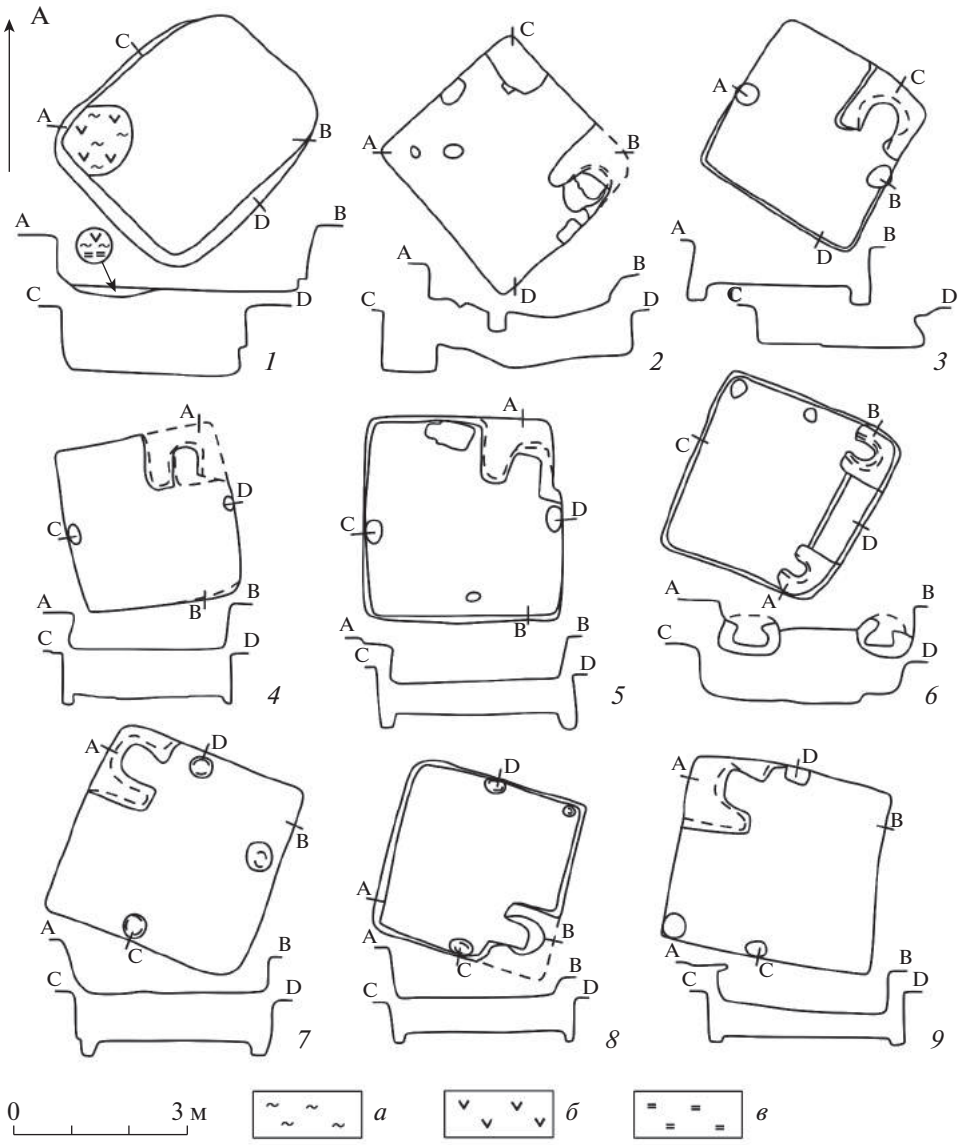


Рис. 2. Городище Опошня. Планы и разрезы жилищ (по: Ляпушкин, 1961; Сухобоков, Юренко, 1992). А: *1* – 9С; *2* – 1Л; *3* – 6Л; *4* – 7Л; *5* – 12Л; *6* – 5С; *7* – 10Л; *8* – 13Л; *9* – 14Л; Б: *1* – 4С; *2* – 11С; *3* – 2Л; *4* – 4Л; *5* – 6С; *6* – 8С; *7* – 10С; *8* – 3Л; *9* – 8Л; В: *1* – 2С; *2* – 11Л; *3* – 9Л; *4* – 5Л; *5* – 1С. Условные обозначения: *а* – зола; *б* – угли; *в* – обожженная глина (очаг).

Fig. 2. The fortified settlement of Oposhnya. Plans and sections of dwelling structures, A–B (after Lyapushkin, 1961; Sukhobokov, Yurenko, 1992)

ном или близком к нему положении. Обратимся к сооружениям, в которых наблюдается количественная “некомплектность” столбовых ямок наряду с отсутствием системы в их расположении и существенными пропусками (жилища 1Л, 2Л, 4Л, 6Л–8Л, 10Л–14Л, 2С, 4С–6С, 8С, 10С, 11С), присовокупив к ним обладающее сходными чертами уже упоминавшееся жилище 9Л (всего 20 объектов). Наличие в их конструкциях вертикальных элементов сомнений не вызывает. Этот факт подтверждается нередко встречающимися остатками дерева, как в самих ямках, так и над ними. Вдоль бортов котлованов зафиксированы и горизонтальные детали, которые описываются чаще всего как горелые плахи, реже – углистые линзы или горелое дерево (жилища 4Л, 6Л, 8Л–10Л, 14Л)[5]. На полу вдоль стен жилища 4С прослеживались следы древесного тлена в виде тонкой (3 см) прослойки бурого цвета (Сухобоков, Юренко, 1992. С. 18). Лучше всего остатки конструкции сохра-

[5] Чертежи с горизонтами горелого дерева, приведенные И.И. Ляпушкиным, представлены на рис. 2Б. Они дополняются описанием интересующих нас деталей в тексте (Ляпушкин, 1961. С. 276–280, 282, 285, 287).

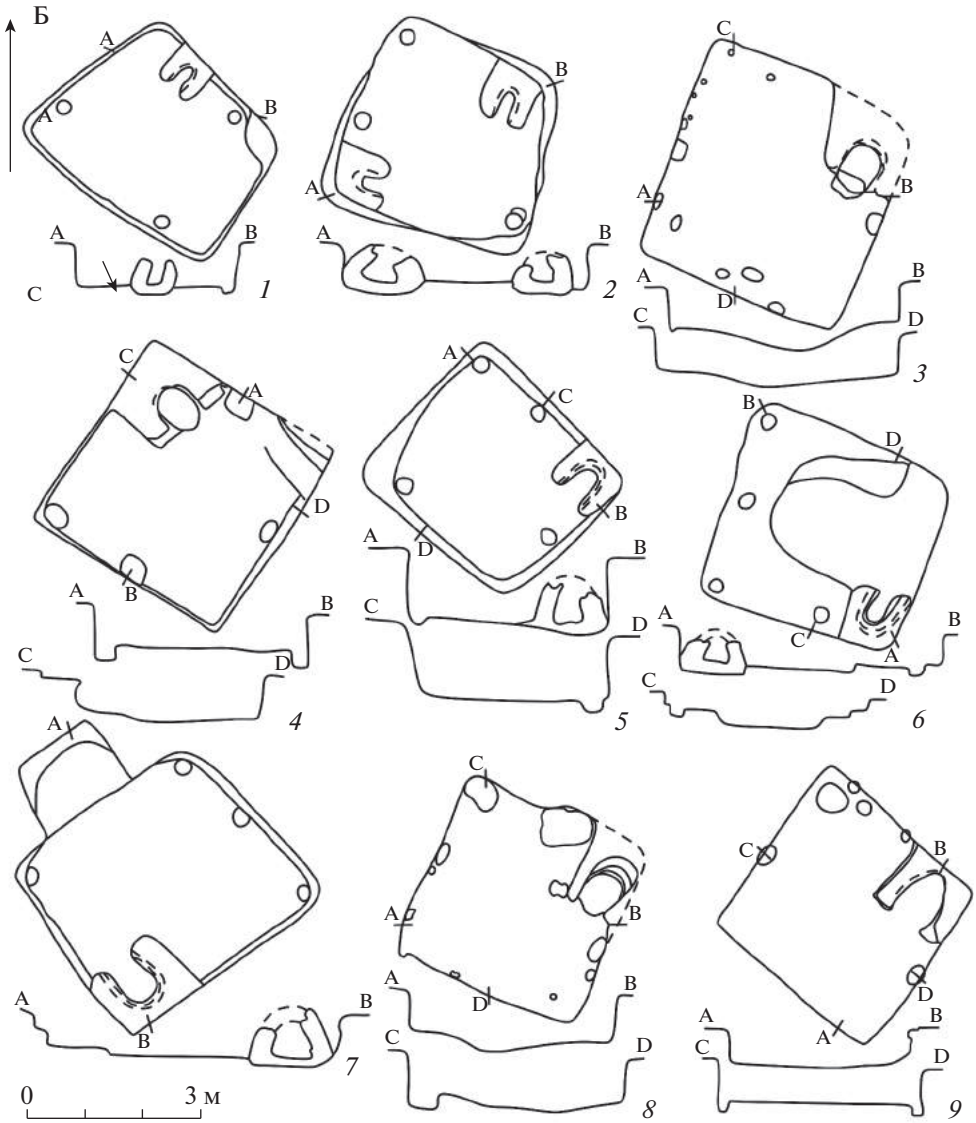


Рис. 2. Продолжение.
Fig. 2. Continued

нились в жилище 12Л (рис. 3, *5*): ряд горелых плах располагался непосредственно вдоль стен, “причем плахи лежали на ребре (облицовка)” (Ляпушкин, 1961. С. 294). Такая картина в сочетании с некомплектностью и бессистемностью в расположении ямок более всего соответствует использованию приема “неаккуратного” заклада, суть которого сводится к следующему: вертикальные стойки прижимают горизонтально расположенные плахи или доски к стенкам котлована. Подпорная по сути конструкция была только облицовкой заглубленной части постройки и не могла служить основанием несущих стен и возвышаться над землей. Именно это положение стало одним из весомых возражений Г.В. Борисевича против построений П.А. Раппопорта (Борисевич, 1978. С. 284). Вполне вероятно, на отдельных участках бортов котлована обшивка вообще могла отсутствовать, что было оправдано ввиду плотного материка, представленного глиной. В пользу такого варианта также свидетельствуют малое количество ямок в значительной части сооружений, особенно пропуски в узловых точках.

Вывод об облегченном характере облицовки подкрепляется и другими наблюдениями. Показательны отопительные устройства, которые в Опошне в большинстве случаев создавались одновременно с сооружением котлована в материковом останце. Печи, как правило, занимали один из углов котлована (рис. 2А, *2–5, 7–9*; Б, *2–9*; В, *1, 3*), только в одном случае примыкая к его борту (рис. 2Б, *1*). В двух жилищах имелось по па-

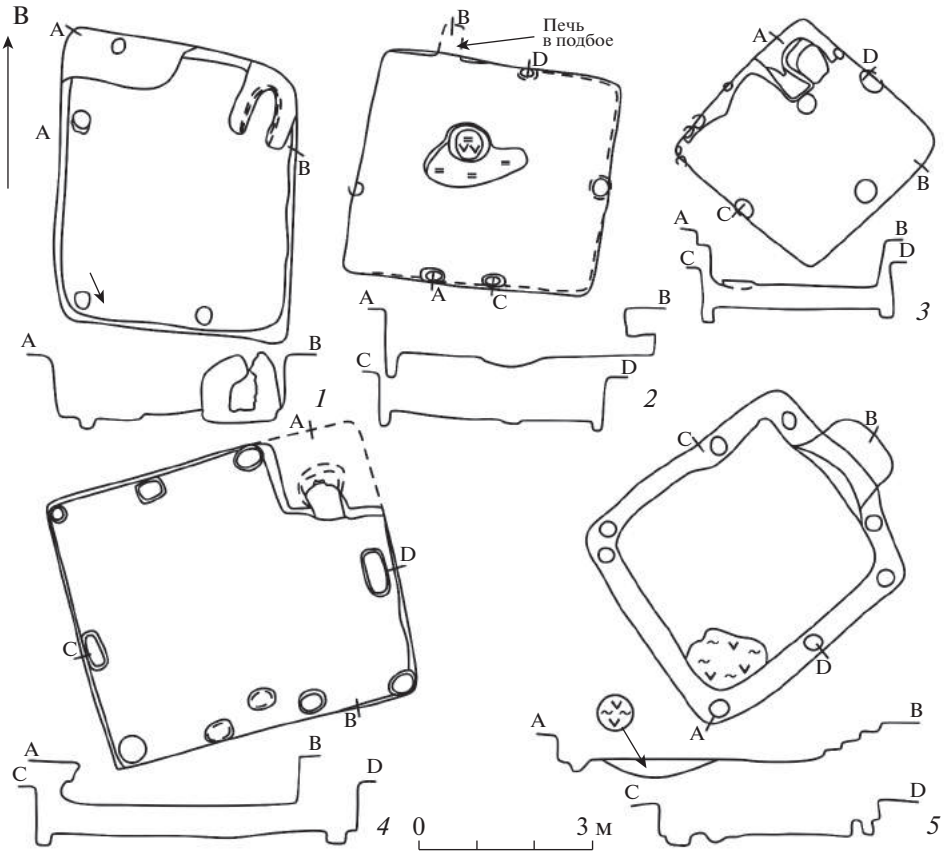


Рис. 2. Окончание.
Fig. 2. Ending

ре таких отопительных сооружений (рис. 2А, *6*; Б, *2*). Подобное оформление интерьера помещения не давало возможности замкнуть контур обшивки. Лишнее доказательство "разрыва" на этих участках – отсутствие следов столбовых опор в углах за останцами печей. В свою очередь отопительные сооружения, примыкающие к бортам котлована, расцениваются в качестве признака несущих стен, поставленных с отступом от него (Моргунов, 2002. С. 59, 63; Енукова, 2007. С. 23). Существование "разрывов" в облицовке в некоторых случаях подтверждается хозяйственными ямами, расположенными по углам котлованов или у центра одной из стен (жилища 1Л, 3Л, 12Л, 2С) (рис. 2А, *2, 5*; Б, *8*; В, *1*).

Возвращаясь к отопительным сооружениям, отмечу, что в Опошне отклонения от "стандарта" немногочисленны. В жилищах 1С (рис. 2В, *5*) и 9С (рис. 2А, *1*) использовались очаги. В жилищах 11Л (рис. 2В, *2*) и 13Л (рис. 2А, *8*) они дополняли основной источник тепла, причем в первом случае он был представлен печью в подбое, которая прорезала северный борт котлована и также не давала замкнуть периметр обшивки. Очаги и "камины" известны в волынцевских жилищах, в том числе на эпонимном поселении в урочище Стан и на Битицком городище, однако встречаются они несравненно реже угловых печей с преобладанием в числе последних останцовых отопительных устройств над глинобитными (Юренко, 1984. С. 38, 39. Табл. 1; Сухобоков, 1999. Рис. 2). Такое соотношение характерно и для Опошни с той лишь разницей, что здесь почти все печи оформлены в останцах. Скорее всего, это объясняется уже отмечавшимся грунтом материка: формовка глинобитной печи из аналогичного, но принесенного грунта, просто не требовалась. В результате есть основания полагать, что обычай использования в отдельных постройках Опошни нетипичных отопительных сооружений восходит к практике предшествующего населения.

Рядом с котлованами жилищ столбовые ямки ни разу не отмечались, поэтому единственный вариант конструкции несущих стен – сруб, поставленный с отступом от заглубленной части постройки. Это решение, предложенное в ходе дискуссии Г.В. Борисевичем (1978. С. 284, 285), в последующем было поддержано и развито рядом исследователей (Моргунов, 2002. С. 60, 61; 2003. С. 122–124; Енукова, 2007. С. 22–25, 30–57; 2011;

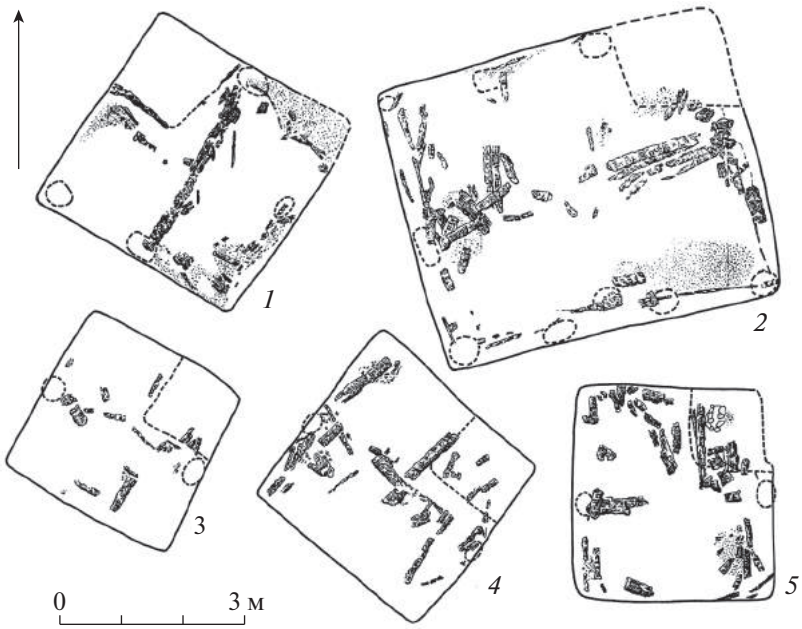


Рис. 3. Городище Опошня. Планы жилищ с остатками горелого дерева (по: Ляпушкин, 1961). *1* – 4Л; *2* – 5Л; *3* – 6Л; *4* – 8Л; *5* – 12Л.

Fig. 3. The fortified settlement of Oposhnya. Plans of dwelling structures with the remains of burnt wood (after Lyapushkin, 1961)

Пуголовок, 2016. С. 193–202). Не противоречит этому и рельеф городища. При возведении срубов идеальна горизонтальная строительная площадка. В Опошне перепады высот по сторонам котлованов сравнительно невелики и могли легко исправляться "стульями" или "подвалинами". Кроме того, выровненная строительная площадка могла полностью или частично "врезаться" в почвенный слой, в связи с чем ее было сложно проследить (Енукова, 2007. С. 25. Рис. 13). Постройки располагались на расстоянии друг от друга, что также позволяло возводить стены с отступом от котлованов[6]. Имеются немногочисленные случаи, когда неподалеку от них размещались хозяйственные ямы, но "зазоры" позволяли поставить сруб. Единственное исключение – жилище 2С, к юго-западной части котлована которого примыкает округлая в плане яма 22 (Сухобоков, Юренко, 1992. Рис. 7). Вероятнее всего, закладной венец этой стороны сруба не нес нагрузки.

На фоне уже рассмотренных домов выделяются две постройки. В жилище 5Л выявлена система столбовых ямок, приближавшаяся по количеству к полному набору каркасно-столбовой конструкции при отчетливо прослеженной системе в их расположении (рис. 2В, *4*). Однако, как и в предыдущих случаях, контур имел "разрыв" на месте останцовой печи, причем угловая ямка здесь также отсутствовала. Невозможность замкнуть контур котлована заставляет предположить, что и здесь мы имеем дело не с основанием несущих стен, а только с облицовкой бортов, которая, однако, была выполнена добротно и основательно. Вполне вероятно, это диктовалось большой площадью котлована (26 м^2), в Опошне более не отмеченной. В пользу такого, что и здесь использовался прием заклада, имеется дополнительный и весомый аргумент. В жилище зафиксированы многочисленные обломки рухнувших конструкций, при этом ее отдельные и важные для решения наших задач элементы сохранились *in situ*. Так, в восточном углу обнаружены остатки сгоревшего вертикального столба, от которого "впритык к стене... тянется горелая доска шири-

[6] В статье использован сводный план исследованных объектов (рис. 1) из работы Ю.А. Пуголовка, который был явно подготовлен на основе опубликованного О.В. Сухобоковым и С.П. Юренко чертежа с весьма некачественной полиграфией. В результате может сложиться впечатление, что срубам с отступами от котлована просто негде было расположиться. Однако на плане расстояние между постройками носят несколько условный характер ввиду определенной доли схематичности при локализации на нем объектов, при этом уже сама толщина линий "съедает" часть "зазоров". Например, жилища 10Л и 11Л выглядят как расположенные рядом, однако по чертежу И.И. Ляпушкина "разрыв" между ними составляет более 2 м (1961. Рис. 122). Реально только в трех случаях жилища находились на отрезках около 1 м (даже несколько больше) друг от друга: это пары 1Л–2Л, 8Л–9Л, 4С–12С. Однако этих промежутков достаточно для расположения домов с "усредненным" отступом (0.3–0.5 м), тем более что две параллельных стороны закладного венца сруба имели практически ненесущий характер, поэтому отступ от одной или даже двух границ котлована при наличии какой-либо необходимости мог быть уменьшен либо вообще отсутствовать.

ной около 0.20 м, длиной более 2 м" (Ляпушкин, 1961. С. 280). Горизонтальные детали забирки, судя по расстоянию между ямками, не могли превышать 1.3 м, поэтому представленное описание полностью соответствует технике заклада.

В котловане жилища 1С также присутствует определенная система в расположении ямок, хотя заметно менее строгая, нежели в предыдущем случае (рис. 2В, *5*). Можно, конечно, предположить, что отсутствие столбовой ямки в центре у юго-западной стенки объясняется простой случайностью, однако против каркасно-столбовой конструкции свидетельствует примыкающий с северо-востока ступенчатый вход. Выступающие за пределы заглубленной части жилища элементы интерьера относятся к числу признаков стен, поставленных с отступом (Енукова, 2007. С. 23), что вполне понятно – ибо при атмосферных осадках такой "коридор" мог превратиться в ложе для стока воды. Фактически на этот участок котлована приходился еще один "разрыв" периметра конструкции, будь то облицовка бортов или возможные несущие стены. И здесь привлекают внимание некоторые метрические характеристики: сам вход, прорезавший борт, был широким (около 1.5 м), а расстояние между ямками по его сторонам, которые могли играть роль косяков, доходило до 2 м. Ширину дверных проемов в срубных домах можно установить только по материалам раскопок в условиях мокрого слоя древнерусских городов, где она редко достигала 1 м (Харламов, 1976. Рис. 5; Толочко, 1981. С. 84. Рис. 11; Лысенко, 1985. Табл. 26). Показательно, что порог чаще всего врубался в 3–4-й венец при высоте дверного полотна менее 1.5 м. Другими словами, все было направлено на максимальное сохранение тепла и предотвращение попадания атмосферных осадков внутрь помещения. Вряд ли эти требования не соблюдались в предшествующее время. Это наблюдение вкупе с нарушениями в системности расположения столбовых ямок ("разрывы", смещение ямки в северном углу, две ямки в западном углу) указывают на то, что и здесь, скорее всего, использовался заклад, однако в более прочном исполнении.

В Опошне, как уже отмечалось, только в единственном жилище 9С отсутствовали столбовые ямки (рис. 2А, *1*), что нередко расценивается как посыл, позволяющий предположить использование строительной схемы "сруб, впущенный в котлован". Однако против этого – малая площадь котлована (9 м^2), который, кроме того, имел не совсем правильную форму со скругленными углами. Это особенно заметно в его северо-восточной части, в силу чего вписать в него сруб было очень сложно, а при попытке сделать это его внутренняя площадь уменьшилась бы до невозможных для проживания размеров. Противоречит этому и отопительное сооружение в виде очага, занимавшее западный угол котлована. Похоже, в этой постройке вообще отсутствовала обшивка бортов. Попутно отмечу, что в остальных жилищах Опошни даже теоретически сложно представить возведение срубов в котлованах.

Против этого свидетельствуют не только столбовые ямки, но и примыкающие к бортам отопительные сооружения и хозяйственные ямы, остатки *in situ* деревянных деталей, а также материковые останцы. Последние О.В. Сухобоков и С.П. Юренко наряду с печами расценивали в качестве не менее важной части интерьера и определяли как "лежанки" или "верстаки" (Сухобоков, Юренко, 1992. С. 46). Под такую трактовку подходит возвышение в жилище 5С (рис. 2А, *6*). С определенной долей осторожности к "мебели" можно отнести небольшой выступ, занимавший восточный угол котлована жилища 4С (рис. 2Б, *1*). Но в остальных случаях назначение таких элементов определить сложно. Так, останец у северо-западной стенки в котловане жилища 9Л имел незначительные размеры, причем по его границе с бортом были вбиты колья (рис. 2В, *3*). Стоит отметить, что они были как бы "утоплены" в стенку, поэтому никак не могут соотноситься с плетнем. Вероятно, таким образом был просто укреплен (и довольно грубо) разрушающийся вертикальный участок постройки. В жилище 8С вдоль трех стенок шел широкий П-образный уступ (рис. 2Б, *6*). Еще в двух сооружениях по бортам отмечены небольшие ступеньки: в жилище 9С – вдоль трех сторон (рис. 2А, *1*), 1С – вдоль четырех (рис. 2В, *5*).

Надо признать, что анализ остатков жилищ Опошни дает только общее представление об облике их наземных частей. Если характер оформления дверей можно гипотетически представить на основании материалов раскопок в условиях мокрого слоя, то какие-либо данные относительно их расположения, за исключением жилищ 1С и 10С, где были зафиксированы входы, отсутствуют. Еще более проблематична реконструкция кровли. В первой публикации материалов Опошни И.И. Ляпушкин на основе трех раскопанных в 1940 г. жилищ 1С–3С предположил, что они были покрыты двухскатными крышами, опиравшимися, с одной стороны, на борта ям, а с другой – на переклады, проходящие через середину землянок с северо-запада на юго-восток. Гипотезу, согласно которой "переклад" опирался на "столбы-сохи", исследователь аргументировал "расположением рухнувших обожженных "бревен (слег)" в жилище 1С, которые "...лежали параллельно Ю-В и С-З стенам. Вместе со столбами-сохами они составляли каркас этого покрытия" (Ляпушкин, 1946. С. 119, 120). Правда, в новотроицких реконструкциях крыша стала уже трехскатной (Ляпушкин, 1958. Рис. 109–114). Позднее И.И. Ляпушкин, публикуя материалы раскопок Опошни

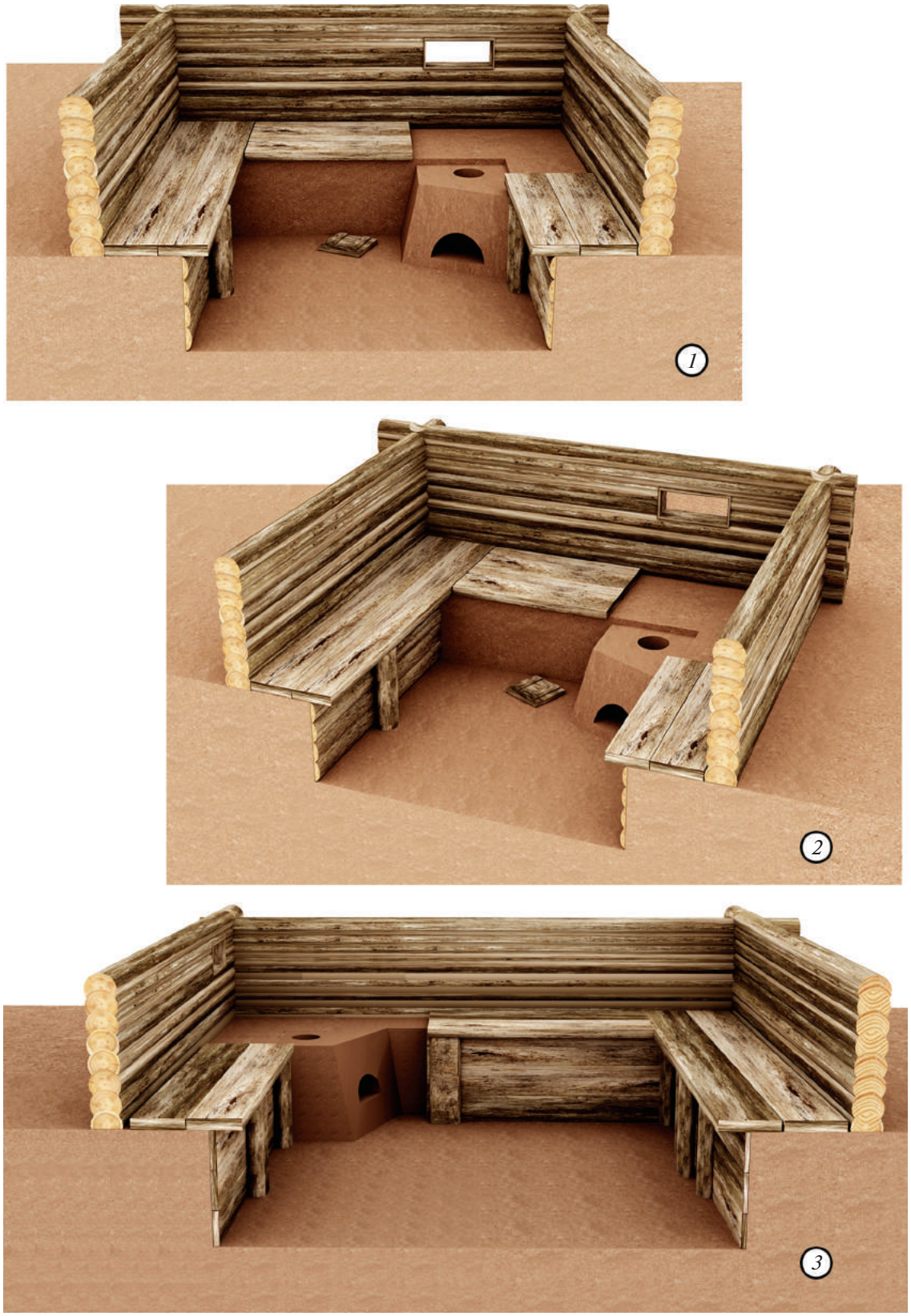


Рис. 4. Городище Опошня. Реконструкция жилищ. *1* – 12Л, вид с юга; *2* – 12Л, вид с юго-востока; *3* – 5Л, вид с юго-запада-запада. Компьютерная обработка Е.А. Озеровой.

Fig. 4. The fortified settlement of Oposhnya. Reconstruction of dwelling structures. Computer processing by E.A. Ozerova

1957 г., практически не касался конструкции домов, однако явно особое внимание при описании остатков дерева уделял находкам бревен или их фрагментов, пересекавших в ряде случаев центральную часть котлованов (жилища 4Л–6Л, 8Л, 12Л; см. рис. 3). Тем не менее упоминание рухнувших "перекладов" предполагает принятую им ранее схему кровли (Ляпушкин, 1961. С. 276, 280–282).

Однако в представленных описаниях можно усмотреть и коньковое бревно, и матицу – опорную балку потолка или стропильной системы. Против использования сох имеется и соображение утилитарного характера: при срубной конструкции в таком элементе просто не было необходимости. Не настаивая из-за отсутствия информации на каком-либо варианте решения вопроса, можно только осторожно предположить, что крыша все-таки была двухскатной ввиду простоты ее возведения.

Основные результаты реконструктивного анализа представлены на примере жилища 12Л (рис. 4, *1, 2*), что объясняется следующими причинами. Облегченная обшивка котлована, характерная для подавляющего большинства домов Опошни, в этой постройке имеет свое почти крайнее проявление: присутствуют всего две ямки от вертикальных стоек, примыкающих к западному и восточному бортам (рис. 2А, *5*). Требуется пояснение оформления южного борта, который на рисунке остался "за кадром". Обнаруженная здесь ямка никак не могла быть связана с обшивкой в силу того, что она располагается на расстоянии от стенки котлована (рис. 2А, *5*). Судя по всему, она представляла собой след "ноги", на которую опирался край деревянного покрытия "лавы". Тем не менее на этой стенке котлована зафиксированы остатки дерева, причем, как отмечал И.И. Ляпушкин, помещенные на ребро горелые плахи здесь сохранились особенно хорошо (Ляпушкин, 1961. С. 294).

Похоже, в данном случае был использован прием расклинивания: горизонтальные элементы упирались своими торцами в обшивку восточного и западного бортов, которая в свою очередь удерживалась толстыми стойками в центральных частях котлована. Существование такой на первый взгляд необычной техники надежно зафиксировано археологически (Енукова, 2007. С. 24. Рис. 92, 93). Теоретически северный борт котлована мог быть защищен от разрушения также путем расклинивания плах, однако в этом случае восточные их торцы упирались бы в глиняную стенку печи, что маловероятно. Относительно величины отступа срубных стен от границ заглубленной части постройки: Ю.Ю. Моргунов не пытался ее определить, однако полагал, хотя и с большой долей осторожности, что такая планиграфия жилища увеличивала его площадь на 25%, в основу чего был положен пример постройки С-6 Сампсониева Острова с отмеченным отступом в 0.3–0.5 м (Моргунов, 2002. С. 61, 62; 2003. С. 124–126). О.Н. Енукова, обобщив все известные ей случаи фиксации этого параметра, пришла к выводу, что его минимальное значение составляло около полуметра, хотя в конкретных ситуациях он мог заметно колебаться (Енукова, 2007. С. 23, 24). Стоит отметить, что применительно к роменским постройкам "усредненный" отступ корректнее определить в пределах 0.3–0.5 м, что следует из представленного графика (Енукова, 2007. Рис. 62). Эта величина и была использована в реконструкциях.

В качестве образца дома с добротной и прочной облицовкой котлована использовано жилище 5Л (рис. 4, *3*), что вряд ли требует специальных пояснений, кроме одного: на некотором расстоянии от южной стенки была обнаружена столбовая ямка, явно не вписывающаяся в конструкцию обшивки. Судя по всему, как и в случае с предыдущей постройкой, она представляла собой дополнительную опору настила "лавы", что позволяло сделать увеличенный выступ его края. Заметно выдвинутый "козырек" отображен и у "лавы" противоположной стороны, что вполне позволяли мощные и регулярно расположенные вертикальные стойки облицовки. Впрочем, это допущение никоим образом не сказывается на общей схеме постройки. Интересно, что в обоих маркерных объектах передние стенки печей были немного повернуты к центру, что, видимо, объясняется бóльшим удобством доступа к устью топочной камеры.

Таким образом, домостроительство обитателей Опошни, занимавшей в культурно-хронологическом отношении переходное положение, не отличается от схем, распространенных в последующем в роменской культуре. Показателен факт его полного совпадения с конструктивными решениями населения Новотроицкого городища (Енуков, 2018), которое хронологически стыкуется с Опошней или приближается к ней. Впрочем, жителей последней нельзя считать создателями новой строительной традиции, господство которой отмечается уже на сахновско-волынцевских памятниках (Енуков, 2021).

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 29-09-00041.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березовець Д.Т. Сіверяни (перед утворенням Київської держави): кандидатська дисертація на здобуття ступеня кандидата історичних наук // Архів Інституту археології Національної академії наук України. 1969. Р-2. № 2032.

Борисевич Г.В. Рец. на кн.: Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. САИ, вып. Е1-31. Л., 1975 // Советская археология. 1978 . № 4. С. 282–288.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°, 2000 (Труды Тульской археологической экспедиции; вып. 2). 264 с.

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула: Репроникс, 2005. 207 с.

Дьяченко А.Г. О характере жилищно-хозяйственной архитектуры и планировке Донецкого городища в IX – начале XI в. // Археология славянского юго-востока: материалы к межвуз. науч. конф. / Ред. А.Г. Дьяченко. Воронеж: Воронежский пед. ин-т, 1991. С. 37–43.

Енуков В.В. Домостроительство жителей Новотроицкого городища: основные принципы [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 4 (48). URL: http://scientific-notes.ru/#new-number?id=53 (дата обращения 03.04.2021).

Енуков В.В. О ведущих тенденциях в домостроительстве сахновско-волынцевского населения // Археологическое наследие. 2021. № 1 (4). С. 160–180.

Енуков В.В., Енукова О.Н. О домостроительстве донских славян (по материалам городища Титчиха) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: материалы Междунар. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968) / Ред. О.А. Щеглова и др. СПб.: СОЛО, 2012. С. 140–147.

Енуков В.В., Енукова О.Н. Домостроительные традиции населения Животинного городища // Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII – нач. XIII в. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж: Кварта, 2014. С. 368–379 (прил.)

Енукова О.Н. Домостроительство населения Посемья в X–XIII вв. // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя: збірник наукових праць. Суми: Сумський державний педагогічний університет, 2003. С. 15–20.

Енукова О.Н. К вопросу о методике реконструкции славяно-русского жилища // Ю.А. Липкинг и археология Курского края: материалы межрегион. науч. конф. (Курск, 15–17 ноября 2004 г.). Курск, 2005. С. 73–78.

Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск: Курский гос. ун-т, 2007 (Труды Науч.-исслед. ин-та археологии юго-востока Руси Курского государственного университета; вып. 1). 220 с.

Енукова О.Н. Вопросы методики реконструкции славяно-русского жилья в условиях “сухого” слоя [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (19), т. 2. URL: http://scientific-notes.ru/#new-number?id=21 (дата обращения 03.04.2021).

Ефименко П.П. Раннеславянские поселения на Дону // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 2. С. 8–15.

История культуры Древней Руси. Т. I / Ред. Б.Д. Греков, М.А. Артамонов. М.; Л.: Изд-во и 2-я тип. изд-ва АН СССР, 1948. 484 с.

История русской архитектуры. Краткий курс / Ред. С.В. Бессонова. М.: Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1951. 463 с.

Комар А.В. Поляне и северяне // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. С. 128–191.

Лысенко П.Ф. Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 399 с.

Ляскоронский В.Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы // Труды 13-го Археологического съезда в Екатеринославе. Т. 1. М., 1907. С. 158–210.

Ляпушкин И.И. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII–X вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1946. Вып. 12. С. 117–127.

Ляпушкин И.И. О жилищах восточных славян Днепровского левобережья VIII–X вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1957. Вып. 68. С. 3–13.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое: о культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 74). 328 с.

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 104). 384 с.

Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). СПб.: Наука, 2002. 415 с.

Моргунов Ю.Ю. О некоторых особенностях домостроительства поселения Сампсониев Остров на средней Суле // Российская археология. 2002. № 2. С. 56–66.

Моргунов Ю.Ю. Сампсониев Остров: Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 2003. 187 с.

Пуголовок Ю.А. Будівельна справа літописних сіверян. Опішне: Українське Народознавство, 2016. 360 с.

Пуголовок Ю.О. Новітні дослідження Опішнянського городища // In Sclavenia terra. Вип. 2. Київ: Інститут археології Національної академії наук України, 2018. С. 53–60.

Пуголовок Ю.О. Дослідження Опішнянського городища // Археологічні дослідження в Україні 2018. Київ: Інститут археології Національної академії наук України, 2020. С. 163–164.

Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. Л.: Наука, 1975 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-32). 178 с.

Рыбаков Б.А. Анты и Киевская Русь // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 319–337.

Сухобоков О.В. До походження та інтерпретації пам’яток волинцевського етапу культури літописних сіверян // Археологія. 1999. № 2. С. 25–39.

Сухобоков О.В., Юренко С.П. Опошнянское городище (по материалам археологических исследований 1975 г.). Полтава: Криниця, 1992. 72 с. (Препринт /

Ин-т археологии Нац. акад. наук Украины, Центр охраны и исслед. памятников археологии упр. культуры исполкома Полтавского обл. Совета народных депутатов; вып. 6).

Толочко П.П. Массовая застройка Киева X–XIII вв. // Древнерусские города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1981. С. 63–94.

Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1953а. 313 с.

Третьяков П.Н. У истоков Древней Руси // По следам древних культур. Древняя Русь / Ред. Г.Б. Федоров. М.: Госкультпросветиздат, 1953б. С. 9–34.

Харламов В.О. Конструктивні особливості дерев'яних будівель Подолу X–XIII ст. // Археологічні дослідження стародавнього Києва / Ред. П.П. Толочко. Кіїв: Наукова думка, 1976. С. 47–54.

Юренко С.П. Домобудівництво населення Дніпровського Лівобережжя в VIII–X ст. // Археологія. 1984. № 45. С. 34–46.

Юренко С.П. Топография, планировка и домостроительство поселения близ с. Волынцева // Проблемы археологии Сумщины: тез. докл. обл. науч.-практ. конф. (апрель 1989 г.) / Ред. В.С. Терентьев. Сумы, 1990. С. 64–65.

RESIDENTIAL CONSTRUCTION IN THE EARLY MEDIEVAL FORTIFIED SETTLEMENT OF OPOSHNYA

Vladimir V. Enukov[a, #]

[a] *Research Institute for Archaeology of South-East Rus, Kursk State University, Kursk, Russia*

[#] *E-mail: vyenukov@gmail.com*

The fortified settlement of Oposhnya stands out among the antiquities of the last quarter of the 1st millennium AD in the Dnieper left bank owing to the fact that it has been conventionally placed between the Volyntsevo cultural and chronological horizon and the Romny archaeological culture. Excavations by I.I. Lyapushkin, O.V. Sukhobokov and S.P. Yurenko explored a significant part of the site, which contains 23 residential structures. The article is an attempt to conduct a reconstructive analysis in order to restore their appearance, the interpretation of which is rather controversial in research literature. The author concludes that the dwellers of Oposhnya typically lived in the structures consisting of shallow pits rectangular in plan covered with a large log-frame. A similar design dominated among the residential construction of the Romny culture carriers of the subsequent period.

Keywords: the Dnieper left bank, Sakhnovka-Volyntsevo horizon, the Romny culture, the fortified settlement of Oposhnya, residential construction, graphic reconstruction, the Early Middle Ages.

REFERENCES

Berezovets' D.T., 1969. Siveryani (pered utvorennyam Kiïvs'koï derzhavi): kandidats'ka disertatsiya na zdobuttya stupenya kandidata istorichnikh nauk [Siverians (before the establishement of the Kiev state): a Docotral Thesis in History]. Arkhiv Institutu arkheologiï Natsional'noï akademiï nauk Ukraïni [Archive of the Institute of Archaeology at the National Academy of Sciences of Ukraine], R-2, № 2032.

Borisevich G.V., 1978. Book review: Rappoport P.A. Rus dwelling. Corpus of archaeological sources, issue E1-31. Leningrad, 1975. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 4, pp. 282–288. (In Russ.)

D'yachenko A.G., 1991. On the nature of the dwelling and economic architecture and the layout of the Donets fortified settlement in the 9th–early 11th century. Arkheologiya slavyanskogo yugo-vostoka: materialy k mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii [Archaeology of the Slavic southeast: Proceedings of the Interuniversity scientific conference]. A.G. D'yachenko, ed. Voronezh: Voronezhskiy pedagogicheskiy institut, pp. 37–43. (In Russ.)

Efimenko P.P., 1931. Early Slavic settlements on the Don. Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury [Communications of the State Academy for the History of Material Culture], 2, pp. 8–15. (In Russ.)

Enukov V.V., 2018. Residential construction of dwellers of the Novotroitskoye fortified settlement: basic principles (electronic source). Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Transactions. Electronic scientific journal of Kursk State University], 4 (48). URL: http://scientific-notes.ru/#new-number?id=53. (In Russ.)

Enukov V.V., 2021. On the leading tendencies in the residential construction of the Sakhnovka-Volyntsevo population. Arkheologicheskoe nasledie [Archaeological heritage], 1 (4), pp. 160–180. (In Russ.)

Enukov V.V., Enukova O.N., 2012. On the residential construction of the Don Slavs (based on the materials from the Titchikha fortified settlement). Slavyane Vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Ivanovicha Lyapushkina [Slavs of Eastern Europe on the eve of the formation of the Rus state: Proceedings of the International conference to the 110th anniversary of Ivan Ivanovich Lyapushkin]. O. A. Shcheglova, ed. St. Petersburg: SOLO, pp. 140–147. (In Russ.)

Enukov V.V., Enukova O.N., 2014. Construction traditions of the population of the Zhivotinnoye fortified settle-

ment. Vinnikov A.Z. Yugo-vostochnaya okraina slavyanskogo mira v VIII – nach. XIII v. (Zhivotinnoe gorodishche na r. Voronezh) [Southeastern outskirts of the Slavic world in the 8th – early 13th century (Zhivotinnoye fortified settlement on the Voronezh River)]. Voronezh: Kvarta, pp. 368–379. (In Russ.)

Enukova O.N., 2003. Residential construction of the Seym region's population in the 10th–13th centuries. Arkheologiya ta istoriya Pivnichno-Skhidnogo Livoberezhzhya: zbirnik naukovikh prats' [Archaeology and history of the northeastern Left Bank: collected scientific papers]. Sumi: Sums'kiy derzhavniy pedagogichniy universitet, pp. 15–20. (In Russ.)

Enukova O.N., 2005. On the method of reconstruction of the Slavic-Russian dwelling. Yu.A. Lipking i arkheologiya Kurskogo kraya: materialy mezhregional'noy nauchnoy konferentsii [Yu.A. Lipking and the archaeology of the Kursk land: Proceedings of the Interregional scientific conference]. Kursk, pp. 73–78. (In Russ.)

Enukova O.N., 2007. Domostroitel'stvo naseleniya mezhdurech'ya Seyma i Psla v IX–XIII vv. [Residential construction of the population of the Seym-Psel interfluve in the 9th–13th centuries]. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy universitet. 220 p. (Trudy Nauchno-issledovatel'skogo instituta arkheologii yugo-vostoka Rusi Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 1).

Enukova O.N., 2011. Methods of reconstruction of Slavic-Russian dwelling under the conditions of a "dry" layer (electronic source). Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Transactions. Electronic scientific journal of Kursk State University], no. 3 (19), vol. 2. URL: http://scientific-notes.ru/#new-number?id=21. (In Russ.)

Grigor'ev A.V., 2000. Severskaya zemlya v VIII – nachale XI veka po arkheologicheskim dannym [Severians' land in the 8th–early 11th century based on archaeological data]. Tula: Grif i K°. 264 p. (Trudy Tul'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 2).

Grigor'ev A.V., 2005. Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v kontse I – nachale II tys. n.e. [Slavic population of the Oka and Don watershed at the end of the 1st–early 2nd millennium AD]. Tula: Reproniks. 207 p.

Istoriya kul'tury Drevney Rusi [History of Rus culture], I. B.D. Grekov, M.A. Artamonov, eds. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo i 2-ya tipografiya izdatel'stva AN SSSR, 1948. 484 p.

Istoriya russkoy arkhitektury. Kratkiy kurs [History of Russian architecture. A brief course]. S.V. Bessonova, ed. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo po stroitel'stvu i arkhitekture, 1951. 463 p.

Kharlamov V.O., 1976. Constructive features of wooden structures in the Podol (low town) of the 10th–13th centuries. Arkheologichni doslidzhennya starodavn'ogo Kiєva [Archaeological studies in Old Kiev]. P.P. Tolochko, ed. Kiïv: Naukova dumka, pp. 47–54. (In Ukrainian).

Komar A.V., 2012. Polans and Severians. Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy [The earliest states of Eastern Europe], 2010. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, pp. 128–191. (In Russ.)

Lyapushkin I.I., 1946. Materials for the study of the southeastern borders of the eastern Slavs in the 8th–10th centuries. Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture], 12, pp. 117–127. (In Russ.)

Lyapushkin I.I., 1957. On the dwellings of eastern Slavs of the Dnieper left bank in the 8th–10th centuries. Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture], 68, pp. 3–13. (In Russ.)

Lyapushkin I.I., 1958. Gorodishche Novotroitskoe: o kul'ture vostochnykh slavyan v period slozheniya Kievskogo gosudarstva [The fortified settlement of Novotroitskoye: on the culture of Eastern Slavs during the formation of the Kiev state]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 328 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 74).

Lyapushkin I.I., 1961. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v epokhu zheleza. Arkheologicheskie razyskaniya o vremeni zaseleniya Levoberezh'ya slavyanami [The Dnieper forest-steppe Left Bank in the Iron Age. Archaeological research on the time of the Slavic settlement of the Left Bank]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 384 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 104.)

Lyaskoronskiy V.G., 1907. Fortified settlements, mounds and long (serpentine) ramparts along the rivers Psel and Vorskla. Trudy 13-go Arkheologicheskogo s"ezda v Ekaterinoslave [Works of the 13th Archaeological congress in Yekaterinoslav], 1. Moscow, pp. 158–210. (In Russ.)

Lysenko P.F., 1985. Berest'e [Berestye]. Minsk: Nauka i tekhnika. 399 p.

Mavrodin V.V., 2002. Ocherki istorii Levoberezhnoy Ukrainy (s drevneyshikh vremen do vtoroy poloviny XIV veka) [Studies in the history of the Left Bank Ukraine (from ancient times to the second half of the 14th century)]. St. Petersburg: Nauka. 415 p.

Morgunov Yu.Yu., 2002. On some features of residential construction of the Sampsoniev Ostrov settlement in the middle Sula. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 2, pp. 56–66. (In Russ.)

Morgunov Yu.Yu., 2003. Sampsoniev Ostrov: Pogranichnaya krepost' na posul'skoy okraine Yuzhnoy Rusi v XI–XIII vv. [Sampsoniev Ostrov: a frontier fortress on the Sula outskirts of South Rus in the 11th–13th centuries]. Moscow: Nauka. 187 p.

Pugolovok Yu.A., 2016. Budivel'na sprava litopisnikh siveryan [Construction skills of the recorded Siverians]. Opishne: Ukraïns'ke Narodoznavstvo. 360 p.

Pugolovok Yu.O., 2018. New studies in the Opishnya fortified settlement. In Sclavenia terra, 2. Kiïv: Institut arkheologiï Natsional'noï akademiï nauk Ukraïni, pp. 53–60. (In Ukrainian).

Pugolovok Yu.O., 2020. Studies in the Opishnya fortified settlement. Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2018 [Archaeological studies in Ukraine in 2018]. Kiïv: Institut arkheologiï Natsional'noï akademiï nauk Ukraïni, pp. 163–164. (In Ukrainian).

Rappoport P.A., 1975. Drevnerusskoe zhilishche [Rus dwelling]. Leningrad: Nauka. 178 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-32).

Rybakov B.A., 1939. The Antes and Kievan Rus. Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history], 1, pp. 319–337. (In Russ.)

Sukhobokov O.V., 1999. On the origin and interpretation of the Volyntsevo sites of the recorded Siverians' culture. Arkheologiya [Archaeology], 2, pp. 25–39. (In Ukrainian).

Sukhobokov O.V., Yurenko S.P., 1992. Oposhnyanskoe gorodishche (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1975 g.) [The Opishnya fortified settlement (based on the 1975 archaeological investigation)]. Poltava: Krinitsya. 72 p. (Preprint, 6).

Tolochko P.P., 1981. Mass development of Kiev of the 10th–13th centuries. Drevnerusskie goroda [Towns of Rus]. V.V. Sedov, ed. Moscow: Nauka, pp. 63–94. (In Russ.)

Tret'yakov P.N., 1953a. Vostochnoslavyanskie plemena [East Slavic tribes]. 2nd edition. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 313 p.

Tret'yakov P.N., 1953б. At the origins of Rus. Po sledam drevnikh kul'tur. Drevnyaya Rus' [In the footsteps of ancient cultures. Rus]. G.B. Fedorov, ed. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, pp. 9–34. (In Russ.)

Yurenko S.P., 1984. Residential construction of the population of the Dnieper Left Bank in the 8th–10th century. Arkheologiya [Archaeology], 45, pp. 34–46. (In Ukrainian).

Yurenko S.P., 1990. Topography, layout and residential construction of the settlement near the village of Volyntsevo. Problemy arkheologii Sumshchiny: tezisy dokladov oblastnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Issues of archaeology of Sumy region: Abstracts of the Regional scientific and practical conference]. V.S. Terent'ev, ed. Sumy, pp. 64–65. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 124–138

НИЖНИЙ НОВГОРОД В XIII–НАЧАЛЕ XIV в.: ГОРОД И ОКРУГА ДО ОБРАЗОВАНИЯ ВЕЛИКОГО НИЖЕГОРОДСКО-СУЗДАЛЬСКОГО КНЯЖЕСТВА

© 2022 г. Н. Н. Грибов*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: nnhora@yandex.ru*

Поступила в редакцию 04.02.2021 г.
После доработки 04.02.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

В статье обобщены археологические данные о Нижнем Новгороде и памятниках его сельской округи до середины XIV в. Выделен инвентарь, исчезающий из местного обихода к этому хронологическому рубежу. Результаты его картирования свидетельствуют о заметном росте городской селитебной территории за пределами стен крепости 1221 г. и сложении основных районов сельского расселения в городских окрестностях еще до передачи города во владение суздальским князьям. Многие из крупнейших сельских поселений эпохи Нижегородско-Суздальского княжества были основаны еще в XIII–начале XIV в. Археологические данные свидетельствуют о заметном росте населенности края уже в первом столетии после основания Нижнего Новгорода. Высказано предположение о решающем значении формирования в середине XIII в. новой системы международных коммуникаций на развитие города в устье р. Ока.

Ключевые слова: район устья р. Ока, Волго-Окское правобережье, Нижний Новгород, освоение городской территории, сельская округа, эпоха Золотой Орды.

DOI: 10.31857/S0869606322010068

Нижний Новгород – один из немногих городов, дата основания которых зафиксирована в летописи (Полное собрание..., 1997. Стб. 445). В 2021 г. ему исполнилось 800 лет. Подъем города, заложенного великим владимирским князем Юрием Всеволодовичем за пределами давно освоенной Владимиро-Суздальской земли – в устье р. Ока, пришелся на послемонгольское время. В середине XIV в. город становится столицей великого княжения – одного из трех, претендовавших на лидерство в Северо-Восточной Руси. Краткий период политической независимости великого Нижегородско-Суздальского княжества (до 1392 г.) нашел отражение в местном летописании (Грибов, 2018а. С. 27, 28). По летописным сведениям Нижний Новгород предстает как развитый административно-политический центр, в котором единовременно с Москвой были начаты монетная чеканка и строительство каменного кремля. К 1377 г. в городе насчитывалось не менее 32 церквей, что позволяет представить масштаб его территории в это время. Неслучайно некоторые исследователи приписывают заслугу в возрождении Нижнего Новгорода после монгольского завоевания исключительно суздальским князьям (Сахаров, 1959. С. 66; Пресняков, 1998. С. 181). Вместе с тем начальный период истории Нижнего Новгорода – предшествующий обретению статуса великокняжеской столицы – крайне скупо отражен в источниках. За 100-летний промежуток после Батыева нашествия город в устье Оки упоминается всего в четырех летописных статьях (Пудалов, 2004).

Историки по-разному оценивают динамику развития Нижнего Новгорода до середины XIV в. Опираясь на перечень городов Владимирской епархии 1274 г., В.А. Кучкин пришел к выводу о превращении Нижнего Новгорода уже к этому времени в третий по значимости город Владимиро-Суздальской Руси (Кучкин, 1984. С. 124). В качестве важнейшего фактора роста автор указал на поволжскую торговлю. Б.М. Пудалов, изучивший историю текста сообщения 1274 г., обнаружил, что упоминание Нижнего Новгорода в нем – вставка редактора свода 70-х годов XV в., из чего следует безосновательность заключения о возросшей роли города в последней четверти XIII в. (Пудалов, 2004. С. 135, 136). Не подтверждается источниками, по мнению исследователя, и использование Волжского пути для взаимовыгодного товарообмена между Западом и Востоком в этот период (Пудалов, 2004. С. 135, 136, 238).

Привлечение археологических данных позволяет высказать несколько соображений в русле намеченной "заочной" дискуссии. Настоящая статья представляет собой обобщение археологических материалов Нижнего Новгорода и памятников его округи на период, предшествующий образованию великого Нижегородско-Суздальского княжества. Ее цель – получение новых данных о развитии территории города в окском устье и его окрестностей до середины XIV в.

В настоящее время общая площадь раскопов в Нижнем Новгороде, материалы которых переданы в архив ИА РАН, составляет около 15000 м^2; более чем на 300 строительных площадках проведены наблюдения (очерк истории изучения памятника см. Грибов, 2018а. С. 15–20). Охват исторического центра плотной сетью раскопов, шурфов и объектов археологических наблюдений создает хорошую предпосылку для изучения развития городского пространства (Грибов, 2018а. Рис. 1, 3*–5*)[1]. Необходимое условие реализации такого исследования – хронологическая дифференциация археологического инвентаря. Решение этой задачи осложняется отсутствием изученных участков со стратифицированным "мокрым" слоем средневекового времени, повсеместным нарушением целостности культурных отложений в условиях живущего города. Непрерывность освоения городской территории, очевидно, является главной причиной крайней малочисленности известных нижегородских комплексов XIII в.

Периодизация нижегородского средневекового инвентаря намечена при разработке хронологии посудной керамики (Грибов, 2006). Первый этап эволюции традиционного набора местной посуды, датированный второй четвертью XIII – началом XIV в., в целом соответствует "достоличному" периоду. Комплексы этого времени, как правило, сопровождаются вещевым инвентарем, повсеместно выходящим из обихода в XIII–первой половине XIV в. Эти находки могут служить маркером освоения территории Нижнего Новгорода и его сельской округи на период, предшествующий политическому оформлению "Суздальского Поволжья" (Пресняков, 1998. С. 180).

Соответствующий инвентарь выделен по коллекциям музея Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, отчетам архива ИА РАН и находкам из раскопок последних лет, материалы которых находятся еще на стадии первичного изучения. По функциональному назначению он разделяется на несколько групп.

Бытовой инвентарь. *Замки и ключи железные* (рис. 1А, *1–5*): ключи – от навесных замков типов А (1 экз.: НН № 37)[2] и Б (5 экз.: НН № 2, 3, 10, 36; БК-1)[3], сундучные (3 экз.: НН № 19 (2 экз.), 22); навесные замки типа Б (3 экз.: НН № 18, 19; К-2)[4], детали от нутряных комбинированных замков второго варианта (1 экз.: БК-1). Распространение указанных типов не выходит за пределы середины XIV в. (Колчин, 1982. С. 160–162; Лапшин, 2009. С. 93; Кудрявцев, 2012. С. 121, 124).

Кресала железные (рис. 1А, *6*): двулезвийные овальные заостренные с округлыми отверстиями по краям внутреннего выреза (2 экз.: НН № 10, 36). Выходят из употребления в первой половине XIV в. (Колчин, 1982. С. 163. Рис. 4).

Пряслица шиферные (3 экз.: НН № 26, БК-1, П-3)[5], как и все изделия из овручского пирофиллита, в Великом Новгороде исчезают к концу XIII в. (Колчин, 1982. С. 174), в Твери – в первой половине XIV в. (Лапшин, 2009. С. 124).

Украшения из цветных металлов. *Височные кольца* представлены двумя типами: проволочными перстнеобразными (16 экз.: НН № 16, 19, 30, 33, 32, 37; Бш-3, МК (4 экз.), МС (5 экз.); рис1Б, *18, 19*)[6] и "кудрявыми" (или кольцами с ажурной муфтой; 5 экз.: НН № 15, 18, 19; Бш-3; МС; рис. 1Б, *16, 17*). Оба типа известны в слоях русских городов, датируемых до середины XIV в. (Седова, 1981. С. 13, 16; Лапшин, 2009. С. 96, 97).

Подвески с шумящими привесками – четыре изделия, известные по памятникам поволжских финнов (4 экз.: НН № 7 (2 экз.), МС, БК-1) и 1 экз.: НН № 37) – характерны для периферийных городов Северо-Восточной Руси (Рябинин, 1981. С. 23, тип VIII). Последнее из перечисленных предметов представляет собой двуглавую прорезную подвеску с изображением двух петушиных голов (рис. 1Б, *2*), известную по памятникам XI–XIII вв. Финские украшения известны в женских уборах трех поволжско-финских народов, упоминаемых Начальной летописью в качестве субстратного населения района окского устья. В марийских могильниках XI–XIII вв. найдены подвески с треугольным щитком из шести соприкасающихся колец (рис. 1Б, *1*) (Архипов, 1986. Рис. 24, *8, 9*; 26, *2, 3*) и очковидные подвески (рис. 1Б, *5*) (Архипов, 1986. Рис. 26, *6*). Бутыльчатая подвеска с лапчатыми привесками известна по памятникам мордвы (рис. 1Б, *4*) (Мартьянов, 2004. Рис. 181, *2, 4*), подвеска с прямоугольным ажурным щитком (рис. 1Б, *3*) – по муромскому

[1] Звездочками в издании отмечены рисунки на цветной вклейке.

[2] НН № 36 – Нижний Новгород, номер места находки см. по рис. 4.

[3] БК-1 – селище Ближнее Константиново 1.

[4] К-2 – селище Копнино 2.

[5] П-3 – селище Подвязье 3.

[6] Бш-3 – поселение Бешенцево 3; МК – могильник Копнино 1; МС – могильник у больницы им. Н.А. Семашко.

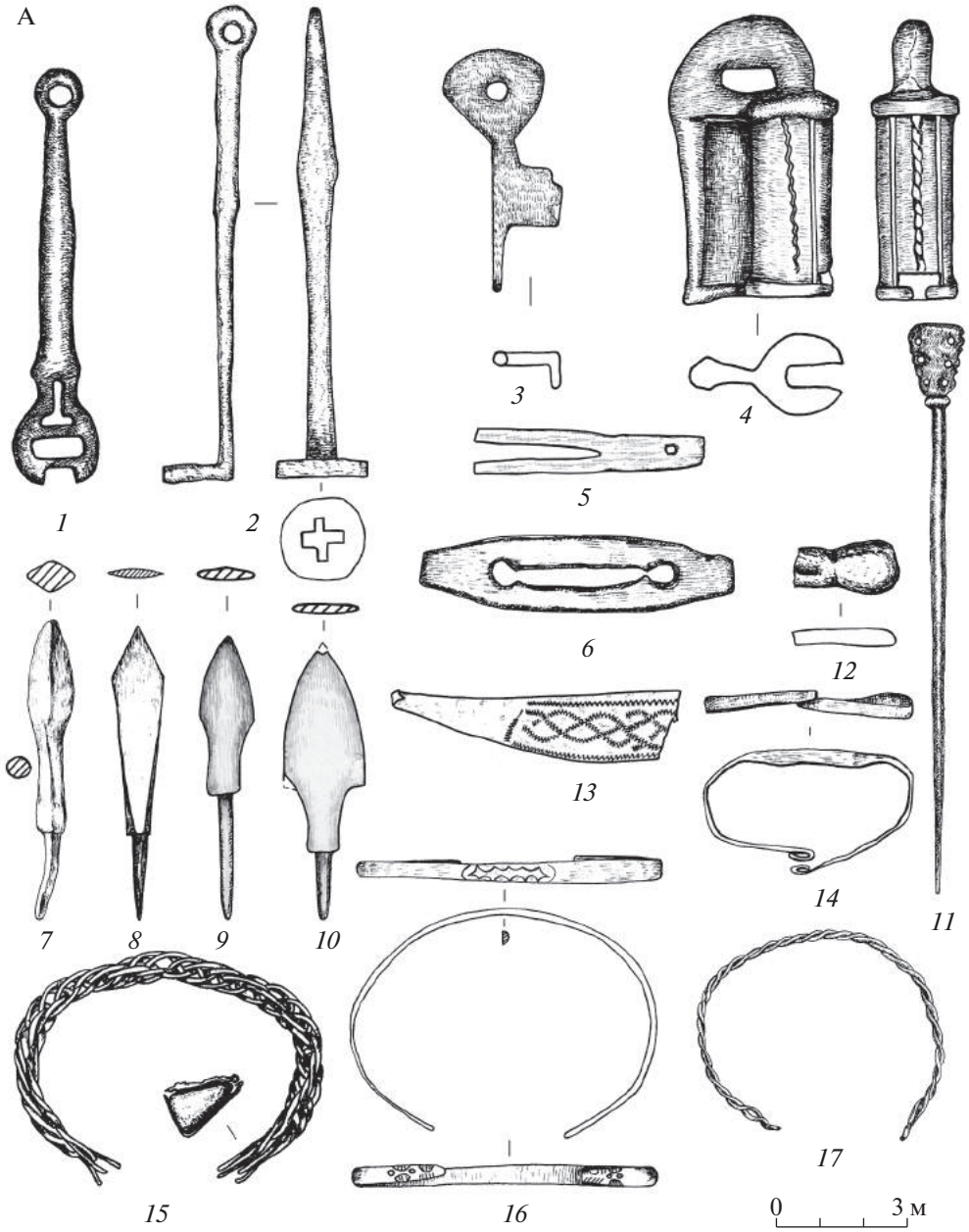


Рис. 1. Наиболее ранние находки из Нижнего Новгорода и памятников его округи. А: *1–3* – ключи; *4* – замок; *5* – пружина от нутряного комбинированного замка; *6* – кресало; *7–10* – наконечники стрел; *11* – писало; *12–17* – браслеты и их фрагменты. Железо (*1–11*); бронза (*12–17*). Нижний Новгород: *1, 14, 16* – раскоп Т.А. Марьёнкиной 2019 г.; *2* – раскоп В.Ф. Черникова 1973 г.; *3, 4, 9, 10* – раскоп В.А. Лапшина 2001 г.; *6, 11* – раскоп Н.Н. Грибова 2018 г.; *7* – раскоп Н.Н. Грибова 1999 г.; *8* – раскоп В.Ф. Черникова 1964 г.; селище Ближнее Константиново 1 (*5, 17*); селище Крутец 1А (*12*); поселение Бешенцево 3 (*13*); могильник Копнино 1 (*15*). Б: *1–5* – подвески с шумящими привесками; *6* – звено от цепочки; *7, 8* – крестоспиральные привески; *9* – нательный крест; *10–13* – перстни; *14, 15* – подвески-бубенчики; *16–19* – височные кольца; *20–23* – бусины. Бронза (*1–19*); стекло (*20*); камень: *21* – шифер; *22* – горный хрусталь, *23* – сердолик. Нижний Новгород: *1, 3* – раскопы Т.В. Гусевой 1989 г.; *2, 14, 15, 19, 21* – раскоп Т.А. Марьёнкиной 2019 г.; *8* – раскоп В.А. Батюкова 2011 г.; *9* – раскоп В.А. Лапшина 2001 г.; *16* – шурф Н.Н. Грибова 1997 г.; *22* – раскоп С.В. Долгополова 2016 г.; *23* – раскоп В.Ф. Черникова 1977 г.; селище Ближнее Константиново 1 (*5*); могильник у больницы Н.И. Семашко (*4, 7*); селище Подвязье 4 (*6*); поселение Доскино 10 (*10*); поселение Подвязье 1 (*11*); могильник Копнино 1 (*13*); поселение Бешенцево 3 (*12, 17, 18, 20*).

Fig. 1. The earliest finds from Nizhny Novgorod and sites in its vicinity (А, Б)

Рис. 1. Окончание.
Fig. 1. Ending

Корниловскому могильнику (Бейлекчи, 2005. С. 168. Рис. 14, *6*).

Подвески представлены литыми бубенчиками с линейной прорезью (рис. 1Б, *14*, *15*) и крестоспиральными изделиями (рис. 1Б, *7, 8*). Использование зафиксированных типов бубенчиков – шаровидных (3 экз.: НН № 24, 37; МС) и грушевидных с тройным линейным пояском (2 экз.: НН № 35, 37) прекращается во второй половине XIII – начале XIV в. (Седова, 1981. С. 156). Крестоспиральные подвески (3 экз.: НН № 28, Д-10, МС)[7] характерны для домонгольских памятников Верхней Волги и Русского Севера (Захаров, 2004. С. 58, 172, 173).

Звено от цепочки (рис. 1Б, *6*) – литое по восковой модели 8-видное с петлями, лежащими в перпендикулярных плоскостях (1 экз.: П-4)[8].

[7] Д-10 – поселение Доскино 10.
[8] П-4 – селище Подвязье 4.

Рис. 2. Ранние предметы импорта из Нижнего Новгорода: медные пулы Золотой Орды (*1, 2*); фрагменты кашинного (*3*) и керамического (*4*) сосудов. *1, 2* – раскоп Т.А. Марьёнкиной 2019 г.; *3* – раскоп Н.Н. Грибова 2018 г.; *4* –раскоп Н.Н. Грибова 1999 г.

Fig. 2. Early imported items from Nizhny Novgorod: copper pula coins of the Golden Horde (*1, 2*); fragments of Kashi (*3*) and ceramic (*4*) vessels

Браслеты представлены следующими типами: пластинчатые загнутоконечные (рис. 1А, *13, 14*; 4 экз.: НН № 26, 36; Бш-3, МС), узкомассивные (рис. 1А, *16*; 3 экз.: НН № 36, 37; БК-1), литые овальноконечные (рис. 1А, *12*; 1 экз.: К-1А)[9], витые двойные (рис. 1А, *17*; 2 экз.: БК-1), плетеные с треугольными стеклянными вставками на концах (рис. 1А, *15*; 1 экз.: МК). Распространение всех перечисленных типов заканчивается преимущественно в XIII в. (Седова, 1981. С. 97, 102, 103, 112–114).

Перстни: рубчатые (рис. 1Б, *13*; 4 экз.: НН № 5, 19, 23; МК), пластинчатый широкосрединный (рис. 1Б, *10*; 1 экз.: Д-10), щитковосрединный с круглым гладким щитком (рис. 1Б, *11*; 1 экз.: П-1)[10]; щитковосрединный с квадратным щитком, орнаментированным косым крестом (рис. 1Б, *12*; 1 экз.: Бш-3). Первые три типа были широко распространены в XI–XIII вв.; единственный аналог третьего – изделие из слоя XIII в. Великого Новгорода (Седова, 1981. С. 136. Рис. 51, *6*).

Бусины – удлиненные бипирамидальные из сердолика (рис. 1Б, *23*; 1 экз.: НН № 4) и горного хрусталя (рис. 1Б, *22*; 1 экз.: НН № 34), из горного хрусталя – эллипсовидные (1 экз.: К-2) и крупные шарообразные (3 экз.: Бш-3 (2 экз.), П-1), удлиненная граненая из овручского шифера (рис. 1Б, *21*; 1 экз.: НН № 37); стеклянная мозаичная, изготовленная в технике миллефиори (рис. 1Б, *20*; 1 экз.: Бш-3); стеклянные зонные фиолетовые (1 экз.: П-3). Указанные изделия из камня, как правило, находят в древнерусских курганах и домонгольских напластованиях русских городов (Полубояринова, 1991. С. 34, 36, 38). Мозаичные египетские бусины “миллефиори” характерны для раннего средневековья, в древнерусских городах известны их единичные находки (Кузина, 2007. С. 131, 132). Прозрачные зонные бусины из фиолетового стекла в Великом Новгороде происходят из слоев 1116–1268 гг. (Щапова, 1956. С. 169).

Предметы личного благочестия – нательные кресты с шарообразными окончаниями лопастей (рис. 1Б, *9*; 3 экз.: НН № 19, Бш-3, МС), исчезают во второй половине XIII в. (Лесман, 1990. С. 66).

К **предметам письменности** относится железное стило с вытянутой фигурной лопаточкой треугольной формы с зубчатым обрамлением по кромке (рис. 1А, *11*; 1 экз.: НН № 36). По стилистике оформления оно близко к типам 4 и 11 писал Великого Новгорода, исчезающим к концу XIII в. (Медынцева, 1997. С. 150, 151).

[9] К-1А – селище Крутец 1А.
[10] П-1 – поселение Подвязье 1.

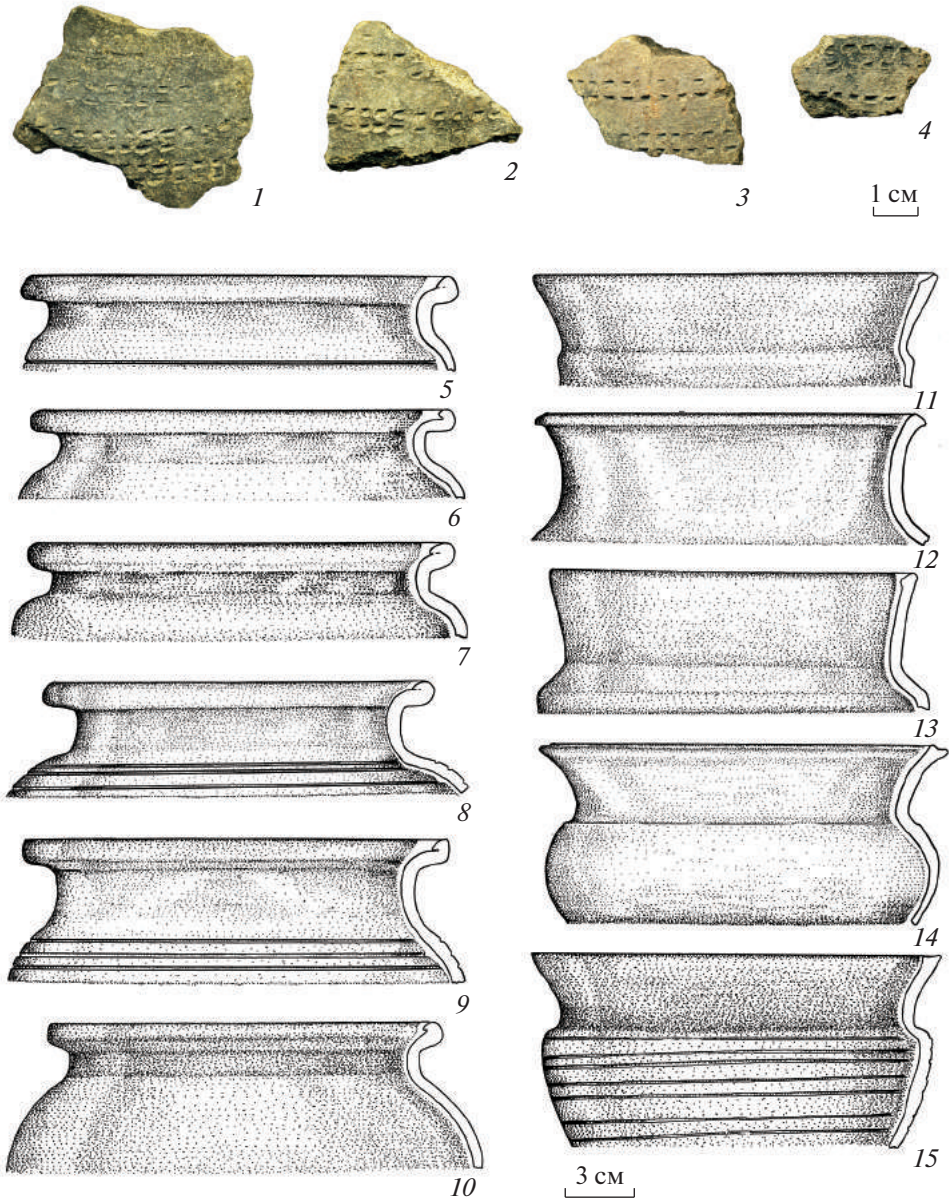


Рис. 3. Керамика XIII в. из Нижнего Новгорода. *1–4, 9, 12* – район храма Симеона Столпника (раскопки Н.Н. Грибова и А.И. Письмаркиной 2018, 2019 г.); *5, 14* – пл. Театральная (раскопки И.О. Ерёмина 1997 г.); *6* – пер. Крутой (раскопки Н.Н. Грибова 1999 г.); *7, 13* – у храма Михаила Архангела в кремле (раскопки В.Ф. Черникова 1973 г.); *8, 10, 11* – у Часовой башни в кремле (раскопки Т.А. Марьёнкиной 2019 г.); *15* – ул. Ульянова, 6 (шурф Н.Н. Грибова 1997 г.).

Fig. 3. Pottery of the 13th century from Nizhny Novgorod

Предметы вооружения состоят исключительно из железных наконечников стрел, характерных для домонгольских памятников (рис. 1А, *7–10*). По своду А.Ф. Медведева это типы 32 (1 экз: НН № 19), 33 (3 экз.: НН № 19), 52 (2 экз.: НН № 2, 19), 84 (3 экз.: НН № 18, 19; БК-1) (Медведев, 1966. С. 62, 63, 69, 70, 81, 82).

Монеты представлены двумя находками (2 экз.: НН № 37). Их атрибуция выполнена канд. ист. наук П.Н. Петровым. Наиболее ранняя – медная монета Монгольской империи (рис. 2, *1*), выпущенная в г. Болгар от имени каана Мунке (1251–1259) (вес 2.63 г; Бугарчев, Петров, 2018. С. 16, тип S5). Вторая монета – пул Золотой Орды (рис. 2, *2*), отчеканенный в г. Сарай в период правления Узбека (721 г.х. (1321 г.), вес 1.55 г) (см. Федоров-Давыдов, 2003. С. 167. Табл. 1, *14*).

Восточная керамика – фрагменты краснолощеных изделий с нарезным орнаментом в виде “вьющегося стебля” (рис. 2, *4*; 2 экз.: НН № 9, 25) и осколок кашинного сосуда из Ирана (1 экз.: НН № 36). Указанный орнамент наиболее часто

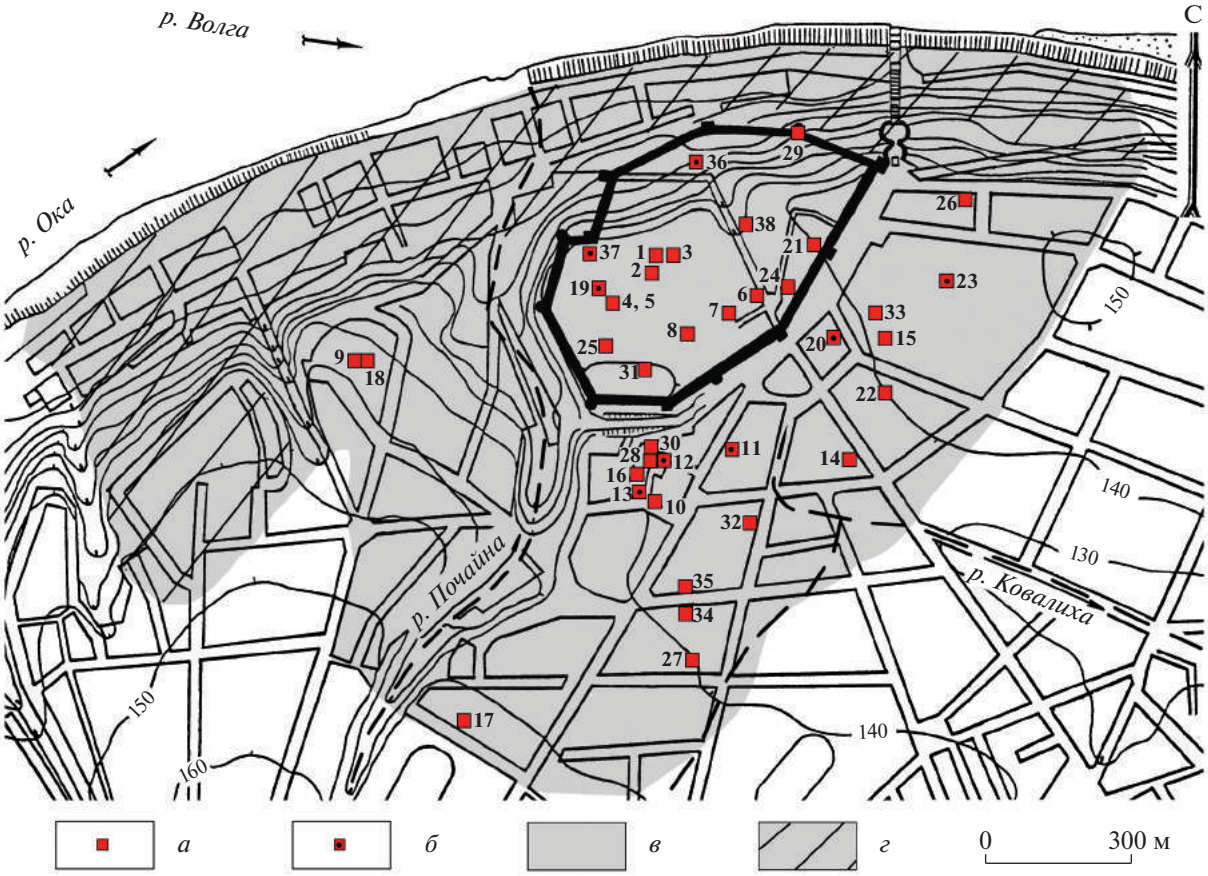


Рис. 4. Карта объектов археологических исследований в Нижнем Новгороде с находками XIII–начала XIV в. 1 – раскоп в храме Михаила Архангела,1960 г.; 2 – у храма Михаила Архангела, раскоп 1964 г.; 3 – у храма Михаила Архангела, раскоп 1973 г.; 4, 5 – раскопы 1977 г. (4) и 1979 г. (5) у корпуса № 2; 6–8 – раскопы 1 (6), 2 (7), 3 (8) 1989 г. у корпусов № 7–9; 9 – пер. Крутой, раскоп 1, 1991 г.; 10 – пл. Театральная, наблюдение, траншея, 1992 г.; 11 – ул. Б. Покровская, 4, раскоп 1992 г.; 12 – пл. Театральная, раскоп 1, 1997 г.; 13 – пл. Театральная, раскоп 3, 1997 г.; 14 – ул. Варварская, 3, шурф 1997 г.; 15 – ул. Ульянова, д. 6, шурф 1997 г.; 16 – ул. Пожарского, д. 18, раскоп 1998 г.; 17 – пер. Университетский, раскоп 1998 г.; 18 – пер. Крутой, раскоп 1, 1999 г.; 19 – корпус 1А, раскоп 2001–2002 гг.; 20 – пл. Минина, раскопы 2005 г.; 21 – корпус 6, раскоп 2007 г.; 22 – ул. Варварская, 4, 6, раскоп 2007 г.; 23 – ул. Минина, д. 1А, раскоп 2007 г.; 24 – корпус 6, раскоп 2008 г.; 25 – корпус 12, раскоп 2008 г.; 26 – Верхне-Волжская набережная, 2А, раскоп 2008 г.; 27 – ул. Грузинская, 28, 30, 38А, раскоп 2008 г.; 28 – пл. Театральная – ул. Пожарского, раскоп 2011 г.; 29 – Зачатьевская башня, шурфы 2011 г.; 30 – ул. Пожарского, 12 – пл. Театральная, 1, раскоп 2013 г.; 31 – Никольская башня, шурф 2, 2014 г.; 32 – ул. Алексеевская, 13Б, раскоп 1, 2014 г.; 33 – пл. Минина, 4, раскоп 2015 г.; 34 – ул. Октябрьская, 11А, 13, раскоп 2016 г.; 35 – ул. Октябрьская, 10А, раскоп 2017 г.; 36 – храм Святого Симеона Столпника, раскоп 1, 2018 г.; 37 – Часовая башня, раскоп 2019 г.; 38 – колокольня Спасо-Преображенского собора, раскоп 2019 г. Условные обозначения: *а* – места обнаружения инвентаря, выходящего из обихода к началу–середине XIV в.; *б* – раскопы с сооружениями, датированными до середины XIV в.; *в* – территория средневекового города XIII–начала XV в. по распространению керамики; *г* – плохо изученные районы средневекового города (без раскопок на участках со средневековыми объектами и слоем).

Fig. 4. Map of archaeological research objects in Nizhny Novgorod with finds from the 13th–early 14th centuries (*1–38*)

встречается на посуде г. Болгар из слоев, датированных до середины XIV в. (Кокорина, 2002. С. 198. Рис. 104в, № 71). Фрагмент кашинного сосуда происходит от тонкостенного изделия с двухсторонней прозрачной бесцветной поливой и подглазурной полихромной росписью, передающей голову человека с явными монголоидными чертами – широким округлым лицом, узким разрезом глаз (рис. 2, *3*). Над головой человека желтовато-серой линией обозначен ободок нимба. Сохранившееся живописное изображение напоминает роспись “королевского стиля” сосудов “минаи” конца XII – начала XIII в. (Коваль, 2010. С. 50).

Общее количество выделенных наиболее ранних находок – 135 (Нижний Новгород: 55, сельские памятники: 80). Их дополняют **образцы русской посудной керамики**, исчезающие к началу–первой половине XIV в. Это две группы горшков со специфическими формами горловин и сосуды, украшенные прокаткой зубчатого колесика.

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования образцов угля из раскопа 1 (2018 г.) в зоне воссоздания храма Симеона Столпника в Нижегородском кремле
Table 1. Results of radiocarbon dating of coal samples from excavation site 1 (2018) in the reconstruction area of the St. Simeon the Stylite Church in the Nizhny Novgorod Kremlin

Лабораторный номер	Место отбора	Возраст	Калиброванная дата, 1σ	Калиброванная дата, 2σ
ГИН 16047	Канавка 1, кв. 16	850 ± 30	1163–1220 (вероятность 1.00)	1153–1261 (вероятность 0.90)
ГИН 16048	Слой 7в, кв. 10, пл. 7	820 ± 30	1208–1260 (вероятность 0. 98)	1165–1265 (вероятность 0.95)
ГИН 16049	Слой 7в, кв. 16-20, пл. 7	920 ± 30	1044–1100 (вероятность 0.62)	1028–1184 (вероятность 0.95)

Горшки первой группы (рис. 3, *5–10*) отличаются отогнутыми наружу почти под прямым углом венчиками с краевым утолщением округлого или округло-угловатого сечения на внутренней стороне. Сосуды с таким “эсовидным” профилем горловины – наиболее распространенного общерусского типа XII–XIII вв. – широко представлены в домонгольских комплексах Старой Рязани (тип 5А, см. Стрикалов, 1996. С. 151, 153), Суздаля (Лапшин, 1992. С. 97) и других древнерусских городов. В Нижнем Новгороде и на расположенных поблизости селищах заметное присутствие таких изделий (до 29%) зафиксировано только в наиболее ранних комплексах с инвентарем, выходящим из употребления вскоре после монгольского нашествия (Грибов, 2006. С. 70. Рис. 7, группа 3). В местных керамических наборах середины XIV – начала XV в. они неизвестны.

Горшки второй группы (рис. 3, *11–15*) объединяют сосуды с высокой цилиндрической или слегка раструбообразно расширенной горловиной. Их датировка не заходит далее начала XIII в. (Коваль, 1996. С. 107). Это горшки группы III Владимира (Кадиева, 2003. С. 317. Рис. 1, *5, 6*), типа VIA Суздаля (Лапшин, 1992. С. 96, 97), типов 2 и 3 Старой Рязани (Стрикалов, 1996. С. 151). В Нижнем Новгороде их фрагменты крайне редки, происходят из сооружений середины XIII – начала XIV в. (Грибов, 2006. С. 66. Рис. 7, группа 26).

Орнамент, нанесенный зубчатым колесиком (рис. 3, *1–4*), в районе устья р. Ока зафиксирован на сосудах из комплексов, сложившихся только до начала XIV в. (Грибов, 2006. С. 80. Табл. 4).

В Нижнем Новгороде фрагменты горшков первой группы зафиксированы на 23 объектах: № 1–3, 6, 8, 8, 9, 11–13, 17–20, 22, 23, 25, 27, 31, 34–38; второй – на 9 объектах: № 1, 3, 12, 13, 15, 19, 20; фрагменты сосудов, украшенных прокаткой колесика, – на 15 объектах: № 2, 3, 9, 11, 12, 14, 17–21, 24, 29, 30, 36 (рис. 4). Подобные находки обнаружены на всех сельских поселениях (кроме селища Подвязье 4 с малочисленным керамическим материалом), отмеченных на рис. 5.

Результаты картирования наиболее ранних образцов керамики и вещевых находок можно использовать для оценки динамики освоения города и территории сельской округи.

Большая часть ранних находок тяготеет к крепости 1221 г. и участкам, непосредственно прилегающим к ней извне (рис. 4). Территория города Юрия Всеволодовича маркируется остатками линии обороны в виде археологически зафиксированных следов земляного вала и рва, локально отмеченных еще на планах XVIII в. (Грибов, 2018а. С. 427. Рис. 2). Первые нижегородские укрепления очерчивали участок возвышенного плато Волго-Окского правобережья при устье р. Почайна (рис. 6). С напольной стороны они были вписаны в существующий мезорельеф: ров соединял два небольших засыпанных ныне оврага, прорезающих верхнюю часть волжского откоса и борт Почаинского оврага. Городской план имел двуцентричную структуру: впадина Ивановского оврага разделяла город на две части – западную, большую (5.5 га) и восточную, меньшую (2 га) (Грибов, 2018а. С. 24).

Археологические данные не подтверждают широко растиражированную в краеведческой литературе версию о городе-предшественнике Нижнего Новгорода (Пудалов, 2003. С. 80–103). Строительство города 1221 г. проходило, скорее всего, в пустынной или слабозаселенной местности. На это указывают контекст обнаружения наиболее раннего инвентаря, не образующего отдельных комплексов в черте средневекового города, и отсутствие культурного слоя под насыпью вала первой нижегородской крепости (Гусева, 1997. С. 83). Летописной дате основания города в целом не противоречат радиоуглеродные датировки углей из самой ранней частокольной канавки и нижней прослойки средневекового культурного слоя, вскрытого на раскопе 1 2018 г. в нижней части Нижегородского кремля в районе церкви Симеона Столпника (табл. 1).

За стенами крепости 1221 г. селитебная территория стала заметно прирастать, вероятно, уже в

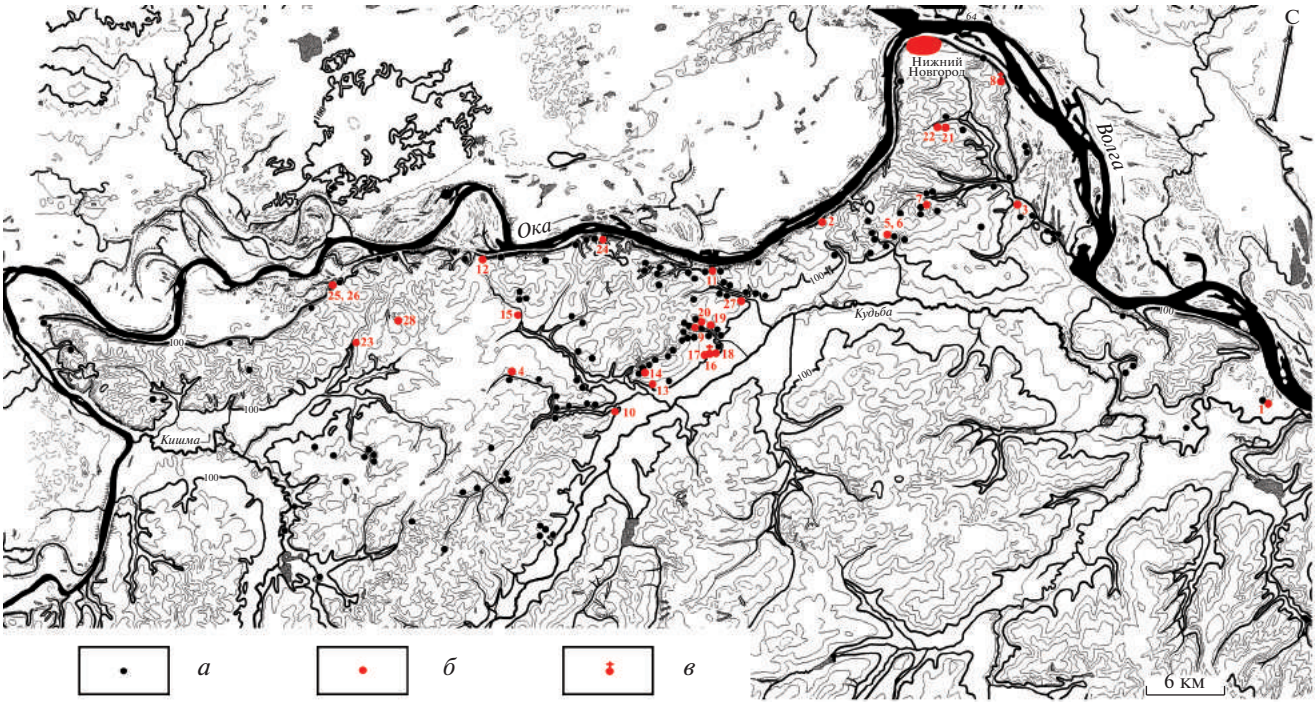


Рис. 5. Карта памятников Нижегородской округи с находками XIII–начала XIV в. 1 – поселение Безводное 25; 2 – селище Береговые Новинки; 3 – поселение Большая Ельня 6; 4 – селище Богородск 3; 5 – селище Бешенцево 2; 6 – поселение Бешенцево 3; 7 – селище Ближнее Константиново 1; 8 – могильник Больница им. Н.А. Семашко; 9 – поселение Бурцево 1; 10 – селище Великосельево 1; 11 – поселение Доскино 10; 12 – селище Дуденёво 1; 13 – селище Ефимьево 1; 14 – местонахождение Ефимьево; 15 – селище Заозёрье 1; 16 – могильник Копнино 1; 17 – селище Копнино 2; 18 – селище Копнино 3; 19 – селище Крутец 1А; 20 – селище Крутец 4; 21 – селище Кузнечиха 3; 22 – селище Кузнечиха 4; 23 – поселение Непецино 1; 24 – селище Оленино 3; 25 – поселение Подвязье 1; 26 – селище Подвязье 3; 27 – селище Сартаково 3; 28 – селище Швариха 1. Условные обозначения: *а* – селища XIII–начала XV в.; *б* – селища с находками XIII–начала XIV в.; *в* – могильники.

Fig. 5. Map of sites in Nizhny Novgorod vicinity with finds from the 13th – early 14th centuries (*1–28*)

середине–второй половине XIII в. По крайней мере все основные освоенные в средневековье районы Верхнего посада начали формироваться еще до появления князей суздальской династии (рис. 4). На правобережье р. Почайна “домонгольский” инвентарь обнаружен не только в непосредственной близости от первых городских укреплений, но и на удаленных участках, разделенных засыпанными оврагами, по которым протекали ручьи-истоки небольшой р. Ковалиха. Массовый керамический материал в местах раскопок с такими находками, как правило, содержит венчики горшков “общерусского типа”, стенки сосудов со следами прокатки зубчатого колесика. На левом берегу р. Почайна предметы, исчезающие к середине XIV в., найдены на раскопе 1999 г. в пер. Крутой.

Результаты картирования свидетельствуют о том, что уже к середине XIV в. пределы освоенного городского пространства были близки границам города, намеченным по распространению керамики широкого хронологического диапазона XIII–начала XV в.

Достаточно динамично до середины XIV в. развивалась сельская округа, входившая вместе с городом в один ландшафтный район летописного Березова Поля. Этот участок возвышенного плато Волго-Окского правобережья очерчен долинами Оки, Волги, их малых притоков – рек Кишма и Кудьма. Территория Березова Поля образует полосу шириной от 5 до 25 км, вытянутую с запада на восток почти на 90 км вдоль течения Оки и Волги (рис. 5). Ее площадь – около 1200 км^2. Этот район – один из наиболее археологически изученных в Нижегородском Поволжье (краткое изложение истории исследований см. Грибов, 2018а. С. 241, 242). Здесь известно 162 русских селища, 2 могильника и 9 местонахождений с материалами XIII–начала XV в. На 47 памятниках проведена шурфовка, на 9 селищах – раскопки.

Инвентарь, исчезающий из обихода до середины XIV в., обнаружен на 26 селищах, 1 местонахождении, 2 могильниках. На 5 селищах зафиксированы сооружения указанного временного промежутка, на 2 – отдельные ранние находки, на 19 селищах и местонахождении – ранние образцы керамической посуды.

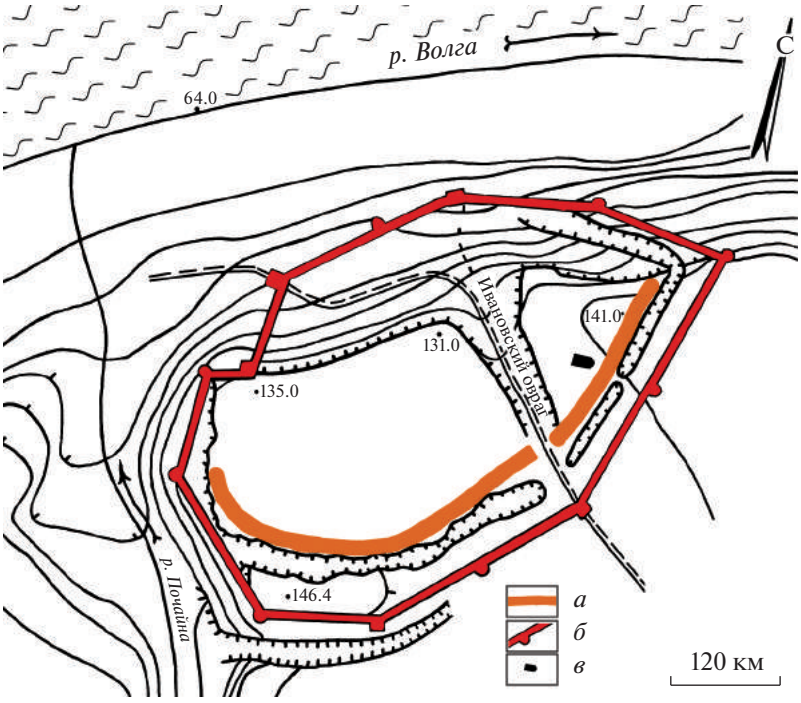


Рис. 6. План Нижегородской крепости 1221 г. (реконструкция). Условные обозначения: *а* – вал; *б* – Нижегородский кремль начала XVI в.; *в* – Спасский собор 1225 г.

Fig. 6. Plan of the Nizhny Novgorod fortress of 1221 (reconstruction)

В настоящее время только одно поселение Березова Поля может быть датировано домонгольским периодом. Оно обозначено двумя разделенными ручьем объектами – селищем Подвязье 3 и поселением Подвязье 1, расположенными в 43 км от Нижнего Новгорода вверх по р. Ока (Грибов, 2018б). По составу керамики эти памятники заметно отличаются от других березопольских селищ заметным присутствием фрагментов изделий из беложгущейся глины, доля которых достигает 15%. Эта особенность, столь нехарактерная для нижегородских средневековых комплексов, – одна из знаковых черт посуды домонгольского Мурома (Базунов, 2020. С. 17). Датирующие находки из памятников у д. Подвязье представлены инвентарем, выходящим из употребления в XIII в. Это шиферное пряслице, фрагменты бусин – стеклянной зонной прозрачной фиолетовой и крупной шарообразной из горного хрусталя, фрагмент бронзового щитковосрединного перстня с круглым гладким щитком.

Результаты радиоуглеродного датирования четырех образцов угля из перекрытого оползнем средневекового слоя селища Подвязье 3 указывают на то, что поселение могло функционировать во время основания Нижнего Новгорода и в течение первых десятилетий его существования (табл. 2). Обращаясь к событиям на Нижней Оке в период монгольского нашествия, есть основания полагать, что данное поселение вряд ли могло уцелеть после рейда отряда завоевателей 1239 г. (Полное собрание..., 1997. Стб. 469, 470). Судя по составу керамики, можно предположить, что поселение у д. Подвязье было одним из самых восточных населенных пунктов периферии сельской округи домонгольского г. Муром.

Наиболее ранние нижегородские селища выделяются по особенностям керамики (Грибов, 2006. С. 70, 71). Среди собранного на них инвентаря “домонгольского” облика, как правило, встречаются хотя бы единичные предметы эпохи Золотой Орды (Грибов, 2017. С. 70).

К наиболее ранним памятникам Нижегородской округи относятся два сельских могильника. Дневная поверхность в местах их расположения сильно изменена за последнее столетие, что делает невозможной их однозначную атрибуцию как курганных или грунтовых. На могильнике Копнино 1 изучено одно инвентарное погребение, на могильнике у нижегородской больницы им. Н.А. Семашко – три погребения с инвентарем. Предположению о функционировании этих памятников до монгольского нашествия противоречат датировки окружающих сельских поселений. В женском погребении, изученном у д. Копнино, выявлены остатки убора, состоявшие из ожерелка на берестяной основе с остатками серебряных дробниц и ткани со следами золотого шитья, парных проволочных перстнеобразных височных колец, бронзовых рубчатого перстня и

Таблица 2. Результаты радиоуглеродного датирования образцов угля из перекрытого оползнем средневекового слоя селища Подвязье 3 (шурф 1, 2017 г.)
Table 2. Results of radiocarbon dating of coal samples from the medieval layer of the Podvyazye 3 settlement covered by a landslide (test pit 1, 2017)

Лабораторный номер	Место отбора	Возраст	Калиброванная дата, 1σ	Калиброванная дата, 2σ
Ki-19492	Кв. 1, слой 4	790 ± 40	1219–1268 (вероятность 1.00)	1174–1281 (вероятность 1.00)
Ki-19493	–"–	1070 ± 50	948–1018 (вероятность 0.78)	861–1042 (вероятность 0.98)
Ki-19494	–"–	890 ± 30	1152–1208 (вероятность 0.60)	1117–1216 (вероятность 0.64)
Ki-19495	–"–	820 ± 50	1179–1263 (вероятность 1.00)	1150–1281 (вероятность 0.91)

плетеного браслета с треугольными стеклянными вставками на концах (Аникин, 2005). Тяготеющее к памятнику селище (Копнино 3), судя по небольшим размерам (3500 м^2), осталось от малодворного поселения (Грибов, 2007а). В инвентаре из его раскопок присутствуют предметы, появившиеся как в начале, так и в конце XIII в., – ключ типа B1 и железная спица-булавка от ручной прялки.

Распространение сельских памятников с находками раннего инвентаря указывает на то, что уже к середине XIV в. в окрестностях Нижнего Новгорода сложилась разветвленная сеть поселений, охватившая не только побережья крупных и малых рек, но и водораздельные пространства. Заселение водоразделов началось вскоре после основания города – единовременно с освоением речных долин. Кроме отдельных находок раннего инвентаря, сделанных при разведочном обследовании ряда водораздельных памятников (Крутец 1А, Бурцево 1, Заозерье 1, Непецино 1 и др.), это доказывают материалы раскопок нескольких сооружений XIII–начала XIV в. на приводораздельном поселении Бешенцево 3 (Грибов, 2007б. С. 61–64).

Сельская округа Нижнего Новгорода охватывала значительную территорию на Волго-Окском правобережье еще до передачи города суздальским князьям. Ее протяженность с запада на восток составляла минимум 70 км – от берегов правобережных притоков р. Кишма до устья р. Кудьма. Многие из крупнейших сельских поселений эпохи Нижегородско-Суздальского княжества, как показали раскопки на поселении Бешенцево 3 и селище Ближнее Константиново 1, были основаны еще в XIII–начале XIV в. Освоение Березова Поля в середине–второй половине XIV в. проходило, очевидно, уже в форме внутренней колонизации. Значительная часть урочищ вблизи города к этому времени была уже заселена и введена в сельскохозяйственный оборот.

К середине XIV в. в окрестностях устья р. Ока сложился компактный заселенный район. К этому времени на территории его городского центра уже были намечены основные селитебные места – как минимум отдельными “пятнами” застроенных участков. Все это свидетельствует о заметном росте населенности края уже в первом столетии после основания Нижнего Новгорода.

Одним из важнейших факторов развития города стало образование в последней четверти XIII в. удельного Городецкого княжества. Нижний Новгород входил в него, вероятно, на правах “пригорода” столичного Городца-на-Волге (Пудалов, 2004. С. 133). Борьба за “великий стол” Андрея городецкого сопровождалась приводом татарских ратей во Владимирскую землю, что стало причиной ухода части населения в периферийные районы (см. сообщение о приросте населения г. Тверь во время Дедюневой рати: Полное собрание..., 2007. С. 82). Маршруты татарских отрядов обходили стороной владения городецкого князя, и, наверное, многие из переселенцев перебрались тогда и в район окского устья. В этой связи возрождение Нижнего Новгорода после Батыева нашествия следует связывать, скорее, с эпохой Андрея городецкого, чем со временем правления суздальских князей.

Важнейшей предпосылкой интенсивного развития Нижнего Новгорода и его округи стало формирование в середине XIII в. новой системы международных коммуникаций, в которой существенная роль отводилась Волжскому пути. В середине–второй половине XIII в. водный путь из Северо-Восточной Руси в Орду был наиболее удобным и безопасным (Пудалов, 2004. С. 94). Нижний Новгород в это время стал местом сбора князей, отбывавших в ханскую ставку (Полное собрание..., 1997. Стб. 474).

Следует отметить, что до начала XIV в. временной резиденцией ханов Золотой Орды служил

Болгар – ближайший к Нижнему Новгороду город на Средней Волге, который в это время был известен еще и как крупнейший торгово-экономический центр всего Поволжья (Егоров, 2009. С. 248). Наиболее ранним материальным свидетельством коммуникации между Нижним Новгородом и золотоордынским Болгаром является медная монета каана Мунке, привезенная в город на окском устье еще в 50-х–первой половине 60-х годов XIII в. (рис. 2, *1*)[11]. Наверное, уже тогда в Нижний Новгород через Болгар поступали отдельные виды сырья для ремесленного производства: в нижней прослойке средневекового горизонта (XIII–начала XIV в.), вскрытого в нижней части Нижегородского кремля, среди отходов косторезной мастерской найдено два фрагмента рога сайгака со следами спилов[12].

Согласно ряду письменных свидетельств, уже в третьей четверти XIII в. по волжской магистрали пролегали маршруты дальней торговли. Одно из них – предписание хана Менгу-Тимура Ярославу Ярославовичу тверскому “дать путь” немецким купцам по его волости (Грамоты..., 1949. С. 57, № 30). Поэтапная форма дальней торговли предполагала наличие перевалочных пунктов для временного хранения товаров. Конечными, а значит важнейшими, пунктами волжского участка международного торгового пути по русским землям были Тверь и Нижний Новгород. У Твери к Волге выходила дорога на Великий Новгород, из Нижнего Новгорода начинался отрезок речного пути в Орду. Может быть, поэтому эти города после разорительного монгольского нашествия достаточно быстро обрели необходимые ресурсы для борьбы за политическое лидерство.

По темпам развития Нижний Новгород отставал от Твери (Лапшин, 2009. С. 198–201). Если Тверь была построена в уже освоенной местности, то Нижний Новгород – там, где до основания города славяно-русское население отсутствовало. Это обстоятельство, очевидно, не могло не сказаться на темпах роста населения края и, соответственно, на интенсивности его развития.

Автор выражает признательность А.Н. Свиридову и Т.А. Марьёнкиной за возможность публикации отдельных находок из раскопок в Нижегородском кремле 2019 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин И.С. Древнерусский сельский грунтовый могильник в бассейне р. Кудьма // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 9. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2005. С. 13–26.

Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII веков (к этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1986. 164 с.

Базунов А.В. О соотношении гончарной керамики из бело- и красножгущегося сырья из заполнений древнерусских ям г. Мурома (по работам 2016 и 2018 гг.) // Культурный слой. Вып. 6. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2020. С. 13–25.

Бейлекчи В.В. Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения). Муром: Изд-во Московского психолого-социолог. ин-та, 2005. 275 с.

Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой трети XIV в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани Акад. наук Республики Татарстан, 2018. 336 с.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.

Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 10. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2006. С. 62–91.

Грибов Н.Н. Исследования в окрестностях Нижнего Новгорода // Археологические открытия 2005 года. М.: Наука, 2007а. С. 131–133.

Грибов Н.Н. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII – XIV в. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2007б. С. 58–67.

Грибов Н.Н. Сопредельные земли Гороховецкой волости на правобережье Оки: основные вехи средневекового освоения // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2017. С. 63–74.

Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН, 2018а (Материалы спасательных археологических исследований; т. 24). 592 с.

Грибов Н.Н. Отчет об археологической разведке в Богородском районе Нижегородской области в 2017 году // Архив ИА РАН. 2018б. Р-1. № 57622.

Гусева Т.В. Городец и Нижний Новгород в свете археологических данных // Проблемы истории и творческое наследие С.И. Архангельского. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитар. центр, 1997. С. 82–84.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: URSS, 2009. 248 с.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Кадиева Е.К. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII века (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII веке: древности темного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 315–339.

[11]Медные монеты г. Болгар полностью выходят из обращения к началу правления Менгу-Тимура (с 1266 г.) (Бугарчев, Петров, 2018. С. 189).

[12]Раскоп 1 (2018 г.) в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника. Видовое определение костей выполнено канд. биол. наук Е.Е. Антипиной.

Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 9. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.: Музей истории города Москвы, 1996. С. 103–133.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII веков. М.: Наука, 2010. 269 с.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV века (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань: Институт истории Акад. наук Республики Татарстан, 2002. 383 с.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

Кудрявцев А.А. Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // Российская археология. 2012. № 4. С. 119–124.

Кузина И.Н. Стеклянные изделия из раскопок в квартале 13 города Владимира в 2006 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2007. С. 128–133.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 352 с.

Лапшин В.А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: ИА РАН, 1992. С. 90–102.

Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Фак. филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. 540 с.

Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 29–98.

Мартьянов В.Н. Древняя история Арзамасского края. Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т, 2004. 443 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-36). 182 с.

Медынцева А.А. Эпиграфика, писала (стили) и церы // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997 (Археология). С. 140–152.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.

Полубояринова М.В. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА РАН, 1991. 112 с.

Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М.: Богородский печатник, 1998. 496 с.

Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2003. 216 с.

Пудалов Б.М. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII –первая треть XIV в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2004. 248 с.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука, 1981 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-60). 124 с.

Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1959. 236 с.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Стрикалов И.Ю. Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани // Археологические памятники Окского бассейна / Науч. ред. И.В. Белоцерковская, В.П. Челяпов. Рязань: Науч.-произв. центр по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1996. С. 146–159.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

Щапова Ю.Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1 / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 55). С. 164–179.

NIZHNY NOVGOROD IN THE 13th–EARLY 14th CENTURY: THE TOWN AND ITS VICINITY BEFORE THE FORMATION OF THE GRAND DUCHY OF NIZHNY NOVGOROD-SUZDAL

Nikolay N. Gribov[a, #]

[a] *Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[#] *E-mail: nnhora@yandex.ru*

The article summarizes the archaeological data on Nizhny Novgorod and sites of its rural vicinity up to the mid-14th century. The author identifies inventory that had disappeared from the local use by the said chronological milestone. The results of inventory mapping indicate a noticeable growth of the urban residential area outside the walls of the fortress of 1221 and the formation of the main areas of rural settlement in the urban vicinity even before the city was transferred to the possession of Suzdal princes. Many of the largest rural settlements of the period of the Nizhny Novgorod-Suzdal principality were founded as early as in the 13th–early 14th century. Archaeological data show a noticeable increase in the population of the region already within

the first centenary following the foundation show a significant increase of Nizhny Novgorod. An assumption is made about the decisive importance that the formation of a new system of international communications had for the development of the town in the Oka estuary in the middle of the 13th century.

Keywords: the Oka estuary area, the Volga-Oka right bank, Nizhny Novgorod, urban development, rural areas, the Golden Horde period.

REFERENCES

Anikin I.S., 2005. A Rus rural ground cemetery on the river Kudma. Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arkheologii [Studies in local history and archaeology in Nizhniy Novgorod], 9. Nizhniy Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta, pp. 13–26. (In Russ.)

Arkhipov G.A., 1986. Mariytsy XII–XIII vekov (k etnokul'turnoy istorii Povetluzh'ya) [The Mari of the 12th–13th centuries (to the ethnocultural history of the Vetluga River region)]. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo. 164 p.

Bazunov A.V., 2020. On the ratio of wheel-made pottery made of white- and red-burning raw materials from the fillings of Rus pits in Murom (based on the works in 2016 and 2018). Kul'turnyy sloy [Cultural layer], 6. Nizhniy Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 13–25. (In Russ.)

Beylekchi V.V., 2005. Drevnosti letopisnoy muromy (pogrebal'nyy obryad i poseleniya) [Antiquities of the recorded Muromians (burial rite and settlements)]. Murom: Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsiologicheskogo instituta. 275 p.

Bugarchev A.I., Petrov P.N., 2018. Monetnye klady Bulgarskogo vilayata XIII – pervoy treti XIV v. [Coin hoards of Bulgar Wilayah of the 13th–first third of the 14th century]. Kazan': Institut istorii imeni Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan. 336 p.

Egorov V.L., 2009. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv. [Historical geography of the Golden Horde in the 13th–14th]. Moscow: URSS. 248 p.

Fedorov-Davydov G.A., 2003. Denezhnoe delo Zolotoy Ordy [Coinage of the Golden Horde]. Moscow: Paleograf. 352 p.

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Charters of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. 408 p.

Gribov N.N., 2006. Chronology of pottery complexes from Rus settlements of the Golden Horde period (based on materials from the sites in the Oka estuary). Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arkheologii [Studies in local history and archaeology in Nizhniy Novgorod], 10. Nizhniy Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta, pp. 62–91. (In Russ.)

Gribov N.N., 2007a. Investigation in the vicinity of Nizhny Novgorod. Arkheologicheskie otkrytiya 2005 goda [Archaeological discoveries of 2005]. Moscow: Nauka, pp. 131–133. (In Russ.)

Gribov N.N., 2007б. Preliminary results of studying a Rus settlement of the second half of the 13th–14th century on the outskirts of Nizhny Novgorod. Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of the scientific seminar], 1. Moscow: IA RAN, pp. 58–67. (In Russ.)

Gribov N.N., 2017. Adjacent lands of the Gorokhovets volost (district) on the Oka right bank: milestones of medieval development. Gorokhovets i zemli Oksko-Klyaz'minskogo mezhdurech'ya v XII–XVII vv.: istoriya i arkheologiya [Gorokhovets and the lands of the Oka-Klyazma interfluve in the 12th–17th centuries: history and archaeology]. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 63–74. (In Russ.)

Gribov N.N., 2018a. Nizhniy Novgorod v XV veke: poiski utrachennogo goroda [Nizhniy Novgorod in the 15th century: search for the lost city]. Moscow: IA RAN. 592 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 24).

Gribov N.N., 2018б. Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v Bogorodskom rayone Nizhegorodskoy oblasti v 2017 godu [Report on archaeological survey in Bogorodsk district of Nizhny Novgorod Region in 2017]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS], R-1, № 57622.

Guseva T.V., 1997. Gorodets and Nizhny Novgorod in the light of archaeological data. Problemy istorii i tvorcheskoe nasledie S.I. Arkhangel'skogo [Issues of history and the creative heritage of S.I. Arkhangelsky]. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gumanitarnyy tsentr, pp. 82–84. (In Russ.)

Kadieva E.K., 2003. Pottery from an urban estate in Vladimir of the late 12th–13th centuries (based on materials from the 1993–1998 excavations in quarter 22). Rus' v XIII veke: drevnosti temnogo vremeni [Rus in the 13th century: antiquities of the dark age]. N.A. Makarov, A.V. Chernetsov, eds. Moscow: Nauka, pp. 315–339. (In Russ.)

Kokorina N.A., 2002. Keramika Volzhskoy Bulgarii vtoroy poloviny XI – nachala XV veka (K probleme preemstvennosti bulgarskoy i bulgaro-tatarskoy kul'tur) [The Volga Bulgaria pottery of the second half of the 11th–early 15th century (to the problem of continuity of the Buglar and Bulgar-Tatar cultures)]. Kazan': Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan. 383 p.

Kolchin B.A., 1982. Chronology of Novgorod antiquities. Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda [Novgorod collected papers. 50 years of excavations in Novgorod]. B.A. Kolchin, V.L. Yanin, eds. Moscow: Nauka, pp. 156–177. (In Russ.)

Koval V.Yu., 1996. Pottery from Rostislavl of Ryazan: issues of chronology. Trudy Muzeya istorii goroda Moskvy [Proceedings of the Museum of Moscow History], 9. Arkheologicheskie pamyatniki Moskvy i Podmoskov'ya [Archaeological sites of Moscow and Moscow vicinity]. Moscow: Muzey istorii goroda Moskvy, pp. 103–133. (In Russ.)

Koval V.Yu., 2010. Keramika Vostoka na Rusi IX–XVII vekov [Pottery from the Orient in Rus of the 9th–17th centuries]. Moscow: Nauka. 269 p.

Kuchkin V.A., 1984. Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv. [Formation of the state territory of North-Eastern Rus in the 10th–14th centuries]. Moscow: Nauka. 352 p.

Kudryavtsev A.A., 2012. Chronology of the locks and keys from medieval Novgorod (based on materials from the Nerevsky excavation site). Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 4, pp. 119–124. (In Russ.)

Kuzina I.N., 2007. Glass objects from the 2006 excavations in quarter 13 of Vladimir. Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of the scientific seminar], 1. Moscow: IA RAN, pp. 128–133. (In Russ.)

Lapshin V.A., 1992. Pottery scale of pre-Mongol Suzdal. Drevnerusskaya keramika [Pottery of Rus]. S.A. Pletneva, ed. Moscow: IA RAN, pp. 90–102. (In Russ.)

Lapshin V.A., 2009. Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.) [Tver in the 13th–15th centuries (based on materials from excavations in 1993–1997)]. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 540 p.

Lesman Yu.M., 1990. Chronology of Novgorod jewelry (10th–14th centuries). Materialy po arkheologii Novgoroda [Materials on Novgorod archaeology], 1988. Moscow: IA AN SSSR, pp. 29–98. (In Russ.)

Mart'yanov V.N., 2004. Drevnyaya istoriya Arzamasskogo kraya [Early history of the Arzamas land]. Arzamas: Arzamasskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 443 p.

Medvedev A.F., 1966. Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. [Hand throwing weapons (bow and arrows, crossbow) of the 8th–14th centuries]. Moscow: Nauka. 182 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-36).

Medyntseva A.A., 1997. Epigraphy, stylus and cerae. Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Rus. Life and culture]. B.A. Kolchin, T.I. Makarova, eds. Moscow: Nauka, pp. 140–152. (Arkheologiya). (In Russ.)

Polnoe sobranie russkikh letopisey [The complete collection of Russian chronicles], 1. Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1997. 733 p.

Polnoe sobranie russkikh letopisey [The complete collection of Russian chronicles], 18. Simeonovskaya letopis' [Simeon's Chronicle]. Moscow: Znak, 2007. 328 p.

Poluboyarinova M.V., 1991. Ukrasheniya iz tsvetnykh kamney Bolgara i Zolotoy Ordy [Adornments made of jemstones from Bolgar and the Golden Horde]. Moscow: IA RAN. 112 p.

Presnyakov A.E., 1998. Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva [Formation of the Great Rus state]. Moscow: Bogorodskiy pechatnik. 496 p.

Pudalov B.M., 2003. Nachal'nyy period istorii drevneyshikh russkikh gorodov Srednego Povolzh'ya (XII–pervaya tret' XIII v.) [The early period of the history of the most ancient Rus towns in the Middle Volga region (12th–first third of the 13th century)]. Nizhniy Novgorod: Komitet po delam arkhivov Administratsii Gubernatora Nizhegorodskoy oblasti. 216 p.

Pudalov B.M., 2004. Russkie zemli Srednego Povolzh'ya (vtoraya tret' XIII –pervaya tret' XIV v.) [Russian lands of the Middle Volga region (the second third of the 13th–first third of the 14th century)]. Nizhniy Novgorod: Komitet po delam arkhivov Nizhegorodskoy oblasti. 248 p.

Ryabinin E.A., 1981. Zoomorfnye ukrasheniya Drevney Rusi X–XIV vv. [Zoomorphic adornments of Rus of the 10th–14th centuries]. Leningrad: Nauka. 124 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-60).

Sakharov A.M., 1959. Goroda Severo-Vostochnoy Rusi XIV–XV vv. [Towns of North-Eastern Rus of the 14th–15th centuries]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 236 p.

Sedova M.V., 1981. Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry of Old Novgorod (10th–15th centuries)]. Moscow: Nauka. 196 p.

Shchapova Yu.L., 1956. Glass beads of Old Novgorod. Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Novgorod archaeological expedition], 1. A.V. Artsikhovskiy, B.A. Kolchin, eds. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 164–179. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 55). (In Russ.)

Strikalov I.Yu., 1996. Pottery chronology and the cultural layer of the Southern fortified settlement of Old Ryazan. Arkheologicheskie pamyatniki Okskogo basseyna [Archaeological sites of the Oka River region]. I.V. Belotserkovskaya, V.P. Chelyapov, eds. Ryazan': Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Ryazanskoy oblasti, pp. 146–159. (In Russ.)

Zakharov S.D., 2004. Drevnerusskiy gorod Beloozero [Old Rus town of Beloozero]. Moscow: Indrik. 592 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 139–152

ПУБЛИКАЦИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ПОСЕЛЕНИИ КЮЛЬТЕПЕ I

© 2022 г. В. Б. Бахшалиев*

Нахичеванское отделение Национальной Академии наук Азербайджана, Нахичевань, Азербайджан

**E-mail: velibahshaliyev@mail.ru*

Поступила в редакцию 08.07.2020 г.
После доработки 18.02.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

По поводу становления эпохи неолита в Южном Кавказе высказывались различные мнения: одни исследователи полагали, что неолит Южного Кавказа возник на местной почве, другие – что он привнесен сюда извне. Для прояснения вопроса в 2012–2018 гг. французско-азербайджанская экспедиция возобновила археологические раскопки в поселении Кюльтепе I. Новые данные частично отражены в некоторых статьях, но полностью не опубликованы. Сравнение археологических материалов, полученных в советское время (раскопки О.А. Абибуллаева), с результатами работ последнего десятилетия позволяет заключить, что культура Кюльтепе формировалась на местной почве в тесном контакте с соседними ближневосточными регионами.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Нахчыван, Кюльтепе I, неолит, керамика.

DOI: 10.31857/S0869606322010032

Археологические раскопки в поселении Кюльтепе I (рис. 1) впервые были проведены в 1959–1964 гг. Нижний слой поселения О.А. Абибуллаев разделил на два – 1а и 1б (Həbibullayev, 1959. S. 14); слой 1а был отнесен к неолитическому, а 1б – к энеолитическому периоду. Однако в своих дальнейших исследованиях О.А. Абибуллаев оба этих слоя отнес к энеолитическому периоду (Абибуллаев, 1982. С. 24). Другие исследователи на основе сравнительных материалов продолжали датировать слой 1а Кюльтепе I периодом неолита (Нариманов, 1987. С. 133; Kushnareva, 1997. С. 30–40; Seyidov, 2003. S. 21, 39–40), а раскопки французско-азербайджанской экспедиции показали, что оба слоя относятся к эпохе неолита. Исследованиями последних лет выявлены также памятники раннего энеолита. Актуальным является сравнительный анализ неолитических археологических материалов Кюльтепе I, выявленных в советское время и во время раскопок французско-азербайджанской экспедиции.

Стратиграфические особенности и строительные остатки. О.А. Абибуллаев отметил, что слой 1а отличается от слоя 1б темным цветом (Həbibullayev, 1959. S. 15). Нижний слой 1а исследователь разделил на пять строительных горизонтов; четыре из них представлены только остатками очагов, а в третьем строительном горизонте выявлены остатки прямоугольного помещения, имевшего глинобитные стены. Внутри помещения находился овальный очаг, сложенный из булыжников, скрепленных глиняным раствором (Абибуллаев, 1982. С. 25). Раскопками французско-азербайджанской экспедиции на Кюльтепе I (название памятника в полевой документации) установлено наличие двух неолитических слоев (рис. 2), обозначенных как слой 1 и слой 2 (Marro et al., 2019).; нижний слой 1 соответствует слою 1а по Абибуллаеву, а слой 2 – слою 1б. Толщина обоих слоев, 8 м. В целом неолитические отложения датируются 6400–5200 гг. до н.э. (таблица).

Нижний слой имел темный цвет и состоял из наслоений золы иногда со следами очагов, выложенных булыжниками (рис. 3, *1*). Ввиду того, что площадь раскопок была ограничена небольшим шурфом, установить форму строительных остатков было невозможно. По разрезу раскопа можно полагать, что первые дома имели вид полуземлянок. (рис. 3, *2*). Второй слой отличался светлым цветом (рис. 3, *1*). Это вызвано цветом глины, использованной при строительстве помещений. В отличие от первого, во втором слое строительные остатки прослежены четче, так как раскопки проведены на большой площади, примерно 450 м^2. Этот слой характеризовался помещениями круглой, а иногда овальной в плане формы (рис. 4, *1–2*). Иногда около стен находились пяточные камни, что говорит о существовании дверей, закрывавшихся по одной вертикальной оси (рис. 4, *4*). Во внутренней части помещений выявлены очаги (рис. 4, *3*), выложенные булыжниками и скрепленные глиной. Найдены отщепы обсидиана, ке-

Рис. 1. Местоположение поселения Кюльтепе I (карта памятников составлена автором).
Fig. 1. The location of the Kültepe I settlement (the map of sites was designed by the author)

рамика, камни для пращи, орудия труда из кости, обсидиана и базальта.

Размеры помещений очень разные. Вокруг помещений также найдены керамические изделия, отдельные орудия труда и рабочие места. В одном случае найдено скопление зернотерок, указывающее, что люди хозяйственными работами занимались на дворе.

Земледелие и скотоводство. Исследование остатков фауны и флоры показывает, что поселенцы Кюльтепе I уже осваивали производящую экономику. Основные виды животных были прируче-

Радиоуглеродные даты поселения Кюльтепе I (на основе анализа угля)
Radiocarbon dates of the settlement of Kültepe I (based on coal analysis)

Шифр образца	Лабораторный индекс	Дата BP	$\delta^{13}C$ (‰)	CalBC (95.4%)
Kultepe-2013-B-035	LTL14889A	6374 ± 50	–24.4 ± 0.4	5473–5293
Kultepe-2013-B-006	LTL14890A	6926 ± 45	–18.6 ± 0.2	5903–5720
Kultepe14-P1.002	LTL14935A	6477 ± 45	–21.3 ± 0.6	5520–5341
Kultepe14-D004	LTL14936A	7042 ± 45	–22.8 ± 0.6	6014–5836
Kultepe14-C021	LTL14937A	6548 ± 45	–19.6 ± 0.5	5616–5466
Kultepe14-C034	LTL15113A	7099 ± 50	–21.1 ± 0.6	6070–5880
Kultepe14-C032	LTL15114A	7065 ± 50	–19.9 ± 0.5	6040–5840
Kultepe18-E362B	LTL18619A	7268 ± 45	–21.1 ± 0.6	6226–6050
Kultepe18-E362A	LTL18618A	7210 ± 45	–21.1 ± 0.6	6210–6004
Kultepe18-E362C	LTL16900A	7361 ± 55	–19.9 ± 0.5	6372–6084

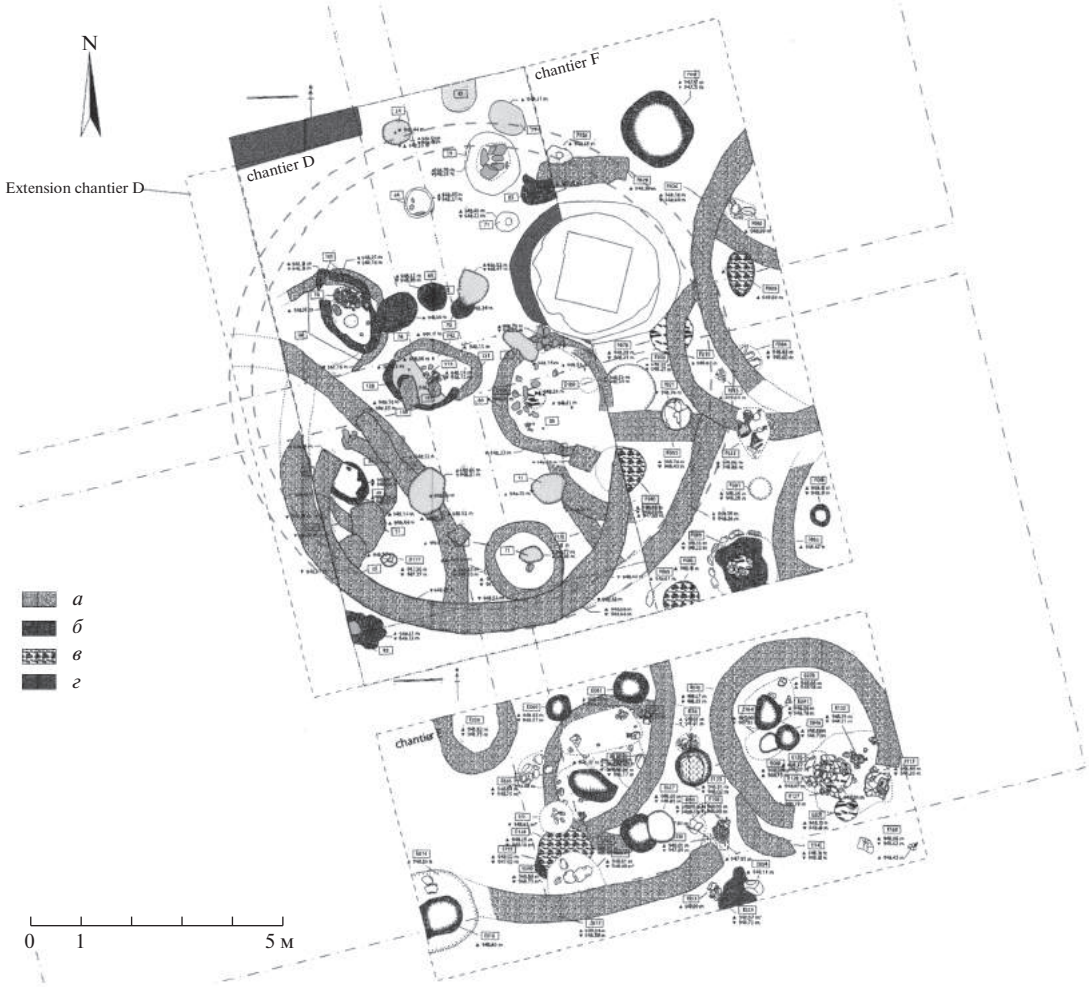


Рис. 2. Общий план раскопок поселения Кюльтепе I (раскопки В. Бахшалиева и К. Марро; чертеж Г. Гадебуа). Условные обозначения: *а* – глинобит, *б* – остатки кирпичей, *в* – очаг, *г* – пепел.

Fig. 2. General plan of the excavations at the Kültepe I settlement (excavations by V. Bakhshaliyev and C. Marro; drawing by G. Gadebois)

ны. В животноводстве первое место занимал мелкий рогатый скот. В первом слое доля костей мелкого рогатого скота была 85%, а крупного рогатого скота – 5%. Во втором слое число костей крупного рогатого скота возрастает до 15%, а доля костей мелкого рогатого скота уменьшается до 80% (Marro et al., 2019. P. 105). Как видно, несмотря на незначительные изменения, разведение мелкого рогатого скота в период неолита сохраняло ведущее место в скотоводстве. По-видимому, это было связано с образом жизни поселенцев Кюльтепе I. Исследования подтверждают раннее использование поселенцами обсидиановых и медных ресурсов Южного Кавказа, которые расположены далеко от Кюльтепе I. Анализ костных остатков свидетельствует, что в занятиях населения определенное место занимала также охота. Охотились на дикого кабана, красного оленя, газель, козла и птицу. Среди костей животных присутствуют также кости лисы, медведя и черепахи (Marro et al., 2019. P. 105).

В земледелии в основном культивировались голозерная пшеница (*Triticum aestivum/durum)*, ячмень (*Hordeum vulgare)*, эммер (*Triticum turgidum* subsp. *dicoccon)* и чечевица (*Lens culinaris)*. Результаты исследования показывают, что все эти растения были одомашнены (Marro, 2019. P. 104–105). Таким образом, можно сказать, что в хозяйстве древних поселенцев основное место занимали скотоводство и земледелие, и частично, охота.

Орудия труда из камня и кости. Основные виды орудий труда также свидетельствуют о земледельческо-скотоводческом характере хозяйства поселенцев Кюльтепе I. Для изготовления орудий труда применялись различные виды камня (Абибуллаев, 1982. С. 52). Преобладают орудия, многочисленные

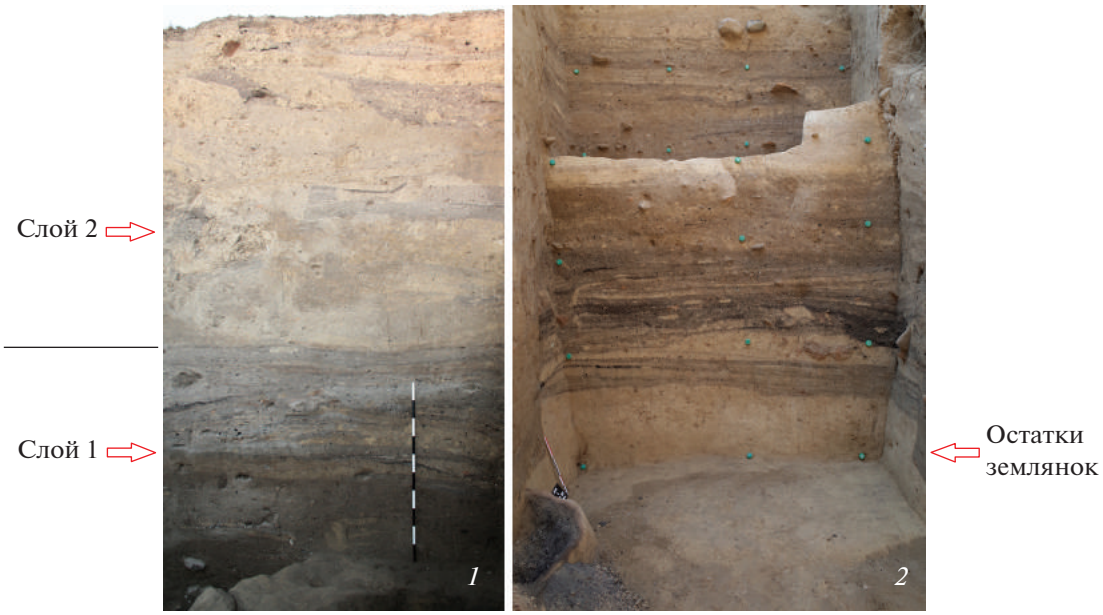


Рис. 3. Разрезы неолитического слоя (фото Р. Бертон).
Fig. 3. Sections of the Neolithic layer (foto by R. Berton)

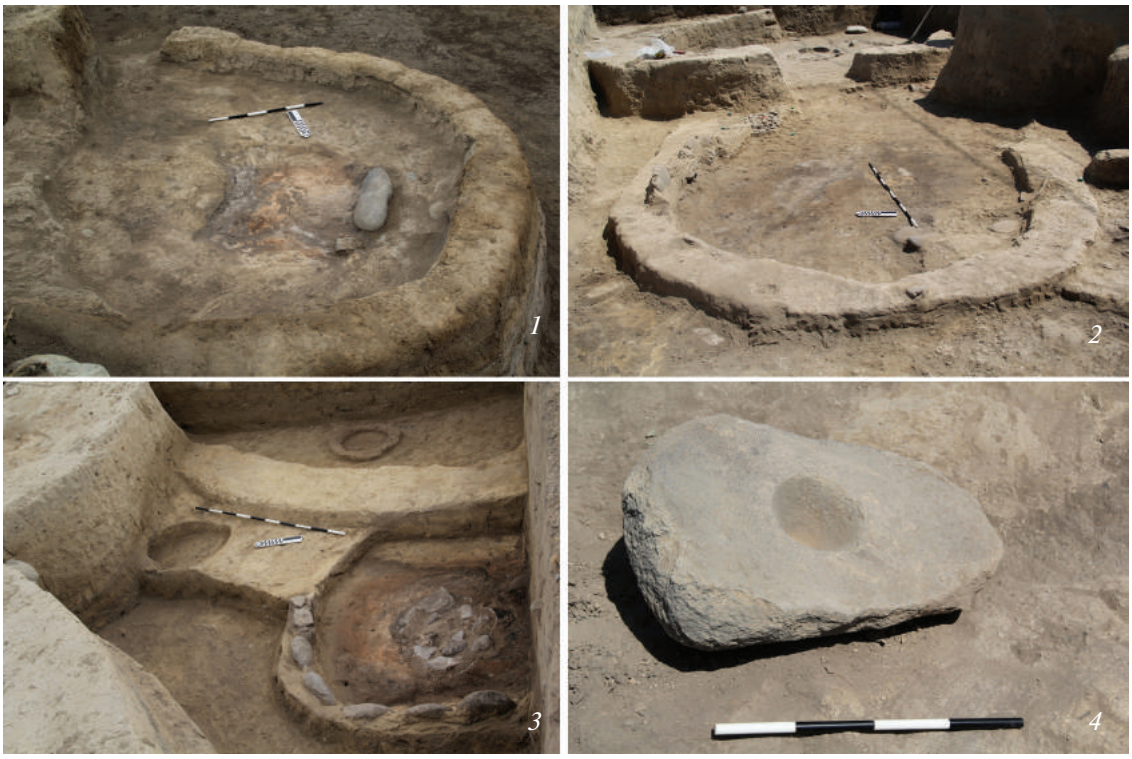


Рис. 4. Остатки зданий (фото В. Бахшалиева).
Fig. 4. Architecture remains (foto by V. Bakhshaliyev)

нуклеусы (рис. 5, *1*), а также отщепы и осколки из обсидиана (Абибуллаев, 1982. С. 53), которые находились в обоих слоях поселения; они подтверждают, что обработка обсидиана производилась в самом поселении. Определенная группа орудий представлена пластинами трехгранной и четырех-

гранной формы. Многие из них достигают 15–20 см в длину (рис. 5, *2*, *3*). Некоторые типы подобных орудий не имеют следов обработки, а другие обработаны односторонней или же двусторонней ретушью. Некоторые необработанные орудия несут следы употребления в виде затупленности и выщерблин (Абибуллаев, 1982. С. 54). Среди вкладышей имеются также несколько микролитов. По мнению О.А. Абибуллаева, большие пластины использовались в качестве вкладышей цельных серпов, а маленькие (рис. 5, *5*, *6*) – составных (Абибуллаев, 1982. С. 54). Основы составных серпов изготовлены из кости, нередко из рога оленя; на специально сделанную выемку крепились вкладыши (рис. 5, *9*). Подобные орудия известны из первого слоя поселения (Абибуллаев, 1982. С. 54). Следует отметить, что большие пластины могли использоваться также в качестве ножей. Среди обсидиановых изделий в небольшом количестве имеются также скребки (рис. 5, *4*). Они имеют округлую или же дугообразную форму, обрамлены ретушью. Подобные орудия, по-видимому, использовались для обработки кожи.

Среди земледельческих орудий привлекают внимание каменные мотыги (рис. 5, *10*) овальной формы, которые были найдены в небольшом количестве. Лезвия их с обеих сторон заострены, а на обушной части просверлено отверстие для рукоятки. Для обработки земли, по-видимому, использовались также орудия типа тесла (рис. 5, *11*).

Земледельческие орудия представлены в основном зернотерками. Они изготовлены из пористых и плотных камней. Представлены верхние и нижние камни. Зернотерки первого слоя в основном овальные и плоские. Во втором слое встречаются также ладьевидные формы подобных орудий. На поверхности отдельных орудий встречаются следы красной краски (Абибуллаев, 1982. С. 59). Это свидетельствует о том, что данный тип орудий использовался также для растирания минералов.

Кроме каменных орудий имеются также многочисленные костяные (рис. 5, *12–14*), которые также связаны с земледельческо-скотоводческим хозяйством древних поселенцев. Среди них мотыги, проколки, шилья, пряслица и др.

Металлургия и металлообработка. В хозяйственном укладе древних жителей Кюльтепе I, помимо земледелия и скотоводства, важную роль имели металлургия и металлообработка. Металлические изделия выявлены из второго слоя поселения. Орудия, связанные с горным делом, также известны из этого слоя. Эти орудия (молоты) изготовлены из плотных пород камня. Одно из них имеет валикообразную форму с закругленными краями (рис. 5, *7*). Орудие тщательно обработано. На поверхности есть следы использования (Абибуллаев, 1982. С. 58). В средней части их имеется горизонтальный желобок, опоясывающий орудие и служивший для прикрепления рукоятки. На обушной части другого молота имеется недосверленное отверстие (рис. 5, *8*). Подобные орудия нами найдены в Дуздаге (Marro et al., 2010. P. 229–244), что свидетельствует об их использовании в горном деле[1]. Еще один каменный молот с прорезным отверстием со следами медной руды был найден близ Нахчывантепе[2].

Во втором слое поселения Кюльтепе I найдены остатки семи металлических изделий (Абибуллаев, 1982. С. 78). Большинство этих предметов изготовлено из меди с незначительными примесями других металлов. Лишь один фрагмент неопределенного предмета изготовлен из меди с 0.4% примесью мышьяка (Бахшалиев, 2005. С. 31). Другой предмет, четырехгранная проколка, изготовлен из медно-мышьяково-никелевого сплава (Бахшалиев, 2005. С. 32). По мнению исследователей, медно-никелевые предметы характерны для южных регионов; на Кюльтепе I они являются импортными или, скорее всего, изготовлены на месте из привезенного металла (Махмудов, Мунчаев, Нариманов, 1968. С. 23). По мнению И.Р. Селимханова, в то время человек еще не был знаком с металлическим никелем, но некоторые свойства никелистых бронз были отчасти известны, и не исключено, что плавильщик добавлял в шихту для плавки никелевые руды (Селимханов, 1970. С. 58). Металлические изделия второго слоя Кюльтепе I являются продуктом довольно развитой для того времени металлургии, что заставляет нас думать об истоках ее развития. Нет оснований считать, что ранние металлические изделия из Кюльтепе I являются привозными, ибо медно-мышьяковые изделия в энеолитических памятниках более развитых регионов не зафиксированы.

Использование ресурсов обсидиана. Исследования показывают, что производящая экономика была в довольно развитом состоянии, и древние поселенцы имели связи с отдаленными странами. Об этом говорит также использование ресурсов обсидиана бассейна оз. Севан, которое на территории Нахчывана началось во второй пол. VII тыс. до н.э. Таких ресурсов на территории Нахчывана и Северо-западного Ирана нет. Поселенцы Кюльтепе I в основном разрабатывали ресурсы Сюник (49%) и Гегхасар (50%). Находки обсидиана из других месторождений незначительны в количественном отношении (Baxşəliyev, 2019. S. 17–19). Обсидиановые находки из Гегхасар преобладали также в памятниках Карабах-

[1] Соляные копи Дуздаг находятся вблизи города Нахчыван. Нашими исследованиями там были выявлены древние рудники и обнаружены многочисленные орудия горного дела.

[2] Эта находка не опубликована.

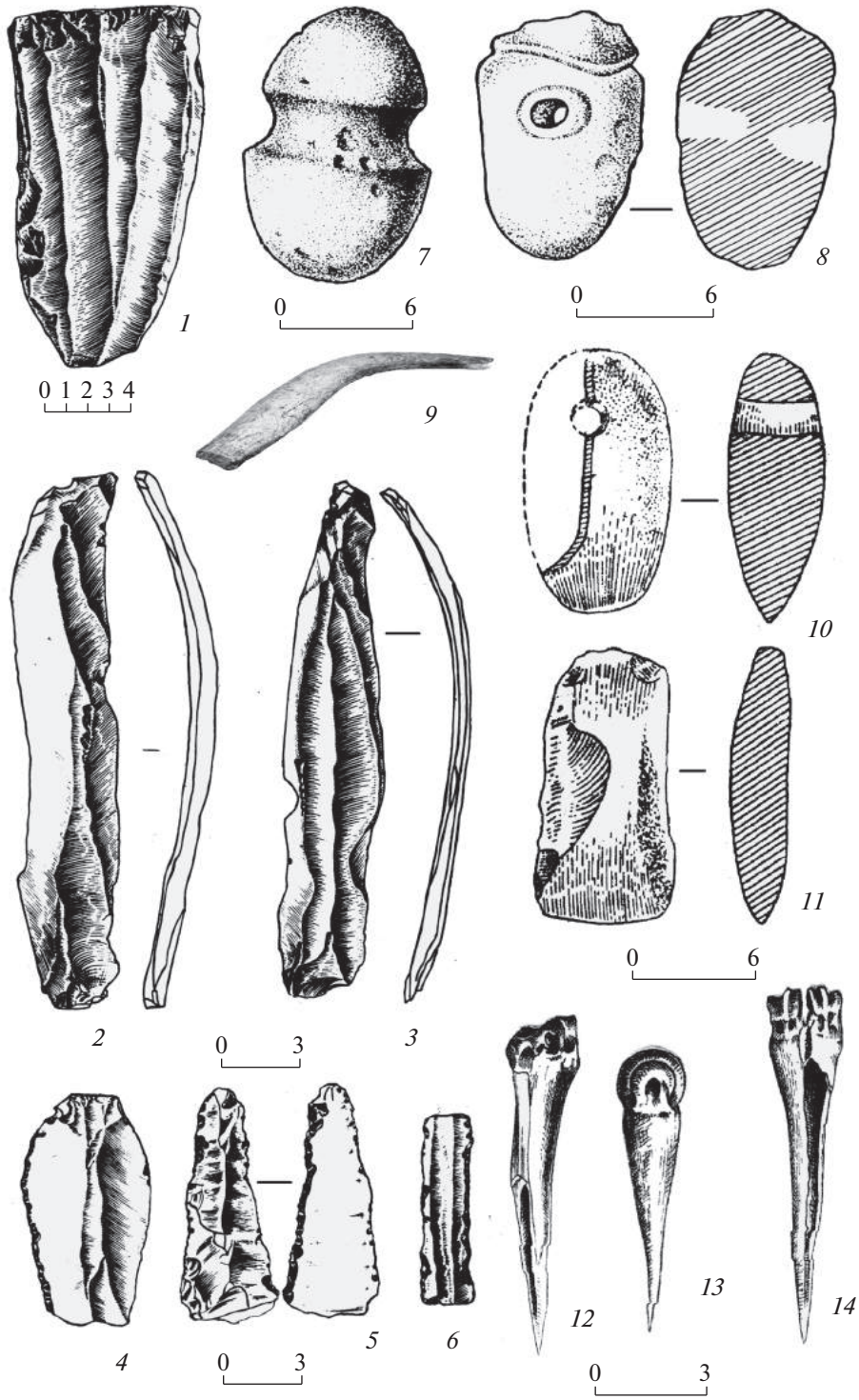


Рис. 5. Орудия труда (из раскопок О. Абибуллаева).
Fig. 5. Tools (from O. Abibullayev's excavations)

ской равнины Чалагантепе и Тойретепе; по распространенности обсидиана на Южном Кавказе ресурс Гегхасар является доминирующим (Бадалян, Кикодзе, Коль, 1996. С. 257), что говорит о связях поселенцев. Обсидиановые ресурсы Сюник и Гегхасар широко использовались также в энеолитическом периоде. Так, в Нахчыван Тепе преобладает обсидиан из Сюник (42%) и Гегхасар

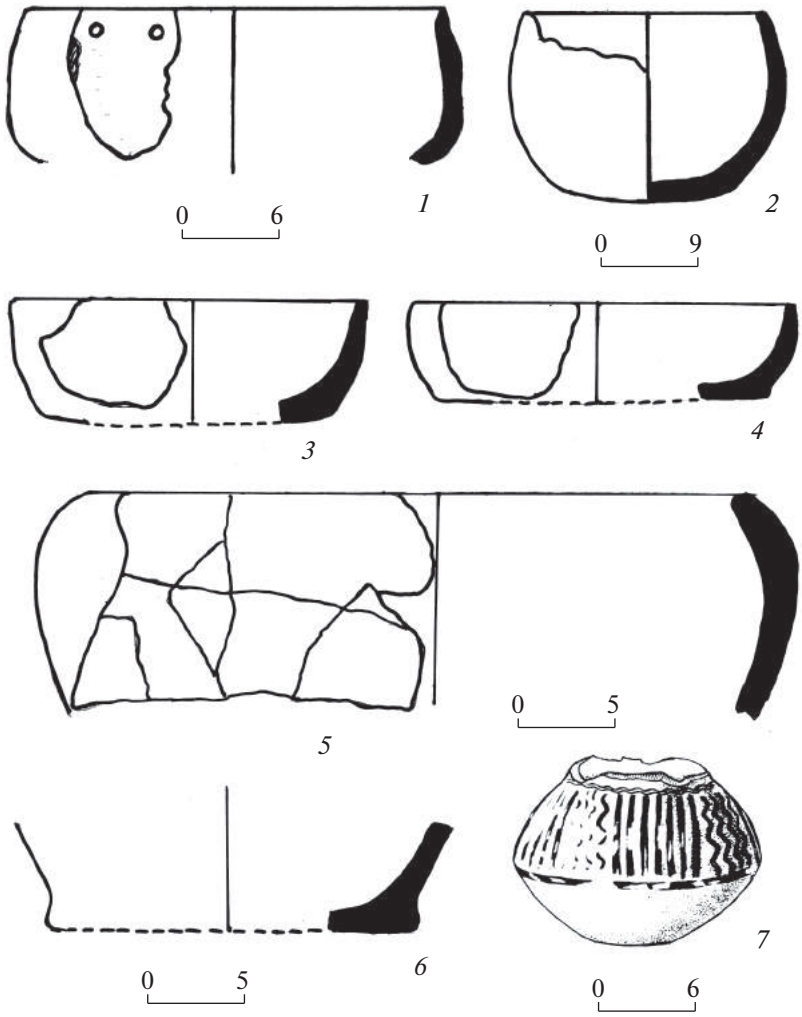


Рис. 6. Керамика первого слоя (из раскопок О. Абибуллаева).
Fig. 6. Ceramics of the first layer (from O. Abibullayev's excavations)

(37%), а в поселении Овчулартепеси 74% обсидиана поступало из Гегхасар, 13% – из Сюник. Обсидианы из Сюник преобладают также в памятниках бассейна оз. Урмия (95%) в Северо-западном Иране (Khademi et al., 2013. P. 1956–1965). Несомненно, что использование природных ресурсов в определенной степени способствовало развитию межрегиональных связей.

Керамическая посуда. Большая часть археологических находок из раскопок представлена керамическими изделиями. Керамика изготовлена из глины с примесью рубленой соломы и обожжена в разных оттенках красного цвета. Обжиг неравномерный: на срезе стенок сосудов прослеживается необожженная серая, а иногда черная прослойка.

Керамический материал *из первого слоя* очень малочисленный, поскольку раскопки проведены на меньшей площади. Он представлен мисками и банкообразными сосудами, вылепленными грубо, часто с шероховатой поверхностью. Миски с выпуклыми стенками (рис. 6, *2–5*), банкообразные сосуды с цилиндрическим туловищем округлены у дна (рис. 6, *1*). Дно сосудов плоское, иногда с выступающим наружу краем (рис. 6, *6*). Подобные сосуды по форме очень сходны с материалами Хассуны, Самарры (Mellaart, 1965. P. 65. Fig. 40) и Чатал-Гуюк (Mellaart, 1975. P. 105. Fig. 52).

Расписной горшок из погребения № 71 также относится к этому слою. Горшок расписан прямо по неокрашенной поверхности коричневыми вертикальными линиями (рис. 6, *7*). Однако роспись горшка недостаточно хорошо сохранилась и местами стерта. Близкие аналоги этому горшку известны из Тепе Гуран, но орнаментация имеет отличия (Mellaart, 1975. P. 86. Fig. 38, g).

Во втором слое количество керамики возрастает, и появляется большее разнообразие (рис. 7; 8). В коллекцию посуды входят фрагменты кувши-

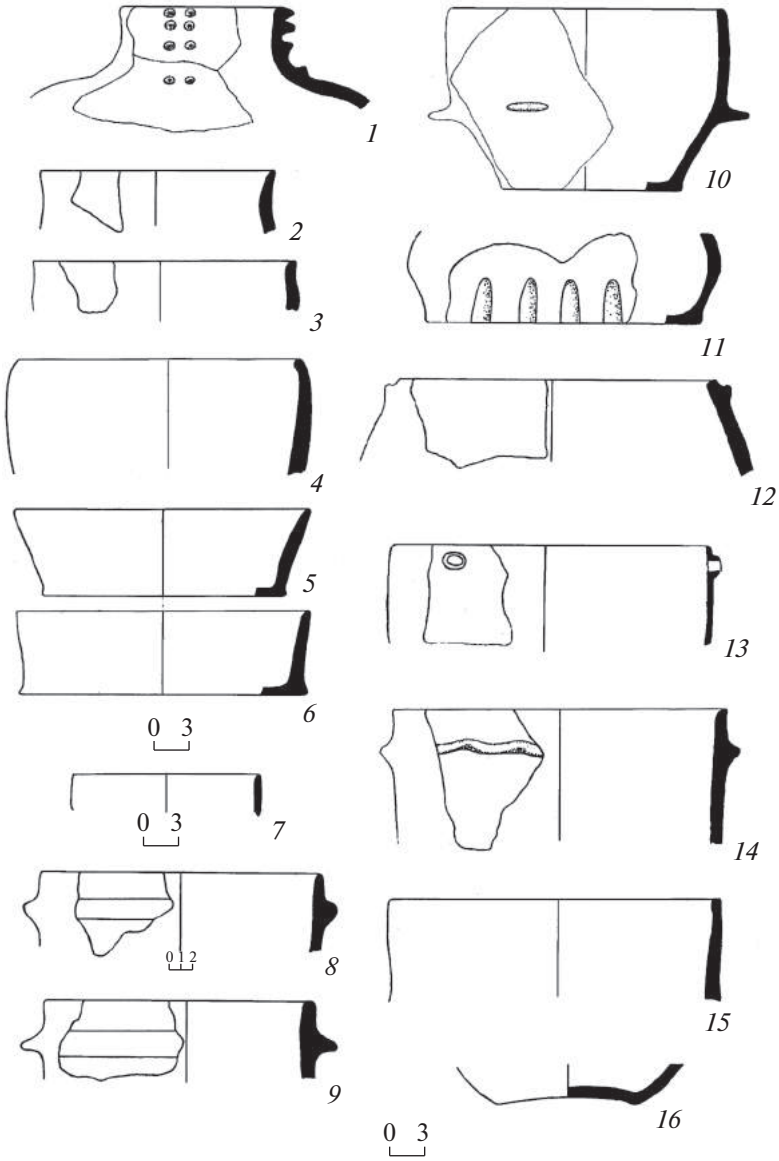


Рис. 7. Керамика из второго слоя (из раскопок В. Бахшалиева и К. Марро).
Fig. 7. Ceramics of the second layer (from V. Bakhshaliyev and C. Marro excavations)

нов, горшков, банок, бочкообразных сосудов и мисок. Они сходны с материалами из поселений Южного Кавказа, в том числе Азербайджана. Близкие параллели известны из Шомутепе (Ахундов, 2012. С. 367–384), Молла Нагитепеси (Мусеибли, 2012. С. 40–50), Гойтепе (Гулиев, Гусейнов, Алмамедов, 2009. С. 26–30), Хаджи Фируз (Voigt, 1983. P. 114–140) и других памятников.

Кувшины представлены несколькими экземплярами с отогнутыми наружу венчиками. Горло одного из них украшено двумя рядами шишкообразных выступов (рис. 7, *1*, *2*). Сосуды с подобными украшениями известны из Гадашрили гора (Hamon et al., 2015. Fig. 7), Имирис гора (Kiguradze, 1986. Abb. 40, 13) и Шомутепе (Ахундов, 2012. Табл. 209, *5/526*).

Имеются миски различных типов. Миски с округлым корпусом имеют отогнутый наружу (рис. 7, *3*) или вогнутый внутрь венчик (рис. 7, *4*). Подобные миски известны из Хаджи Фируза (Voigt, 1983. Fig. 83, *O*) и Шомутепе (Ахундов, 2012. Табл. 205, 4/548). Третий тип мисок – конусовидной формы со скругленным венчиком (рис. 7, *5*, *6*). Разнообразные вариации форм подобных мисок обнаружены в поселении Хаджи Фируз (Voigt, 1983. Fig. 75, *b*, *p*, *q*). Древнейшие экземпляры аналогичных мисок известны из Телль-эс-Савана (Mellaart, 1975. P. 133. Fig. 91). Из других памятников Ближнего Востока (Арпачия, Юнус и

Телль Халаф) известны также расписные экземпляры мисок такой формы (Mellaart, 1975. P. 133. Fig. 93). Этот тип мисок, ранние экземпляры которого обнаружены во втором слое Кюльтепе I, бытовали на протяжении длительного времени на территории Нахчывана, где они известны также из позднеэнеолитических памятников (Бахшалиев, 2014. Рис. 5, *14*).

В керамической коллекции второго слоя Кюльтепе I преобладают банковидные (рис. 7, *7*) и котлообразные сосуды. Сосуды с цилиндрическим туловом – так называемые банковидные – представлены большим количеством экземпляров. На краю некоторых из них имеется сквозное отверстие. Подобные сосуды хорошо известны из раскопок Абибуллаева слоев 1а и 1б поселения Кюльтепе I (Həbibullayev, 1959. С. 59). По форме они близки аналогичным сосудам из Хаджи-Фируз (Voigt, 1983. Fig. 74, *f*, *g*). Такие сосуды известны также из поселения Акнашен-Хатунарх (Badalyan et al., 2010. Fig. 9-3, *1*, *4*, *6*). Некоторые сосуды украшены рельефным пояском (рис. 7, *8*, *9*, *14*). Следует сказать, что сосуды с рельефными поясками в неолитических памятниках Кавказа встречаются редко, однако на керамике Дангреули гора есть змеевидный рельефный орнамент (Kiguradze 1986. Abb. 19, *15*). На одном из банковидных сосудов имеется короткий цилиндрический слив (рис. 7, *13*). Подобные сливы на посуде памятников Южного Кавказа встречаются очень редко, однако они хорошо известны из памятников Ближнего Востока, таких как Филиа (Mellaart 1975. P. 133. Fig. 78) и Mersin (Mellaart, 1975. P. 129. Fig. 74).

На некоторых сосудах встречен так называемый ушковидный рельефный декор в виде симметрично расположенных выступов (рис. 7, *10*; 8, *4*). Как известно, подобный декор широко распространен в таких памятниках Южного Кавказа эпохи неолита, как Шомутепе (Ахундов, 2012. С. 56. Табл. 209, 210), Акнашен-Хатунарх (Badalyan et al., 2010. Fig. 9-2, *5–11*), Гейтепе, Арухло (Kushnareva, 1997. Fig. 9, *1*, *2*).

Присутствуют котлообразные сосуды с выпуклым корпусом (рис. 7, *12*). Некоторые из них у края венчика имеют круглое отверстие, а другие – ушковидный выступ. Нижняя часть корпуса отдельных сосудов украшена овальными впадинами (рис. 7, *11*).

Отдельные сосуды использовались для хранения запасов продовольствия (рис. 8, *5*). Подобные сосуды, по-видимому, заглублялись землю и использовались в таком виде. В поселении Кюльтепе I найдено очень мало хозяйственных ям. Возможно, большие сосуды применялись для хранения запасов продовольственных продуктов.

Выявленные материалы показывают, что дно сосудов было плоским, чаще выступающим наружу. Некоторые фрагменты дна сосудов обработаны грубо. Сосуды с подобным дном выявлены в Шомутепе (Нариманов, 1987. Рис. 10; Ахундов, 2012. Табл. 211–216), Молла Наги тепеси (Мусеибли, 2012. Табл. VI, *3–6*) и на других поселениях. Часть их имеют вогнутое дно (рис. 7, *16*). Сосуды с подобным дном известны из Хаджи Фируз (Voigt, 1983. Fig. 91, *n*).

Несмотря на то что некоторые керамические изделия имеют близкие параллели в неолитических памятниках Южного Кавказа, в том числе и Азербайджана, формовка сосудов отличается особенностями, что, по нашему мнению, было связано с самостоятельным развитием и местными традициями. При этом следует отметить, что изящно изготовленные керамические изделия (рис. 8, *1–3*), обнаруженные в нижнем горизонте второго слоя поселения Кюльтепе I, относятся к халафской культуре и несомненно свидетельствуют о развитии взаимных отношений с ближневосточными странами. Расписную керамику из неолитического слоя О.А. Абибуллаев разделил на две группы. Керамические изделия с примесью рубленой соломы были отнесены к местному производству, а изделия с примесью песка считались привозными (рис. 6, 7, 8, *1–3*). Такого мнения придерживались и другие исследователи (Иессен, 1963. С. 12; Мунчаев, 1975. С. 120). При этом Р. Мунчаев делал вывод, что расписная керамика из Кюльтепе I, поселений Мильской степи и Мугани попала в Закавказье из Иранского Азербайджана, из восточных районов оз. Урмия (Мунчаев, 1975. С. 127). И. Нариманов (Нариманов, 1987. С. 126) и Р. Мунчаев (Мунчаев, 1975. С. 129) отмечали, что расписная керамика Мильской степи в определенной степени сходна с расписной керамикой Тепе Гурана. Происхождение расписной керамики Мильской степи И. Нариманов связал с памятниками северо-западного Ирана (Нариманов, 1987. С. 126). Горшки из Кюльтепе I (рис. 8, *1*) он сопоставлял с керамикой Телль-Арпачии, Телль-Халафа и Тепе-Гавры и делал вывод, что они могли попасть в Закавказье через Тилкитепе из Восточной Анатолии; при этом он допускал возможность загросского происхождения подобного типа керамики (Нариманов, 1987. С. 160). Несмотря на присутствие привозных предметов, простая керамика, которая составляет большую часть изделий, несомненно, возникла на местной почве.

В литературе встречаются разные мнения о становлении и развитии культур эпохи неолита на Южном Кавказе. Неолитическая культура, в основном характеризующаяся керамикой с минеральной примесью и распространенная в районах Гянджа и Казах Азербайджана, обозначена исследователями как культура Шомутепе (Baxşəliyev, 2007. S. 32–38). Ввиду того, что культура Шомутепе в определенной степени охватывала террито-

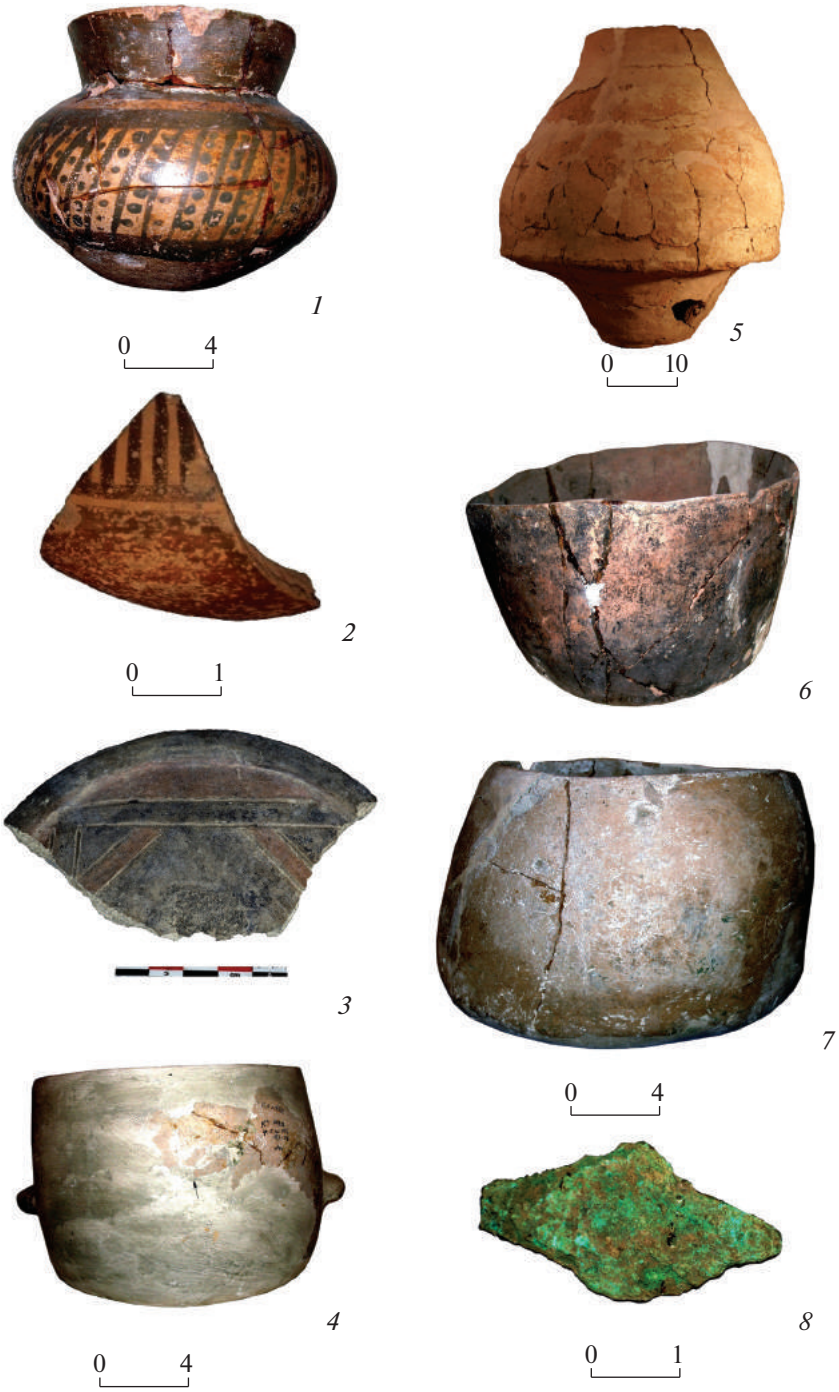


Рис. 8. Расписная и “простая” керамика; металлический предмет из второго слоя (из раскопок О. Абибуллаева).
Fig. 8. Painted and “plain” ceramics; a metal object from the second layer (from O. Abibullayev’s excavations)

рию Грузии, в литературе эта культура обозначена также именами Шомутепе-Шулавери (Мунчаев, 1975. С. 97; Lyonnet et al., 2012. P. 2), Шулавери-Шомутепе (Lyonnet et al., 2012. P. 85), а также Араташен-Шулавери-Шомутепе (Harutyunyan et al., 2019. P. 11). С другой стороны, обнаруженная в Нахчыване культура, для которой характерна посуда с примесью рубленой соломы, названа культурой Кюльтепе (Baxşəliyev, 2007. S. 38–58). Она существовала также и в пределах Куро-Араксской низменности, причем памятники Мильской и Муганской равнин моложе нахчыванских и отличаются от последних изначальным присутствием керамики с тисненым ор-

наментом, который появился лишь во второй половине VI тыс. до н.э.

Подчеркнем, что посуда поселения Кюльтепе I как по форме, так и по технологии изготовления сходна и с керамикой памятников Араратской равнины. В связи с этим подчеркнем, что керамика с примесью рубленой соломы из поселения Араташен технологически не соответствует стандарту культуры Шомутепе.

В настоящее время поселение Кюльтепе I является одним из самых древних памятников эпохи керамического неолита на Южном Кавказе. Анализ угля из различных горизонтов показал, что неолитический слой этого поселения существовал в интервале 6372–5200 гг. до н.э. (Бахшалиев и др., 2017, С. 32). Как уже сказано выше, материалы Кюльтепе I свидетельствуют о развитой производящей экономике. Поэтому некоторые исследователи предполагают, что культура эпохи неолита была привнесена на Южный Кавказ в готовом виде (Ахундов, 2019. С. 98). В советское время придерживались мнения, что земледельческо-скотоводческое население Южного Кавказа пришло из Северной Месопотамии (Массон, 1964. С. 407). Это мнение разделяется также некоторыми зарубежными исследователями (Cucchi et al., 2013).

Это предположение основано главным образом на присутствии расписной керамики в нижних неолитических слоях памятников Южного Кавказа, в том числе и в Кюльтепе I. Как известно, расписной горшок из Кюльтепе I был найден в погребении (Абибуллаев, 1982. С. 40), где покойный лежал на спине. Подобный погребальный обряд в свое время также связывали с поселенцами Месопотамии (Чайлд, 1956. С. 77). Такой обряд практиковался на различных уровнях первого слоя Кюльтепе I (Абибуллаев, 1982. С. 40–46). Тем не менее другие исследователи предпочитали искать истоки неолитической эпохи в местной мезолитической культуре Южного Кавказа (Nishiaki, Guliyev, Kadowaki, 2015). В настоящее время для этого региона известны памятники всех этапов каменного века, а неолитические культуры отличаются разнообразием, что говорит о существовании различных центров становления неолита. Следует учитывать, что виды фауны и флоры на памятниках не являются привозными; становление металлургии и металлообработки происходило с опорой на местную сырьевую базу (Бахшалиев, 2005. С. 16–29); местными были ресурсы обсидиана. Отметим, что кавказский обсидиан проникал в ближневосточные страны уже в конце VI тыс. до н.э. (Barge et al., 2018. P. 310–311).

Как и в других неолитических поселениях Южного Кавказа, напластования докерамического неолита на Кюльтепе I не выявлены. Поэтому вопрос о начальном импульсе и конкретном содержании процесса неолитизации в регионе далек от разрешения. Поскольку изящные расписные изделия выявлены в различных уровнях первого слоя поселения Кюльтепе I, можно лишь еще раз подчеркнуть, что в неолитическую эпоху поддерживались тесные связи Южного Кавказа с ближневосточными странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абибуллаев О.А. Энеолит и бронза на территории Нахичеванский АССР. Баку: Элм, 1982. 316 с.

Ахундов Т.И. У истоков Кавказской цивилизации. Неолит Азербайджана. 1. Шомутепе. Баку: Наука, 2012. 386 с.

Ахундов Т.И. Неолит Южного Кавказа // Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the Context of Connections and Interactions within the Eurasian Cultural Space (new data and concepts): proceedings of the international conference (St. Petersburg, november 18–22, 2019). St. Petersburg, 2019. С. 97–100.

Бадалян Р.С., Кикодзе З.К., Коль Ф.Л. Кавказский обсидиан: источники и модели утилизации и снабжения (Результаты анализов нейтронной активации) // Историко-филологический журнал. 1996. № 1–2. С. 245–264.

Бахшалиев В. Древняя металлургия и металлообработка на территории Нахичевани. Баку: Элм, 2005. 120 с.

Бахшалиев В.Б. Новые энеолитические памятники на территории Нахчывана // Российская археология. 2014. № 2. С. 88–95.

Бахшалиев В.Б., Маро К., Реми Б., Кулиева З. Археологические раскопки на поселении Кюльтепе // Problems of the Archaeology of the Caucasus and Near East. Neolithic – Late Bronze Age. Baku: Институт археологии и этнографии, 2017. С. 26–41.

Гулиев Ф., Гусейнов Ф., Алмамедов Х. Раскопки неолитического поселения VI тыс. до н.э. на холме Гойтепе (Азербайджан) // Азербайджан – страна, связывающая восток и запад. Обмен знаниями и технологиями в период “первой глобализации” VII–IV тыс. до н.э.: материалы междунар. симпозиума. Баку: German Embassy, 2009. С. 26–30.

Иессен А.А. Кавказ и Древний Восток в IV–III тысячелетиях до н.э. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1963. Вып. 93. С. 3–14.

Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 468 с.

Махмудов Ф.А., Мунчаев Р.М., Нариманов И.Г. О древнейшей металлургии Кавказа // Советская археология. 1968. № 4. С. 16–26.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 478 с.

Мусеибли Н. Вопрос происхождения Шомутепинской культуры в контексте новых раскопок // Раннеземледельческие культуры Кавказа: сб. материалов междунар. конф. / Ред. М.Н. Рагимова. Баку: Элм, 2012. С. 40–50.

Нариманов И.Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку: Элм, 1987. 260 с.

Селимханов И.Р. Разгаданные секреты древней бронзы. М.: Наука, 1970. 78 с.

Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. 303 с.

Badalyan R., Harutyunyan A., Chataıgner Ch., Le Mort F., Brochıer J., Balasescu A., Radu V., Hovsepyan R. The Settlement of Aknashen-Khatunarkh, A Neolitic Site in the Ararat Plain (Armenia): Excavation Results 2004–2009 // Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi (TÜBA-AR). 2010. 13. P. 185–218.

Barge O., Azizi Kharanaghi H., Biglari F., Moradi B., Mashkour M., Tengberg M., Chataigner Ch. Diffusion of Anatolian and Caucasian obsidian in the Zagros Mountains and the highlands of Iran: Elements of explanation in 'least cost path' models // Quaternary International. 2018. 467. P. 297–322.

Baxşəliyev V. Azərbaycan Arxeologiyası. Bakı: Elm, 2007. 240 s.

Baxşəliyev V., Quliyeva Z., Baxşəliyev E., Həşimova T., Mehbalıyev K. Naxçıvantəpədə 2018-ci ilin arxeoloji tədqiqatları. Naxçıvan: Əcəmi, 2019. 135 s.

Cucchi T., Kovács Z., Berthon R., Orth A., Bonhomme F., Evin A., Siahsarvie R., Darvish J., Bakhshaliyev V., Marro C. On the trail of Neolithic mice and men towards Transcaucasia: zooarchaeological clues from Nakhchivan (Azerbaijan) // Biological Journal of the Linnean Society. 2013. Vol. 108, № 4. P. 1–12.

Kiguradze T. Neolithische Siedlungen von Kvemo-Kartli, Georgien, München: Verlag C.H. Beck, 1986. 62 p.

Khademi Nadooshan F., Abedi A., Glascock M.D., Eskandari N., Khazaee M. Provenance of prehistoric obsidian artefacts from Kul Tepe, northwestern Iran using X-ray fluorescence (XRF) analysis // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40, iss. 4. P. 1956–1965.

Kushnareva K.Kh. Southern Caucasus in prehistory: Stage of Cultural and Socioeconomic Development from the Eighth to the Second Millennium B.C. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1997. 230 p.

Hamon C., Jalabadze M., Agapishvili T., Baudouin E., Koridze I., Messager E. Gadachrili Gora: Architecture and organisation of a Neolithic settlement in the middle Kura Valley (6th millennium BC, Georgia) // Quaternary International. 2016. Vol. 395. P. 154–169.

Harutyunyan A., Badalyan R., Chabot J., Chataingner Ch., Christidou R., Hovsepyan R. The first farmers of the Araks valley: the formative stage of the "Aratashen-Shulaveri-Shomutepe" culture // The Araxes River in Late Prehistory Bridge or Border? İnternational Conference (Lyon, 14–15 May, 2019). Lyon, 2019. P. 11–12.

Həbibullayev O.H. Kültəpədə arxeoloji qazıntılar. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1959. 134 s.

Lyonnet B., Guliyev F., Helwing B., Aliyev T., Hansen S., Mirtskhulava G. Ancient Kura 2010–2011: The first two seasons of joint field work in the Southern Caucasus // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 44. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2012. P. 1–190

Mellaart J. Earliest Civilizations of the Near East. London: Thames and Hudson, 1965, 72 p.

Mellaart J. The Neolithic of the Near East. London: Thames and Hudson, 1975. 154 p.

Marro C., Bakhshaliyev V., Berthon R., Thomalsky J. New light on the Late Prehistory of the South Caucasus: Data from the recent excavation campaigns at Kültepe I in Nakhchivan, Azerbaijan (2012–2018) // Paléorient. 2019. Vol. 45, 1. P. 81–113.

Marro C., Bakhshaliyev V., Severine S., Alıyev N. Archaeological Investigations on the Salt Minebof Duzdagi (Nakhchivan, Azerbaijan) // Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi (TÜBA-AR). 2010. 13. P. 229–245.

Nishiaki Y., Guliyev F., Kadowaki S. Chronological contexsts of the Earliest Pottery Neolithic in the South Caucasus: Radiocarbon dates for Göytepe and Hacı Elemxanlı Tepe, Azerbaijan // American Journal of Archaeology. 2015. Vol. 119, № 3. P. 279–294.

Seyidov A. Naxçıvan e.ə. VII–II minilliklərdə. Bakı: Elm, 2003. 334 s.

Voigt M.M. Hajji Firuz Tepe, Iran: The Neolithic Settlement. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1983. 396 p.

ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS AT THE SETTLEMENT OF KÜLTEPE I

Veli B. Bakhshaliyev[a,#]

[a] *Nakhchivan Branch of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Nakhchivan, Azerbaijan*

[#] *E-mail: velibahshaliyev@mail.ru*

Different opinions were expressed about the formation of the Neolithic in the South Caucasus: some researchers believe that the Neolithic of the South Caucasus originated on local soil, others assume that it was brought there from outside. To clarify the issue the French-Azerbaijani expedition resumed archaeological excavations at the settlement of Kültepe I in 2012–2018. New data have been partially presented in some articles, but have not been published in full. Comparison of archaeological materials obtained during the Soviet period (excavations by O.A. Abibullayev) with the results of the last decade makes it possible to conclude that the Kültepe culture was formed on the local soil in close contact with neighbouring Middle Eastern regions.

Keywords: South Caucasus, Nakhchivan, Kültepe I, Neolithic, ceramics.

REFERENCES

Abibullaev O.A., 1982. Eneolit i bronza na territorii Nakhichevanskiy ASSR [The Eneolithic and Bronze Age on the territory of the Nakhichevan ASSR]. Baku: Elm. 316 p.

Akhundov T.I., 2012. U istokov Kavkazskoy tsivilizatsii. Neolit Azerbaydzhana [At the origins of the Caucasian civilization. The Neolithic of Azerbaijan], 1. Shomutepe [Shomutepe]. Baku: Nauka. 386 p.

Akhundov T.I., 2019. The Neolithic of the South Caucasus. Antiquities of Eastern Europe, South Asia and South Siberia in the Context of Connections and Interactions within the Eurasian Cultural Space (new data and concepts): proceedings of the international conference. St. Petersburg, pp. 97–100. (In Russ.)

Badalyan R., Harutyunyan A., Chataıgner Ch., Le Mort F., Brochıer J., Balasescu A., Radu V., Hovsepyan R., 2010. The Settlement of Aknashen-Khatunarkh, A Neolithic Site in the Ararat Plain (Armenia): Excavation Results 2004–2009. Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi (TÜBA-AR), 13, pp. 185–218.

Badalyan R.S., Kikodze 3.K., Kol' F.L., 1996. Caucasian obsidian: sources and patterns of exchange and utilization (Results of neutron activation analyses). Istoriko-filologicheskiy zhurnal [Historical and Philological Journal], 1–2, pp. 245–264. (In Russ.)

Bakhshaliev V., 2005. Drevnyaya metallurgiya i metalloobrabotka na territorii Nakhichevani [Ancient metallurgy and metalworking in the territory of Nakhchivan]. Baku: Elm. 120 p.

Bakhshaliev V.B., 2014. New Chalcolithic sites on the territory of Nakhchivan. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 2, pp. 88–95. (In Russ.)

Bakhshaliev V.B., Maro K., Remi B., Kulieva Z., 2017. Archaeological excavations at the Kültepe settlement. Problems of the Archaeology of the Caucasus and Near East. Neolithic – Late Bronze Age. Baku: Institut arkheologii i etnografii, pp. 26–41. (In Russ.)

Barge O., Azizi Kharanaghi H., Biglari F., Moradi B., Mashkour M., Tengberg M., Chataigner Ch., 2018. Diffusion of Anatolian and Caucasian obsidian in the Zagros Mountains and the highlands of Iran: Elements of explanation in 'least cost path' models. Quaternary International, 467, pp. 297–322.

Baxşəliyev V., 2007. Azərbaycan Arxeologiyası. Bakı: Elm. 240 p.

Baxşəliyev V., Quliyeva Z., Baxşəliyev E., Həşimova T., Mehbalıyev K., 2019. Naxçıvantəpədə 2018-ci ilin arxeoloji tədqiqatları. Naxçıvan: Əcəmi. 135 p.

Chayld G., 1956. Drevneyshiy Vostok v svete novykh raskopok [The earliest Orient in the light of new excavations]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. 303 p.

Cucchi T., Kovács Z., Berthon R., Orth A., Bonhomme F., Evin A., Siahsarvie R., Darvish J., Bakhshaliyev V., Marro C., 2013. On the trail of Neolithic mice and men towards Transcaucasia: zooarchaeological clues from Nakhchivan (Azerbaijan). Biological Journal of the Linnean Society, vol. 108, no. 4, pp. 1–12.

Guliev F., Guseynov F., Almamedov Kh., 2009. Excavations of a Neolithic settlement of the 6th millennium BC on the Göytepe hill (Azerbaijan). Azerbaydzhan – strana, svyazyvayushchaya vostok i zapad. Obmen znaniyami i tekhnologiyami v period "pervoy globalizatsii" VII–IV tys. do n.e.: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma [Azerbaijan as a country linking East and West. Exchange of knowledge and technologies during the "first globalization period of the 7th–4th millennia BC": Proceedings of the International symposium]. Baku: German Embassy, pp. 26–30. (In Russ.)

Hamon C., Jalabadze M., Agapishvili T., Baudouin E., Koridze I., Messager E., 2016. Gadachrili Gora: Architecture and organisation of a Neolithic settlement in the middle Kura Valley (6th millennium BC, Georgia). Quaternary International, 395, pp. 154–169.

Harutyunyan A., Badalyan R., Chabot J., Chataingner Ch., Christidou R., Hovsepyan R., 2019. The first farmers of the Araks valley: the formative stage of the "Aratashen-Shulaveri-Shomutepe" culture. The Araxes River in Late Prehistory – Bridge or Border? İnternational Conference. Lyon, pp. 11–12.

Həbibullayev O.H., 1959. Kültəpədə arxeoloji qazıntılar. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı. 134 p.

Iessen A.A., 1963. Caucasus and Ancient East in the 4th–3rd millennia BC. Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture], 93, pp. 3–14. (In Russ.)

Khademi Nadooshan F., Abedi A., Glascock M.D., Eskandari N., Khazaee M., 2013. Provenance of prehistoric obsidian artefacts from Kul Tepe, northwestern Iran using X-ray fluorescence (XRF) analysis. Journal of Archaeological Science, vol. 40, iss. 4, pp. 1956–1965.

Kiguradze T., 1986. Neolithische Siedlungen von Kvemo-Kartli, Georgien, München: Verlag C.H. Beck. 62 p.

Kushnareva K.Kh., 1997. Southern Caucasus in prehistory: Stage of Cultural and Socioeconomic Development from the Eighth to the Second Millennium B.C. Philadelphia: University of Pennsylvania. 230 p.

Lyonnet B., Guliyev F., Helwing B., Aliyev T., Hansen S., Mirtskhulava G., 2012. Ancient Kura 2010–2011: The first two seasons of joint field work in the Southern Caucasus. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, 44. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, pp. 1–190.

Makhmudov F.A., Munchaev R.M., Narimanov I.G., 1968. On the earliest metal production of the Caucasus. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 4, pp. 16–26. (In Russ.)

Marro C., Bakhshaliyev V., Berthon R., Thomalsky J., 2019. New light on the Late Prehistory of the South Caucasus: Data from the recent excavation campaigns at Kültepe I in Nakhchivan, Azerbaijan (2012–2018). Paléorient, 45, 1, pp. 81–113.

Marro C., Bakhshaliyev V., Severine S., Alıyev N., 2010. Archaeological Investigations on the Salt Minebof Duzdagi (Nakhchivan, Azerbaijan). Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi (TÜBA-AR), 13, pp. 229–245.

Masson V.M., 1964. Srednyaya Aziya i Drevniy Vostok [Central Asia and the Ancient East]. Moscow; Leningrad: Nauka. 468 p.

Mellaart J., 1965. Earliest Civilizations of the Near East. London: Thames and Hudson, 72 p.

Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London: Thames and Hudson. 154 p.

Munchaev R.M., 1975. Kavkaz na zare bronzovogo veka [Caucasus at the dawn of the Bronze Age]. Moscow: Nauka. 478 p.

Museibli N., 2012. The issue of the Shomutepe culture origin in the context of new excavations. Rannezemledel'cheskie kul'tury Kavkaza: sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii [Early farming cultures of the Caucasus: Proceedings of the International conference]. M.N. Ragimova, ed. Baku: Elm, pp. 40–50. (In Russ.)

Narimanov I.G., 1987. Kul'tura drevneyshego zemledel'chesko-skotovodcheskogo naseleniya Azerbaydzhana [Culture of the early farming and pastoralist population of Azerbaijan]. Baku: Elm. 260 p.

Nishiaki Y., Guliyev F., Kadowaki S., 2015. Chronological context of the Earliest Pottery Neolithic in the South Caucasus: Radiocarbon dates for Göytepe and Hacı Elemxanlı Tepe, Azerbaijan. American Journal of Archaeology, vol. 119, no. 3, pp. 279–294.

Selimkhanov I.R., 1970. Razgadannye sekrety drevney bronzy [Solved secrets of ancient bronze]. Moscow: Nauka. 78 p.

Seyidov A., 2003. Naxçıvan e.ə. VII–II minilliklərdə. Bakı: Elm. 334 p.

Voigt M.M., 1983. Hajji Firuz Tepe, Iran: The Neolithic Settlement. Philadelphia: University of Pennsylvania. 396 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 153–165

ПУБЛИКАЦИИ

КЛАД КУЗНЕЦА-ЮВЕЛИРА СЕРЕДИНЫ VIII в. С ТЕРРИТОРИИ ХАРЬКОВЩИНЫ

© 2022 г. В. С. Аксенов[1, *]

[1]Харьковский исторический музей им. Н.Ф. Сумцова, Харьков, Украина

*E-mail: aksyonovviktor@gmail.com

Поступила в редакцию 03.09.2021 г.
После доработки 20.10.2021 г.
Принята к публикации 16.11.2021 г.

В научный оборот вводится комплекс предметов, найденный вблизи Хорошевского городища, расположенного на правом высоком берегу р. Уда (правый приток Северского Донца) на территории современного пгт. Хорошево Харьковского района Харьковской области. Основа комплекса – инструменты ремесленника-кузнеца и бронзовое сырье общей массой 0.387 кг, состоящее из пластин от бронзового котла и фрагментов крупных бронзовых фаларов от ремней конской сбруи. В комплекс также входят железные перекрестие палаша, фрагмент скобы от ножен клинкового оружия, бронебойный наконечник копья, крючок для ловли крупной рыбы. С ювелирным производством связаны изделия из цветного металла: литая звездчатая серьга пастырского типа; две бракованные сложные антропозооморфные фибулы типа II.2; заготовка-шаблон для вырезания щитков двупластинчатых фибул типа III.1; матрица для изготовления поясных наконечников. Они позволяют определить время бытования всего набора предметов клада – конец VII – первая половина VIII в. Сокрытие комплекса следует отнести к 40–50-м годам VIII в., оно, вероятно, было обусловлено перемещением славянского населения вследствие появления в Подонье носителей салтовской археологической культуры.

Ключевые слова: раннее средневековье, “древности антов”, кузнечные инструменты, ювелирное дело, матрицы, фибулы, славяне.

DOI: 10.31857/S0869606322010226

В мае 2021 г. в Харьковский исторический музей им. Н.Ф. Сумцова поступил набор предметов, случайно найденных в окрестностях Хорошевского городища, которое расположено на правом берегу р. Уда (правый приток Северского Донца) на территории современного пгт. Хорошево Харьковского р-на Харьковской обл. Хорошевское городище – давно известный, но мало изученный археологический памятник, который фигурирует в письменных источниках с начала XVII в. (Книга..., 1950. С. 71). В 1665 г. на древнем городище был сооружен Хорошевский Вознесенский женский монастырь, просуществовавший до 1922 г. В XIX–начале XX в. городищем интересовались многочисленные исследователи истории Слободской Украины: В.В. Пасек, архиепископ Филарет (Гумилевский), В.Е. Данилевич, Д.И. Багалей, А.С. Федоровский (Шрамко, 1991. С. 50, 51). В 40–50-х годах XX в. на памятнике проводил разведки И.И. Ляпушкин (1952. С. 10; 1961. С. 138–141), а Б.А. Рыбаковым был снят его план (Рыбаков, 1951. С. 63–65). Ими же было отмечено существование на городище материалов скифского времени, отложений роменской археологической культуры и культуры великокняжеской эпохи.

В 1951–1952, 1983, 1987 г. незначительные охранные работы на городище проводились Северо-донецкой экспедицией Харьковского государственного университета под руководством Б.А. Шрамко. В результате этих работ установлено, что возникновение городища относится к V в. до н.э., а материалы роменской культуры VIII–X вв. заметно преобладают над материалами древнерусского времени X–XIII вв. (Шрамко, 1991. С. 50–59).

Предметы были обнаружены в лесном массиве в 180 м к западу от цитадели Хорошевского городища, в верхней части склона оврага, отделяющего место находки от мыса, на котором находится древний памятник (рис. 1). По сообщению нашедшего комплекс Е.Н. Федотова, артефакты находились в ямке прямоугольной в плане формы размерами 0.5 × 0.3 м и глубиной 0.4 м от уровня современной поверхности. Они были сложены кучкой, в нижней части которой располагались орудия производства из черного металла. Сверху

они были перекрыты фрагментами бронзовых пластин, на которых лежали изделия из цветного металла.

На место обнаружения комплекса выехали автор статьи и представители Государственного предприятия Научно-исследовательского центра “Охранная археологическая служба Украины” Института археологии НАН Украины во главе со старшим научным сотрудником В.Н. Окатенко, силами которых был заложен шурф размером 2 × 2 м. В нем зафиксирована следующая стратиграфия: 0–0.2 м – лесная подзолистая почва светло-серого цвета; 0.2–0.25 м – материк в виде суглинка светло-коричневого цвета. Культурный слой в границах шурфа отсутствовал. Удалось зафиксировать следы от ямки, в которой была сделана находка, ориентированной длинными сторонами по линии ЮВ–СЗ, что соответствовало информации Е.Н. Федотова.

Состав клада. Основа найденного комплекса – *набор железных инструментов для работы с металлом*. В него входили две наковальни, молот, два молотка, клещи разного размера, напильник, ножовочное полотно, рамка для удержания ножовочного полотна.

Б*о*льшая по размеру наковальня представляет собой квадратную массивную рабочую площадку размером 9.5 × 9.5 см, венчающая прямоугольное в сечении пирамидальной формы основание, сходившееся “на клин” (рис. 2, *5*). Высота наковальни – 10.2 см, размер основания – 4.2 × × 4.2 см, масса – 2.706 кг. Такие изделия относятся к слесарным наковальням, предназначенным для работ с крицей и массивными заготовками (Колчин, 1953. С. 57. Рис. 16, *3*). Подобные наковальни найдены и на славянских памятниках второй половины I тыс. н.э.: Горналь, Пастырское городище, городище Мохнач и др. (Сухобоков, 1975. Рис. 54, *9*; Вознесенська и др., 1996. Рис. 13, *2*; Приходнюк, 2005. Рис. 30, *5*; Колода, Скиба, 2021. Рис. 2, *1*), и памятниках древнерусского времени (Седов, 1982. Табл. LXV, *7*; Колчин, 1985. Табл. 92, *1*, *5–7*). Они также известны в древностях лесостепного варианта салтовской археологической культуры (Михеев, 1985. С. 89. Рис. 35, *7–10*; Колода, 2020. С. 72).

Вторая наковальня с прямоугольным в сечении основанием пирамидальной формы, сходившемся “на клин”, в верхней части имеет форму цилиндра и заканчивается круглой в плане рабочей площадкой диаметром 5–5.2 см (рис. 2, *6*). Высота – 17.9 см, размер в нижней части основания – 2.5 × 1 см, масса – 1.107 кг. Данная наковальня применялась для работы с небольшими по размеру изделиями. Ее следует рассматривать как оборудование ювелира (Колчин, 1953. С. 58. Рис. 16, *5*).

Найденный молот имеет две уплощенные рабочие поверхности прямоугольной в плане формы (5.7 × 5.8 и 5.5 × 3.5 см) при размере проушины 3.2 × 2.6 см (рис. 2, *7*), его высота – 13.6 см. Масса молота составляет 2.023 кг, что позволяет считать его молотом-кувалдой (Колчин, 1953. С. 59. Рис. 18, *2*).

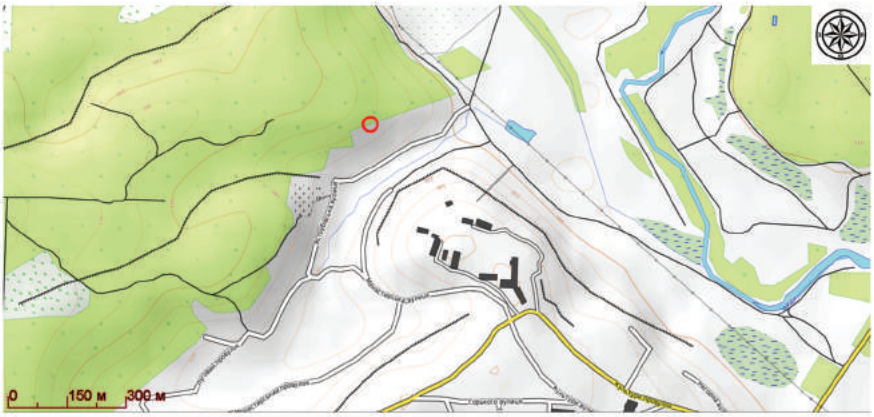
Два молотка одинаковой формы различаются только массой – 0.418 и 0.069 кг. Молотки с одной стороны имеют рабочую площадку четырехугольной в плане формы размерами 2.8 × 2.5 и 1.5 × 1.2 см, тогда как противоположная их сторона плавно заужена в виде клина. Параметры большего молотка – 15.7 × 2.5 × 2 см при размере проушины 2 × 1 см (рис. 2, *8*). Параметры меньшего молотка – 10 × 1.5 × 1.1 см при размере проушины 1.2 × 0.6 см (рис. 2, *9*). По размерам и массе больший молоток относится к типично слесарным молоткам, меньший – инструмент ювелира. И молот, и оба молотка находят широкие аналоги на славянских памятниках второй половины I тыс. н.э. (Колчин, 1953. Рис. 18, *4–10*, *12*, *14*; Приходнюк, 2005. Рис. 30, *4*, *7*; Колода, Скиба, 2021. Рис. 2, *2*, *3*), и в салтовских древностях Подонья (Михеев, 1985. С. 89. Рис. 35: 11; Колода, 2020. С. 72).

Клещи были изготовлены из двух, определенным образом изогнутых стержней, соединенных между собой железной заклепкой. Длина клещей – 40.8, 38 и 17.5 см (рис. 2, *1*, *3*, *4*). Составная часть еще одних клещей имеет длину 38.6 см (рис. 2, *2*). Данные предметы относятся к разряду кузнечных малых одноручных клещей, применяемых при работе с изделиями средних и небольших размеров (Колчин, 1953. С. 61). Аналогичные клещи известны по находкам на памятниках лесостепного варианта салтовской культуры (Михеев, 1985. Рис. 35, *23*, *24*) и близким им хронологически памятникам славянского населения (Приходнюк, 2005. Рис. 30, *1*, *2*). Они представлены и в комплексах древнерусского времени (Колчин, 1953. Рис. 20, 21).

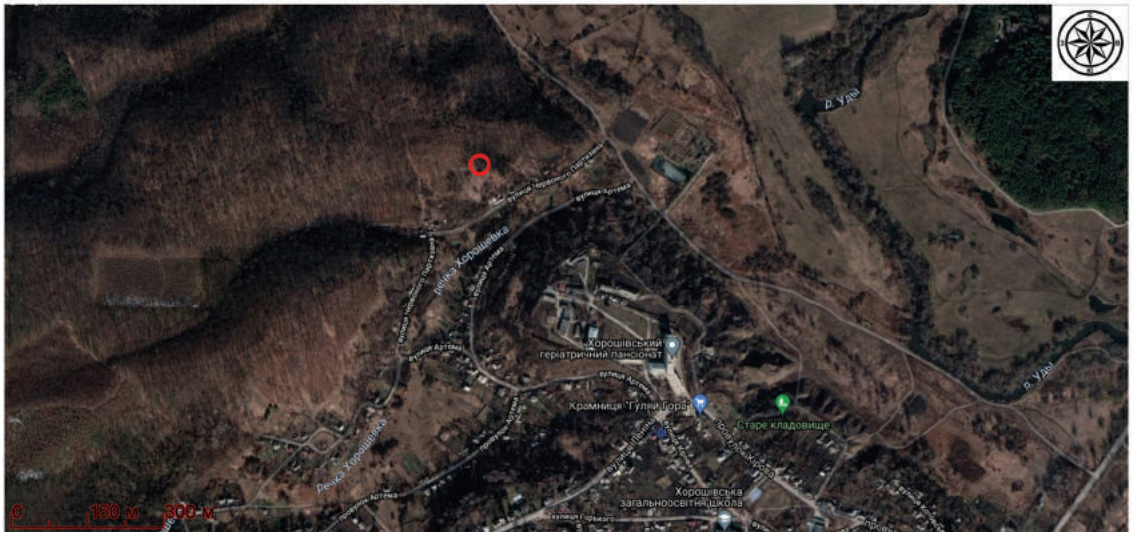
С обработкой уже готового металла связан напильник – специализированный инструмент слесаря (Колчин, 1953. С. 66). Это прямоугольная в сечении полоса металла с выделенным черенком общей диной 26.8 см (рис. 3, *23*). Подобные напильники найдены на салтовских памятниках Подонцовья (Михеев, 1985. Рис. 31, *5*), а также на памятниках древнерусского времени (Колчин, 1953. Рис. 19, 30).

С обработкой твердых предметов связан инструмент в виде полосы металла клиновидной в сечении формы с черенком (рис. 3, *2*). Одна длинная сторона полотна имеет толщину 4 мм, тогда как противоположная не толще 1 мм. На широкой части полотна у самого черенка просматриваются зубцы, обращенные своей вершиной в про-

1



2



3

Рис. 1. Место расположения клада около пгт. Хорошево. *1*, *2* – топографическая карта; *3* – карта-схема (wikimapia.org).
Fig. 1. The location of the hoard near the township of Khorosheve

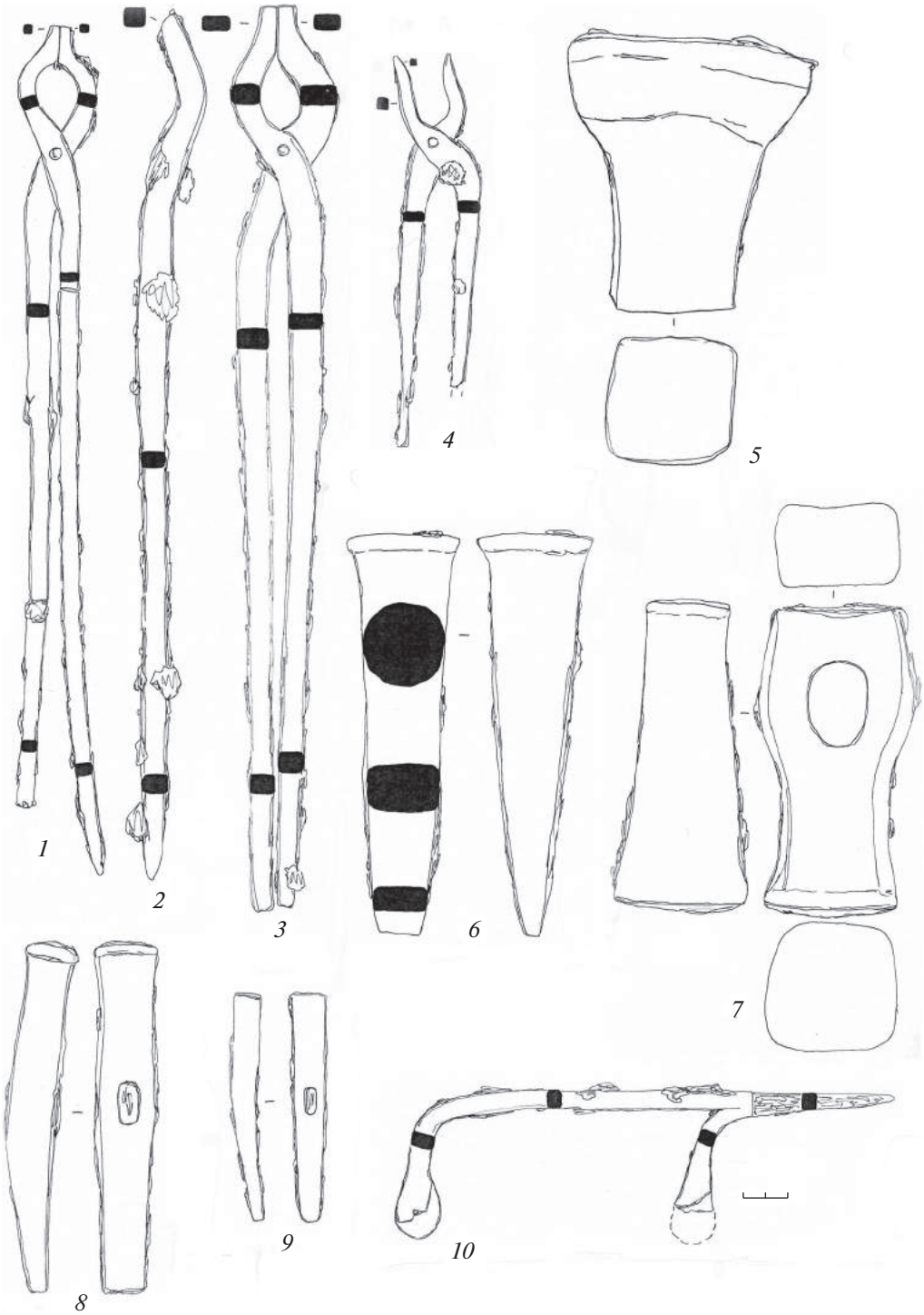


Рис. 2. Железные предметы (*1–10*).
Fig. 2. Iron objects

тивоположную сторону от рукояти инструмента. Конец полосы, противоположный черенку, загнут вверх и частично обломан. Данный инструмент представляет собой ручную пилу типа ножовки. Полотно такого же сечения и с такими же зубьями, как у данного инструмента, имеют найденные на древнерусских памятниках пилы типа лучковых и ножовки (Колчин, 1953. Рис. 81, 83).

Рис. 3. Железные предметы и бронзовое сырье (*1–23*).
Fig. 3. Iron objects and bronze raw materials

Близкая по форме ручная пила была найдена в культурном слое салтовского городища Маяки на Северском Донце (Михеев, 1985. Рис. 31, *7*).

Уникален в данном наборе инструментов цельный ножовочный станок, сделанный из двух квадратных в сечении (0.7 × 0.6 см) железных прутков, скованных между собой и образующих вытянутую по ширине П-образную рамку (рис. 2, *10*). Продолжением верхней перекладины рамки является штырь для насаживания деревянной рукоятки. Опущенные вниз концы рамки специально раскованы и разрезаны пополам по вертикали на незначительную высоту. Это сделано для фик-

сации в них ножовочного полотна, которое в нашем случае отсутствует. Однако на памятниках салтовского времени Подонья находки полотен для подобных инструментов известны (Михеев, 1985. Рис. 31, *10*).

Сырье для изготовления будущих изделий из цветного металла в комплексе представлено 17 фрагментами бронзовых пластин разной формы и размера (рис. 3, *3–23*), общей массой 0.387 кг. Масса самой крупной пластины составляет 153 г. Масса еще четырех крупных заготовок – от 20 до 52 г. Остальное сырье представляет собой мелкие обрезки бронзовых пластин, масса которых от 1 до 3 г. Некоторые пластины были специально свернуты и спрессованы в поковки. Часть бронзового сырья представлена пластинами от котла с толщиной стенок чуть более 1 мм. На некоторых пластинах видны следы резания с помощью специальных ножниц (рис. 3, *11*, *14*, *15*). Пластины от бронзового котла в качестве сырья были обнаружены в кладе середины – второй половины VII в. у с. Мирная Долина на территории Харьковщины (Колода, Скиба, 2021. Рис. 4, *1*). Сами бронзовые котлы и бронзовые днища от железных клепанных котлов известны из погребальных памятников салтовской культуры Подонья (Аксенов, Михеев, 2003. Рис. 6, *15*, *20*; Колода, 2015. С. 105, 106. Рис. 4, *4*; Колода, Аксенов, 2020. С. 82, 83. Рис. 3, *1–3*).

В качестве сырья в комплексе выступают также фрагменты крупных бронзовых фаларов (толщиной 0.7–0.8 мм) от ремней конской сбруи (рис. 3, *17*, *20*). Фрагменты фаларов в качестве бронзового сырья найдены также в кладе второй половины VII в. у с. Мирная Долина (Колода, Скиба, 2021. Рис. 4, *2*, *3*). Подобные крупные бронзовые фалары – один из элементов ременных украшений сбруи, известных у представителей воинской верхушки населения салтовской культуры бассейна Северского Донца (Аксенов, 2005. Рис. 2, *15*, *16*; 3, *3*, *4*; 4, *9*, *13*; 5, *4*, *18*, *19*; Аксенов, Михеев, 2009. Рис. 1, *13*).

Предметы воинской культуры. К ним относится бронебойный наконечник копья длиной 27.4 при диаметре втулки 2.6 см (рис. 3, *1*). Перо наконечника узкое, ромбовидное в сечении. Подобный наконечник копья найден на принадлежавшем славянам Пастырском городище (Приходнюк, 2005. Рис. 27, *6*). Однако наконечники копий данного типа чаще находят в салтовских кремационных и ингумационных захоронениях бассейна Северского Донца (Аксенов, Михеев, 2003. Рис. 3, *33*; 5, *11*, *30*; 6, *6*; 2006. Рис. 41, *6*; 63, *17*; 72, *1*; 80, *1*; 81, *8*; 87, *1*).

С клинковым оружием в комплексе связано цельнокованое перекрестие брусковидного типа с прямыми концами и треугольными выступами в средней части (рис. 3, *20*). Длина перекрестия – 6.8, ширина в средней части – 1.5, ширина концов – 0.6–0.7 см. Отверстие под клинок размером 3.5 × 1 см в плане имеет каплевидную форму. Перекрестия подобного типа характерны для клинкового оружия (палашей, сабель, коленчатых кинжалов), датируемых второй половиной VII – первой половиной VIII в. (Голубєв, Голубєва, 2014. Рис. 6). Вероятно, деталь ножен клинкового оружия в данном комплексе – фрагмент С-овидной пластины с остатками дерева (рис. 3, *22*), являющийся остатками петли для подвешивания к поясу ножен клинкового оружия.

Предметы хозяйственно-бытового назначения. К таковым относится крюк высотой 5.9 см, изготовленный из прямоугольного в сечении железного прутка (рис. 3, *21*). Верхняя часть крюка (головка) отломана. Возможно, это безбородчатый крючок для вытаскивания крупной рыбы – багорчик. Такие крючки – частая находка на салтовских памятниках бассейна Подонья (Ляпушкин, 1958. С. 127. Рис. 13; Михеев, 1985. Рис. 28, *11–16*).

Изделия ювелирного производства. В комплексе присутствует серьга пастырского типа, представляющая собой цельнолитую звездчатую подвеску размером 7 × 4.2 см (рис. 4, *А1*; *Б3*). Нижняя часть дужки серьги украшена двумя пирамидками псевдозерни по шесть полусферических зерен в каждой. Тремя аналогичными пирамидками украшен выпуклый щиток, который представляет собой пластину круглой формы с полусферическим выступом в центре. Край щитка имеет рельефно выдающийся рант кольцевидной формы. Щиток отделен от дужки серьги горизонтальным перехватом из трех не стыкующихся между собой полусферических псевдозерен. Нижняя расширенная часть дужки украшена двумя изогнутыми рядами псевдозерни подквадратной в плане формы. Расширенная часть дужки отделена от полукруглой ее части тремя рельефно выраженными горизонтальными поясками. Данное украшение относится к 5-му подтипу 1-го типа так называемых серег пастырского типа (Айбабин, 1973. С. 65. Рис. 2, *5*). Серьги данного вида найдены на славянских памятниках у с. Солгунов Кировоградской обл., у с. Григорьевка Черкасской обл., на поселении Семенки Винницкой обл., в Зацевском кладе, в кладе 1898 г. из Киева, на Пастырском городище (Айбабин, 1973. С. 65. Рис. 1; Корзухина, 1996. Табл. 1, *2*; 24, *2*; 37, *3*, *4*; 38, *4*; 91, *1*; Приходнюк, 1998. Рис. 70, *5*; 2005. Рис. 33, *5*; 45, *9*; 51, *1*, *3*, *7*; 52, *1*). Одна такая серьга была случайно найдена на первой надпойменной террасе правого берега р. Тетлега (приток Северского Донца), недалеко от с. Кочеток Чугуевского р-на Харьковской обл. (Свистун, Боков, 2018. Рис. 2). По мнению исследователей, мода на такие литые серьги распространяется в Поднепровье в конце VII – первой половине VIII в., где они наибо-

Рис. 4. Изделия из цветного металла. *А* (фото): 1 – серьга пастырского типа; 2 – матрица для изготовления наконечника пояса; 3, 5 – фибулы; 4 – заготовка-шаблон; *Б* (рисунки): *1* – заготовка-шаблон; *2*, *5* – фибулы; *3* – серьга пастырского типа; *4* – матрица для изготовления наконечника пояса.

Fig. 4. Objects made of non-ferrous metal (*А*, *Б*)

лее характерны для пастырских памятников (Рябцева, 2011. С. 255).

Из клада происходят две бракованные антропозооморфные фибулы высотой 11.4 и 10.3 см (рис. 4, *А3*, *5; Б2*, *5*). Они имеют треугольный головной щиток и ромбическую ножку, окруженные ажурной “каймой” из “сросшихся” протом стилизованных коней. Верхний щиток соединен

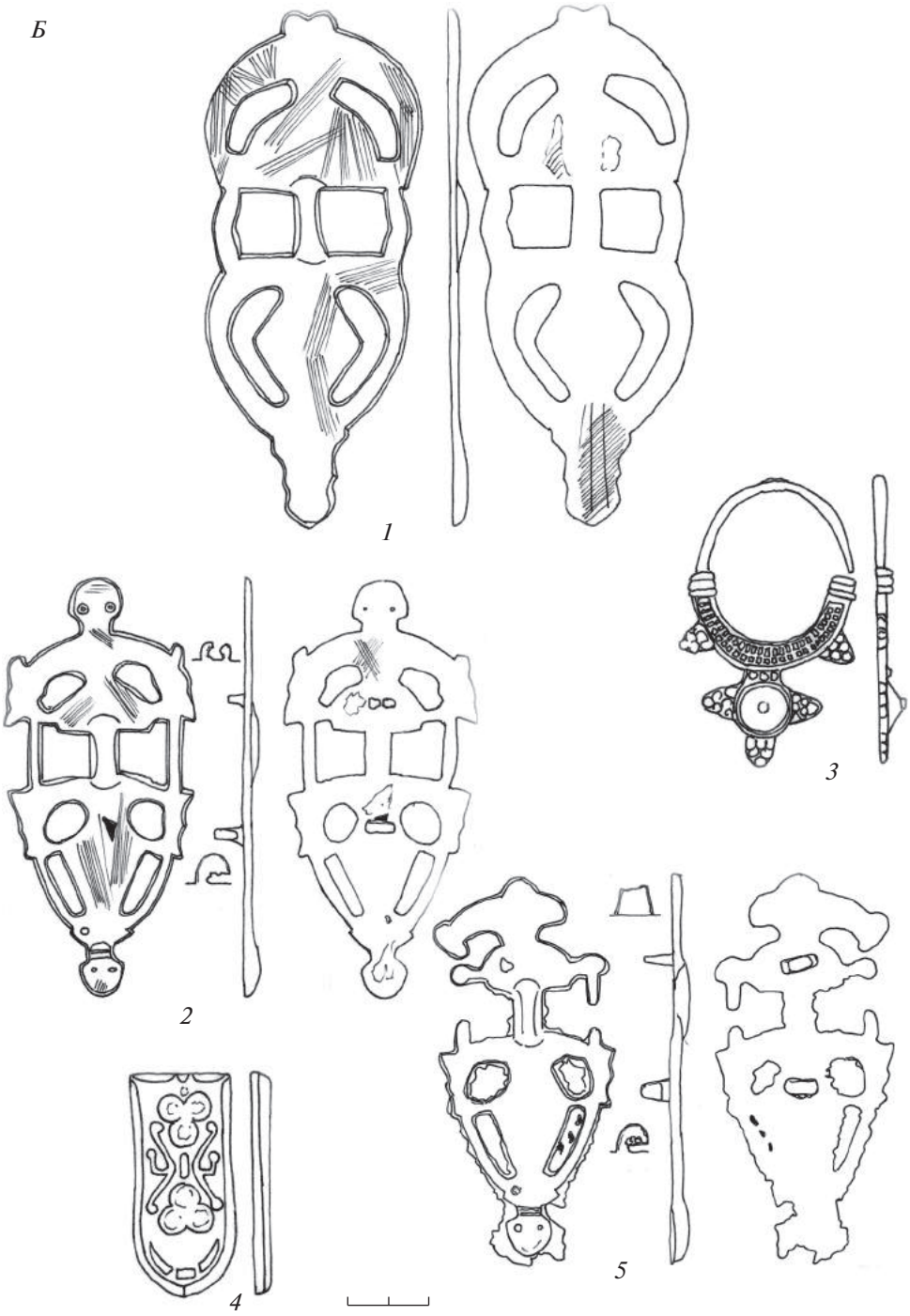


Рис. 4. Окончание
Fig. 4. Ending

с ножкой двумя дополнительными перемычками, расположенными параллельно выпуклой дужке. Ромбовидная ножка на обоих изделиях оканчивается стилизованным изображением звериной морды, а центральный выступ на головной пластине одной из фибул имеет грибовидную, а на второй – округлую форму. Типологически обе находки относятся к типу II.2 сложных антропозооморфных фибул (Родинкова, 2006. С. 51, 52. Рис. 3).

Фибула с грибовидным выступом на головной пластине имеет следы обработки краев и фигурных отверстий изделия после отливки (рис. 4, *А3*, *Б2*). Грибовидный выступ головной пластины до-

полнительно украшен двумя кружками конусовидной в разрезе формы. Такой же кружок присутствует в нижней части ромбической ножки фибулы. Переход ножки в стилизованную звериную морду украшен двумя параллельными врезными горизонтальными линиями. На лицевой поверхности изделия присутствуют мелкие параллельные царапины, расположенные небольшими группами, но достаточно хаотично. Данные царапины связаны с подготовкой лицевой поверхности фибулы к последующей полировке. В основании ромбовидной ножки фибула имеет сквозное отверстие треугольной в плане формы – результат недолива металла в процессе изготовления. Группы из параллельных царапин присутствуют и на оборотной стороне изделия. Выступ иглоприемника после отливки не подвергался дополнительной обработке. Выступ для крепления самой иглы в процессе отливки изделия получился бракованным из-за нехватки металла. Именно это и не позволило использовать данную фибулу по прямому ее назначению.

Вторая фибула является полнейшим браком из-за того, что в процессе изготовления изделия не пролиты дополнительные тяжи между головным щитком и ромбической ножкой изделия, а также окружающие головной щиток стилизованные изображения животных и грибовидный выступ на головной пластине (рис. 4, *А5*, *Б5*). После получения некачественной отливки мастер даже не пытался обработать неровные края ромбической рожки, иглоприемник, держатель для иглы, края фигурных отверстий в нижней части фибулы. Размеры и оформление ромбической ножки изделия идентичны данным показателям первой фибулы, что указывает на использование для их изготовления одной матрицы.

Большинство литых сложных антропозооморфных фибул типа II.2 происходит с территории Среднего Поднепровья и связано с Пастырским городищем (Приходнюк, 2005. Рис. 33, *3*; 35, *3–7*; 36, *5*, *6*; 37, *8*, *9*; 38, *5–8*; 39; 40; 41, *1*, *3–5*; 42, *2*, *7*; Родинкова, 2006. С. 56, 57. Рис. 7). Единичные их находки зафиксированы на периферии Днепровского лесостепного Левобережья – в бассейне Сейма, Северского Донца, в междуречье Днепра и Дона (Родинкова, 2006. С. 56; Володарець-Урбанович, 2015. Рис. 2, *1*; 3). Находки подобных изделий, по мнению В.Е. Родинковой, очерчивают границы территории, на которую распространялось влияние пастырского ювелирно-ремесленного центра, фиксируя также основные направления культурных и экономических связей населения Пастырского городища (Родинкова, 2006. Рис. 57).

В комплексе представлен бронзовый шаблон в виде сложной антропозооморфной фибулы высотой 14 см (рис. 4, *А4*, *Б1*). Это пластина толщиной 3–3.5 мм, на которой видны следы дополнительной обработки, повторяющая форму сложных антропозооморфных фибул типа II.1 (Родинкова, 2006. С. 50. Рис. 2, *6–15*). Однако у нее окружающие головной щиток и ножку стилизованные изображения животных преднамеренно обработаны напильником и превращены в простые дуги без выступов. На оборотной стороне пластины в районе выступа в нижней части ромбовидного щитка присутствуют четкие следы удаления с помощью напильника нервюра, выступов для иглодержателя и иглоприемника. В результате этих действий пластина своими общими очертаниями и пропорциями приобрела сходство с двупластинчатыми застежками типа III.1, которые вырезались из раскованного серебряного листа (Родинкова, 2006. С. 54. Рис. 4). Все это позволяет предположить, что рассматриваемый предмет был шаблоном, по которому могли вырезаться щитки для последующего изготовления двупластинчатых застежек типа III.1.

Наиболее близки к данному шаблону по очертанию фибулы типа III.1 из клада 1992 г. с Пастырского городища (Приходнюк, 2005. Рис. 48, *1*, *2*. Фото 16, *1*, *2*). Тот факт, что фибулы типа III.1 напоминают общими контурами вещи подгруппы II, уже отмечался исследователями (Родинкова, 2006. С. 59). Находка же шаблона в Хорошевском кладе показывает, как мастер в соответствии со своими навыками и умениями пытался расширить номенклатуру своих изделий. Ареал двупластинчатых фибул типа III.1 идентичен территории бытования хронологически близких им сложных антропозооморфных фибул типа II.2 (Родинкова, 2006. Рис. 7, 8).

Особый интерес представляет матрица для изготовления наконечников пояса путем тиснения. Это массивная бронзовая пластина размером 5.2 × 2.4–2.3 × 0.4–0.45 см (рис. 4, *А2*, *Б4*). По ней видно, что наконечник должен иметь форму вытянутого прямоугольника с треугольным вырезом посередине ровного верхнего края, со слегка вогнутыми к центральной его оси длинными боковыми сторонами и килевидным нижним краем. На лицевой поверхности матрицы нанесен контррельефный орнамент, состоящий из двух идентичных мотивов в виде трех вдавленных полушарий, условно вписанных в треугольник, и расположенной между ними фигуры в виде буквы “Ж”, состоящей из изогнутых линий, концы которых оформлены в виде расширений круглой в плане формы. Вдоль нижнего заостренного края наконечника расположен мотив из трех элементов: центрального углубления прямоугольной формы, от которого в противоположные стороны идут углубления в виде “запятой”. У основания верхней фигуры из трех вдавленных полушарий точкой намечено место, где будет находиться за-

клепка, соединяющая наконечник с кожаной основой ремня.

Аналогии ювелирных изделий и вопросы хронологии. Орнамент в виде композиций из трех вдавленных полушарий, условно вписанных в треугольник, представлен на элементах поясной гарнитуры типа Арадац–Фенлак, характерных для "I среднеаварского" периода (620/624–660/680 гг.) (Гавритухин, 2001. С. 111. Рис. 38, *5–9*, *16*, *18*, *20–26*, *28*, *30–32*, *37*, *41–47*, *49–52*). На украшениях поясной гарнитуры этого типа представлены и элементы декора "точка–запятая", как в нижней части лицевой поверхности матрицы. Такой орнамент фиксируется на поясных наборах III типа из комплексов второй половины VII в. с территории Крыма (Веймарн, Айбабин, 1993. Рис. 60, *22*, *23*; 83, *1–9*; Айбабин, 1999. С. 148. Рис. 59, *1–20*). Мотив в виде схематической буквы "Ж" не имеет аналогий на предметах поясной гарнитуры указанного хронологического периода. Возможно, это сильно стилизованное изображение многолистной "перевязанной" пальметты (тип "Михельдорф – Скалистое"), представленной на пряжках и бляшках византийского типа, датируемых концом VII – первой половиной VIII в. (Веймарн, Айбабин, 1993. Рис. 41, *20*; 98, *21*; Айбабин, 1999. С. 177. Рис. 77, *5*, *7*, *8*; Комар, 1999. Табл. 2, *3*, *5*, *7*, *15*, *16*; 3, *60–62*; 2001. Рис. 1, *12*, *16 22*, *27*, *29*; 2, *65*, *66*; 3, *61*; Тотев, Пелевина, 2005. С. 88, 89. Рис. 4, 5). Мастер, владелец данной матрицы, в соответствии со своими навыками и умением воспроизвел виденное им изображение "перевитой" пальметты в привычной ему технике.

Время бытования сложных антропозооморфных фибул типа II.2 и пластинчатых фибул типа III.1 В.Е. Родинкова определяет в пределах второй половины VII – середины VIII в. (Родинкова, 2006. С. 61. Рис. 1). Литые звездовидные серьги получили распространение в Поднепровье и на памятниках Днепровского лесостепного Левобережья в конце VII – первой половине VIII в. (Рябцева, 2011. С. 255). Этому же времени соответствует орнамент на матрице для изготовления поясных наконечников. Таким образом, фибулы, шаблон, матрица и серьга позволяют определить время бытования всего комплекса предметов, найденных в районе Хорошевского городища, концом VII – первой половиной VIII в.

При определении времени сокрытия клада следует учитывать тот факт, что антропозооморфные фибулы типа II.2 известны на памятниках Днепровского лесостепного Левобережья, датируемых первой половиной VIII в. (Володарець-Урбанович, 2015. С. 88). В целом же представленные в комплексе фибулы и литая серьга пастырского типа характерны для 2-й группы кладов "древностей антов", время сокрытия которых О.А. Щеглова относит к середине VIII в. (Щеглова, 1990. С. 171–182. Рис. 3–5). А.В. Комар, уточняя выводы О.А. Щегловой, предположил, что сокрытие правобережных и левобережных кладов 2-й группы "древностей антов" не было синхронным (Комар, 2005. С. 210). Исследователь считает правобережные клады 2-й группы более ранними, датировав их сокрытие началом VIII в., связав их выпадение с глубоким проникновением в лесостепь собственно хазар (Комар, 2005. С. 211). Сокрытие же кладов 2-й группы на территории Днепровского лесостепного Левобережья, по мнению исследователя, обусловлено перемещением славянского населения вследствие появления в Подонье населения салтовской культуры около 737–740 гг. (Комар, 2005. С. 210). Учитывая, что наиболее ранние салтовские погребальные комплексы в бассейне Северского Донца относятся к хронологическому горизонту Столбище–Старокорсунская, 740–790 гг. (Аксенов, Лаптев, 2014. С. 36–42), датировать Хорошевский клад, вероятно, следует 40–50-ми годами VIII в.

В заключение отметим, что состав рассмотренного комплекса и место его нахождения, соответствующее восточной части ареала славянских древностей V–первой половины VIII в., позволяет предположить, что владелец клада проживал среди славянского населения и работал на заказ. Тот факт, что в обнаруженном у Хорошевского городища комплексе присутствуют инструменты для работы с черным металлом, лом цветного металла и артефакты, связанные с ювелирным производством, указывает на многопрофильность мастера, которому принадлежали предметы, владевшего как кузнечным ремеслом, так и навыками ювелира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // Советская археология. 1973. № 3. С. 62–72.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

Аксенов В.С. Комплексы с конскими начельниками из Верхнесалтовского катакомбного могильника // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2005. С. 245–260.

Аксенов В.С., Лаптев А.А. Освоение населением Хазарского каганата лесостепного Подонцовья: взгляд на проблему // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2014. С. 25–50.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // Vita antigua. 2003. № 5–6. С. 179–191.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. Киев, Харьков: Каравелла, 2006 (Хазарский альманах; т. 5). 308 с.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2009. С. 387–406.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 204 с.

Вознесенська Г.О., Недопако Д.П., Паньков С.В. Чорна металургія та металообробка населення східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і Київської Русі. Київ: Інститут археології Національної академії наук України, 1996. 188 с.

Володарець-Урбанович Я.В. Фібули V – першої половини VIII ст. з Полтавщини (знахідки від початку 2000-х років) // Археологія. 2015. № 3. С. 87–106.

Гавритухин И.О. Хронология "среднеаварского" периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2001. С. 45–162.

Голубєв А.М., Голубєва І.В. Однолезова зброя з довгим клинком кочовиків VII–VIII ст. // Археологія. 2014. № 4. С. 42–53.

Книга Большому Чертежу. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 232 с.

Колода В.В. Новий могильник салтівської культури на Харківщині // Старожитності Лівобережного Подніпров'я – 2015 / Від. ред. О.Б. Супруненко. Полтава: УТОПІК, 2015. С. 97–111.

Колода В.В. Клад средневекового кузнеца на Харьковщине // Хазарский альманах. Т. 17. М.: Индрик, 2020. С. 69–84.

Колода В.В., Аксенов В.С. Поминальный комплекс представителей всаднического сословия из Северо-Западной Хазарии // Поволжская археология. 2020. № 4. С. 81–98.

Колода В.В., Скиба А.В. Мирнодолинський скарб коваля-ювеліра із Харківщини // Археологія і давня історія України. 2021. Вип. 1 (38). С. 347–359.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: АН СССР, 1953 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 32). 259 с.

Колчин Б.А. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. Москва: Наука, 1985 (Археология СССР). С. 143–297.

Комар А.В. Предсалтовский и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antigua. 1999. № 2. С. 111–136.

Комар А.В. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский обл. ист.-краевед. музей им. П.В. Алабина, 2001. С. 103–117.

Комар А.В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары / Ред. В.Я. Петрухин. М.; Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2005. С. 207–218. (Евреи и славяне; т. 16.)

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга "древностей антов" в Среднем Поднепровье // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь: Таврия, 1996. С. 352–435, 586–705.

Ляпушкин И.И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья // Советская археология. 1952. Т. 16. С. 7–41.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 62). С. 85–150.

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. М.; Л.: АН СССР, 1961 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 104). 384 с.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1998. 170 с.

Приходнюк О.М. Пастирське городище. Київ; Чернівці: Зелена Буковина, 2005. 244 с.

Родинкова В.Е. К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (сложные и двупластинчатые формы) // Российская археология. 2006. № 4. С. 50–63.

Рыбаков Б.А. Северодонецкая экспедиция ИИМК // Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1946–1950 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 63–65.

Рябцева С.С. О находках украшений византийско-дунайских типов VIII – X вв. на территории Поднепровья и Поднестровья // Древности Восточной Европы: сб. науч. тр. к 90-летию Б.А. Шрамко / Отв. ред. С.И. Посохов. Харьков: Харьковский нац. ун-т им. В.Н. Каразина, 2011. С. 252–262.

Свистун Г.Е., Боков В.С. Звездчатая серьга с окрестностей пгт. Кочеток Харьковской области // Харьковский историко-археологический сборник. Вып. 22. Харьков: Мачулин Л.И, 2018. С. 4–10.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 327 с.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев: Наукова думка, 1975. 168 с.

Тотев Б., Пелевина О. Новые данные о раннесредневековых поясах дунайских болгар // Античная древность и средние века. Вып. 36. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. С. 85–103.

Шрамко Б.А. Хорошевское городище // Археология славянского Юго-Востока / Отв. ред. А.Г. Дьяченко. Воронеж: Воронежский пед. ин-т, 1991. С. 50–59.

Щеглова О.А. О двух группах "древностей антов" в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья / Отв. ред. Р.В. Терпиловский. Курск: Курский обл. краевед. музей, 1990. С. 162–205.

THE HOARD OF A BLACKSMITH-JEWELER OF THE MIDDLE 8th CENTURY FROM KHARKIV REGION

Viktor S. Aksenov[a,#]

[a] *M.F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum, Kharkiv, Ukraine*

[#] *E-mail:aksyonovviktor@gmail.com*

The work introduces into scientific circulation a complex of objects found near the Khorosheve fortified settlement located on the right high bank of the Uda River (a right tributary of the Siverskyi Donets) on the territory of the modern Khorosheve township in Kharkiv District, Kharkiv Region. The main parts of the complex are tools of a blacksmith artisan and bronze raw materials with the total weight of 0.387 kg, including plates from a bronze cauldron and fragments of large bronze phaleras from horse harness belts. The complex also included an iron crossguard of a broadsword, a fragment of a chape from a blade weapon scabbard, an armor-piercing spearhead, and an iron hook for pulling out large fish. The following objects made of nonferrous metals are associated with jewelry production: a cast starlike earring of the Pastyrskoye type; two defective compound anthropozoomorphic fibulae of type II.2; a blank-template for cutting the flaps of two-plated fibulae of type II I.1; and a matrix for manufacturing belt lugs. The latter group of items makes it possible to determine the time of existence of the entire hoard as the late 7th–first half of the 8th century. The concealment of the complex should be dated by the 840s–850s, which was due to movements of the Slavic population as a result of arriving the Saltov culture bearers in the Don Region.

Keywords: the early Middle Ages, “antiquities of the Antes”, blacksmith tools, jewelry, matrices, fibulae, Slavs.

REFERENCES

Aksenov V.S., 2005. Complexes with horse plume holders from the Verkhny Saltov catacomb burial ground. Stepi Evropy v epokhu srednevekov’ya [Steppes of Europe in the Middle Ages], 4. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskiy natsional’nyy universitet, pp. 245–260. (In Russ.)

Aksenov V.S., Laptev A.A., 2014. Exploration of the forest-steppe Donets region by the population of the Khazar Khaganate: framing the issue. Stepi Evropy v epokhu srednevekov’ya [Steppes of Europe in the Middle Ages], 12. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskiy natsional’nyy universitet, pp. 25–50. (In Russ.)

Aksenov V.S., Mikheev V.K., 2003. Burials with Crimean ware in the Saltov burial ground of Krasnaya Gorka. Vita antigua, 5–6, pp. 179–191. (In Russ.)

Aksenov V.S., Mikheev V.K., 2006. Naselenie Khazarskogo kaganata v pamyatnikakh istorii i kul’tury. Sukhogomol’shanskiy mogil’nik VIII–X vv. [The population of the Khazar Khaganate in the historical and cultural heritage. The Sukhaya Gomolsha burial ground of the 8th–10th centuries]. Kiev, Khar’kov: Karavella. 308 p. (Khazarskiy al’manakh, 5).

Aksenov V.S., Mikheev V.K., 2009. Burials with composite bows in the Saltov biritual burial ground of Krasnaya Gorka. Stepi Evropy v epokhu srednevekov’ya [Steppes of Europe in the Middle Ages], 7. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskiy natsional’nyy universitet, pp. 387–406. (In Russ.)

Aybabin A.I., 1973. On the origin of Pastyrskoye type earrings. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 3, pp. 62–72. (In Russ.)

Aybabin A.I., 1999. Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma [Ethnic history of the early Byzantine Crimea]. Simferopol’: DAR. 352 p.

Gavritukhin I.O., 2001. Chronology of the “Middle Avar” period. Stepi Evropy v epokhu srednevekov’ya [Steppes of Europe in the Middle Ages], 2. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskiy natsional’nyy universitet, pp. 45–162. (In Russ.)

Golubєv A.M., Golubєva I.V., 2014. Nomadic single-edged long-bladed weapon of the 7th–8th centuries. Arkheologiya [Archaeology], 4, pp. 42–53. (In Ukrainian).

Kniga Bol’shomu Chertezhu [The book of the great map]. Moscow, Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR, 1950. 232 p.

Kolchin B.A., 1953. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v Drevney Rusi (domongol’skiy period) [Ferrous metallurgy and metalworking in Rus (pre-Mongolian period)]. Moscow: AN SSSR. 259 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 32).

Kolchin B.A., 1985. Crafts. Drevnyaya Rus’. Gorod, zamok, selo [Rus. Town, castle, village]. B.A. Kolchin, ed. Moscow: Nauka (Arkheologiya SSSR), pp. 143–297. (In Russ.)

Koloda V.V., 2015. A new burial ground of the Saltov culture in Kharkiv Region. Starozhitnosti Livoberezhnogo Podniprov’ya [Antiquities of the Dnieper Left Bank] (2015). O.B. Suprunenko, ed. Poltava: UTOPIK, pp. 97–111. (In Ukrainian).

Koloda V.V., 2020. The hoard of a medieval blacksmith from Kharkiv Region. Khazarskiy al’manakh [The Khazar almanac], 17. Moscow: Indrik, pp. 69–84. (In Russ.)

Koloda V.V., Aksenov V.S., 2020. Funeral complex of equestrians from the North-Western Khazaria. Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River Region archaeology], 4, pp. 81–98. (In Russ.)

Koloda V.V., Skiba A.V., 2021. The Mirna Dolina hoard of a blacksmith-jeweler from Kharkiv Region. Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni [Archaeology and ancient history of Ukraine], 1 (38), pp. 347–359. (In Ukrainian).

Komar A.V., 1999. Pre-Saltov and Early Saltov horizons of Eastern Europe (chronology issues). Vita antigua, 2, pp. 111–136. (In Russ.)

Komar A.V., 2001. Origin of belt sets of the Early Saltov type. Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (iz istorii kostyuma) [Cultures of the Eurasian steppes in the second half of the 1st millennium AD (excerpts on the history of costume)], 2. D.A. Stashenkov, ed. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey imeni P.V. Alabina, pp. 103–117. (In Russ.)

Komar A.V., 2005. Historical prerequisites for the legend of the Polyans' tribute to the Khazars based on archaeological data. Khazary [Khazars]. V.Ya. Petrukhin, ed. Moscow; Ierusalim: Mosty kul'tury – Gesharim, pp. 207–218. (Evrei i slavyane, 16.) (In Russ.)

Korzukhina G.F., 1996. Hoards and random finds of objects from the circle of "antiquities of the Antes" in the Middle Dnieper region. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria], V. Simferopol': Tavriya, pp. 352–435, 586–705. (In Russ.)

Lyapushkin I.I., 1952. Early Slavic settlements in the forest-steppe Dnieper Left Bank. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 16, pp. 7–41. (In Russ.)

Lyapushkin I.I., 1958. The Saltovo-Mayaki sites in the basin of the river Don. Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Volga-Don archaeological expedition], I. M.I. Artamonov, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 85–150. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 62). (In Russ.)

Lyapushkin I.I., 1961. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v epokhu zheleza [The forest-steppe Dnieper Left Bank in the Iron Age]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 384 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 104).

Mikheev V.K., 1985. Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata [The Don region as part of the Khazar Khaganate]. Khar'kov: Vishcha shkola. 148 p.

Prikhodnyuk O.M., 1998. Pen'kovskaya kul'tura [The Penkovka culture]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. 170 p.

Prikhodnyuk O.M., 2005. Pastirs'ke gorodishche [The Pastyrskoye fortified settlement]. Kiïv; Chernivtsi: Zelena Bukovina. 244 p.

Rodinkova V.E., 2006. On the typological development of anthropozoomorphic fibulae (composite and two-plated forms). Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 4, pp. 50–63. (In Russ.)

Ryabtseva S.S., 2011. Findings of ornaments of the Byzantine-Danubian types from the 8th–10th centuries in the Dnieper and Dniester regions. Drevnosti Vostochnoy Evropy: sbornik nauchnykh trudov k 90-letiyu B.A. Shramko [Antiquities of Eastern Europe: Collected papers for the 90th anniversary of B.A. Shramko]. S.I. Posokhov, ed. Khar'kov: Khar'kovskiy natsional'nyy universitet imeni V.N. Karazina, pp. 252–262. (In Russ.)

Rybakov B.A., 1951. The Severskiy Donets expedition of the Institute for the History of Material Culture. Tezisy dokladov na sessii Otdeleniya istorii i filosofii i plenume Instituta istorii material'noy kul'tury, posvyashchennykh itogam arkheologicheskikh issledovaniy 1946–1950 gg. [Abstracts of reports at the session of the Department of History and Philosophy and the plenum of the Institute for the History of Material Culture on the results of 1946–1950 archaeological research]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 63–65. (In Russ.)

Sedov V.V., 1982. Vostochnye slavyane v VI–XIII vv. [Eastern Slavs in the 6th–13th centuries]. Moscow: Nauka. 327 p.

Shcheglova O.A., 1990. Two groups of "antiquities of the Antes" in the Middle Dnieper region. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ya [Materials and research on the archaeology of the Dnieper Left Bank]. R.V. Terpilovskiy, ed. Kursk: Kurskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey, pp. 162–205. (In Russ.)

Shramko B.A., 1991. The Khorosheve fortified settlement. Arkheologiya slavyanskogo Yugo-Vostoka [Archaeology of the Slavic South-East]. A.G. D'yachenko, ed. Voronezh: Voronezhskiy pedagogicheskiy institut, pp. 50–59. (In Russ.)

Sukhobokov O.V., 1975. Slavyane Dneprovskogo Levoberezh'ya (romenskaya kul'tura i ee predshestvenniki) [Slavs of the Dnieper Left Bank (the Romny culture and its predecessors)]. Kiev: Naukova dumka. 168 p.

Svistun G.E., Bokov V.S., 2018. A starlike earring from the outskirts of the township of Kochetok, Kharkiv Region. Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik [Kharkov collection of papers on history and archaeology], 22. Khar'kov: Machulin L.I., pp. 4–10. (In Russ.)

Totev B., Pelevina O., 2005. New data on the early medieval belts of the Danube Bulgarians. Antichnaya drevnost' i srednie veka [Classical antiquity and the Middle Ages], 36. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 85–103. (In Russ.)

Veymarn E.V., Aybabin A.I., 1993. Skalistinskiy mogil'nik [The Skalistoye burial ground]. Kiev: Naukova dumka. 204 p. Volodarets'-Urbanovich Ya.V., 2015. Fibulae of the 5th–first half of the 8th century from Poltava Region (finds from the early 2000s). Arkheologiya [Archaeology], 3, pp. 87–106. (In Ukrainian).

Voznesens'ka G.O., Nedopako D.P., Pan'kov S.V., 1996. Chorna metalurgiya ta metaloobrobka naselennya skhidnoєvropeys'kogo lisostepu za dobi rannikh slov'yan i Kiïvs'koï Rusi [Ferrous metallurgy and metalworking of the population of the East European forest-steppe during the Early Slavs and Kievan Rus period]. Kiïv: Institut arkheologiï Natsional'noï akademiï nauk Ukraïni. 188 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 166–173

ИСТОРИЯ НАУКИ

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ: СМОЛЕНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В РАБОТАХ Т.А. ПУШКИНОЙ

© 2022 г. Е. В. Каменецкая[1, *], В. Я. Петрухин[1, **]

[1] *Институт славяноведения РАН, Москва, Россия*

**E-mail: el-kamenetskaya@yandex.ru*

***E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com*

Поступила в редакцию 17.05.2021 г.
После доработки 27.05.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

Статья посвящена вкладу Тамары Анатольевны Пушкиной в изучение истории и археологии Смоленска и Гнёздова, в развитие методов (в том числе основанных на новых технологиях) археологического исследования курганов и поселений; ее участию в дискуссии о становлении русского города, о самостоятельном существовании двух крупнейших памятников славяно-русской археологии. Научная деятельность Т.А. Пушкиной развивалась в процессе продолжающейся полемики о роли варягов и иных этнических групп в истории Древней Руси, в том числе о значении пути “из варяг в греки”, а также об этапах ее урбанизации, о функциях раннегородских и “племенных” центров. Подход Т.А. Пушкиной представляется актуальным в связи с продолжающимися интенсивными раскопками Смоленска и Гнёздова и нарастающей дискуссией об их соотношении и функциях.

Ключевые слова: Смоленск, Гнёздово, путь “из варяг в греки”, урбанизация в Древней Руси, методы археологических исследований.

DOI: 10.31857/S086960632201007X

Тамара Анатольевна Пушкина (16.04.1945–29.09.2020) была предана делу всей ее жизни – работе Смоленской экспедиции Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ); увлечение древностями привело ее в 1965 г. на кафедру археологии исторического факультета МГУ, где начинающими археологами занимался Д.А. Авдусин. Занятия с Авдусиным предопределили и археологическую специализацию Т.А. Пушкиной, ее увлечение славяно-русской археологией, и отношение к студентам – она активно включилась в организацию работ Смоленской экспедиции, работу со студентами-практикантами. Она же стала в конце 1960-х годов инициатором создания Смоленского семинара на кафедре археологии. Все эти начинания Т.А. Пушкина продолжила, став сотрудником, затем доцентом кафедры археологии; она возглавила Смоленскую экспедицию и студенческую практику (после ухода ее учителя) в 1993 г.

В 1960-е годы раскопки велись в центре древнего Смоленска на ул. Соболева (под Соборной горой), но сотрудники не оставляли интереса к памятнику, с которого начиналась сама экспедиция в 1949 г. – Гнёздовскому поселению и курганам. В Гнёздово (недалеко от Смоленска) удавалось выбираться по выходным, где под руководством Т.А. Пушкиной успевали раскопать 1–2 разрушавшиеся небольших кургана. Гнёздовский археологический комплекс – крупнейший раннесредневековый некрополь (4 тыс. курганов) и поселение (Центральное городище и обширное селище) на пути из варяг в греки, дающие массовый и во многом определяющий материал по эпохе становления Древнерусского государства, по проблемам формирования его населения и городской сети.

Археологическое изучение Гнёздова ведется более 140 лет, но дискуссии, связанные со всеми проблемами начальной Руси, включая степень участия варягов в этногенезе ее населения, не стихают. Ведущие советские археологи осознавали значимость Гнёздова, и в конце 1940-х годов А.В. Арциховский (занимавшийся тогда ставшим актуальным в науке “варяжским вопросом”) настоял на возобновлении систематических исследований Гнёздова. Он поручил создание экспедиции Д.А. Авдусину, который на Смоленском семинаре в 1960-е годы предлагал участникам темы по скандинавским древностям, уже далекие от официозных установок историографии середины века на минимизацию участия варягов в русской истории. Параллельно та же проблематика систематически разрабатывалась Славяно-варяжским

семинаром под руководством Л.С. Клейна на кафедре археологии Ленинградского государственного университете. В 2000-е годы ученый попросил участников Смоленского семинара поделиться воспоминаниями для своей историографической книги (см. Петрухин, Пушкина, 2009б).

В 1967 г. И.И. Ляпушкин, занимавшийся ранее проблемами догосударственной культуры восточных славян, заинтересовался Гнёздовским поселением как памятником эпохи сложения государства и возобновил раскопки на поселении (начатые Д.А. Авдусиным) – раскоп был заложен на селище на правом берегу речки Свинец. По наблюдениям И.И. Ляпушкина, материалы селища, слой которого поврежден сельскохозяйственными работами, "близки по культуре славянским поселениям лесостепной полосы", а возникновение этого поселения исследователь осторожно отнес к началу IX в., основываясь на "господстве лепной посуды" (Ляпушкин, 1969). Ученый замечал, что до открытия в Смоленске напластований X в. не следует отвергать гипотезу дореволюционных исследователей (В.И. Сизов, А.А. Спицын) о Гнёздове как первоначальном Смоленске.

Эти работы подстегнули интерес Д.А. Авдусина к Гнёздовскому поселению, на котором он эпизодически проводил работы до 1960 г.; последующие раскопки в Смоленске, где были открыты два десятка строительных ярусов с городскими усадьбами, дающими обильный материал, представлялись более перспективными. Археологическая проблема, с которой столкнулись исследователи Смоленска, заставляла, однако, вернуться к традиционному (с начала XX в.) вопросу о соотношении Смоленска и Гнёздова, и шире – к общим проблемам урбанизации раннесредневековой Европы. Озадачивало исследователей то, что материал смоленских усадеб не дал датировок более ранних, чем середина XI в.; правда, Д.А. Авдусин обращал внимание на отдельные находки, которые можно было бы датировать X в. (Авдусин, 1970), и предполагал, что слабые напластования начального города могли быть уничтожены регулярной застройкой.

Так или иначе, в 1970 г. решено было вернуться в Гнёздово и продолжить исследование селища, начатое в 1960 г. И.И. Ляпушкин уже ушел из жизни, и работу на его раскопе продолжили наши молодые ленинградские коллеги – В.А. Булкин, Е.Н. Носов. В.А. Назаренко, И.В. Дубов и другие участники семинара Л.С. Клейна. С тех пор контакты, дружба и полемика с "ленинградцами" стали непременными условиями работы "москвичей". Т.А. Пушкина должна была сосредоточиться на раскопках Центрального городища, не отказываясь от излюбленных ею проблем исторического "вещеведения"; тема ее кандидатской диссертации, защищенной на кафедре археологии в 1974 г., звучала более широко: "Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX–XI вв.).

В 1972 г. экспедиция продолжала работы и в Смоленске, и в Гнёздове (Асташова, Пушкина, 1973). Центральное городище представляло собой еще бо́льшую стратиграфическую проблему, чем селище, ибо слой был нарушен позднейшим строительством, в том числе XVII в. (см. Пушкина, 2012), и железной дорогой.

Два обстоятельства стали очевидны для участников экспедиции, перебазировавшейся из Смоленска в Гнёздово: во-первых, гнёздовские курганы относились к той же культуре, что и поселение; во-вторых, эта раннесредневековая культура была иной, чем "усадебная" культура древнерусского города – Смоленска. Эти различия были продемонстрированы в монографии участников Смоленской экспедиции (Смоленск и Гнёздово..., 1991).

Вопрос о соотношении Гнёздова и Смоленска связан с упоминанием Смоленска (Милиниски) Константином Багрянородным в середине X в. (см. Петрухин, 2018). Как уже сказано выше, напластования этого времени в самом Смоленске не были известны, что позволяет прямолинейно настаивать на первенстве Гнёздова как начального Смоленска. Раскопки поселения в Гнёздове, которые дали богатые материалы X в., определенно показали, что старая интерпретация гнёздовских курганов как погоста (кладбища) древнего Смоленска нерелевантна. Гипотеза, сформировавшаяся в дореволюционной историографии, о Гнёздове как историческом предшественнике Смоленска (древнейшем Смоленске) оставалась актуальной.

Активная жизнедеятельность на Гнёздовском поселении угасла в XI в., зато стал развиваться город на месте современного Смоленска; популярной стала "теория переноса города": схожие по культуре поселения, прекратившие существование в начале XI в., "переносились" на новое место. Тогда же – с концом эпохи викингов – прекратили свое существование на пути из варяг в греки близкие Гнёздову по культуре скандинавские "вики" (Бирка и Хедебю). В концептуальной статье принимавший участие в раскопках Гнёздова (и Смоленска) В.А. Булкин и анализировавший материалы Бирки Г.С. Лебедев считали, что интернациональный по культуре центр в Гнёздове уступил место "племенному" городу – Смоленску (Булкин, Лебедев, 1974). Идеи "переноса" города последовательно придерживался И.В. Дубов, изучая Тимерево и видя его продолжение в Ярославле (Дубов, 1982. С. 63–66).

На Смоленском семинаре сложившаяся историографическая ситуация вызвала дебаты, обостренные в связи с раскопками Т.А. Пушкиной на Центральном городище, давшими яркие материалы X в Д.А. Авдусин, критикуя "ленинградцев", отстаивал свою позицию о развитии Смоленска на своем месте, хотя стратиграфические данные о его существовании в X в. неизвестны (ранние слои на Соборной горе разрушены в процессе средневекового монументального строительства). Т.А. Пушкина осторожно настаивала на сосуществовании Гнёздова и Смоленска на рубеже X–XI вв. (Пушкина, 1974).

Один из участников этих дебатов (и один из авторов этой статьи), занимавшийся проблемой соотношения письменных известий и данных археологии о начале Руси, предположил, что расцвет Гнёздова и аналогичных памятников Восточной Европы в середине X в. связан с летописными "реформами" Ольги – установлением сети безымянных поселений-погостов, призванных контролировать подвластные русским князьям территории. С утверждением прямой власти князей в "племенных" городах ("реформа" Владимира Святославича в конце X в.) нужда в этих погостах отпала, и они запустели. Т.А. Пушкина поддержала интерпретацию В.Я. Петрухина, что выразилось в продолжении сотрудничества по этой теме.

Дебаты по данной проблеме продолжились и на заседаниях отдела славяно-русской археологии Института археологии АН СССР, и в секторе древнейших государств тогдашнего Института истории СССР, возглавляемом В.Т. Пашуто. В результате была подготовлена статья, заглавие которой ("К предыстории древнерусского города") и публикация в ведущем журнале по отечественной истории были предложены В.Т. Пашуто (Петрухин, Пушкина, 1979).

С тех пор дискуссия о соотношении упомянутых древнерусских памятников в процессе урбанизации продолжается, как и проводимое в основном учениками Т.А. Пушкиной интенсивное исследование Гнёздовского комплекса. Его размеры и обилие археологического материала делают данный объект самым богатым на пути из варяг в греки, что провоцирует на исторические выводы о самостоятельном (независимом от Киева) статусе Гнёздова, во всяком случае, в региональном контексте Верхнего Поднепровья (ср. Пушкина и др., 2012). Естественно, именно Гнёздово ассоциировалось в этой гипотезе с Милиниски как начальным (и независимым от Киева!) Смоленском и т.д. При этом все источники (и летопись, и Константин Багрянородный) свидетельствуют о подчинении Верхнего Поднепровья – региона "кривичей" и главной коммуникации (пути из варяг в греки) – Русскому государству периода его становления, основные силы которого были сосредоточены в Киеве.

Ответом на вопрос о соотношении Гнёздова и Смоленска могло бы стать открытие в Смоленске культурного слоя X в., наличие которого предполагала Т.А. Пушкина. Увы, продолжить поиски решения этой проблемы ей уже не доведется... Между тем с началом работ в 2014 г. Смоленской экспедиции Института археологии РАН (рук. Н.А. Кренке) исследование этой проблемы обрело новые перспективы. Т.А. Пушкина хорошо знала характер культурных напластований города и его топографию. По свидетельству Н.А. Кренке, она помогала выбирать место будущих раскопок и даже приняла участие в расчистке найденных объектов.

Работами Н.А. Кренке в Смоленске, в том числе на склонах Соборной горы, обнаружены напластования, содержавшие керамику культуры длинных курганов. В Гнёздовском некрополе длинных курганов нет, вещи, относящиеся к этой культуре, единичны. Древность ранних напластований Смоленска подтверждена новыми датировками, углубляющими историю освоения территории Смоленска до VIII в., а формирование сети поселений, предшествующих и Смоленску, и Гнёздову – к эпохе Великого переселения народов (см. Кренке и др., 2021). Параллельно столь же древние датировки получены и для времени освоения Гнёздова (Мурашева и др., 2020), однако, сопоставление Гнёздова со Старой Ладогой до обнаружения синхронных с ней городских комплексов второй половины VIII в., равно как и удревнение функционирования пути из варяг в греки, представляется преждевременным.

Актуальными для истории Гнёздовского поселения остаются установки Д.А. Авдусина на отсутствие в Гнёздове определенных комплексов IX в. и датировка Т.А. Пушкиной ранних слоев Центрального городища второй четвертью X в. (см. Пушкина, 2012). Скандинавских древностей ранее X в. в Гнёздове не находил и Т. Арне (Arne, 1914. P. 42). Интернациональная культура Гнёздова демонстрирует связь с этнокультурными процессами, характеризующими становление Руси – Древнерусского государства. Если принимать традиционную атрибуцию культуры длинных курганов кривичам, то Смоленск действительно оказывается летописным "городом кривичей", с которых брали дань киевские князья (опирающиеся на погост в Гнёздове, ср. Петрухин, 2018).

Очевидные интернациональные связи Гнёздова делали необходимым учет его трансконтинентальных контактов, регулярное общение с коллегами, исследующими близкие по культуре памятники в Северной и Центральной Европе (в

Моравии), на Балканах. Уже в постсоветский период возможным стало и посещение археологических памятников и музеев Скандинавии, регулярное обсуждение общих проблем с коллегами – А. Стальсберг (Норвегия) и особенно с И. Янссоном (Швеция), благодаря которому Т.А. Пушкиной и ее коллегам удалось добраться до Бирки и других важнейших памятников Скандинавии. Со шведским ученым обсуждалась и загадочная проблема отсутствия скандинавских древностей IX в. на древнерусских памятниках: он заметил, что данными по IX в. небогата и Скандинавия, что связано с эпохой становления новой культуры (началом эпохи викингов). Одним из результатов этих профессиональных контактов стали выставка и международная конференция "Путь из варяг в греки и из грек...", организованная в 1996 г. в Государственном историческом музее при содействии посольств Греции и Швеции. Т.А. Пушкина была одним из авторов выставки и подготовила посвященную Гнёздову статью к каталогу (Пушкина, 1996).

Археологическая специфика исторических процессов была в центре внимания тщательных полевых и "вещеведческих" работ Т.А Пушкиной: скрупулезных зачисток при исследовании разрушенного культурного слоя требовал Д.А. Авдусин, Тамара Анатольевна довела процесс до совершенства. С тех пор во многих экспедициях эта методика получила название "гнёздовской". Анализ "артефактов" как свидетельство сложных историко-культурных отношений в обширном пространстве, охватывающем Восточную, Центральную и Северную Европу, занимал Т.А. Пушкину с первой опубликованной работы, посвященной специфике бытования скандинавских женских украшений (неприменимых в славянском костюме – см. Пушкина, 1972). И. Янссон продолжил эти наблюдения и указал, что число скандинавских фибул в некрополях Гнёздова и Тимерева соответствует их числу в скандинавских некрополях, что позволяет предполагать скандинавскую этнокультурную доминанту на этих памятниках (Jansson, 1987).

С тех пор историческая специфика русско-скандинавских отношений стала постоянно развивающимся направлением в археологии Восточной и Северной Европы: наиболее ярким открытием стало обнаружение в Гнёздове камерных гробниц (Avdusin, Pushkina, 1988) и ранних свидетельств христианизации древнерусской элиты (до официального крещения Руси в 988 г. – см. Petrukhin, Pushkina, 1997). Последняя прижизненная работа Т.А. Пушкиной была посвящена проблематике, не менее значимой для ранней истории всей Северной Европы, – связям степного (хазарского) Востока со Скандинавией и Русью (она продолжила более раннюю работу – ср. Pushkina, 2007; Пушкина, 2020).

Объем и возможности полевых исследований в Гнёздове с каждым годом расширялись. В 1996–1997 гг. Смоленская археологическая экспедиция МГУ провела шурфовку поймы Днепра на левобережье р. Свинец и обнаружила культурный слой с древесными остатками и разнообразными артефактами, сблизившими этот памятник со Старой Ладогой. Эти раскопки успешно продолжают ученики и коллеги Т.А. Пушкиной, здесь работает экспедиция Исторического музея под руководством В.В. Мурашевой. Тамара Анатольевна стремилась к комплексному изучению Гнёздова. В 1995 г. в раскопках приняли участие специалисты факультета почвоведения МГУ и Института географии РАН. Исследования палеоландшафта, петрографо-минералогического характера культурного слоя поселения, палеоботанический анализ продолжаются (см. Мурашова и др., 2020).

Впервые один из учеников Т.А. Пушкиной начал использовать воздушное лазерное сканирование при изучении Гнёздова и вместе со своими коллегами получает интересные результаты (Новиков и др., 2015).

Т.А. Пушкина совершенствовала методику раскопок курганов, развернутых в Гнёздове Д.А. Авдусиным. При ее непосредственном участии в Гнёздове были открыты камерные гробницы с ингумациями. Тщательный подход к разборке камер позволил сохранить органику, в том числе восстановить женский костюм, пополнить материал для гнёздовских дендродат, зафиксировать оплавленные свечи и капли воска в погребении (Авдусин, Пушкина, 1989). Уникальные находки христианских символов и свечей позволил по-новому поставить проблему процессов христианизации Руси (до "официального" крещения при князе Владимире – см. Петрухин, Пушкина, 2009а).

Значительное внимание уделялось массовому материалу. Обожженные кости из курганов изучались остеологами по инициативе Д.А. Авдусина; Т.А. Пушкина привлекала зоологов к рассмотрению костей из раскопок поселения и публиковала результаты (Новиков и др., 2018). Аспирантка Пушкиной О.Л. Шарганова занялась морфологией и технологией керамики Гнёздова и сопредельных памятников, защитила кандидатскую диссертацию (Шарганова, 2011) и успешно продолжает эту работу.

В настоящее время чрезвычайно актуальной становится борьба за сохранение Гнёздовского археологического комплекса. Благодаря усилиям Т.А. Пушкиной был составлен и принят в 2007 г. первый план охранных зон Гнёздовского археологического комплекса.

Каждую находку Т.А. Пушкина умела сделать предметом отдельного изучения: в ее историографическом “багаже” – торговый инвентарь, клады и отдельные монеты, височные кольца, ножи, сельхозорудия, амулеты, стеклянные игральные шашки, изделия из кости и др. При этом для ряда предметов удалось выявить технологию обработки черного и цветного металла, сделать спектральный анализ. Ее исследования отдельных категорий вещей можно назвать эталонными для археологии, поскольку каждый артефакт рассматривался всесторонне и становился значимым в контексте развития не только Гнёздова, но и раннесредневековой Евразии. Эта привычка к максимальной точности порой мешала Тамаре Анатольевне делать смелые выводы и поспешные обобщения. Только после многолетних раскопок поселения стало возможным выделить его участки с определенной ремесленной специализацией (Пушкина и др., 2012. С. 251–255); в весьма осторожной форме было высказано и предположение, что необычное сооружение на Восточном селище имело культовое назначение (Авдусин и др., 1975. С. 49).

Тщательная вещеведческая работа позволила Тамаре Анатольевне проследить важнейшие процессы, происходившие в Гнёздове. Особое место заняли вопросы этноса, торговых связей, времени возникновения Гнёздовского комплекса. Интересные наблюдения сделаны по славянским и балтским элементам памятника, мерянским древностям, отмечены волжско-болгарские и хазарские артефакты. Византийские связи Гнёздова дополнены новыми открытиями. Скандинавские находки всегда оставалось в сфере внимания Т.А. Пушкиной, им посвящены статьи по разным типам фибул, граффити на восточных монетах, скандинавским амулетам. Славянской составляющей также уделено особое внимание в работе о славянском женском костюме эпохи раннего средневековья, основой которой стала уникальная находка в Гнёздове (Пушкина, 1990), опубликованы статьи о височных кольцах (Пушкина, 1987, 2015).

Заметное место в исследованиях Т.А. Пушкиной занимает нумизматика. Монетам и кладам Гнёздова посвящены многие ее статьи, программный характер носил доклад на международном симпозиуме по проблемам урбанизации в Париже в 1997 г. (Pushkina, 2000). Опираясь на труды отечественных нумизматов, Тамара Анатольевна аргументированно показала характер поступления восточных, византийских и западноевропейских монет в Гнёздово, особенности формирования денежно-вещевых кладов в данном регионе и их датировки. Попытка изменить датировки двух гнёздовских кладов на основании отдельных типов керамики без учета специфики гончарного производства северо-западного, западного и южного регионов Древней Руси (Горюнова, 2020) представляется неоправданной.

Уход Т.А. Пушкиной поставил немало проблем перед исследователями Гнёздова, Смоленского Поднепровья и Руси в целом: нуждаются в систематической публикации материалы, полученные при раскопках Центрального городища и селища. Прервана работа над последним шведско-российским проектом “Путь из варяг в греки” (куратор И. Янссон). Второй выпуск материалов Гнёздовского комплекса (Гнёздовский археологический комплекс..., 2021), готовившийся как юбилейный сборник в честь Т.А. Пушкиной, посвящен ее памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А. Смоленская экспедиция // Археологические открытия 1969 года. М.: Наука, 1970. С. 69.

Авдусин Д.А., Пушкина Т.А., Каменецкая Е.В., Петрухин В.Я. Раскопки в Гнёздове // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 49–50.

Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальных камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1989. С. 190–205.

Асташова Н.И., Пушкина Т.А. Работы Смоленской экспедиции // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 51.

Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнездово и Бирка // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К. Каргера / Отв. ред. А.Н. Кирпичников, П.А. Раппопорт. Л.: Наука, 1974. С. 11–17.

Гнёздовский археологический комплекс: материалы и исследования/ Вып. 2 / Отв. ред. С.Ю. Каинов. М.: Гос. ист. музей, 2021 (Труды Гос. ист. музея; вып. 215). 472 с.

Горюнова В.М. Еще раз о датирующих возможностях раннегончарной керамики (Гнёздовские клады 1973 и 2001 гг.) // Археологические вести. Вып. 30. СПб., 2020. С. 154–162.

Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1982. 250 с.

Кренке Н.А., Казанский М.М., Лопатин Н.В., Ганичев К.А., Ершов И.Н., Ершова Е.Г., Модестов Ф.Э., Раева В.А. Городища Демидовка и Вязовеньки на Смоленщине: об иерархии, хронологии и культурной атрибуции // Российская археология. 2021. № 1. С. 102–121.

Ляпушкин И.И. Исследования Гнездовского поселения // Археологические открытия 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 66–67.

Мурашева В.В., Панин А.В., Шевцов А.О., Малышева Н.Н., Зазовская Э.П., Зарецкая Н.Е. Время возникновения поселения Гнёздовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования // Российская археология. 2020. № 4. С. 70–86.

Новиков В.В., Каинов С.Ю., Галеев Ф.С. Методика 3D-реконструкции ландшафта и визуализации археологических объектов на примере Большого кургана из раскопок В.И. Сизова в Центральной группе Гнёздовского археологического комплекса // Новые материалы и методы археологического исследования / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2015. С. 187–189.

Новиков В.В., Пушкина Т.А., Добровольская Е.В., Доброва О.П. Археологическое изучение северо-западной части Центрального поселения Гнёздовского комплекса археологических памятников // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1 / Отв. ред. С.Ю. Каинов. М.: Гос. ист. музей, 2018 (Труды Гос. ист. музея; вып. 210). С. 395–412.

Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 100–112.

Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. Новые данные о процессе христианизации Древнерусского государства // Archeologia abrahamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Отв. ред. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2009а. С. 157–168.

Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. Смоленский археологический семинар МГУ и норманнская проблема // Клейн Л.С. Спор о варягах: история противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009б. С. 301–309.

Петрухин В.Я. К истории давней дискуссии: Смоленск и Гнёздово // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1 / Отв. ред. С.Ю. Каинов. М.: Гос. ист. музей, 2018 (Труды Гос. ист. музея; вып. 210). С. 461–471.

Пушкина Т.А. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси // Вестник Московского университета. История. 1972. № 1. С. 92–94.

Пушкина Т.А. О Гнёздовском поселении // Вестник Московского университета. История. 1974. № 1. С. 87–93.

Пушкина Т.А. Височные кольца Гнёздовского комплекса // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III, вып. 16. Секция 5. М., 1987. С. 50–58.

Пушкина Т.А. Славянский женский костюм эпохи раннего средневековья // VI Международный конгресс славянской археологии: тезисы докладов советской делегации. М., 1990. С. 183–184.

Пушкина Т.А. Гнёздово – на пути из варяг в греки // Путь из варяг в греки и из грек...: каталог выставки. М.: Гос. ист. музей, 1996. С. 20–27.

Пушкина Т.А. Центральное Гнёздовское городище (предварительные итоги изучения 2008–2012 гг.) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: материалы Междунар. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968) / Ред. О.А. Щеглова и др. СПб.: СОЛО, 2012. С. 206–208.

Пушкина Т.А. Лучевые височные кольца Гнёздова // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Н.А. Макарова / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 155–160.

Пушкина Т.А. Несколько слов к вопросу о воздействии Востока на Скандинавию и Русь в раннем средневековье // Хазарский альманах. Т. 17. М.: Индрик, 2020. С. 228–242.

Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 243–273.

Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д.А. Авдусина. М.: Изд-во Московского ун-та, 1991. 264 с.

Шарганова О.Л. Керамика Смоленского Поднепровья конца I – начала II тыс. н.э. (технология и морфология): дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 408 с.

Arne T. La Suéde et l'Orient. Uppsala: K.W. Appelbergs boktryckeri, 1914. 243 p.

Avdusin D.A., Pushkina T.A. Three chamber-graves from Gniozdovo // Fornvännen. 1988. Vol. 83. P. 20–33.

Jansson I. Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor – und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel – und Nordeuropa. Teil IV. Der Handel der Karolinger – und Wikingerzeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1987. S. 775–807.

Petrukhin V.Ya., Pushkina T.A. Old Russia: The Earliest Stages of Christianization // Rom und Byzanz im Norden: Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Bd. II. Mainz: Akademie der Wissenschaften ud der Literatur; Stuttgart: Steiner, 1997. S. 247–258.

Pushkina T. Les trouvailles monétaires de Gnezdovo: un marqueur des relations commerciales // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris: P. Lethielleux, 2000. P. 215–224.

Pushkina T. "Khazarian Souvenirs" // Cultural interaction between east and west: Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe. Stockholm: Stockholm University, 2007. P. 185–188.

FROM THE HISTORY OF SCIENCE: SMOLENSK EXPEDITION IN THE WORKS OF T.A. PUSHKINA

Elena V. Kamenetskaya[a, #], Vladimir Ya. Petrukhin[a, ##]

[a] *Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia*

[#] *E-mail: el-kamenetskaya@yandex.ru*

[##] *E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com*

The article focuses on the contribution of Tamara Anatolyevna Pushkina to the study of the history and archaeology of Smolensk and Gnezdovo, to the development of methods of archaeological research (including those based on emerging technologies) for studying burial mounds and settlements; moreover, the authors consider her participation in the discussion about the formation of the Rus town and about the independent existence of the two largest sites of Slavic-Russian archaeology. Research activities of T.A. Pushkina were developing on the background of ongoing controversy about the role of the Varangians and other ethnic groups in the history of Rus, including the significance of the trade route "from the Varangians to the Greeks," as well as the stages of Rus urbanization and the functions of early urban and "tribal" centres. T.A. Pushkina's approach seems relevant in connection with the ongoing active excavations of Smolensk and Gnezdovo and intensifying disputes about their relationship and functions.

Keywords: Smolensk, Gnezdovo, the route "from the Varangians to the Greeks", urbanization in Rus, methods of archaeological research.

REFERENCES

Arne T., 1914. La Suéde et l'Orient. Uppsala: K.W. Appelbergs boktryckeri. 243 p.

Astashova N.I., Pushkina T.A., 1973. Activities of the Smolensk expedition. Arkheologicheskie otkrytiya 1972 goda [Archaeological discoveries of 1972]. Moscow: Nauka, p. 51. (In Russ.)

Avdusin D.A., 1970. The Smolensk expedition. Arkheologicheskie otkrytiya 1969 goda [Archaeological discoveries of 1969]. Moscow: Nauka, p. 69. (In Russ.)

Avdusin D.A., Pushkina T.A., 1988. Three chamber-graves from Gniozdovo. Fornvännen, 83, pp. 20–33.

Avdusin D.A., Pushkina T.A., 1989. Three chamber-graves from Gniozdovo. Istoriya i kul'tura drevnerusskogo goroda [History and culture of the Rus town]. G.A. Fedorov-Davydov, ed. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 190–205. (In Russ.)

Avdusin D.A., Pushkina T.A., Kamenetskaya E.V., Petrukhin V.Ya., 1975. Excavations in Gniozdovo. Arkheologicheskie otkrytiya 1974 goda [Archaeological discoveries of 1974]. Moscow: Nauka, pp. 49–50. (In Russ.)

Bulkin V.A., Lebedev G.S., 1974. Gniozdovo and Birka. Kul'tura srednevekovoy Rusi. Posvyashchaetsya 70-letiyu M.K. Kargera [The culture of medieval Rus. To the 70th anniversary of M.K. Karger]. A.N. Kirpichnikov, P.A. Rappoport, eds. Leningrad: Nauka, pp. 11–17. (In Russ.)

Dubov I.V., 1982. Severo-Vostochnaya Rus' v epokhu rannego srednevekov'ya [Northeastern Rus in the early Middle Ages]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 250 p.

Gnezdovskiy arkheologicheskiy kompleks: materialy i issledovaniya [The Gniozdovo archaeological complex: materials and research], 2. S.Yu. Kainov, ed. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, 2021. 472 p. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 215).

Goryunova V.M., 2020. Revisiting the issue of the dating possibilities of early wheel-made pottery (Gniozdovo hoards of 1973 and 2001). Arkheologicheskie vesti [Archaeological news], 30. St. Petersburg, pp. 154–162. (In Russ.)

Jansson I., 1987. Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age. Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor – und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel – und Nordeuropa, IV. Der Handel der Karolinger – und Wikingerzeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, pp. 775–807.

Krenke N.A., Kazanskiy M.M., Lopatin N.V., Ganichev K.A., Ershov I.N., Ershova E.G., Modestov F.E., Raeva V.A., 2021. The fortified settlements of Demidovka and Vyazovenki in Smolensk land: hierarchy, chronology and cultural attribution. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 1, pp. 102–121. (In Russ.)

Lyapushkin I.I., 1969. Investigations in the Gniozdovo settlement. Arkheologicheskie otkrytiya 1968 goda [Archaeological discoveries of 1968]. Moscow: Nauka, pp. 66–67. (In Russ.)

Murasheva V.V., Panin A.V., Shevtsov A.O., Malysheva N.N., Zazovskaya E.P., Zaretskaya N.E., 2020. The time of emergence of the Gnezdovo settlement based on radiocarbon dating. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 4, pp. 70–86. (In Russ.)

Novikov V.V., Kainov S.Yu., Galeev F.S., 2015. Technique for 3D landscape reconstruction and visualization of archaeological objects based on the case of the Big Mound from V.I. Sizov's excavations in the Central group of the Gniozdovo archaeological complex. Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya [New materials and methods of archaeological research]. V.E. Rodinkova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 187–189. (In Russ.)

Novikov V.V., Pushkina T.A., Dobrovol'skaya E.V., Dobrova O.P., 2018. Archaeological research in the northwestern part of the Central settlement of the Gniozdovo archaeological complex. Gnezdovskiy arkheologicheskiy

kompleks: Materialy i issledovaniya [The Gniozdovo archaeological complex: Materials and research], 1. S.Yu. Kainov, ed. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 395–412. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 210). (In Russ.)

Petrukhin V.Ya., 2018. To the history of a long-held discussion: Smolensk and Gniozdovo. Gnezdovskiy arkheologicheskiy kompleks: Materialy i issledovaniya [The Gniozdovo archaeological complex: Materials and research], 1. S.Yu. Kainov, ed. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 461–471. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 210). (In Russ.)

Petrukhin V.Ya., Pushkina T.A., 1979. To the prehistory of the Rus town. Istoriya SSSR [History of the USSR], 4, pp. 100–112. (In Russ.)

Petrukhin V.Ya., Pushkina T.A., 1997. Old Russia: The Earliest Stages of Christianization. Rom und Byzanz im Norden: Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts, II. Mainz: Akademie der Wissenschaften ud der Literatur; Stuttgart: Steiner, pp. 247–258.

Petrukhin V.Ya., Pushkina T.A., 2009a. New data on Christianization of the Rus state. Archeologia abrahamica: issledovaniya v oblasti arkheologii i khudozhestvennoy traditsii iudaizma, khristianstva i islama [Archeologia abrahamica: Studies in archaeology and artistic traditions of Judaism, Christianity, and Islam]. L.A. Belyaev, ed. Moscow: Indrik, pp. 157–168. (In Russ.)

Petrukhin V.Ya., Pushkina T.A., 2009б. Smolensk Archaeological Seminar in Moscow State University and the Norman Issue. Kleyn L.S. Spor o varyagakh: istoriya protivostoyaniya i argumenty storon [The dispute about the Varangians: the history of the confrontation and arguments of the parties]. St. Petersburg: Evraziya, pp. 301–309. (In Russ.)

Pushkina T., 2000. Les trouvailles monétaires de Gnezdovo: un marqueur des relations commerciales. Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris: P. Lethielleux, pp. 215–224.

Pushkina T., 2007. 'Khazarian Souvenirs'. Cultural interaction between east and west: Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe. Stockholm: Stockholm University, pp. 185–188.

Pushkina T.A., 1972. On the penetration of some ornaments of Scandinavian origin into Rus. Vestnik Moskovskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Moscow University. History], 1, pp. 92–94. (In Russ.)

Pushkina T.A., 1974. On the Gnezdovo settlement. Vestnik Moskovskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Moscow University. History], 1, pp. 87–93. (In Russ.)

Pushkina T.A., 1987. The temple rings from the Gniozdovo complex. Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii [Works of the V International Congress of Slavic archaeology], vol. III, iss. 16. Sektsiya 5. Moscow, pp. 50–58. (In Russ.)

Pushkina T.A., 1990. Slavic women's attire of the early Middle Ages. VI Mezhdunarodnyy kongress slavyanskoy arkheologii: tezisy dokladov sovetskoy delegatsii [VI International Congress of Slavic archaeology: abstracts of the reports of the Soviet delegation]. Moscow, pp. 183–184. (In Russ.)

Pushkina T.A., 1996. Gnezdovo – on the route from the Varangians to the Greeks. Put' iz varyag v greki i iz grek...: katalog vystavki [The route from the Varangians to the Greeks, and from the Greeks to...: an exhibition catalogue]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 20–27. (In Russ.)

Pushkina T.A., 2012. The central Gnezdovo fortified settlement (preliminary results of the 2008–2012 investigations). Slavyane Vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Ivanovicha Lyapushkina [Slavs of Eastern Europe on the eve of the Rus state formation: Proceedings of the International conference to the 110th anniversary of Ivan Ivanovich Lyapushkin]. O. A. Shcheglova, ed. St. Petersburg: SOLO, pp. 206–208. (In Russ.)

Pushkina T.A., 2015. Radiate temple rings from Gniozdovo. Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: arkheologiya, istoriya, kul'tura: k 60-letiyu N.A. Makarova [Towns and villages of medieval Rus: archaeology, history, culture: to the 60th anniversary of N.A. Makarov]. P.G. Gaydukov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 155–160. (In Russ.)

Pushkina T.A., 2020. A few words on the Oriental impact on Scandinavia and Rus in the early Middle Ages. Khazarskiy al'manakh [Khazar almanac], 17. Moscow: Indrik, pp. 228–242. (In Russ.)

Pushkina T.A., Murasheva V.V., Eniosova N.V., 2012. The Gniozdovo archaeological complex. Rus' v IX–X vv. Arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries. Archaeological panorama]. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 243–273. (In Russ.)

Sharganova O.L., 2011. Keramika Smolenskogo Podneprov'ya kontsa I – nachala II tys. n.e. (tekhnologiya i morfologiya): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Pottery of the Smolensk area of the Dnieper region from late 1st – early 2nd millennium AD (technology and morphology): a Doctoral Thesis in History]. Moscow. 408 p.

Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda) [Smolensk and Gniozdovo (to the history of the Rus town)]. D.A. Avdusin, ed. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1991. 264 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 174–186

ИСТОРИЯ НАУКИ

К ИСТОРИИ ЛИКВИДАЦИИ ГАИМК: “ЗАЯВЛЕНИЕ” В.Ф. ЗЫБКОВЦА А.А. ЖДАНОВУ

© 2022 г. Е. Г. Панкратова[1, *], Н. Ю. Смирнов[2, **]

[1] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия

[2] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: pankratova0484@yandex.ru

**E-mail: kolaksais@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.03.2021 г.
После доработки 16.03.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

В составе фондов Центрального государственного архива историко-политических документов (ЦГАИПД) выявлен донос, направленный А.А. Жданову бывшим аспирантом Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) В.Ф. Зыбковцом, который обвинял весь руководящий и значительную часть научного состава академии в “измене Родине”. Данный документ крайне важен для понимания событий, развернувшихся вокруг и внутри ГАИМК в середине 1930-х годов. Вполне возможно, что именно “Заявление” В.Ф. Зыбковца стало отправной точкой политических репрессий в отношении сотрудников академии, в ходе которых практически все руководство учреждения было осуждено и расстреляно, ряд сотрудников сослан в лагеря, а ГАИМК потеряла самостоятельный статус и была включена в систему АН СССР.

Ключевые слова: архивные материалы, ГАИМК, история научных учреждений, история советской археологии, политические репрессии, А.А. Жданов, В.Ф. Зыбковец.

DOI: 10.31857/S0869606322010160

Волна политических репрессий, захлестнувшая нашу страну в 1930-е годы, не обошла стороной и Государственную академию истории материальной культуры Народного комиссариата просвещения РСФСР (далее ГАИМК, ГАИМК НКП, академия) – центральное археологическое учреждение советского государства в первые 20 лет его существования.

Отдельные эпизоды, связанные с арестами, высылкой и физическим уничтожением сотрудников академии, неоднократно рассматривались в литературе (например: Ашнин, Алпатов, 1994; Судьба ученого..., 2000; Султанбеков, 2002; Формозов, 2006; Брачев, 2008, Клейн, 2014; Панкратова, 2019а). Однако до настоящего времени оставалось совершенно неясным, что именно привело к аресту и расстрелу ряда бывших и действующих руководителей ГАИМК и некоторых рядовых членов академии в 1935–1936 гг., а затем и к ликвидации ее как самостоятельного учреждения.

Продолжающаяся на государственном уровне работа по рассекречиванию архивных материалов советского периода приносит свои плоды и для исследователей истории отечественной археологии. В научный оборот постепенно вводятся новые документы, а тщательность анализа архивных данных и привлечение максимального объема источников выводят исследования по истории науки на принципиально иной уровень – постепенный переход от гипотез и догадок объяснительного характера к предъявлению фактических доказательств и осмыслению документов.

Одним из таких документов является “Заявление”, написанное в 1935 г. бывшим сотрудником ГАИМК В.Ф. Зыбковцом и направленное А.А. Жданову (см. Приложение). Пользуясь определением современного исследователя практики разоблачения и доносительства в довоенном СССР Ф.-К. Нерара, можно сказать, что “Заявление” В.Ф. Зыбковца было оформлено по канонам того времени – в виде типичного “длинного письма-жалобы”, описывающего несправедливость, допущенную по отношению к жалующемуся, и включающего разоблачительные сведения относительно обидчика, в том числе сведения о его потенциально “наказуемых деяниях” (Нерар, 2011. С. 11). Единственная отличительная особенность, пожалуй, – в роли “обидчика” в разбираемом случае выступал практически весь руководящий состав ГАИМК, а “наказуемыми деяниями”,

как оказалось, запятнали себя многие из бывших коллег В.Ф. Зыбковца.

Представляется весьма вероятным, что именно этот документ привлек пристальное внимание Управления Народного комиссариата внутренних дел по Ленинградской области (далее ЛО УНКВД) к ГАИМК и стал поводом для репрессий, в ходе которых были полностью уничтожены высший административный аппарат ГАИМК и некоторые из научных сотрудников. Многие из них были высланы из Ленинграда или заключены в исправительно-трудовые лагеря, а само учреждение потеряло самостоятельный статус и вошло в состав АН СССР на правах рядового института.

"Заявление" было выявлено Е.Г. Панкратовой в 2018 г. в Центральном государственном архиве историко-политических документов (далее ЦГАИПД), в деле "Заявления отдельных лиц на имя тов[арища] Жданова <...> о засоренности кадров Академии истории материальной культуры <...>" (ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1531. Л. 22–116). Дело было рассекречено Межведомственной экспертной комиссией по рассекречиванию документов (МЭКРД) при губернаторе Санкт-Петербурга (акт № 8) 2 декабря 2015 г. Материалы, относящиеся к ГАИМК, включают: заявление В.Ф. Зыбковца от 15 марта 1935 г.; уведомления секретариата А.А. Жданова о получении заявления и о передаче его на рассмотрение в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) Ленинградской области от 1 апреля 1935 г.; докладной записки от 22 апреля 1935 г. (о результатах работы в ГАИМК специально сформированной комиссии) и приложения к ней, состоящего из 58 характеристик, составленных на большую часть сотрудников ГАИМК.

Кроме этих материалов при написании статьи изучены и другие архивные документы из ЦГАИПД, относящиеся к партийным и комсомольским организациям ГАИМК, не введенные ранее в научный оборот. Привлечена информация из следственного дела, хранящегося в составе Архива Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1–7), заведенного в отношении Ф.В. Кипарисова, С.Н. Быковского, М.Г. Худякова и В.С. Адрианова, и следственного дела, заведенного в отношении А.Г. Пригожина, в составе документов Центрального архива Федеральной службы безопасности в Москве (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1–2).

В ходе работы над статьей использованы документы, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее СПбФ АРАН) и в Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН (далее НА ИИМК РАН. РО), состоящие из личных дел и трудовых списков Ф.В. Кипарисова, С.Н. Быковского, А.Г. Пригожина и В.Ф. Зыбковца.

Значительный комплекс неизвестных ранее архивных документов выявлен Н.Ю. Смирновым в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб.). Это материалы переписки Секретной части ГАИМК (1924–1937 гг.), переданные после ликвидации академии в 1937 г. в Ленинградский областной архив Октябрьской революции (ЛОАОР, современный ЦГА СПб.) и засекреченные вплоть до конца советского периода. Архив Секретной части ГАИМК был рассекречен еще 8 октября 1992 г. (акт № 1), но за прошедшие с этого момента годы никто из исследователей истории отечественной археологии к нему не обращался. Отдельные документы из упомянутого фонда были использованы во время работы над настоящей статьей.

1929 стал "годом Великого перелома" и для отечественной археологической науки. С занимаемых постов были уволены многие представители дореволюционной научной школы, в том числе заместитель председателя ГАИМК С.А. Жебелёв (Тункина, 2000). После его ухода возникла необходимость в замещении этой должности партийным сотрудником, который вместе с тем "был бы не чужд науке". 18 января 1929 г., по приглашению Н.Я. Марра (рис. 1) на эту должность был назначен Ф.В. Кипарисов[1] (рис. 2) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 5; Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1. Л. 5).

Продолжая политику привлечения партийных работников в ГАИМК, в начале марта 1930 г. Н.Я. Марр пригласил занять должность научного сотрудника I разряда, а затем и ученого секретаря академии С.Н. Быковского[2] (рис. 3) (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4683. Л. 17). Находясь на различных постах во время своей непродолжительной карьеры в академии, С.Н. Быковский постоянно и последовательно проявлял политическую бдительность и активно участвовал в "коренной реорганизации всей постановки научно-исследовательской работы". Занялся он и подбором аспирантов. Именно благодаря С.Н. Быковскому в ГАИМК был приглашен "молодой научный кадр, обладающий соответствующим мировоззрением

[1] Кипарисов Федор Васильевич (1886–1936) – заместитель председателя (1929–1934), исполняющий обязанности председателя, председатель (1934–1936) ГАИМК (о нем см. Академическая археология..., 2013. С. 19–22, 354; Панкратова, 2019б, 2020в).

[2] Быковский Сергей Николаевич (1896–1936). Научный сотрудник I категории, ученый секретарь (1930 г.), заместитель председателя по научной части (1931–1932), заведующий кафедрой доклассового общества (январь–февраль 1934 г.) ГАИМК, редактор журнала "Сообщения ГАИМК" (о нем см. Академическая археология..., 2013. С. 51, 52, 111, 119, 337).

Рис. 1. Марр Николай Яковлевич. Фото. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 294. Л. 4.

Fig. 1. Nikolay Yakovlevich Marr. Photo. St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Рис. 2. Кипарисов Федор Васильевич. 1920-е годы. Фото. Из семейного архива А.В. Волковой-Кипарисовой.

Fig. 2. Fyodor Vasilyevich Kiparisov. 1920s. Photo. From the family archive of A.V. Volkova-Kiparisova

и имеющий четко выявленные общественно-политические установки в работе", – аспирант-комсомолец В.Ф. Зыбковец-Атрошенко[3] (ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 8. Л. 4) (рис. 4). Он родился в крестьянской семье, его отец в годы Гражданской войны работал в органах ЧК и Ревтрибунале. После того, как отец "скрылся с красными", семья подверглась преследованиям со стороны белогвардейцев. В.Ф. Зыбковец особо отмечал единственный "порочащий" эпизод своей ранней биографии: "в 1925 году, 16-ти летним мальчишкой я увлекся есенинскими стихами, за что был сильно бит комсомольской ячейкой" (ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1531. Л. 24 об.).

С 1930 г. В.Ф. Зыбковец служил в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в звании курсанта командирской школы, откуда "как ударник и был премирован направлением-путевкой на учебу" (ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1531. Л. 24 об.). Заявление о зачислении в аспирантуру Академии В.Ф. Зыбковец подал 11 мая 1931 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 231. Л. 9). Переговоры о его переводе в аспирантуру проводил С.Н. Быковский лично с начальником Политического управления Ленинградского военного округа (ПУ ЛВО) в конце мая 1931 г., еще в тот момент, когда В.Ф. Зыбковец проходил службу красноармейца-одногодичника 113 артиллерийского зенитного полка (ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 8. Л. 4; Д. 7. Л. 17).

В аспирантуре В.Ф. Зыбковец сначала "специализировался по истории сельскохозяйственной техники", а диссертацию писал на тему "История жатки". После закрытия в 1932 г. аспирантуры по истории техники ГАИМК он был переведен в аспирантуру сектора истории феодального общества, где специализировался по истории сельского хозяйства. Под руководством Б.Д. Грекова В.Ф. Зыбковец работал над диссертацией по теме "Картофельные бунты в России" (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 231. Л. 23, 53, 55). На протяжении четырех лет в ГАИМК, с 1931 по 1934 гг., он прошел карьерный путь от аспиранта до директора ИИТ ГАИМК. Принципиальным преимуществом для продвижения по службе было "правильное" социальное происхождение, поэтому совсем неудивительно, что с самого начала своего обучения в аспирантуре он стал секретарем комсомольской организации академии и принимал участие во всех партийных собраниях ГАИМК.

[3] Атрошенко Владимир Феофилактович (псевдоним – В. Зыбковец), позднее Зыбковец-Атрошенко Владимир Феофилактович/Зыбковец Владимир Филатович (1908–1973). Аспирант, ответственный секретарь коллектива ВЛКСМ (октябрь 1931 – август 1934 г.), директор Института исторической технологии (далее ИИТ) (1934 г.) ГАИМК (о нем см. Филимонов, 2004. С. 393–430; Академическая археология..., 2013. С. 114, 350).

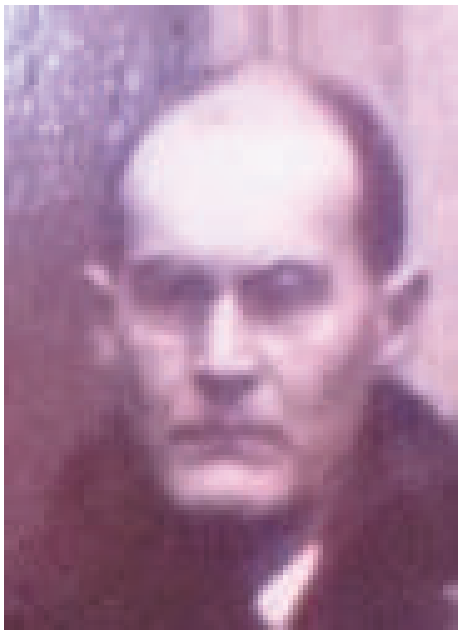


Рис. 3. Быковский Сергей Николаевич. Фото (Электронный ресурс: https://www.myheritage.com/research).

Fig. 3. Sergey Nikolaevich Bykovsky. Photo (Electronic resource)

Рис. 4. Зыбковец (Атрошенко) Владимир Феофилактович. 1930-е годы. Фотокопия (по: Филимонов, 2003).

Fig. 4. Vladimir Feofilaktovich Zybkovets (Atroshenko). 1930s. Photocopy (after Filimonov, 2003)

В 1932 г. в руководстве ГАИМК появляется еще один коммунистический работник – А.Г. Пригожин[4] (рис. 5), ставший очередным заместителем председателя академии Н.Я. Марра. Именно ему в 1933 г. была поручена весьма важная для ГАИМК миссия: переговоры с ГУЛАГ ОГПУ об организации археологических работ в зонах нового масштабного строительства, которое вело это ведомство (Академическая археология..., 2013. С. 122).

К 1934 г., в связи с ухудшающимся здоровьем Н.Я. Марра, возникла необходимость в разграничении обязанностей по руководству академией. Этот вопрос был поставлен 29 января 1934 г. на заседании партийной части президиума ГАИМК. Н.Я. Марр посчитал, что “на ближайшее время необходимо воздержаться от перехода к одному заместителю, нужно пока сохранить двух заместителей” (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 5). Первым заместителем Н.Я. Марр назначил Ф.В. Кипарисова, которому была поручена административная часть работы. Второму заместителю, А.Г. Пригожину, поручались научная часть и редакционная работа. С.Н. Быковскому Н.Я. Марр посчитал необходимым передать руководство всей научно-исследовательской работой ГАИМК в области археолого-этнографических полевых исследований. Однако С.Н. Быковский заявил о своем несогласии оставаться в академии ввиду нежелания находиться под научным руководством А.Г. Пригожина. Конфликт очень скоро приобрел характер выяснения личных отношений между С.Н. Быковским и А.Г. Пригожиным на партийных собраниях ГАИМК. В феврале 1934 г. С.Н. Быковский был привлечен к партийной ответственности за клевету, и дело было передано в Комиссию партийного контроля, секретарем которой был назначен В.Ф. Зыбковец. После вынесения партийного выговора С.Н. Быковский уволился из ГАИМК и занял должность научного сотрудника в Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР[5].

В.Ф. Зыбковец 15 февраля 1934 г. был признан закончившим аспирантуру ГАИМК без предоставления диссертации, для подготовки которой ему давалась отсрочка до 1 января 1935 г. Несмотря на весьма скромные успехи на научном попри-

[4] Пригожин Абрам Григорьевич (1896–1937). Заведующий сектором капиталистических и социалистических формаций; заведующий кафедрой истории западноевропейского феодального общества Института истории феодального общества; заместитель председателя ГАИМК (1932–1934). О нем см. Академическая археология... 2013. С. 51, 119, 122, 377; Пригожин Абрам Григорьевич (электронный ресурс); Панкратова, 2020а).

[5] С 1937 г. Институт этнографии АН СССР.

Рис. 5. Пригожин Абрам Григорьевич. 1934 г. Фото. Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Рукописный отдел. Ф. 2. Оп. 3. Д. 535. Л. 3а.

Fig. 5. Abram Grigoryevich Prigozhin. 1934. Photo. Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the RAS. Manuscript department

ще, 1 февраля 1934 г. В.Ф. Зыбковец был назначен директором ИИТ после добровольного ухода с этого поста Н.П. Тихонова (Платонова, 2018. С. 291).

В мае 1934 г. последовал новый этап внутренних разбирательств в ГАИМК, так называемая Пригожинская склока, после которой 25 июня 1934 г. постановлением Секретариата Ленинградского обкома ВКП(б) А.Г. Пригожин был снят с работы в ГАИМК с объявлением дополнительного выговора за непартийное поведение. Постановлением от 4 сентября 1934 г. тот же партийный орган утвердил в должности заместителя председателя ГАИМК С.Г. Томсинского (ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 12. Л. 48). Этот же год оказался последним в стенах академии и для В.Ф. Зыбковца, хотя его карьера здесь, казалось бы, только начала идти в гору.

В июле–сентябре 1934 г. В.Ф. Зыбковец должен был принять участие в работе новостроечной Камской экспедиции ГАИМК в должности заместителя начальника по организационно-политической части. В круг его обязанностей входили переговоры с Полномочным представительством Объединенного государственного политического управления (далее ПП ОГПУ) в Горьком и Вятке об организации работы экспедиции[6] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 231. Л. 27, 32–35). Также ГАИМК запрашивал у ПП ОГПУ разрешение на покупку оружия для В.Ф. Зыбковца, “ввиду выезда в экспедицию с отрядом научных работников” (ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 12. Л. 27). Нетрудно предположить, чего касались эти переговоры и почему именно В.Ф. Зыбковцу было поручено их ведение. Как и на большинстве социалистических строек 1930-х годов, на строительстве Камской ГЭС использовался труд заключенных, а у ГАИМК к 1934 г. уже был опыт привлечения рабочей силы ГУЛАГа к археологическим раскопкам на территориях, где это ведомство организовывало работы или принимало в них непосредственное участие (Панкратова, 2019а; Смирнов, 2020). Назначение В.Ф. Зыбковца на роль непосредственного переговорщика, по всей вероятности, было связано с двумя принципиальными моментами: политической благонадежностью и опытом работы в трудовых лагерях на Урале в конце 1928 г., в его бытность инструктором Центрального совета Союза воинствующих безбожников (ЦС СВБ). Но и от этой важной задачи он был отвлечен уже через месяц срочным вызовом из Обкома ВКП(б) в связи с необходимостью явиться на “лагерные сборы в часть РККА “1176”” с 13 августа по 1 октября 1934 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 231. Л. 38, 40).

В период участия В.Ф. Зыбковца в “лагерных сборах” произошли не вполне понятные события, в результате которых он с 1 сентября 1934 г. был “освобожден от занимаемой должности” руководителя ИИТ “в связи с переводом на другую работу” в Новгороде – директором в Новгородский государственный музей (далее НГМ). Причем это случилось не во время его предположительного нахождения на сборах, но задним числом, когда, судя по документам, он уже пять дней активно реорганизовывал администрацию и штат музея. Показательно, что на место директора ИИТ ГАИМК еще 4 сентября Ленинградский обком ВКП(б) назначил человека не просто имевшего опыт временного сотрудничества с ОГПУ, а уже “профессионального” чекиста – А.И. Кауля (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 231. Л. 39, 41; ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 12. Л. 49, 51, 51 об.; Академическая археология..., 2013. С. 21).

Перейдя на должность директора НГМ в сентябре 1934 г., В.Ф. Зыбковец перебрался в Новгород, но связи с Ленинградом и ГАИМК сохранил, поскольку с октября 1934 г. на ул. Халтурина проживали его семья (жена, сын и сестра) и домра-

[6] В 1934 г. ГАИМК начал “крупномасштабные раскопки” на территории строительства будущей Камской ГЭС, а “основной рабочей силой при раскопках были рабочие КамГЭСстроя” (Лычагина, 2011. С. 140, 141). Это утверждение верно, только следует уточнить, что основной состав рабочих КамГЭСстроя – это контингент ГУЛАГа.

ботница[7]. В конце года у семьи В.Ф. Зыбковца возникла проблема с большой задолженностью по квартирным платежам, и заместитель председателя академии по административно-финансовой части Н.И. Мягги требовал от В.Ф. Зыбковца срочного погашения задолженности во избежание выселения его семьи (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 231. Л. 46, 47, 49; Филимонов, 2004. С. 395).

Конец 1934 г. стал критическим рубежом как в истории страны, так и в истории ГАИМК. Убийство С.М. Кирова, произошедшее 1 декабря 1934 г., и смерть 20 декабря того же года академика Н.Я. Марра (рис. 6), поставили ГАИМК в крайне уязвимое положение. Потеря руководителя, к которому лояльно относилось советское правительство, совпала с началом кампании, связанной с закрытым письмом ЦК ВКП(б) "Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов[арища] Кирова" от 18 января 1935 г. Эти события повлекли за собой новую волну репрессий, связанных с "разоблачением" сети троцкистско-зиновьевских террористических групп в научных учреждениях Ленинграда.

27 января 1935 г. на заседании парткома ГАИМК обсуждалась "склока Зыбковца в комсомольской организации и исключение его как агента зиновьевско-троцкистского блока" (ЦГАИПД. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 266544. Л. 11). В.Ф. Зыбковец обвинялся в проведении "разлагающей работы внутри комсомольской ячейки". Ф.В. Кипарисов признал, что недостаточно знал В.Ф. Зыбковца для предоставления ему рекомендации о поступлении в аспирантуру: "я лично совершил ошибку, когда дал рекомендацию Зыбковцу, но тогда он был одним из первых комсомольцев, принимаемых в Академию. Видя его недостатки вроде честолюбия, я думал это изживется. Лично я его знал мало, но поверил формальным данным. Это моя ошибка, нужно рекомендации давать только таким, которых хорошо сам знаешь лично". Отдельно отмечалось, что после ухода В.Ф. Зыбковец продолжал дискредитацию партийной организации ГАИМК, было также озвучено предложение заведующей Секретной частью ГАИМК П.В. Ворониной о снятии В.Ф. Зыбковца с работы в Новгородском музее. Кроме того, было постановлено объявить выговор комсомольской ячейке ГАИМК "за несвоевременное разоблачение В.Ф. Зыбковца" (ЦГАИПД. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 266544. Л. 11, 11 об.).

Рис. 6. Вынос гроба с телом Н.Я. Марра. Мраморный дворец (ГАИМК), декабрь 1934 г. Фото. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 294. Л. 130.

Fig. 6. Removal of the coffin with the body of N.Ya. Marr. Marble Palace (GAIMK), December, 1934. Photo. St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

В ответ на эти обвинения В.Ф. Зыбковец, находясь в Новгороде, пытался оправдаться и отвечал на страницах периодической печати (ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1531. Л. 23). Можно предположить, что его оппоненты в академии, желая обезопасить себя, также решили воспользоваться начавшейся кампанией в прессе и снабдили журналиста ленинградской газеты "Смена" большим объемом компрометирующих В.Ф. Зыбковца материалов. По результатам журналистского "расследования" (Беспринципные говоруны..., 1935; Гнилые либералы..., 1935; Пособники врага..., 1935) В.Ф. Зыбковец был исключен из кандидатов в ВКП(б) как член троцкистко-зиновьевской группы, снят с должности и, судя по его послевоенным анкетным данным, арестован и провел какое-то время под следствием (вероятно, часть февраля и март).

В разгар этих событий, 20 февраля 1935 г., В.Ф. Зыбковцом было подано первое обличающее партийное руководство ГАИМК заявление в Областную комиссию партийного контроля (ОКПК), однако на тот момент оно осталось без ответа (ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1531. Л. 23). В марте 1935 г. В.Ф. Зыбковец был оправдан по всем предъявленным ему обвинениям и назначен, правда, с понижением, на должность директора Лужского районного музея (Филимонов, 2004. С. 394, 395).

[7] На каких основаниях семья В.Ф. Зыбковца смогла занять две комнаты ведомственного общежития ГАИМК, остается неясным. Можно предположить, что это было результатом личных договоренностей В.Ф. Зыбковца и Н.И. Мягги, заместителя председателя ГАИМК в этот период. В личном деле В.Ф. Зыбковца имеется рукописное обращение к Н.И. Мягги с просьбой предоставить две комнаты в общежитии ГАИМК и прописать там его, семью и его родственников (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 231. Л. 46).

Тем не менее “противостояние” с ГАИМК продолжалось. 3 марта 1935 г. В.Ф. Зыбковцу было отправлено новое уведомление за подписью Н.И. Мягги о необходимости освободить к середине месяца комнаты, занимаемые его семьей в общежитии ГАИМК, “ввиду острой необходимости в площади для Академии”. Причем в этот раз в случае неподчинения ему пригрозили выселением в административном порядке (НА ИИМК РАН. РО Ф. 2. Оп. 3. Д. 231. Л. 50).

Ответом на данный ультиматум и стало заявление В.Ф. Зыбковца, направленное 28 марта 1935 г. в канцелярию А.А. Жданова (Приложение). В своем “Заявлении” он обвинял практически весь руководящий и значительную часть научного состава ГАИМК во вредительстве, вхождении в троцкистско-зиновьевскую группировку и подрывной работе против партии. В первую очередь он обличал Ф.В. Кипарисова как “сына крупного московского попа-профессора, покрывающего объявленных чужаков и антисоветчиков”, и С.Н. Быковского – “сына серпуховского помещика, расстрелянного красными, ... известного интригана и склочника, хитрого укрывателя антисоветчиков” (ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1531. Л. 22). Среди других научных сотрудников ГАИМК были поименно названы: В.В. Гольмстен, В.В. Данилевский, П.П. Ефименко, Д.П. Калистов, Е.Г. Кастанаян, К.М. Колобова, Е.Ю. Кричевский, А.П. Круглов, Б.А. Латынин, А.Х. Маргулан, В.А. Миханкова, Г.В. Подгаецкий, А.Г. Пригожин, Н.И. Репников, К.К. Романов, М.А. Тиханова, С.П. Толстов, М.В. Фармаковский и ряд других сотрудников и аспирантов академии (ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1531. Л. 22 об.). С большинством перечисленных лиц В.Ф. Зыбковец был связан по службе в ГАИМК, с некоторыми довольно тесно: М.В. Фармаковский неоднократно замещал его в должности директора ИИТ, а В.В. Данилевский был его руководителем в аспирантуре.

В том же заявлении он сообщает о своих кадровых перемещениях – “меня под благовидным предлогом выдвижения сплавили в Новгород”, и о дальнейших неудавшихся попытках оправдаться – “газета [Смена. – *Е.П.*, *Н.С.*] посвятила мне три статьи, в которых вылила на мою голову всю стряпню, изготовленную Кипарисовым... меня исключили из партии и сняли с работы, а то, что я хорошо работал, истолковали как маскировку врага народа”. Упоминает он и о столь актуальном для него жилищном вопросе, не уточняя при этом, что комнату занимает его семья: “ГАИМК прилагает все усилия к тому, чтобы выселить меня поскорее из комнаты – я живу в общежитии ГАИМК”.

Отдельно В.Ф. Зыбковец обращает внимание А.А. Жданова на то, что “...в ГАИМК процветает гнуснейшая теория Кипарисова, согласно которой, якобы, потому так много классово чуждых в ГАИМК, что археологией не хотят заниматься рабочие ребята и потому “приходится” брать дворян” (ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1531. Л. 23).

1 апреля 1935 г. “Заявление” В.Ф. Зыбковца зарегистрировали в канцелярии А.А. Жданова, после чего была сформирована комиссия, которая занялась уточнением и проверкой сведений, указанных в доносе. Трудно сказать, связаны ли два эти события, но уже 4 апреля 1935 г. В.Ф. Зыбковец был восстановлен в партии со строгим выговором за “неразоблачение Пригожина” (Филимонов, 2004. С. 394, 395). В процессе работы партийной комиссии было составлено 58 кратких характеристик научных сотрудников академии.

Менее чем через месяц, 22 апреля 1935 г., комиссия подготовила общую резолюцию по результатам рассмотрения “Заявления” В.Ф. Зыбковца. В ней подтверждалась информация о том, что Ф.В. Кипарисов происходит из семьи священнослужителя и что в составе академии действительно работает большое количество “социально чуждых” людей. Здесь же указывалось, что “одновременное изъятие вредного элемента из академии невозможно, однако необходимо немедленно заменить и укрепить партийное руководство в академии” (ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1531. Л. 116).

События, толчок которым был дан еще в декабре 1934 г., теперь приобрели лавинообразный характер. Высылки, аресты и увольнения отдельных работников ГАИМК, в том числе по социальному происхождению – “бывших людей”, начались еще с января 1935 г.

Однако настоящий гром грянул через год, в конце лета – начале осени 1936 г., когда в одночасье были арестованы основные лица из действующего и бывшего состава коммунистического руководства Академии в 1930–1935 гг., в том числе люди, перешедшие на работу в другие учреждения, ранее сосланные на периферию, а также некоторые сотрудники, не занимавшие руководящих постов, и их коллеги из иных научных организаций Ленинграда: Ф.В. Кипарисов, С.Н. Быковский, М.Г. Худяков, В.С. Адрианов (Панкратова, 2020б), С.Г. Томсинский. Повторно были арестованы А.Г. Пригожин, М.М. Цвибак и Б.А. Латынин[8]. Управлением Народного комиссариата внутренних дел по Ленинградской области СССР было сфабриковано “Дело о сети

[8] При этом на момент своего ареста только Ф.В. Кипарисов и М.Г. Худяков были действующими сотрудниками академии.

контрреволюционных троцкистско-зиновьевских групп в научных учреждениях Ленинграда и Москвы", в которую входила и "террористическая организация ГАИМК" (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1–7). По версии следствия, руководителем "боевой террористической организации" ГАИМК, согласно указаниям К.Б. Радека и И.Т. Смилги, был назначен А.Г. Пригожин (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 23, 36; Панкратова, 2020а).

Ф.В. Кипарисов, С.Н. Быковский, М.Г. Худяков и В.С. Адрианов проходили по одному следственному делу как участники "террористической организации" ГАИМК. Если "руководитель организации" еще 1 августа был переведен на Лубянку для продолжения следствия[9], то следственный процесс над "участниками" проходил в Управлении Народного комиссариата внутренних дел по Ленинградской области (ЛО УНКВД). 19 декабря 1936 г. на судебном состоянии обвиняемым был зачитан приговор, в котором утверждалось, что они являлись "активными участниками контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство т[оварища] С.М. Кирова и подготовлявшей в 1934–1936 гг., при помощи агентов фашистской Гестапо, ряд террористических актов против руководителей ВКПб и советского правительства" (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 36).

Уголовное дело Б.А. Латынина было выделено в отдельное производство. М.М. Цвибак был осужден по одному делу с С.Г. Томсинским и Н.М. Маториным (Судьба ученого..., 2000. С. 56–62; Султанбеков, 2002; Брачев, 2008. С. 51). Ряд сотрудников ГАИМК подвергся репрессиям в течение 1935–1937 гг. Те, кого физически не затронули карательные меры, вынуждены были публично каяться, отрекаться от научных и человеческих связей и в ходе регулярных собраний проклинать бывших коллег.

Стоявший у истоков этих трагических событий и один из их сознательных творцов В.Ф. Зыбковец, спустя два мирных года работы на посту директора уже Псковского государственного музея и менее чем через год после казни своих оппонентов в ГАИМК, сам был арестован и провел в общей сложности 18 лет в лагерях, отбывая свой первый срок с 1937 по 1945 г. в Усольлаге, а затем в Ныроблаге, а второй – с 1948 по 1955 г. в Красноярском крае (Филимонов, 2004. С. 421–426).

Известие о разоблачении "группы врагов народа", возглавлявшей ГАИМК, нанесло сокрушительный удар по учреждению. В печатном издании "XVIII Пленум" ГАИМК за 1937 г. эти события были описаны следующим образом: "в нашей Академии в течение ряда лет действовали злейшие враги народа, предатели и изменники Родины, которые находились на руководящих участках Академии. Все эти Пригожины, Кипарисовы, Быковские и их подручные из кожи вон лезли, чтобы подорвать работу академии и направить ее по неверному пути" (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1, 1937 г. Д. 21. Л. 58).

В этом же году ГАИМК была ликвидирована как самостоятельное учреждение, а на основе ее сильно сокращенных подразделений был организован Институт истории материальной культуры в составе АН СССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Ответственному секретарю Ленинградского
областного и городского комитета
ВКПб – т[оварищу] А.А. Жданову
члена ВЛКСМ и кандидата ВКПб
Зыбковца В.Ф.

1 декабря 1934 г. бандит из троцкистско-зиновьевской шайки убил Сергея Мироновича Кирова. В ответ на это жуткое убийство вся партия, все честные труженики советской земли стали еще беспощаднее крушить врагов народа, разоблачать и бить агентов контрреволюции. Но кое-кто пытается использовать нынешнюю обстановку для того, чтобы под ширмой аллилуйщины, под видом борьбы за партию – вести подрывную работу против партии, сбить с толку ее отдельных солдат.

Именно в этом состоит суть моего дела. Посудите сами – кучка беспардонных прохвостов, окопавшихся в ГАИМК, для того чтобы скрыть свои гнусные преступные делишки и разделаться под шумок со своими заклятыми врагами – решила кое-кого угробить. В частности решено угробить меня [подчеркнуто карандашом]. Не думайте, что я бросаюсь фразами. Я пишу Вам от чистого сердца. Я не обманываю Вас и не втираю очки. Я оперирую только фактами, которые я проверил и тщательно продумал.

В ГАИМК засели:

1. Кипарисов – член ВКПб, сын крупного московского попа-профессора Московской Духовной Академии [подчеркнуто карандашом] по гомилетике[10] [обведено красным карандашом], сам Кипарисов состоит под судом и сидел в тюрьме за

[9] Более подробно обзор архивно-следственного дела А.Г. Пригожина см. Панкратова, 2020а.

[10] Гомилетика – учение о характере, целях и методах ведения церковной проповеди.

убийство[11], имеет около десятка партийных взысканий[12], покрывает объявленных чужаков и антисоветчиков, но до сих пор держится на должности Заместителя председателя ГАИМК, ибо всюду спекулирует какими-то туманными связями с Крупской[13].

2. Быковский – член ВКПб сын серпуховского помещика, расстрелянного красными в 1918 году[14] [подчеркнуто карандашом], имеет несколько партвзысканий и судимость, известный интриган и склочник, хитрый укрыватель антисоветчиков.

3. Озерская Р.А. – скрывает свое социальное происхождение – дочь крупного мельника из г[орода] Стародуба, Западной области, работает секретарем парткома ГАИМК [подчеркнуто карандашом] и всеми способами покрывает деятельность Кипарисова.

4. Майзель С.А. – бывший сионист, сын торговца-аптекаря [подчеркнуто карандашом], имеет несколько партвзысканий, беспринципный подхалим.

Вот эта "компания" развела в ГАИМК невероятное болото. Явные чужаки и антисоветчики (дворяне, офицеры, помещичьи сынки) занимают командные места и ведут вредительскую деятельность [подчеркнуто карандашом]. Я назову только фамилии этих гадов (подробные сведения направлены в соответствующие инстанции): 1. Гольмстен. 2. Романов. 3. Кричевский. 4. Толстов. 5. Миханкова. 6. Гильо. 7. Репников. 8. Фармаковский. 9. Латынин. 10. Лоттэ. 11. Липшиц. 12. Шеенина [Шеншина. – *Е.П.*, *Н.С.*]. 13. Тиханова. 14. Кошиевский [Коишевский. – *Е.П.*, *Н.С.*]. 15. Круглов. 16. Подгаецкий. 17. Калистов. 18. Колобова. 19. Костанаева [Кастанаян. – *Е.П., Н.С.*]. 20. Данилевский. 21. Бачинский. 22. Сальников. 23. Хайтун. 24. Атенелишвили. 25. Маргуланов [Маргулан. – *Е.П.*, *Н.С.*]. 26. Ефименко[15] и другие. Все поименованные граждане являются бывшими людьми – дворяне, помещики, офицерье и пр[очие] [подчеркнуто карандашом]. Некоторые из них уже изолированы[16], хотя Кипарисов делал все для того чтобы их спасти и укрыть. Кипарисов же и Озерская приютили в ГАИМК кучку троцкистов: Пригожин, Цвибак, Лоттэ, Томсинский, Рогатинская, Татаров.

Я работал в ГАИМК с сентября 1931 по август 1934 гг. в качестве секретаря комитета ВЛКСМ. Из 15 комсомольцев организации ГАИМК вопреки отчаянному сопротивлению Кипарисова я выгнал 8 человек – его любимцев как классово чуждых людей, скрывших свое социальное лицо и пролезших в комсомол.

В ГАИМК меня ненавидели как собаку, но очень боялись, что мою линию одобряет Райком и Обком ВЛКСМ. Но я им (гаимковцам) очень надоел и меня под благовидным предлогом выдвижения сплавили в Новгород. Стоило мне только уехать, как вся сволочь в ГАИМК зашевелилась и начала обливать меня грязью. А тут подоспело известное письмо ЦК ВКПб[17]. Партийная организация ГАИМК посвятила мне несколько своих собраний[18], ни на одно из которых меня не вызвали, хотя я об этом усиленно просил. Таким образом, мне пришили чудовищные, хотя и нелепые обвинения. Меня обвинили в укрывательстве троцкистов, в авантюризме, карьеризме, алкоголизме, авангардизме и т[ак] д[алее]. Со звериной ненавистью Кипарисов добивался и добивается моего полного уничтожения. А партийную организацию ГАИМК Кипарисову при помощи Озерской удалось окрутить.

Ко всему этому вдобавок разыгрался такой "анекдот". Встретившись с работником газеты Смена, я рассказал ему о безобразиях в ГАИМК. Он пошел туда проверить и получил такую ин-

[11] Речь идет о трагедии, произошедшей в семье Ф.В. Кипарисова в 1910 г. Один из его четырех братьев – Сергей, был от рождения полностью парализован. Стремясь облегчить страдания и, что более вероятно, по личной просьбе самого Сергея, Ф.В. Кипарисов помог ему уйти из жизни. В 1910 г. в Москве состоялся судебный процесс, в ходе которого он был приговорен к пожизненному лечению в психиатрической больнице, однако в этом же году был отпущен на поруки матери (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 66).

[12] Партийные взыскания по отношению к Ф.В. Кипарисову: неуплата членских взносов (1925 г.); халатное хранение и утеря партийного билета (1925, 1929, 1934 гг.); выговор за участие в "склоке ГАИМК" (1934 г.).

[13] В 1905 г., находясь в Швейцарии, Ф.В. Кипарисов лично познакомился с Н.К. Крупской, Г.Е. Зиновьевым, В.И. Лениным, Г.В. Плехановым и А.В. Луначарским. Позже по рекомендации Н.К. Крупской и Г.Е. Зиновьева был принят в партию (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 5. Л. 2).

[14] Сведения В.Ф. Зыбковца ошибочны. Отец С.Н. Быковского был арестован в 1920 г. в Киеве за антиправительственные выступления. С.Н. Быковский, служивший в то время в органах ВЧК Особого отдела Западного фронта, обратился в Киевский ЧК с просьбой о пересмотре приговора отцу в пользу расстрела, что и было исполнено (ЦГАИПД. Р-1728. Оп 1. Д. 835530/3. Л. 40).

[15] Персоналии (за исключением Атенелишвили, Гильо и Хайтуна) см. Бобровская, Алёкшин, 2013.

[16] С определенной вероятностью можно указать, кого из перечисленных выше "уже изолировали": А.П. Круглов (арестован 1 марта 1935 г., освобожден "в связи с прекращением дела" 10 апреля 1935 г.), Б.А. Латынин (арестован, уволен из ГАИМК, по решению Особого совещания НКВД 4 марта 1935 г. выслан в Куйбышев), Г.В. Подгаецкий (арестован 1 марта 1935 г., освобожден "в связи с прекращением дела" 10 апреля 1935 г.) (Судьба ученого..., 2000. С. 60), Д.Е. Хайтун (отчислен из аспирантуры ГАИМК с 10 января (февраля?) 1935 г.) (ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 13. Л. 19), А.Х. Маргулан (арестован в конце 1934 г., под следствием и в заключении в 1935 г.).

[17] Закрытое письмо ЦК ВКП(б) "Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова" от 18 января 1935 г.

[18] Заседание Партийного комитета ГАИМК от 27 января 1935 г. по вопросу "склоки Зыбковца" в комсомольской организации (ЦГАИПД. Р-1728. Оп. 1. Д. 266544. Л. 11).

формацию, что во всем виноват я. В результате – “Смена” посвятила мне три статьи[19], в которых вылила на мою голову всю стряпню, изготовленную Кипарисовым. Мало того, по совету ГАИМК редакция “Смены” направила в Новгород своего сотрудника, который потратил два дня на обработку Секретаря РК ВКПб т[оварища] Самохвалова. Т[оварищ] Самохвалов сначала отнесся недоверчиво к тому огромном пакету, который прислала ГАИМК по поводу меня, но под конец сдался – меня исключили из партии и сняли с работы, а то, что я хорошо работал, истолковали как маскировку врага народа.

Еще 20 февраля 1935 г. я подал заявление в Областной КПК. До сих пор мое заявление не разобрано. Оно находится у т[оварища] Еремина. ГАИМК прилагает все усилия к тому, чтобы выселить меня поскорее из комнаты – я живу в общежитии ГАИМК. Я прожил на свете 26 лет, но никогда еще не переносил такого глумления и издевательства над собой. Прошу Вас, Андрей Алексеевич, хоть на минутку заинтересоваться этим делом. Надо все тщательно расследовать, и тогда обнаружатся злые и подлые враги нашей Партии. Я являюсь честным большевистским солдатом и ни в чем не обманываю. Вся та невероятная труха, которая наворочена в ГАИМК по моему делу, – чудовищная и наглая клевета.

Я совершил только один проступок – халатно выполнил работу, будучи техническим секретарем Комиссии по чистке Партии – перепутал №№ партбилетов, неправильно писал даты и т[ому] п[одобное]. [подчеркнуто красным].

Еще раз – очень прошу Вас заняться изложенным мною делом и защитить меня от бешеной травли и глумления со стороны всякой сволочи, засевшей в ГАИМК.

Интересно, что в ГАИМК процветает гнуснейшая теория Кипарисова, согласно которой, якобы, в ГАИМК потому так много классово чуждых, что археологией не хотят-де заниматься рабочие ребята и потому “приходится” брать дворян. Как ни странно, эта теория считается правильной в Наркомпросе, хотя ее антисоветская сущность ясна.

Сообщаю сведения о себе: Родился в 1908 г. Происхожу из бедняцкой семьи д[еревни] Тростань, Новозыбковского района, Западной области. В комсомоле с 1925 г. В партии с 1932 г. Никогда никакой антипартийной работы не вел, если не считать того, что в 1925 году, 16-ти летним мальчишкой увлекся есенинскими стихами, за что был сильно бит комсомольской ячейкой. Выполнял ответственные поручения партийных органов – с 1928 г. был на секретной работе на Урале в трудовых лагерях, с 1930 работал по раскулачиванию в Ровенском районе Ц[ентрально]-Ч[ерноземной] О[бласти], с 1930 по 1931 гг. служил в РККА, оттуда как ударник и был премирован направлением-путевкой на учебу. Отец мой в годы Гражданской войны работал в органах ЧК и Ревтрибунале. Наша семья подвергалась преследованиям со стороны белогвардейцев, когда отец скрылся с красными. Образование у меня – высшее. Среди моих родственников, даже среди отдаленных нет лишенцев. Много коммунистов, комсомольцев. Мой дядя Иван Новицкий был повешен в 1911 г. в г[ороде] Варшаве как большевик, он работал по доставке оружия. И именно потому что я всей своей жизнью предан нашему великому и прекрасному делу социализма – мне до отчаяния больно переносить глумления тех гадов, однокашники которых мучили меня и мою семью до того как власть стала нашей.

Очень прошу Вас, т[оварищ] Жданов, разберите мое дело. Я уже совсем обессилел и подхожу к последней черте...

28.III.35

с коммунистическим приветом Вл. Зыбковец

Мой адрес: Ленинград, 52

Проспект Красных командиров, д. 16/30, кв. 32

ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1531. Л. 22–23 об.

Авторизованная машинопись

Публикуется впервые

Исследование Е.Г.Панкратовой выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00063. Исследование Н.Ю.Смирнова проведено в рамках программы Фундаментальных научных исследований государственных академий наук, проект FMZF-2022-0014.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Переписка по научно-исследовательской работе. Входящие секретные бумаги. ГАИМК // ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 7.

Переписка по личному составу и список участников Таманской экспедиции. Исходящие секретные бумаги. ГАИМК // ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 8.

Списки сотрудников и переписка с учреждениями об исключении со службы социально-чуждых элементов, о хищениях в Новгородском музее. ГАИМК. Входящая и исходящая секретная переписка // ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 12.

Списки и характеристики на работников и переписка с учреждениями по проверке лиц перед их поступлением на работу в систему Академии.

[19] О соответствующих статьях см. выше. Необходимо отметить, что в них подвергался критике не только В.Ф. Зыбковец, но и еще ряд сотрудников и аспирантов ГАИМК НКП.

ГАИМК. Входящая и исходящая секретная переписка // ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 13.

Дело по обвинению Ф.В. Кипарисова (1924–1930) // ЦГАИПД. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 348293.

Пригожин Абрам Григорьевич. Личное дело // ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917.

“Заявления отдельных лиц на имя тов[арища] Жданова <...> о засоренности кадров Академии истории материальной культуры <...> (на букву “З”)” // ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. д. 1531.

Дело № 21766. По обвинению Кипарисова Федора Васильевича // Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1–7.

Пригожин Абрам Григорьевич // ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1, 2.

Зыбковец-Атрошенко Владимир Феофилактович. Личное дело // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 231.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с.

Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. “Дело славистов”: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 286 с.

Беспринципные говоруны. Создать в Академии материальной культуры боеспособную комсомольскую организацию! // Смена. 1935. № 36 (2559) (вторник, 12 февраля).

Бобровская Е.В., Алёкшин В.А. Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 327–400 (прил.).

Брачев В.С. Историк М.М. Цвибак и его судьба (1899–1937 гг.) [Электронный ресурс] // Terra Humana. 2008. № 2 (7). С. 33–54. URL: https://terrahumana.ru/arhiv/08_02/08_02_03.pdf (дата обращения: 05.11.2021).

Гнилые либералы из Новгородского музея. Зыбковец – пособник троцкистских и зиновьевских последышей // Смена. 1935. № 43 (2966) (четверг, 21 февраля).

Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия, 2014. 640 с.

Лычагина Е.Л. Деятельность Камской экспедиции ГАИМК на территории Пермского края // Российская археология. 2011. № 4. С. 140–145.

Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011 (История сталинизма). 398 с.

Панкратова Е.Г. Археологические экспедиции 1930-х годов на территории ГУЛАГа (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // У истоков советской археологии: организация и учреждения археологического профиля в новых реалиях: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 26–27 февраля, 2019 г.) / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2019а. С. 35–36.

Панкратова Е.Г. “Террористическая организация ГАИМК” (1936 г.): обзор материалов архивно-следственного дела // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2019б. С. 263–276.

Панкратова Е.Г. К биографии “руководителя террористической организации ГАИМК” А.Г. Пригожина (по материалам архивно-следственного дела) // Археологические вести. Вып. 29. СПб., 2020а. С. 376–384.

Панкратова Е.Г. Письмо, изменившее судьбу (неопубликованные материалы к биографии В.С. Адрианова) // Российская археология. 2020б. № 2. С. 129–142.

Панкратова Е.Г. Последний председатель ГАИМК – Ф.В. Кипарисов (новые материалы к биографии) // Вестник древней истории. 2020в. № 3. С. 698–722.

Платонова Н.И. Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 285–293.

Пособники врага и мелкобуржуазные либералы // Смена. 1935. № 26 (2949) (пятница, 1 февраля).

Пригожин Абрам Григорьевич [Электронный ресурс] // Люди и судьбы: биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Ред.-сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. URL: http://memory.pvost.org/pages/prigozhin.html (дата обращения: 15.05.2019).

Смирнов Н.Ю. Экспедиция профессора П.С. Рыкова в Центральный Казахстан в 1933 г. Причины и история организации // Маргулановские чтения – 2020: материалы междунар. науч.-практ. конф. “Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований” / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. С. 52–66.

Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина: сборник материалов / Отв. ред. Н.Г. Горбунова, Н.К. Качалова, Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. 280 с.

Султанбеков Б.Ф. Расстрелян как террорист (По страницам следственного дела историка Михаила Худякова) // Эхо веков. 2002. № 1/2. С. 107–125.

Тункина И.В. “Дело” академика Жебелева // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. Вып. 2 / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana: Алетейя, 2000. С. 116–160.

Филимонов А.В. Псковское краеведение в 1920–1930-е гг. Псков: Псковский гос. пед. ин-т, 2004. 476 с.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2006. 344 с.

TO THE HISTORY OF THE LIQUIDATION OF GAIMK: "STATEMENT" OF V.F. ZYBKOVETS TO A.A. ZHDANOV

Evgenia G. Pankratova[a, #], **Nikolay Yu. Smirnov**[b, ##]

[a] *St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS, St. Petersburg, Russia*

[b] *Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia*

[#] *E-mail: pankratova0484@yandex.ru*

[##] *E-mail: kolaksais@yandex.ru*

A denunciation addressed to A.A. Zhdanov by a former postgraduate student of the State Academy for the History of Material Culture (GAIMK) V.F. Zybkovets accused the entire Academy's management and a significant part of the research staff of "treason". This document found in the Central State Archive of the Historical and Political Records is extremely important for understanding the events that unfolded around and inside the GAIMK in the mid-1930s. It could well be the case that the statement of V.F. Zybkovets became the starting point of political repressions against the staff of the Academy resulting in conviction and execution of almost entire management of the institution. A number of employees were exiled to the camps, and the GAIMK lost its independent status and was included in the framework of the Academy of Sciences of the USSR.

Keywords: archival materials, GAIMK, history of research institutions, history of Soviet archaeology, political repression, A.A. Zhdanov, V.F. Zybkovets.

REFERENCES

Opportunistic glib talkers. Create an efficient Young Communist cell at the Academy of Material Culture! Smena [Change], 1935, 36 (2559). (In Russ.)

Rigged liberals from the Novgorod Museum. Zybkovets is an accomplice of the Trotskyite and Zinovievite followers. Smena [Change], 1935, 43 (2966). (In Russ.)

Enemy accomplices and petty-bourgeois liberals. Smena [Change], 1935, 26 (2949). (In Russ.)

Prigozhin, Abram Grigoryevich (electronic source). Lyudi i sud'by: biobibliograficheskiy slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991) [People and destinies: a bibliographic dictionary of orientalists – victims of political terror in the Soviet period (1917–1991)]. Ya.V. Vasil'kov, M.Yu. Sorokina, eds. URL: http://memory.pvost.org/pages/prigozhin.html. (In Russ.)

Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.) [Academic archaeology on the banks of the Neva River (from Russian Academy for the History of Material Culture to the Institute for the History of Material Culture RAS, 1919–2014)]. E.N. Nosov, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2013. 416 p.

Ashnin F.D., Alpatov V.M., 1994. "Delo slavistov": 30-e gody ["The case of the Slavists": the 1930s]. Moscow: Nasledie. 286 p.

Bobrovskaya E.V., Alekshin V.A., 2013. The staff of RAIMK/GAIMK/IIMK of the USSR Academy of Scienes/Leningrad Branch of IIMK/Leningrad Branch of the Institute of Archaeology at the USSR Academy of Scienes/IIMK RAS. Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.) [Academic archaeology on the banks of the Neva River (from Russian Academy for the History of Material Culture (RAIMK) to the Institute for the History of Material Culture (IIMK) RAS, 1919–2014)]. E.N. Nosov, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp.327–400. (In Russ.)

Brachev V.S., 2008. Historian M.M. Tsvibak and his fate (1899–1937) (electronic source). Terra Humana, 2 (7), pp. 33–54. URL: https://terrahumana.ru/arhiv/08_02/08_02_03.pdf. (In Russ.)

Filimonov A.V., 2004. Pskovskoe kraevedenie v 1920–1930-e gg. [Pskov studies in local history in the 1920s–1930s]. Pskov: Pskovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 476 p.

Formozov A.A., 2006. Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki [Russian archaeologists during the period of totalitarianism. Historiographic essays]. Moscow: Znak. 344 p.

Kleyn L.S., 2014. Istoriya rossiyskoy arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti [History of Russian archaeology: theories, schools and individuals], 2. Arkheologi sovetskoy epokhi [Archaeologists of the Soviet period]. St. Petersburg: Evraziya. 640 p.

Lychagina E.L., 2011. The Kama Expedition of the State Academy for the History of Material Culture and its work in Perm Region. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 4, pp. 140–145. (In Russ.)

Nerar F.-K., 2011. Pyat' protsentov pravdy. Razoblachenie i donositel'stvo v stalinskom SSSR (1928–1941) [Five per cent of the truth. Denunciation in the Stalinist USSR (1928–1941)]. Moscow: ROSSPEN. 398 p. (Istoriya stalinizma).

Pankratova E.G., 2019a. Archaeological expeditions of the 1930s on the territory of the GULAG (based on materials from the St. Petersburg Branch of the RAS Archive). U istokov sovetskoy arkheologii: organizatsiya i uchrezhdeniya arkheologicheskogo profilya v novykh realiyakh: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [At the origins of Soviet archaeology: the formation and institutions of archaeological specialization under new conditions: Proceedings of the International scien-

tific conference]. I.A. Sorokina, ed. Moscow: IA RAN, pp. 35–36. (In Russ.)

Pankratova E.G., 2019б. “The terrorist organization of the State Academy for the History of Material Culture” (1936): a review of the archive criminal investigation file. Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii [Studies in the history of Russian archaeology], 5. I.A. Sorokina, ed. Moscow: IA RAN, pp. 263–276. (In Russ.)

Pankratova E.G., 2020а. Notes on the biography of “the leader of the terrorist organization of the State Academy for the History of Material Culture” A.G. Prigozhin (based on the archive criminal investigation file). Arkheologicheskie vesti [Archaeological news], 29. St. Petersburg, pp. 376–384. (In Russ.)

Pankratova E.G., 2020б. Letter that changed the fate (unpublished materials to the biography of V.S. Adrianov). Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 2, pp. 129–142. (In Russ.)

Pankratova E.G., 2020в. F.V. Kiparisov, the last Chairman of the State Acedemy for the History of Material Culture (new materials to the biography). Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history], 3, pp. 698–722. (In Russ.)

Platonova N.I., 2018. Studies in the field of archaeological technology at the Russian/State Academy for the History of Material Culture (1920–1930s). Pamyatniki arkheologii v issledovaniyakh i fotografiyakh (pamyati Galiny Vatslavny Dluzhnevskoy) [Sites of archaeology in research and photographs (in memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya)]. N.Yu. Smirnov, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 285–293. (In Russ.)

Smirnov N.Yu., 2020. Expedition of Professor P.S. Rykov to Central Kazakhstan in 1933. Reasons and the history of the organization. Margulanovskie chteniya – 2020: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Velikaya Step’ v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy” [Margulan Readings 2020: Proceedings of the International scientific and practical conference “The Great Steppe in the light of archaeological and interdisciplinary research”]. B.A. Baytanaev, ed. Almaty: Institut arkheologii imeni A.Kh. Margulana, pp. 52–66. (In Russ.)

Sud’ba uchenogo. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Borisa Aleksandrovicha Latynina: sbornik materialov [The fate of the scientist. To the 100th anniversary of Boris Aleksandrovich Latynin: collected materials]. N.G. Gorbunova, N.K. Kachalova, Yu.Yu. Piotrovskiy, eds. St. Petersburg: Izdatel’stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2000. 280 p.

Sultanbekov B.F., 2002. Executed as a terrorist (through the pages of the criminal investigation file of the historian Mikhail Khudyakov). Ekho vekov [Echo of ages], 1/2, pp. 107–125. (In Russ.)

Tunkina I.V., 2000. The “case” of Academician Zhebelev. Drevniy mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii [The ancient world and us: Classical heritage in Europe and Russia], 2. A.K. Gavrilov, ed. St. Petersburg: Bibliotheca classica Petropolitana: Aleteyya, pp. 116–160. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 187–192

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В.И. МОЛОДИН, А.Е. ГРИШИН. ПАМЯТНИК СОПКА-2 НА РЕКЕ ОМИ. Т. 5. (КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПОЗДНЕКРОТОВСКОЙ (ЧЕРНООЗЕРСКОЙ), АНДРОНОВСКОЙ (ФЁДОРОВСКОЙ), ИРМЕНСКОЙ И ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУР). НОВОСИБИРСК: ИЗД-ВО ИА ЭТ СО РАН, 2019

© 2022 г. С. Н. Кореневский*

Института археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: Skorenevskiy@yandex.ru*

Поступила в редакцию 25.02.2021 г.
После доработки 14.05.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

DOI: 10.31857/S0869606322010081

Пятый том монографии В.И. Молодина и А.Е. Гришина “Памятник Сопка-2 на реке Оми” продолжает серию изданий материалов этого могильника, расположенного в долине между реками Омь и Тартас в Венгеровском р-не Новосибирской обл. Предыдущие тома этих авторов касались раскопок более ранних или более поздних материалов его захоронений. Так, том 1 содержит информацию по эпохам неолита – раннего металла (усть-тартаская археологическая культура) (Молодин, 2001). Том 2 охватывает эпоху древнетюрского времени (Молодин, Соловьев, 2004). Том 3 представляет погребальные комплексы одиновской культуры западносибирских лесостепей времени ранней и развитой бронзы (Молодин, 2012). Том 4 посвящен кротовской культуре, выделенной В.И. Молодиным в 70-х годах прошлого столетия.

Антропологические материалы в 5 томе определялись В.А. Дремовым, А.Р. Кимом, Т.А. Чикишевой, палеозоологические определения выполнены Н.Д. Оводовым, С.К. Васильевым.

Рецензия на том 4 раскопок на могильнике Сопка-2 была опубликована в 2018 г. (Кореневский, 2018). Данная работа является продолжением предыдущей публикации. В ней поставлена задача прежде всего информировать читателя о новом томе столь фундаментальной серии работ и о выводах исследователей, которые они опубликовали при вводе в научный оборот результатов их раскопок.

В текст книги вошли материалы познекротовской (черноозерской) культуры, андроновской (федоровской), ирменской и пахомовской культур. Первые из них составляют основу публикуемого тома. В монографии они получили индекс Сопка 2/5. Андроновские (федоровские) памятники публикуются под индексом Сопка 2/6, памятники ирменской культуры – под индексом 2/7, памятники восточного варианта пахомовской культуры – под индексом 2/8.

Структура монографии включает Введение, часть I, посвященную изложению темы о познекротовских (черноозерских) памятниках, часть II, отражающую материалы андроновской (федоровской) культуры, часть III включает данные об ирменской и пахомовской культурах.

Работа имеет развернутое Заключение и Приложение в виде таблиц с данными антропологических определений, распределения категорий инвентаря по комплексам, а также таблицы с датами радиоуглеродного анализа.

Часть I. Сопка-2/6. Памятники позднекротовской (черноозерской) культуры. Кротовская культура начала и середины медно-бронзового века сейчас прочно завоевала себе место на археологической карте Сибири. Ее памятники распространены в Верхнем Приобье и лесостепном Обь-Иртышском междуречье. Позднекротовская (черноозерская) культура представляет собой сменившее ее новое образование, во многом наследующее традиции кротовских племен (С. 144).

Могильник Сопка-2 представляет из себя обширный грунтовый некрополь, расположенный на возвышенности недалеко от слияния рек Оми и Тартаса. В древности население окрестных лесов и лесостепи считало его особым сакральным местом, которое связывалось с упокоением соро-

дичей. Люди разных культур хоронили здесь своих близких столетиями и при этом старались занимать определенную локализацию на территории мыса, особо не нарушая захоронения своих предшественников. Но разрушения погребений, конечно, были. Авторы монографии полагают, что они частично были связаны с ритуальными проникновениями в могилы с целью изъятия оружия и украшений из бронзы (С. 134).

Погребения позднекротовской культуры занимают небольшую часть могильника Сопка 2 и располагаются цепочкой в восточной части некрополя прямо у берега. Они представляют из себя грунтовые ямы, ориентированные длинной осью в сторону реки. Всего их в монографии представлено 86. В них обнаружено 92 погребенных. Хорошей сохранностью обладает более чем 50% комплексов, нарушение захоронений достигает 14%. По сравнению с количеством кротовских могил – около 600 комплексов – погребения позднекротовской (черноозерской) культуры выглядят как менее масштабная группа, но вполне достаточная для историко-культурных обобщений.

Погребальные ямы для захоронений людей позднекротовской культуры были приспособлены для положения сородичей в позе на спине вытянуто. Они имеют в длину 188 – 280 × 51 см и глубину от 6 до 40 см. Конкретно параметры ям зависели от количества погребенных в них людей, как правило, не более двух. Детские могилы имели не столь крупные размеры. Отмечаются даже небольшие круглые ямы для захоронения детских черепов. Авторы книги полагают, что в случае смерти взрослого или ребенка зимой, труп могли хранить до подходящих условий оттепелей. При этом анатомический порядок его мог быть нарушен, особенно у детей. Отсюда возникли случаи с захоронением отдельных детских голов (С. 133).

Древние ограбления отмечены у 21% могил, разрушено другими сооружениями – 6%. Вторичные захоронения отмечены в 8% могил. Только 36% могил имеет слабую степень нарушения. Такую статистику всегда надо иметь в виду при оценке выводов исследуемого могильника.

Доминирующая поза ингумации поздних кротовцев на спине вытянуто – 46%. У 47% могил установить позу погребенных не удается. Редки случаи положения на спину с наклоном на бок и согнутыми коленями. В коллективных погребениях иногда отмечается положение покойных ярусами или парами на одном уровне. Покойного сородича обычно клали по центру могилы и вдоль ее длинной оси.

Антропологические определения пола и возраста сделаны были максимально полно. При конкретном рассмотрении погребений по кластерам мужчин, женщин и детей выясняется такая картина: погребений мужчин в относительно неграбленых могилах можно насчитать 20 случаев (пп. 54–56, 64, 75, 92, 94, 108, 117, 121, 124, 132, 137, 146, 322, 324, 325, 334, 335, 604). Возраст умерших таков: 20–25 лет – 1 случай, 25–30 лет – 2 случая, 30–40 лет – 12 случаев, 50–60 лет – 1 случай.

Статистика показывает, что молодых мужчин 13–20 лет, похороненных на кладбище, нет вообще. Случаи погребения мужчин в расцвете сил 20–25 лет всего 1 случай, в возрасте 25–30 лет – 2 случая. В основном возраст смерти мужчин касается интервала 30–40 лет – 12 случаев. Похороненных стариков очень мало – 1 случай.

Погребения женщин отражают следующую статистику. Всего их учтено 23 случая (пп: 54 – вместе с мужчиной; пп. 69, 70, 78–80, 91, 107, 109, 110, 119, 122, 126, 133, 134, 140, 141, 147, 323, 337, 372, 376, 603). Самые молодые погребенные женщины отмечены в возрасте 12–14 лет и 14–15 лет – три случая. Они связаны с наиболее ранними показателями брачного возраста. Погребенных женщин в возрасте 15–20 лет нет вообще. То есть женщин на начальном пике своего расцвета для деторождения на этом кладбище не хоронили, вероятно, по естественным причинам состояния их здоровья. Похороненных женщин в возрасте 20–25 лет учтено шесть случаев, в возрасте 30–45 лет – девять случаев, в возрасте 50–60 лет – два случая. Здесь статистика указывает на основной возраст похороненных женщин от 20–25 и 30–45 лет, т.е. на возраст брачных отношений и активного деторождения. Женщин старшего возраста более 50 лет очень мало. Видимо, такой возраст достигали не многие.

Погребений детей учтено 26 случаев с определением возраста смерти. Статистика такова. Детей до года учтено 9 случаев, от 1 года до 5 лет – 10 случаев, около 7 лет – 2 случая, 7–14 лет – 1 случай. Статистика явно указывает, что на кладбище детей хоронили с такой же частотой, как и взрослых. Пик детской смертности приходится на возраст до 1 года и от 1 года до 5 лет. Более взрослых детей, погребенных на позднекротовском кладбище единицы – всего 2 случая.

Случаев смерти молодежи от 10 до 12–15 лет для девочек не отмечено вообще, как и для отроков и молодых людей мужского пола от 7 до 20 лет. Участие молодежи в войнах и охоте с летальными исходами, видимо, было не столь ощутимо для изучаемых популяций.

Погребальный инвентарь в захоронениях могильника Сопка 2/5 отражает его распределение по вещам, тяготеющим к погребениям мужчин, женщин и детей. Авторами этот сюжет рассматривается подробно. Так, с погребениями женщин соотносятся наручные браслеты, пары височных колец, шилья, иглы. Такие предметы можно встретить в детских захоронениях. Особо показа-

тельны для позднекротовских погребений женщин медные браслеты с закрученными концами.

Авторы монографии отмечают по этой категории украшений влияние андроновских традиций на комплекс декоративных предметов (С. 129, 130).

С женским погребальным набором связываются предметы из кости животных и зубов медведя, наборы из раковин моллюсков (С. 131).

С погребениями мужчин соотносятся находки бронзовых кинжалов в шести комплексах. Среди этих предметов есть прекрасные образцы колющих орудий из п. 325, 334, 335. Длина колющего обоюдоострого клинка у них достигает 13–15 см, а сам кинжал являлся выработанной на практике сражений эффективной формой оружия рукопашной схватки. Кинжалы находят на груди умерших людей, между плечевой костью и корпусом. Авторы монографии полагают, что такое оружие могли носить на перевези. В любом случае кинжал из п. 325 имел литую рукоятку и кольцо для подвешивания.

Помимо кинжалов с упором в погребениях встречены более простые формы этого оружия с черенковыми рукоятками даже в виде сломанного, но перезаточенного клинка 54, 94, 121, 335 (С. 102).

В п. 55 на тазовых костях человека были найдены колюще-режущие предметы, плотно прислоненные друг к другу. Вероятно, они были убраны в футляр или ножны как инструменты. Один из них является однолезвийным ножом, второй – кинжалом с аморфным овальным клинком и трапециевидной рукояткой. По своей форме эти предметы явно уступали эффективности боевым кинжалам с намечающимся упором рукоятки.

В мужских могилах дважды были найдены сделанные из платины щипчики – пинцеты для каких-то особых нужд.

Особой категорией военно-охотничьего оружия в погребениях встречаются наконечники стрел. Всего их найдено 36 экземпляров в 7 погребениях. В мужских могилах они были найдены 6 раз, в женской могиле – 1 раз. Наибольшее их количество было встречено в п. 132. Связка наконечников лежала у правого бедра покойного. Скорей всего она помещалась в колчан. Боезапас состоял из 17 стрел. Все они были черешкового типа. Одни имели треугольное сечение головки, другие – линзовидное, третьи – подпрямоугольное и даже круглое (С. 47). Длина наибольшего из них составляла 6–8 см. Костяные наконечники могли быть хорошим поражающим средством незащищенного противника или крупной охотничьей дичи. Но защититься от них было несложно, используя щит или даже доспех из костяных пластин или из толстой шкуры животного.

При сравнении с находками наконечников стрел кротовской культуры на могильнике Сопка 2/4Б можно отметить, что в погребениях участка Сопка 2/5 нет костяных наконечников с боковым шипом, а также наконечников из кремня. Видимо, для такой разницы в наборах были свои причины. Одна из них предполагала большой дефицит кремня для изготовления такого оружия. Другая допускает мысль о том, что форма наконечников костяных стрел вполне удовлетворяла нужды поздних кротовцев в этом оружии для войны и охоты.

Наконечники стрел в погребениях не образуют сочетаний с боевыми бронзовыми кинжалами с упором на рукоятке. Поэтому авторы монографии предлагают проставить вопрос об отражении этими предметами статуса “воина” и “охотника” (С. 132). Но пока они не настаивают на такой интерпретации. Информация о погребении с военной символикой все же есть. Захоронение 55 отмечается в книге как воинское. Оно не было разрушено в древности. В нем обнаружен бронзовый кельт, а также два небольших наконечника стрел (С. 12).

Детские захоронения встречены без вещей и с предметами, которые встречаются в могилах взрослых. Можно отметить, что, несмотря на разрушения погребений, большинство детских могил сопровождается инвентарем. Примерно, эти цифры таковы: с вещами найдено 15 из 26 погребений.

Специально следует отметить погребение ребенка 4–5 лет в могиле 333 (С. 63). В нем в яме за черепом был найден боевой бронзовый кинжал с упором на рукоятке. Но сама рукоятка была укорочена или деформирована. Поэтому такой кинжал можно не считать оружием взрослого человека. Возможно, он был только его символом.

Ближайшей аналогией такому погребению является захоронение ребенка п. 425 в могильнике кротовской культуры Сопка-2/4Б (Молодин, Гришин, 2016. С. 275). Как объяснить случаи таких находок оружия в детских захоронениях? Авторы монографии приводят пример из этнографии хантов и манси. По верованиям этих народов умершие люди могли передавать сородичам в загробный мир необходимые для предков вещи (Молодин, Гришин, 2016. С. 276). С другой стороны, такие детские погребения с кинжалами могут быть свидетельством передачи воинского ранга взрослого человека ребенку. При этом знаком такого наследственного статуса являлся именно кинжал.

Своеобразной особенностью погребальной практики позднекротовской культуры является почти полное отсутствие в могилах керамики. В п. 105 найден только один плоскодонный сосуд (С. 85).

Редкой находкой является костяная плоская ложка (С. 89), выточенный из кости кинжал

(С. 88), кремневые скребки, каменный пест-отбойник, абразив.

В погребениях детей, как отмечалось выше, неоднократно встречаются женские предметы погребального обряда, такие как проколки, иглы, браслет, бронзовые кольца, накосники.

С детским погребением соотносятся находки семи бронзовых маленьких бляшек с пунсонным орнаментом, найденных на грудных костях ребенка в п. 70 (С. 49).

Особой категорией погребальной практики являются астрагалы животных. Они встречаются в могилах детей в разном количестве и реже – в могилах взрослых. Так, в детском погребении 332 найдено 14 астрагалов с отверстиями, в п. 621 в могилах мужчин – 10 астрагалов, в в. 334 – 16 астрагалов. Среди таких предметов в трех погребениях детей 1–5 лет встречены астрагалы лошади. В п. 123 подростка (женского пола?) найдены две “бабки” (С. 132). В мужском погребении 334 найдены астрагалы собаки. В. п. 140 – три астрагала барана (С. 53). В п. 138 найдено пять астрагалов барана, причем один предмет был просверлен и подшлифован (С. 55).

Использование астрагалов животных было очень широко распространенной традицией в эпоху медно-бронзового века. Есть предположения, что они были предметом игр. Но по другой версии, они могли быть связаны с культом плодородия, так как встречаются астрагалы с обозначением на них пары женских грудей (Юдин, 2004. С. 97, рис. 67, 2; Olsen, Harding, 2008. P. 73, fig. 4, 3).

Находки астрагалов лошади позволяют авторам монографии прийти к выводу о коневодстве позднекротовских племен (С. 121), а находки астрагалов барана дают повод считать, что они могли заниматься овцеводством. Кормовая база для выпаса скота на лугах Оми и Тартаса была великолепной.

Среди погребального инвентаря Сопка 2/5 особое внимание привлекают бронзовые литые бляхи с петлей на тыльной стороне, обломки литейных форм и находки золота. В п. 146 бляха диметром более 4 см была найдена на правом крыле таза (С. 59). В детском п. 332 такая же бляха находилась на крестце ребенка (С. 67). Видимо, эти бляшки могли быть деталью поясного набора.

Литейные формы и их обломки были найдены в потревоженном п. 54 (мужчины и женщины), погребении 55 мужчины, погребении 64 без скелета. В женском п. 91 были найдены две литейные формы. Одна предназначалась для изготовления наконечника дротика, другая – для отливки стержня-болванки (С. 95). Таким образом, погребения позднекротовской культуры продолжают более раннюю кротовскую традицию символики литейного дела. Примечательно, что один раз такие находки были сделаны в женском захоронении. Возможно, это отражает случаи занятия женщинами литьем изделий на медной основе?

Находки золотой фольги со штамповкой отмечены в п. 54, там же найдена пластина из золотой фольги, золотые обоймочки и золотые гофрированные трубочки. Длина пронизок из золота составляет от 0.4 до 1.54 см, диаметр 0.3–0.43 см (С. 110). В п. 55 найдены две пластинки из золотой фольги (С. 110). В п. 338 ребенка обнаружены обрывки золотой фольги с орнаментом (С. 110). В женском п. 337 найдены два крупных кольца из меди, покрытые золотой фольгой. Один конец кольца из п. 337 тупой, другой острый (С. 115). В этом же погребении был найден перстень из меди с двумя закрученными концами (С. 76).

Благородные металлы – золото и серебро – всегда были важными показателями развития престижных ценностей у людей разных культур медно-бронзового века. По находкам золотых накладок в комплексах позднекротовских могил можно заключить, что традиция использования благородных металлов кротовской культуры могильника Сопка 2/4Б (Молодин, Гришин, 2016) получила свое продолжение. Немногочисленные, но очень важные свидетельства о находках золота в позденкротовских погребениях показывают, что они не связаны с захоронениями мужчин. Более они тяготеют к женским могилам и в одном случае найдены в детском захоронении.

Интересной находкой является бусина из бирюзы из п. 79 (С. 132). Она отражает дальние связи местного населения.

В женских п. 55 и 123 найдены бронзовые тонкие круглые бляхи с орнаментом пунсоном по краям (С. 112).

Довольно многочисленна серия бронзовых колец, которые находились в основном в женских захоронениях. Всего они учтены в количестве 18 шт. (С. 113). Диаметры колец 3.5–5 см. Концы подострены. В погребениях такие кольца представлены парами, находки по одному кольцу нередко связываются с ограблением могил (С. 115).

Хронология погребений позднекротовской культуры определяется радиоуглеродными датами. Они сделаны по материалам для 13 погребений. (пп. 94, 108, 119, 122, 123, 134, 141, 325, 334, 335, 337, 376, 625). Даты были получены в лаборатории СОАН для 15 захоронений, в Ленинградской лаборатории – для 2 захоронений, Лаборатории Бостона – для 2 захоронений.

Особенностью датированной серии образцов является ее исключительная связь с костями человека.

Хронологический интервал для памятников позднекротовской (черноозерской) культуры для авторов монографии был в принципе понятен. В предшествующем томе 4 (Молодин, Гришин, 2016) для датировки кротовских памятников на

могильнике Сопка-2/4Б было сделано 28 радиоуглеродных дат. Авторы монографии на их основании приходят к заключению, что памятники кротовской культуры занимают все III тысячелетие до н.э. При этом они распадаются на две хронологические группы. Одна, ранняя группа, датируется в рамках первой половины III тыс. до н.э. Другая, более поздняя, относится ко времени второй половины III тыс. до н.э. Важно отметить, что появление литых обоюдоострых кинжалов, бронзовых наконечников копий, кельтов соотносится именно с поздней серией захоронений. Они связаны с пятью датами из трех погребений 282, 427, 594. Четыре из них укладываются в диапазон XXIII–XXI вв. до н.э. и лишь одна дата относится к XVIII в. до н.э. (С. 448, 449).

Таким образом, для хронологии памятников позднекротовской культуры на могильнике Сопка 2/5 определяется диапазон более молодой, чем XXI в. до н.э. Эти даты получены из погребений 108, 337, 625, 1129, 1234. Диапазоны их имеют интервалы с вероятностью 68% от 2150–1950 ВС; 1670–137, 1650–1610 ВС; 2140–1920 ВС, 1969–1750 ВС и тому подобные. Вместе с тем авторы монографии отмечают случаи сильного омоложения некоторых значений (С. 152), что прослеживалось и при датировке первой серии из погребений кротовской культуры.

В заключение В.И. Молодин и А.Е. Гришин акцентируют следующие проблемы в интерпретации публикуемых материалов.

Во-первых, подтверждается тезис о выделении кротовской культуры, который имел свою дискуссию ранее.

Во-вторых, кротовская культура испытывала мощное влияние со стороны андроновской (федоровской) культуры и исчезла. На смену ей пришла позднекротовская культура (С. 144). Ее становление происходило в период миграции андроновских племен, вероятно, из Центрального и Восточного Казахстана. В ходе этих миграций происходил контакт кротовского (антропологически) северо-монголоидного населения с (антропологическими) европеоидами андроновской (федоровской) культуры. Результаты этих контактов отразились в генофонде у позднекротовского населения, как считают авторы монографии, опираясь на новейшие исследования в области палеогенетики (С. 146).

В итоге на территории Прииртышья носители позднекротовского культурного образования некоторое время сосуществовали с андроновцами, постоянно контактируя с ними, пока различия между этими культурами окончательно не стерлись. (С. 155).

Часть II. Сопка 2/6. Погребения андроновской (федоровской) культуры. Авторы монографии отмечают 10 погребений, которые можно отнести к андроновской (федоровской) культуре на могильнике Сопка 2. Для них характерна небольшая яма, в которую можно поместить скорченного на боку человека. Кости рук согнуты, кисти у черепа. Погребения андроновской (федоровской) культуры располагаются порознь друг от друга и скоплений не образуют. Среди них есть захоронение ребенка (п. 637), трех женщин в возрасте 18–29, 25–30, 5–60 лет, трех мужчин в возрасте 18–20, 20–39, 40–45 лет, а также погребения, в которых кости не были обнаружены (п. 640). Находки представлены баночными сосудами андроновского (федоровского) типа, медными височными кольцами, бусами, обломком пластинчатого ножа. В.И. Молодин и А.Е. Гришин считают, что люди андроновской (федоровской) культуры не рассматривали могильник Сопка 2 как свое основное родовое кладбище. Их могилы могли быть следствием эпизодических посещений этих мест. Одно погребение 354 было датировано. Дата с вероятностью 68% 1789-1630 ВС (С. 169).

Рассматривая вопрос о хронологии андроновских (федоровских) памятников, авторы монографии пишут, что их дата в Барабинской лесостепи, в Зауралье, Казахстане, Минусинской котловине определяется повсюду в рамках XVIII–XV вв. до н.э. (С. 168), что согласуется с датой комплекса 354 на могильнике Сопка 2/6.

Часть III. Сопка 2/7. Погребения ирменской культуры. На могильнике Сопка 2 обнаружено четыре погребения ирменской культуры, при них – три сосуда, которые ставили вне захоронения. Погребения ирменской культуры № 153, 362, 365 принадлежали женщинам 20–25, 40–45 и 50–60 лет. Захоронения совершались в небольших ямах. Поза покойных людей была в положении скорчено на боку с южной ориентировкой. По месту обнаружения они перекрывали могилы кротовской культуры. Одна могила была впускной в насыпь кургана, который сам перекрыл кротовские захоронения в более позднее время. Дата ирменской культуры с учетом значений радиоуглеродных определений могильника Чича I – XIV–X в. до н.э. (С. 176).

Часть III. Сопка 2/8. Погребение восточного варианта пахомовской культуры было зафиксировано один раз как могила 519. Оно было разрушено и перекрыто захоронением тюркского времени. Принадлежность комплекса к восточному варианту пахомовской культуры определяется по найденному в могиле сосуду. Захоронение датируется второй половиной X–VIII вв. до н.э., т.е. переходным временам от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (С. 175).

Таким образом, единственный комплекс восточного варианта пахомовской культуры завершает ввод в научный оборот обширного свода источников развитой и поздней бронзы могильника

Сопка 2, отражающего динамику историко-культурного процесса в Барабинской лесостепи практически двух тысяч лет (С. 176).

В заключение считаю возможным подчеркнуть принципиально важные особенности этого исследования.

Во-первых, памятник изучался высококвалифицированным коллективом специалистов систематически в течение 13 лет. Работы осуществлялись сплошным исследованием территории могильника. Такой подход был, безусловно, повышенно затратным, но он дал положительный результат, связанный с подробным обследованием памятника. Аналогичные примеры подобного масштабного ведения раскопок грунтовых могильников трудно привести.

Во-вторых, в исследовании и обработке полученных данных принимали участие специалисты смежных с археологией дисциплин: антропологи, палеозоологии, палеоботаники, генетики. Большое внимание уделялось получению радиокарбонных датировок. Это был долгий и напряженный труд большого коллектива ученых.

В-третьих, результаты раскопок были введены в научный оборот как первооснова исследований вместе и их интерпретацией. Источниковедческая часть работ археологов имеет равное значение не только для выводов сегодняшнего дня. Она может быть очень важной сводкой находок для работ в будущем при накоплении нового материала. В этом состоит особенность такого жанра исследований, сочетающих источниковедческий и интерпретационный характер.

В-четвертых, дискуссии, поднятые в работе, и выводы делаются авторами на фоне широких обобщений сравниваемого материала.

В.И. Молодин и А.Е. Гришин, завершая 5 том публикаций могильника Сопка 2, пишут, что в будущем готовится к изданию 6 том, посвященный памятникам Средневековья, которые до сих пор были опубликованы только выборочно. Работы по изучению Обь-Иртышской лесостепи активно продолжаются. Они ведутся на памятниках Тартас-1, Усть-Тартас -1 и -2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кореневский С.Н. В.И. Молодин, А.Е. Гришин. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4. (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. 451 с. // Российская археология. 2018. № 2. С. 175–181.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на р. Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. Т. 1. 127 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на р. Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.

Молодин В.И. Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на р. Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: Изд-во. СО РАН, 2016. Т. 3. 451 с.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: Археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 46. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 220 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на р. Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. Т. 2. 184 с.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 199 с.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 193–197

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СВЯТИЛИЩЕ ПЕРВЫХ МЕТАЛЛУРГОВ СРЕДНЕГО УРАЛА / РЕД. О.Н. КОРОЧКОВА, В.И. СТЕФАНОВ, И.А. СПИРИДОНОВ; ПОД ОБЩ. РЕД. Е.Н. ЧЕРНЫХ. ЕКАТЕРИНБУРГ: ИЗД-ВО УРАЛ. УН-ТА, 2020[1]

© 2022 г. В. В. Ткачев*

Оренбургский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Оренбург, Россия

**E-mail: vit-tkachev@yandex.ru*

Поступила в редакцию 26.03.2021 г.
После доработки 26.03.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

DOI: 10.31857/S0869606322010196

Рецензируемая монография посвящена полноценному введению в научный оборот и всестороннему анализу материалов исследования уникального культово-мемориального памятника эпохи бронзы Среднего Урала – святилища Шайтанское озеро II. Без преувеличения речь идет о настоящей научной сенсации, существенно изменившей наши представления об историко-культурном фоне, на котором развивалось металлопроизводство в северных периферийных районах Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции позднего бронзового века, а также механизмах распространения технологических новаций из среды носителей сейминско-турбинских металлургических традиций. Представляется закономерным, что в 2013 г. это исследование вошло в десятку самых значительных археологических открытий на крупнейшем международном Шанхайском научном форуме “Мировая археология”. Поэтому актуальность реализации столь важного для разработки историко-металлургической проблематики издательского проекта очевидна и не требует дополнительного обоснования.

Отличительной чертой памятника является тот факт, что он представляет собой особый локус в структуре сакрального ландшафта, под которым понимается создаваемое традиционными обществами с помощью жертвоприношений, обрядовых и церемониальных действий структурированное пространство (Окладникова, 2014). В рамках феноменологического подхода, получившего наиболее широкое распространение в британской школе ландшафтной археологии (Landscape Archaeology), такого рода объекты рассматриваются в качестве идеационных археологических ландшафтов (Johnson, 2012; Knapp, Ashmore, 1999).

Нужно отметить, что научному сообществу уже в процессе исследования этого выдающегося комплекса оперативно предъявлялись некоторые материалы Шайтанского озера, в том числе в монографическом сочинении его первооткрывателя (Сериков, 2013). Да и авторы рецензируемой книги успели опубликовать цикл статей, посвященных анализу отдельных аспектов его изучения, апробировать некоторые положения, отражающие промежуточные итоги исследования, на конференциях различного ранга (Корочкова, Стефанов, 2010; 2013; Korochkova, 2013; Корочкова и др., 2018). Эта нетривиальная ситуация позволяет в динамике проследить постепенную трансформацию взглядов исследователей и этапы формирования отдельных звеньев авторской концепции, в законченном виде представленной в обсуждаемой монографии.

Монография состоит из вводного раздела (Предисловия), трех глав и двух Приложений. В целом структура работы представляется сбалансированной, обладающей внутренней логикой. Несколько выбивается из контекста Приложение 2, посвященное характеристике поселения раннего железного века. Но в данном случае это оправдано, поскольку в отличие комплексов каменного века и энеолита, освещенных в работах Ю.Б. Серикова (2013; 2017), материалы раннего железного века не были введены в научный оборот. На самом общем уровне книга производит благоприятное впечатление, написана живым образным языком при сохранении академического стиля изложения. Несомненным достоинством работы является присутствие многочисленных картографических материалов и иллюстраций, отличающихся высоким качеством исполнения и

[1] ISBN 978-5-7996-2975-5; 214 с.: 16 с. цв. илл.

предельной информативностью. Это позволяет составить детальное представление о географическом позиционировании различных объектов, планиграфии и стратиграфии памятника, вещевых комплексах, их локализации, группировке и аналогиях.

Прежде всего хотелось бы отметить, что полевые и лабораторные исследования проведены на высоком методическом уровне с использованием всех доступных естественно-научных методов и привлечением высококвалифицированных специалистов соответствующего профиля. Авторам удалось объединить в общий археологический раскоп все рекогносцировочные шурфы и раскопы малой площади, заложенные Ю.Б. Сериковым на различных участках памятника, что позволило реконструировать целостную картину функционирования святилища Шайтанское озеро II в бронзовом веке.

Глава 1, содержащая общие сведения о памятнике, очень важна для понимания особенностей пространственной организации, природно-климатических условий, топографических особенностей местности, приуроченности к месторождениям и рудопроявлениям меди Среднего Урала. Этими обстоятельствами во многом определяется характер культурных отложений, сформировавшихся в разные периоды функционирования объекта от каменного века до этнографической современности. Подробно приведена хроника исследования объекта, показаны планиграфическая ситуация и стратиграфия памятника. Примечательно, что описание культурных комплексов, связанных с различными этапами освоения территории Шайтанского озера II, дается в парадигме ландшафтной археологии, что особенно уместно применительно к культовым объектам, поскольку в эпоху поздней первобытности географическое пространство, образующее жизненную среду палеопопуляций, осваивалось не только утилитарно, но и в духовной, семантической и символической проекциях.

Публикационная часть монографии содержится во второй главе. Она является самой большой по объему и наиболее структурированной. В первом параграфе авторы решают сложную задачу группировки выявленных в ходе раскопок артефактов и их скоплений на локальных участках святилища Шайтанское озеро II, что легло в основу реконструкции структурных элементов культово-мемориального ансамбля, позволило выделить с различной степенью достоверности (в силу плохой сохранности органических материалов) погребальные комплексы.

Последующие разделы посвящены систематическому описанию и анализу металлических и каменных изделий, керамики и органических остатков. Важно отметить, что помимо качественно выполненной типологической систематизации вещевых комплексов проведены рентгенофлуоресцентные (РФА) исследования металлических изделий, петрографическое и трасологическое изучение каменного инвентаря, технико-технологический анализ керамики, археозоологические и антропологические определения остеологической коллекции и пр. Из 29000 находок Шайтанского озера около 4500 относится ко времени существования святилища эпохи бронзы. Особо следует выделить беспрецедентную для Среднего Урала коллекцию металлических изделий и отходов, связанных с металлопроизводственной деятельностью, общим числом 220 экземпляров, из которых 97 целых предметов с незначительными дефектами и еще порядка 40 идентифицируется по фрагментам. Не менее информативными для определения культурно-хронологической позиции памятника оказались коллекции керамики и каменных орудий.

Вопросы хронологии и культурной идентификации святилища эпохи бронзы Шайтанское озеро II рассматриваются в заключительном параграфе второй главы. Авторами убедительно обоснована принадлежность памятника к коптяковской культуре горно-лесного Зауралья (первая половина II тыс. до н. э.). Принципиальное значение имеет определение хронологической позиции материалов Шайтанского озера II, отнесение их к рубежу ПБВ-1 и ПБВ-2 (по восточно-европейской шкале периодизации), что маркируется раннеалакульским импульсом, а также обликом металлокомплекса, относящегося к переходной стадии между сейминско-турбинской и самусьско-кижировской традициями металлообработки.

Самостоятельную научную ценность имеют результаты радиоуглеродного датирования. На сегодняшний день святилище Шайтанское озеро II обладает наиболее представительной серией радиокарбонных дат среди памятников, связанных с сейминско-турбинскими традициями металлообработки (Черных и др., 2017). Симптоматично, что сравнительно-типологические построения авторов обсуждаемого монографического сочинения, изложенные в данном разделе книги, надежно верифицированы серией хорошо согласованных ^{14}C AMS дат, образующих компактный интервал калиброванных значений в одну сигму в пределах 2000–1650 гг. до н.э.

Фундаментальный характер рецензируемой работы оттеняет заключительная третья глава “Среднее Зауралье в начале бронзового века”. Ее название может смутить исследователей восточно-европейских древностей эпохи бронзы, поскольку в классической периодизационной схеме В.А. Городцова публикуемый памятник ассоциируется с поздним бронзовым веком. В данном случае рельефно проявилась несколько пара-

доксальная, но устойчивая историографическая традиция параллельного существования в отечественной археологии, наряду с восточно-европейской периодизацией ("городцовской триадой" культур), так называемой наклонной шкалы периодизации, использующейся применительно к алтайско-западно-сибирским и урало-казахстанским культурам бронзового века. Указанные системы асимметричны, что, впрочем, характерно и для периодизации бронзового века Центральной и Западной Европы. В силу отсутствия единой системы координат исследователям приходится постоянно снабжать свои работы комментариями о соответствии друг другу тех или иных этапов. С точки зрения понимания линий синхронизации коптяковской культуры такого соответствия авторами, безусловно, удалось достичь. Поэтому использование дефиниции "начало бронзового века" действительно отражает начальную стадию становления металлопроизводства на Среднем Урале, с той лишь оговоркой, что происходило это в позднем бронзовом веке.

В данной главе на широком историческом фоне рассматриваются проблемы генезиса и историко-культурного содержания выделяемого самостоятельного коптяковско-сейминского центра металлопроизводства, игравшего заметную роль в системе Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции. Формирование коптяковской культуры сопровождалось, по мнению авторов, редким для Северной Евразии явлением – "сложением производящего центра металлообработки в среде населения присваивающего образа жизни". В самом общем виде субстратный компонент представлен автохтонным пережиточным постэнеолитическим населением, суперстратные группы связаны с миграциями сейминско-турбинских кланов, что отражают памятники карасьеозерского типа. Значительную роль сыграли также южные импульсы из ареала культур степного пояса (алакульские).

Вообще, нужно отметить, что аналитическая глава не только содержит глубокий анализ источников, стройную систему аргументации основной процитированной выше парадигмы, но также изобилует интереснейшими сюжетами, выходящими зачастую за рамки заявленной исследовательской задачи, но одновременно выводящими на уровень историко-культурных реконструкций и носящих во многом новаторский характер. Это касается обсуждения вопросов интерпретации новейших открытий уральских археологов (Серный Ключ, VI Разрез Горбуновского торфяника, Палатки I-II и др.) в контексте коптяковского культурогенеза, абашевских и синташтинских влияний, определения круга субстратных постэнеолитических культурных образований, участвующих в этих процессах. Здесь же содержится полноценная характеристика коптяковской культуры, определены ее территориальные и хронологические рамки, намечены линии синхронизации и векторы культурных взаимодействий.

Ситуация с трансляцией связанных с металлопроизводством технологических новаций из ареала скотоводческих культур в среду населения с присваивающей экономикой не является уникальной. Реалистичность предложенной авторами реконструкции такой модели взаимодействия наглядно иллюстрирует, например, материалы, отражающие трансферт металлопроизводственных технологий ямной культуры степного Приуралья в ареал энеолитических культур гребенчатого геометризма Южного Зауралья, результатом чего стало формирование кысыкульско-суртандинского очага металлообработки. В этом плане любопытно отметить, что именно с кысыкульско-суртандинскими группами населения можно связывать первые попытки освоения меднорудных ресурсов офиолитового пояса в южных отрогах Уральских гор. Об этом недвусмысленно свидетельствуют синкретические комплексы, приуроченные к Ишкининскому руднику эпохи бронзы (Ткачев, 2019), а также геохимические особенности одной из разновидностей металлургических шлаков (оливиновый хромитсодержащий тип) древнеямной Турганикской стоянки в степном Приуралье, прямо указывающей на возможность использования смешанных рудных концентратов из местных рудоносных комплексов позднепермского периода и удаленных рудных источников, приуроченных к ультрабазитам преимущественно девонского времени в зоне Главного Уральского разлома (Богданов, 2019). Появление последних, видимо, может стать удовлетворительным объяснением присутствия в керамической коллекции Турганикской стоянки небольшой, но выразительной серии фрагментов суртандинских сосудов.

С реконструированной моделью формирования и функционирования коптяковско-сейминского центра металлопроизводства напрямую связано Приложение 1, которое вполне можно расценивать как самостоятельное законченное научное исследование. Данный раздел, подготовленный О.Н. Корочковой совместно с геологом А.А. Устиновым, содержит важную информацию о потенциальной меднорудной базе. Авторы используют термин "центр металлообработки", что представляется избыточно усеченной трактовкой. Само содержание Приложения диктует необходимость расширенного толкования коптяковско-сейминского центра, включая и предшествующие металлообработке технологические стадии горно-металлургического производства.

По сути дела, эта работа является первой серьезной попыткой дать характеристику Среднеуральскому горно-металлургическому центру

(ГМЦ) эпохи бронзы. Если в изучении Приуральского, Зауральского и Уральско-Мугоджарского ГМЦ Уральской горно-металлургической области в последние годы удалось достичь серьезных успехов, то суждения специалистов о меднорудной базе Среднего Урала до сих пор базируются на лаконичном описании отдельных месторождений региона, содержащемся в монографии Е.Н. Черных (1970, С. 45–47). В последнем обзоре по рудной геоархеологии Центральной Евразии Среднеуральскому ГМЦ отведен лишь один параграф, причем исключительно в контексте иткульского металлопроизводства (Зайков и др., 2016. С. 10, 11. Рис. 3). Этим обстоятельством определяются исключительная актуальность и научная новизна проведенной авторами Приложения работы по систематизации геологических данных и их соотношению с археологическими памятниками коптяковской культуры в регионе.

Описание доступных для разработки в древности месторождений меди предваряется кратким очерком об истории исследования меднорудных объектов, геолого-минералогическим экскурсом о минеральном составе, стратиграфии и особенностях рудообразования в зонах окисления и вторичного сульфидного обогащения скарновых и медноколчеданных месторождений, разрабатывавшихся в бронзовом веке. Крайне информативной является карта локализации горно-металлургических узлов Среднего Урала и комплексов коптяковской культуры. Такие данные впервые вводятся в научный оборот и имеют огромное значение для историко-металлургических исследований. Далее приводится сводка медных месторождений с информацией о минеральном составе первичных и вторичных руд. Завершает раздел небольшое эссе о возможных причинах отсутствия свидетельств металлургии и металлообработки на поселениях коптяковской культуры и гипотезы о трафике легирующего сырья для бронзолитейного производства.

К сожалению, состояние источников пока не позволяет воссоздать объективную картину механизмов функционирования Среднеуральского ГМЦ в период сложения коптяковско-сейминского центра металлопроизводства. Пока специалистами в области горной археологии не выявлен ни один геоархеологический объект, приуроченный к месторождениям и рудопроявлениям меди в регионе, не обнаружены производственные комплексы, связанные с металлургическим переделом и металлообработкой, да и осуществленные рентгенофлуоресцентные исследования металлических изделий можно расценивать лишь в качестве экспресс-анализов, поскольку для реального сопоставления с гипотетическими рудными источниками необходимо использование более чуткого современного масс-спектрометрического оборудования, изучение изотопии свинца пр. Но начало положено. Мало сомнений в том, что целенаправленные исследования со временем позволят обнаружить медные рудники эпохи бронзы, горно-технические комплексы, связанные с обогащением руд, получением рудных концентратов штейнового типа, металлургическим переделом, рафинированием и легированием меди, отливкой, ковкой и окончательной доводкой металлических изделий. По крайней мере опыт изучения горно-металлургических центров в южных отрогах Уральских гор вселяет оптимизм.

Подводя итоги, нужно отметить, что трудности в интерпретации материалов, на которых акцентировано внимание, носят объективный характер и продиктованы особенностями публикуемых источников, а высказанные критические замечания носят дискуссионный характер и лишь подчеркивают научную значимость рецензируемой работы. В заключение остается только поздравить научное сообщество с выходом в свет книги, в которой не только вводится в научный оборот яркий археологический памятник, но и подводятся промежуточные итоги фундаментального исследования одного из интереснейших периодов древней истории Среднего Зауралья, связанного со становлением металлопроизводства в регионе.

Работа подготовлена при поддержке проекта РНФ № 21-78-20015 “Технологии горно-металлургического производства бронзового века в эволюции культурно-исторического ландшафта Уральского региона”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богданов С.В. Технологии горно-металлургического производства эпохи раннего металла Северной Евразии с позиций экспериментальной археологии // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 161–174.

Зайков В.В., Юминов А.М., Анкушев М.Н. Рудная геоархеология меди Центральной Евразии (обзор) // Геоархеология и археологическая минералогия-2016. Миасс: Институт минералогии УрО РАН, 2016. С. 7–24.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // Российская археология. 2010. № 4. С. 120–129.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // Российская археология. 2013. № 1. С. 87–96.

Корочкова О.Н., Мосунова А.В., Спиридонов И.А., Стефанов В.И. Погребальные комплексы святилища эпохи бронзы Шайтанское Озеро II // Российская археология. 2018. № 1. С. 135–149.

Окладникова Е.А. Сакральный ландшафт. М.: Директ-Медиа, 2014. 230 с.

Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил: НТГСПА, 2013. 408 с.

Сериков Ю.Б. Древние святилища Тагильского края. Нижний Тагил: НТГСПИ, 2017. 464 с.

Ткачев В.В. Ишкининский горнорудный комплекс эпохи бронзы на Южном Урале в контексте радиоуглеродного датирования // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. № 3. С. 49–58.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 185 с.

Черных Е.Н., Корочкова О.Н., Орловская Л.Б. Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского транскультурного феномена // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 2 (45). С. 45–55.

Johnson M.H. Phenomenological Approaches in Landscape Archaeology // Annual Review of Anthropology 2012. № 1. P. 269–284.

Knapp A.B., Ashmore W. Archaeological Landscapes: Constructed, Conceptualized, Ideational // Archaeologies of Landscape: Contemporary Perspectives / Eds Ashmore W., Knapp A. B. Oxford: Blackwell, 1999. P. 1–30.

Korochkova O.N. Sacral Place of the First Metallurgists of Urals // 2013 SAF Selection Program Projects. Shanghai, China. 2013. P. 19–23.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 198–200

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ТЕРСЬКИЙ С.В. АРХЕОЛОГИЯ ВЛАДИМИРА. ВОЛОДИМИР-ВОЛЫНСЬКИЙ; НОВАГРАД-ВОЛЫНСЬКИЙ: НОВОград, 2020

© 2022 г. В. Ю. Коваль*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: kovaloka@mail.ru*

Поступила в редакцию 15.02.2021 г.
После доработки 15.02.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

DOI: 10.31857/S086960632201010X

Святослав Владимирович Терський[1] известен археологам России больше как специалист по военному делу Юго-Западной Руси. В 2011 г. им была защищена докторская диссертация на тему “Войсковая инфраструктура Волынского княжества XI–XIV вв.”. Наряду с этим С.В. Терський проводил крупные археологические исследования во Львове, Владимире, Луцке и на других памятниках Галицко-Волынской Руси, а главное, он постоянно публикует монографические исследования как в целом по археологии Юго-Западной Руси (Терський С.В. Археологія доби Галицько-Волинської держави. Київ: Стародавній світ, 2014), так и по отдельным городам этой земли (Терський С.В. Лучеськ X–XV ст. Львів: Національний університет “Львівська політехніка”, 2006).

Вышедшая в 2020 г. (Новоград, 2020. 244 с., цв. вкл.) новая монография, посвященная археологии Владимира-Волынского, является логическим продолжением предыдущей книги “Княже місто Володимир”, опубликованной в 2010 г. также во Львове. Археологическая литература Западной Украины недостаточно хорошо известна в России, особенно после того, как российско-украинские отношения вошли в фазу политического кризиса, вызвавшего и досадные проблемы в двусторонних научных связях. Поэтому новое издание одного из самых авторитетных специалистов по средневековой археологии Юго-Западной Руси неизбежно должно привлечь внимание.

Рецензируемая книга включает четыре раздела, краткие Вступление и Заключение (выводы).

Первый раздел посвящен историографии археологических исследований Владимира и его окрестностей, начиная с первых, еще описательных штудий Адама Чарнецкого (З. Доленга-Ходаковского), в начале XIX в. и вплоть до раскопок 2018 г. Уделено внимание и трудам энтузиастов-краеведов, собиравших по крупицам бесценные сведения о прошлом Владимира. Именно благодаря этим сведениям при раскопках 1950-х годов под руководством М.К. Каргера во Владимире удавалось определять наиболее перспективные места для исследований и добиться выдающихся результатов. Высоко оценены исследования Владимира другими представителями ленинградской археологической школы (П.А. Раппопортом, М.В. Малевской-Малевич, А.А. Песковой). Здесь же дана характеристика музейных коллекций, являющихся источниковой базой исследования, которые хранятся в различных музеях Украины, России и Польши.

Во втором разделе автор излагает данные о доисторической эпохе региона (каменный и раннежелезный века, римское время и раннеславянский период). Здесь основное внимание уделено памятникам в окрестностях Владимира (в частности столь известному как городище Зимно), но перечислены и все пункты находок ранних артефактов на территории современного города.

Третий раздел включает сведения об археологии средневекового Владимира (в X–XIV вв.). Тут кратко рассматриваются данные письменных источников, городская топография, стратиграфия культурных отложений и дается характеристика оборонительных сооружений. Наиболее подробно представлена историческая топография, в которой главное место уделено каменным храмам, большинство которых было изучено в прошлые годы. Автором собраны и представлены планы этих построек, реконструкции их внешнего вида,

[1] В русской транскрипции, в частности в публикациях советского времени, эта фамилия писалась без мягкого знака после буквы “с”, однако здесь мы оставляем написание фамилии в украинской форме. Ранние работы этого автора выходили под фамилией Шеломенцев-Терский.

приведены данные об особенностях конструктивных элементов, строительных материалах, проиллюстрированы наиболее важные архитектурные детали (резной камень, поливные плитки пола, голосники), приведены подробные описания этих памятников. Стратиграфия памятника охарактеризована тут в самом общем виде, но надо иметь в виду, что этой теме была посвящена значительная часть предыдущей монографии о Владимире, изданной в 2010 г., и автор, очевидно, не хотел повторяться. Тем не менее отсутствие подробного специального описания стратиграфии и иллюстрирующих ее чертежей и фотографий разрезов выглядит некоторым упущением – без них заинтересованному читателю неизбежно придется обращаться к более ранней публикации, которую нельзя назвать легкодоступной.

Сведения об оборонительных сооружениях Владимира, которые изучались фрагментарно и не всегда на необходимом методическом уровне (см. ниже о траншее на валу детинца), ограничены самой общей информацией о валах детинца и двух окольных градах. Автор пишет о многорядной (трехрядной?) системе укреплений на Большом окольном граде, приводя в качестве аналогии фортификацию Галича, которая сама недостаточно полно изучена и не опубликована. Очевидно, что именно эта сторона исторической топографии Владимира остается наименее изученной и лишенной документально зафиксированной основы. Поэтому все реконструкции приходится выполнять тут исключительно на базе противоречивых письменных источников и крайне неполных данных, почерпнутых при наблюдениях за строительными земляными работами. Достаточно сказать, что до сих пор археологам ни разу не удалось здесь сделать разрез городских валов. Правда, в этом смысле Владимир находится в том же положении, что и значительная часть крупных городов Руси: лишь для ограниченного их числа имеются методически правильно выполненные полные разрезы валов, сопровождавшиеся пластовыми планами раскопов (в Киеве, Новгороде, Старой Рязани, Владимире-на-Клязьме, Ярославле, Белгороде, Снепороде, в Райках). Для подавляющего большинства других городов (Чернигова, Галича, Минска, Суздаля, Переяславля и других, изучавшихся П.А. Раппопортом) имеются лишь частичные разрезы, не дающие полного представления об этих сооружениях. Валы десятков городов не исследовались никогда либо изучались врезками, которые вообще не дают никаких данных о конструкции древо-земляных стен, руинами которых и являются такие валы.

Гораздо больше сведений представлено в книге о дворовой застройке Владимира, хотя раскопки широкими площадями тут не проводились. Тем не менее исследования автора в урочище Апостольщина в 1999–2000 гг. позволили составить представление о такой застройке. Очень важны сведения о деревянных уличных мостовых, зафиксированных в разных частях города, однако таких точек пока недостаточно для того, чтобы составить хотя бы приблизительную схему уличной планировки Владимира и тем более – проследить динамику в ее развитии на протяжении XI–XIV вв.

В целом в данном разделе скрупулезно собраны все имеющиеся сегодня данные (к сожалению, не самые обширные) о всех открытых при раскопках средневековых постройках Владимира – как каменных, так и деревянных, древо-земляных (оборонительные сооружения). При этом автор не ограничился городской чертой, но собрал также солидный корпус сведений о предместьях Владимира, где известны как отдельные храмы, так и монастыри.

В отдельном параграфе рассмотрена материальная культура средневекового Владимира – от свинцовых актовых печатей и фламандских текстильных пломб до предметов вооружения, импортов и массовой бытовой керамики. Эта часть книги проиллюстрирована довольно скупо (тут нет ни изображений орудий труда, ни керамической посуды, которая представлена всего двумя предметами), но причина тому кроется опять же в том, что этот материал был исчерпывающим образом охарактеризован в монографии 2010 г., а за прошедшие 10 лет существенного приращения материала не произошло.

Исключение составляет случайная находка в 2012 г. на урочище Апостольщина клада многочисленных серебряных украшений. Несмотря на наличие в составе клада некоторых, характерных для XII–XIII вв. предметов, сам он обнаружен рядом с исследованной ранее рядом с этим местом богатой усадьбой XIV в., погибшей в пожаре. Поэтому заслуживает внимания вывод автора о поздней тезаврации этого сокровища, накопленного несколькими поколениями владельцев усадьбы. Таким образом, комплекс усадьбы с кладом 2012 г., наряду с известным Молотовским кладом 1896 г. (Львовская область), являются интереснейшими памятниками крушения элит Галицко-Волынского княжества в период захватнических походов Польши и Литвы середины – второй половины XIV в.

К сожалению, полностью проверить вывод автора читателям не удастся по причине отсутствия детальной описи и изображений большинства найденных предметов. Как это часто бывает со столь ценными находками, исследователям приходится долго ждать получения согласия музейных фондов на их профессиональную фотофиксацию.

В четвертом разделе книги по аналогичной схеме приводятся сведения о городской археоло-

гии позднего Средневековья и Нового времени (XV–XVIII вв.). Хотя данных о городских укреплениях этого времени гораздо больше благодаря имеющимся письменным источникам, они остаются не проверенными методами археологии. Зато автором собраны все сохранившиеся сведения о замках, монастырях, церквах и других сооружениях как в городе, так и в его округе. В научный оборот тут вводятся и материалы раскопок последних десятилетий – план кирпичеобжигательной печи XV в. и печные изразцы с зеленой поливой из комплексов XVII в. В отличие от предыдущего раздела здесь хорошо проиллюстрирована кухонная и столовая посуда рассматриваемого периода.

В результате знакомства с книгой у читателя складывается объемное представление о памятнике в динамике трансформаций, происходивших здесь на длительном временном отрезке. Книга хорошо иллюстрирована – в ней более 100 рисунков, из которых, правда, только 10 даны в цвете (на специальной вклейке), и они дают достаточное представление как об имеющемся археологическом материале, так и о топографии памятника. Тем не менее надо прямо сказать, что рецензируемая монография является скорее дополнением к более ранней книге о Владимире (2010 г.), которая иллюстрирована более полно и значительно подробнее характеризует стратиграфию и материальную культуру города. Зато в новом издании материал подан более системно, с привлечением данных о городской округе, что позволяет полнее представить себе не только средневековый город Владимир, но и тот поселенческий контекст, в котором он сформировался.

Рассказывая о фортификации Владимира, С.В. Терський отлично осознает проблемность ее изучения из-за большой стоимости подобных работ, финансирование которых в современных условиях маловероятно. С большой горечью он указывает на то, что даже в наши дни исследования городской фортификации Владимира иногда проводятся методически неверно. Примером такого устаревшего подхода является узкая траншея, заложенная в ходе охранных исследований 2018 г. вдоль оси вала (с. 44, рис. 1.13): ее информативность приближается к нулю, а последствия такого изучения сложнейших объектов, какими являются остатки древо-земляных стен города, заведомо отрицательны. Если в будущем в таком месте будут организованы крупномасштабные исследования, полнота картины будет утрачена, так как центральная часть вала уже испорчена траншеей.

Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что в историческом центре Владимира при проведении нового строительства нельзя ограничиваться разведочными исследованиями с закладкой отдельных шурфов и сбором выброшенного из строительных котлованов материала – здесь необходимы археологические раскопки на всей площади землеотвода под строительство (с. 40–42). Только в этом случае удается сохранить богатый археологический материал и получать новые сведения о прошлом, т.е. реально сохранять историческое и культурное наследие. Безусловно в этом деле основную роль должны играть органы охраны культурного наследия, которые далеко не всегда и не везде оказываются способны ее эффективно выполнять – это общая проблема для Украины и России.

Рецензируемая книга представит большой интерес для всех археологов, историков-медиевистов, она важна и для правильного понимания и представления исторического прошлого Руси в образовательном процессе. К сожалению, сегодня обмен научной литературой между Россией и Украиной затруднен, поэтому подобные издания, выполненные на высоком профессиональном уровне, требуют самого широкого распространения в научном сообществе.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 201–204

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

CH. HERRMANN. DER HOCHMEISTERPALAST AUF DER MARIENBURG. KONZEPTION, BAU UND NUTZUNG DER MODERNSTEN EUROPÄISCHEN FÜRSTENRESIDENZ UM 1400. PETERSBERG: MICHAEL IMHOF VERLAG, 2019

© 2022 г. И. В. Антипов*

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

**E-mail: i.antipov@spbu.ru*

Поступила в редакцию 12.04.2021 г.
После доработки 12.04.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

DOI: 10.31857/S0869606322010020

Новый фундаментальный труд Кристофера Херрманна, известного историка архитектуры кирпичной готики, посвящен дворцу Великого магистра Тевтонского ордена, находящемуся в замке Мариенбург (Мальборк, Польша). Уникальность этого здания заключается как в наличии очень сложной, тонко продуманной структуры, так и в степени сохранности постройки – несмотря на многочисленные войны (особенно сильно Мариенбург пострадал в годы Второй мировой войны), дворец конца XIV в. сохранился очень хорошо, уцелела даже часть первоначальных стропил перекрытий.

О мариенбургском дворце много писали как немецкие, так и польские историки архитектуры и реставраторы, собственно объектом исследования он стал еще в XIX в. Тем не менее обобщающей монографии, в которой рассматривались бы разные аспекты истории строительства и последующей жизни дворца Великого магистра, до недавнего времени не существовало[1]. Формулируя задачи своего исследования, Кр. Херрманн подчеркивает необходимость выйти за пределы традиционного типа историко-архитектурных штудий, посвященных одному памятнику, – автор изучает не только те сюжеты, которые обычно интересуют искусствоведа или археолога (строительную хронологию, назначение помещений, различные декоративные или конструктивные особенности и пр.), он стремится охарактеризовать повседневную жизнь обитателей дворца и, прежде всего, его хозяина – Великого магистра.

Кр. Херрманн начинает свой труд с традиционной историографической главы, в которой подробно характеризует степень изученности темы и предлагает авторскую методику исследований. Особо хочется отметить базовую методологическую установку – идти строго от фактов, не позволяя себе формулировать гипотезы там, где нет для этого твердых оснований. Историков, в том числе историков архитектуры, часто “заносит” – одна гипотеза опирается на другую, другая – на третью, в итоге исследователь в следующей публикации считает истиной то, что изначально было только робким предположением. Книга Кр. Херрманна свободна от такого подхода и в этом смысле может быть признана образцовой для историко-архитектурной науки.

Изучая историю застройки территории, на которой ныне стоит дворец Великого магистра, автор приходит к выводу о том, что в первом внешнем дворе замка первоначально находилось здание хозяйственного назначения, а в 1331–1335 гг. здесь был выстроен первый дворец Великого магистра. В главе об истории этого здания Кр. Херрманн уделяет особое внимание вопросам датировки постройки и подробно изучает наиболее сохранившуюся часть первоначального дворца – знаменитую Большую трапезную (Großer Remter).

Основная часть книги посвящена Новому дворцу Великого магистра, в состав которого вошли фрагменты ранних построек, в том числе и Большая трапезная. Впервые выявлены этапы строительства дворца, а также предложены их датировки, основывающиеся на комплексной доказательной базе – данных письменных источников и результатах дендрохронологического анализа элементов каркаса кровли дворца. Согласно точке зрения автора, строительство здания началось в 1380–1383 гг. (строительный этап 1а) с перестройки северной части старого дворца, где находились покои Великого магистра и капелла.

[1] Дворец в Мариенбурге кратко рассматривается и в обобщающей монографии немецкого исследователя, посвященной архитектуре Тевтонского ордена (Herrmann, 2007).

Практически параллельно с этим в 1380–1385 гг. шли работы по сооружению нового западного крыла дворца (строительный этап 1b). На заключительном этапе была реконструирована его юго-восточная часть (около 1393–1396 гг., строительный этап 2).

По мнению исследователя, инициатором строительства нового дворца был магистр Винрих фон Книпроде (1351–1382), а завершено оно было уже при магистре Конраде Цёлнере фон Ротенштейне (1382–1390). Причинами перестройки дворца явились как стремление получить новые помещения для различных нужд (например, усиление значения канцелярии в жизни ордена потребовало устройства специальных помещений для ее служащих), так и желание сделать облик резиденции магистра более парадным.

Кр. Херрманн последовательно описывает фасады и интерьеры здания, обращая внимание не только на детали внутреннего и внешнего убранства дворца, но и на использованные при его возведении строительные материалы. Особый раздел автор посвящает дворцовой капелле Великого магистра, до сих пор малоизученной части здания.

Важнейшая тема исследования – характер использования и функции помещений дворца. Авторский анализ этой темы базируется на нескольких установках: в большей части здания сохранилась первоначальная планировка; письменные источники дают значительное количество информации о первоначальном использовании отдельных помещений и частей здания; восстановить функцию помещений помогает сопоставление с аналогами из основных прусских резиденций; можно предположить, что структура здания была хорошо продумана Великим магистром и его архитектором. В итоге проделанной работы исследователю удается выделить четыре функциональных зоны: 1) парадные помещения, 2) жилые комнаты, 3) канцелярия, 4) кухня, складские помещения и подвалы.

Рассматривая отдельные аспекты структуры здания, автор указывает на наличие значительного числа элементов “жизненного комфорта”: туалетов, отопительной системы, колодцев внутри дворца. Отличительной особенностью постройки является расширение пространства, предназначенного для повседневной жизни, увеличение размеров окон, улучшение доступа в здание. Тенденция к созданию более комфортных условий жизни была в целом характерна для архитектуры в течение XIV в., однако вряд ли какая-либо иная постройка этой эпохи по уровню комфорта может быть соотнесена с дворцом Великого магистра.

Одна из центральных идей книги – мысль о существовании во Дворце Великого магистра иерархической структуры расположения помещений. Данная иерархия прослеживается, прежде всего, в вертикальной структуре здания: находящиеся на вершине иерархии жилые и представительские комнаты Великого магистра были устроены на последнем, четвертом этаже, этажом ниже располагались комнаты сановников, на первом и втором этажах размещалась канцелярия, при этом верхние этажи были выше нижних. Строгая иерархия помещений присутствует и в рамках одного этажа – увеличение количества декоративных элементов, усложнение способов оформления опор, порталов, окон, сводов, капителей, консолей свидетельствует о наиболее важном значении тех или иных залов. По мнению автора, такая четкая реализация принципа иерархической структуры здания во дворце Великих магистров является абсолютно уникальной в истории средневековой архитектуры, а идея *piano nobile* появляется здесь в наиболее чистой и фактически идеальной форме.

В отдельной главе автор изучает как фасадное убранство, так и декор интерьеров дворца, уделяя пристальное внимание сохранившимся фрагментам живописных композиций и монументально-декоративной скульптуре. Наиболее продуктивным оказывается сравнение разнообразной по характеру резьбы и использованным мотивам скульптуры Большой трапезной, относящейся еще к первому дворцу 1331–1335 гг., и оформления архитектурных элементов нового дворца, для которого не применялись фигуративные формы. Подобное решение осмысливается автором как один из ключевых художественных приемов, использованных архитектором в процессе создания интерьеров постройки.

Особой темой является изучение дворца в контексте европейской жилой архитектуры – поиск возможных моделей постройки, параллельных явлений и зданий, выстроенных с ориентацией на мариенбургский дворец. На наш взгляд, в методическом смысле эта глава оказывается одной из самых важных в работе Кр. Херрманна. Предшественники исследователя искали истоки архитектуры дворца на широких просторах Европы: от Вены и Нижнего Рейна до Франции, Англии, Богемии, Италии и Фландрии. Часто встречалась мысль о том, что зодчий вдохновлялся сразу несколькими источниками – собрав отдельные архитектурные мотивы по всей Европе, он затем соединил их во дворце в Мариенбурге. Строитель резиденции Великого магистра представлялся хорошим компилятором, а не творцом, способным реализовывать свои художественные замыслы. Архитектор мариенбургского дворца должен был быть и великим путешественником – чтобы приобрести такой багаж знаний, ему пришлось бы проделать грандиозный путь по всей Европе.

Кр. Херрманн подчеркивает, что идея о возможности изучения средневековыми мастерами значительного количества построек в разных регионах Европы кажется очень искусственной и не соответствует реальным условиям жизни последних десятилетий XIV в. Мастера того времени мало путешествовали, мы можем судить об этом на примере хорошо документированной биографии Петера Парлера.

По мнению автора монографии, зодчий Великого магистра был очень изобретателен как в чисто архитектурной, так и в конструктивной сфере, ему удалось создать свой неповторимый стиль, он был не компилятором, а художником со своим неповторимым почерком. Тщательный сравнительный анализ мариенбургской постройки с другими европейскими резиденциями показывает, что не существует какого-то конкретного прототипа для орденского дворца.

Интересной темой оказывается поиск сооружений, выстроенных под влиянием архитектуры дворца Великого магистра. Автор приводит три таких здания: ратуша в Мариенбурге, замок в Бютове, Владычная палата в Великом Новгороде. Важно отметить, на наш взгляд, что таких примеров в реальности могло быть значительно больше – в архитектуре Ливонии сохранилось очень мало построек подобного назначения, не дошедшие до наших дней дворцы могли в той или иной степени ориентироваться на мариенбургский образец (об этом говорит нам структура новгородской Владычной палаты, выстроенной, вероятно, ливонскими мастерами спустя десятилетия после возведения мариенбургского дворца (Yakovlev, Trushnikova, Antipov, 2020).

Одна из основных глав в работе называется “Заказчики, архитекторы и рабочие”. Великий магистр Лютер фон Брауншвейг, заказчик первого дворца, известен своим интересом к искусству и литературе, он оказал значительное влияние на создание архитектурной концепции собора в Кёнигсберге, вероятно, композиция дворца в Мариенбурге тоже была сформирована при его деятельном участии. Магистр Винрих фон Книпроде начал строительство новой резиденции через 30 лет после прихода к власти. Именно заказчик, хорошо представлявший себе особенности повседневной жизни главы ордена, должен был обозначить архитектору свои требования по наличию определенных помещений и, возможно, их расположению, предоставив зодчему свободу в конкретных аспектах реализации своих замыслов.

Имя строителя первого дворца неизвестно, ясно, что он происходил из среды прусских мастеров и, возможно, участвовал в расширении Верхнего замка в 1315–1330 гг. Этот мастер не был новатором – архитектура первой резиденции демонстрирует развитие и усовершенствование уже существовавшей строительной традиции. Мастер Иоганн, автор нового дворца (его имя мы знаем благодаря сохранившимся документам), принес в Мариенбург свой архитектурный стиль, не следовавший местной традиции. Построенный им дворец оказался необычным элементом в архитектурном ландшафте Пруссии – мастер нарушил практически все архитектурные каноны того времени. По мнению автора, Иоганн был очень независимым и невероятно креативным зодчим, способным преодолевать традиции и идти своим путем. Архитектор мариенбургского дворца может быть поставлен в один ряд с другими великими зодчими своей эпохи (Петером Парлером, Ульрихом фон Энзингеном, Хансом фон Бургхаузеном, Мадерном Гертенером). Источники позволяют реконструировать основные этапы творческой биографии мастера Иоганна – он родился около 1350 г. и, вероятно, обучался мастерству каменщика в Богемии, около 1374 г. он, возможно, был приглашен в Аренсбург (ныне Куресааре, Сааремаа, Эстония), после 1380 г. переехал в Мариенбург, где до 1397 г. строил дворец Великого магистра, а также ратушу. С 1398 по 1406 г. мастер Иоганн возводил орденский замок в Бютове.

Исследователь подчеркивает, что в возведении дворца должны были принимать участие многочисленные каменщики, мариенбургская постройка – единственная из архитектуры Пруссии, где обнаружено такое количество меток каменщиков. Пока изучены и проанализированы только метки из Летней трапезной – на примерно 500 блоках камня зафиксировано 113 знаков, видимых со стороны интерьера. Всего выделено 35 разных знаков, что показывает одновременное участие около четырех десятков мастеров в возведении этой части здания. Большое количество мастеров позволяло быстро строить такие значительные по размеру помещения, как Летняя трапезная.

В тексте следующих глав Кр. Херрманн выходит за пределы традиционного историко-архитектурного исследования и рассматривает повседневную жизнь дворца Великого магистра (благо сохранившиеся документы дают возможность это сделать). Исследователь реконструирует состав и численность (от 100 до 125 человек) двора Великого магистра, выявляет круг посетителей дворца (от иностранных монархов и принцев, послов до менестрелей и простых подданных магистра). Обозначены важнейшие события, которые регулярно происходили во дворце – Генеральный капитул Тевтонского ордера, ежегодные капитулы прусской части ордена, встречи ближайших сановников (внутренний совет) и др. Сведения письменных источников дают возможность судить и о том, когда и что ели на трапезах во дворце. Особенно интересен рассказ о повседневной

жизни Великого магистра – его день был строго регламентирован и состоял в основном из молитв, дворцовых трапез и забот по управлению орденом. Остается только пожалеть, что отечественные источники не дают нам возможности столь же наглядно представить обычный день русских архиереев XIV–XV вв.

Важным оказывается и изучение вопроса о соответствии жизни при дворе Великого магистра принципам придворной культуры, характерным для правителей светских государств. Сопоставительный анализ основных особенностей, характерных для рыцарской придворной культуры, и ситуации, сложившейся при дворе Великого магистра, показал, что жизнь в Мариенбурге имела свою специфику, связанную именно с особенностями уклада рыцарского ордена (нет сведений о развлечениях, характерных для рыцарской жизни, придворной литературе, за исключением религиозной, и т.д.). Возвращаясь к истории архитектуры дворца, автор делает важный вывод – с помощью архитектурных особенностей постройки Великий магистр четко дистанцировался от великолепной придворной культуры, к которой привыкли его иноземные гости. Вместо этого подчеркивалось, что он глава ордена, который отвергает пышность и различные удовольствия, сражаясь с язычниками за христианскую веру, – зодчий демонстративно отказывается от сложных декоративных форм, это здание поражает другим – величественностью и дерзновенностью архитектурных решений.

В заключение автор указывает на то, что дворец Великого магистра стал одной из самых передовых построек своего времени – это касается и его необычайно тонко продуманной структуры, и стилистических особенностей здания. Не будет преувеличением сказать, что дворец строил блестящий архитектор, обладавший своим собственным художественным языком.

Книга Кр. Херрманна прекрасно иллюстрирована, особое значение приобретают составленные автором аналитические чертежи, позволяющие наиболее наглядно представить себе функциональное зонирование в здании дворца. На наш взгляд, труд немецкого историка архитектуры может служить образцом монографического исследования средневековой дворцовой постройки, предложенные им подходы могут быть во многом реализованы и при анализе архитектуры резиденций древнерусских архиереев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Herrmann Ch. Mittelalterliche Architektur im Preussenland: Untersuchungen zur Frage der Kunstlandschaft und -geographie. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2007.

Yakovlev D., Trushnikova A., Antipov I. The cross-cultural interaction in Baltic region in the fifteenth century: the vaults of the Faceted Palace in Novgorod the Great and the Brick Gothic architecture // J. Baltic Studies. 2020. V. 51. № 4. P. 553–568.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 205–208

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К.А. РУДЕНКО. КАЗАНСКИЕ АРХЕОЛОГИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945) (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ А.П. СМИРНОВА И А.М. ЕФИМОВОЙ). МОНОГРАФИЯ. КАЗАНЬ: РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР “ШКОЛА”, 2020

© 2022 г. С. В. Кузьминых[1, *], С. П. Щавелев[2, **]

[1] *Институт археологии РАН, Москва, Россия*

[2] *Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия*

**E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru*

***E-mail: sergej-shhavelev@yandex.ru*

Поступила в редакцию 05.04.2021 г.
После доработки 05.04.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

DOI: 10.31857/S0869606322010123

“75-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне посвящается” (С. 7) это издание. Оно и по содержанию несет интересный материал о судьбах и трудах советских археологов в период военных лет. Составителя и комментатора, издателя этой замечательной эпистолярной коллекции Константина Александровича Руденко можно поздравить с очень удачной работой. Она продолжает цикл его публикаций о казанских археологах, по историографии и истории изучения Волжской Булгарии (Руденко 2008; 2010; 2014 и др.).

В кратком, но концептуальном “Введении” составитель очерчивает историю археологии в Казани, начиная с предреволюционных времен и заканчивая послевоенными годами. Революция и гражданская война, борьба советской власти с буржуазным наследием в гуманитарной сфере и “год великого перелома” разрушили здесь археологический центр – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. По всем краям России в 1920-е годы активно работали краеведческие объединения, но в 1930 г. они в большинстве своем были закрыты, многих краеведов репрессировали (Щавелев, 2007. С. 78). К тому времени старшее поколение казанских археологов (А.Ф. Лихачев, П.А. Пономарев, Н.Ф. Высоцкий, А.А. Штукенберг и др.) уже сошло в могилу. Имевшие опыт раскопок и вузовского преподавания Б.Ф. Адлер, В.Ф. Смолин, Б.Е. Крелленберг, М.Г. Худяков к началу 1930-х годов покинули Казань. Их ученики археологическую работу не продолжили. Составитель верно отмечает главную причину свертывания археологии в российской провинции того периода – “разрушение системы университетской учебной подготовки в области гуманитарных дисциплин” (С. 8). Отмечена деятельность единственного археолога в Казани 1930-х и последующих годов – Николая Филипповича Калинина (1888–1956) (Харитонович, 2013). Тактично отмечены его заслуги и его недостатки как ученого и краеведа, по сути дела основоположника современной казанской археологии.

Пожалуй, стоило еще упомянуть о неудачных попытках продолжить в Казани археологию – Ученую архивную комиссию (1916–начало 1920-х годов), Северо-Восточный археологический и этнографический институт (1918–1921) (Кузьминых, Смирнов, 2015), Академический центр и Музейный отдел Народного комиссариата просвещения ТАССР (Руденко, 2014. С. 75). В том же ряду рекогносцировочные раскопки в 1928 г. крупнейших средневековых памятников Казанского Кремля, Иски Казани, Болгара, Биляра, Джукетау экспедицией по изучению болгаро-татарской культуры, организованной НИИ этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН, Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения и Академическим центром Татнаркомпроса под руководством А.С. Башкирова, И.Н. Бороздина и при участии Н.Ф. Калинина (Набиуллин, 2011. С. 18; Руденко, 2014. С. 72, 73; Белозерова, Кузьминых, 2016. С. 102, 103). К сожалению, эти работы не вылились в долгосрочную программу исследований городов Волжской Булгарии и не увеличили кадровый состав местных археологов.

Возобновление профессиональных раскопок на казанской земле связано с работами москвича А.П. Смирнова (1999–1974) – выпускника археологического отделения факультета общественных наук 1-го МГУ, ученика В.А. Городцова и Ю.В. Готье, сотрудника Института истории материальной культуры (ИИМК) и Государственного Исторического музея (ГИМ). Именно Алексей Петрович стал куратором археологических изысканий в Волжско-Камском регионе с начала 1930-х годов (Научное наследие... 1999; Овчинников, 2008). А.А. Формозов, порой критично относившийся к предшественникам, об этом ученом отзывался неизменно уважительно: "окончил классическую гимназию и учился у дореволюционной профессуры" (Формозов, 2006. С. 44). Хотя на самом деле Смирнов закончил не гимназию, а реальное училище, подготовка у него действительно была получше, чем у выпускников ранних советских школ, младших учеников Городцова.

Письма А.П. Смирнова адресованы А.М. Ефимовой (1903–1990), которая после десяти лет педагогической работы в 1937 г. была принята на службу в Казанский Центральный музей (Кокорина и др., 1991; Руденко, 2010. С. 90). Александра Михайловна была из семьи служащих, закончила Восточный педагогический институт. Она стала надежной представительницей интересов московской экспедиции в Казани. Когда с началом Отечественной войны музей прекратил экскурсии, ее уволили по сокращению штатов, но она продолжала ходить в музей как на работу, занимаясь сверкой и составлением каталога музейных коллекций – делом многих лет ее жизни. В мае 1942 г. Ефимову вновь приняли в штат музея, до 1953 г. она возглавляла исторический отдел. По словам сослуживцев, Александру Михайловну отличали "ответственность за выполняемое дело, живой ум, чуткость, глубокая интеллигентность, неизменный интерес к современности, обаяние" (Три поколения... 2020. С. 12). Так что адресат у публикуемых писем был достойным их автора – авторитетного ученого А.П. Смирнова.

Раздел "Предисловие" представляет читателю авторов переписки. Сжатые биографии поданы ярко, читатель видит живых людей, участников диалога и их родственников, сотрудников Института истории материальной культуры, ГИМ и Государственный музей Татарской республики (ГМТР). Охарактеризована архивная коллекция, которая публикуется в книге.

Составитель уловил психологическое влияние войны на настроения советских археологов. Хотя война фактически прервала не только раскопки, но и кабинетные работы ученых, "но именно в те годы был заложен нравственный фундамент казанской археологии 1950–1960-х годов. Он был во многом идеалистический – дышащий наивностью первооткрывателей, трепетностью осознания своей миссии в истории и преданности идеалам в науке и людях. Конечно, проявлялось это по-разному, если брать конкретного человека. В годы войны рождалась острая жажда мирной жизни и работы, далекой от голодной и нищей реальности, полной ежеминутного страха за своих близких..." (С. 12). Так что именно после войны в Казани появились свои археологи, главным образом женщины, причем вполне зрелого возраста, – А.М. Ефимова, О.С. Хованская, З.А. Акчурина. По справедливому замечанию составителя, именно на женских плечах сформировался после войны "скелет" казанской булгаристики (С. 65).

Личный архив одной из них – музейной сотрудницы А.М. Ефимовой, ее супруг, историк В.И. Адо (1905–1995) разместил в научных архивах, а ее переписку с А.П. Смирновым передал в Отдел редких книг и рукописей библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Публикация К.А. Руденко знакомит нас с этими письмами.

Документы опубликованы правильно: по годам и номерам в хронологической последовательности, указаны место отправления послания, его дата, текст (с указанием архивных листов), описание конверта, бумаги и чернил, штампов и пометок, комментарии публикатора. Комментарии точные, содержательные по исторической части, тактичные по отношению к межличностным отношениям ученых и членов их семей.

В письмах бегло отражены научные сюжеты, которыми занимались корреспонденты: датировка кремневых орудий из сборов, старых и новых раскопок из собрания ГМТР; публикация каменных сверленых топоров эпохи бронзы с территории Казанской губернии; подборки монет из раскопок 1938–1940 гг. городской бани средневекового Болгара; древнерусские кресты-энколпионы, найденные в Казанском крае; работы по татарской эпиграфике (по материалам средневековых каменных надгробий Болгара); новые поступления в ГИМ, где служил А.П. Смирнов; работы ГМТР в те годы. В них немало информации о выставках, конференциях, издательской деятельности, защите диссертаций в Москве и Казани военных лет.

Личные переживания корреспондентов отражены в их письмах иногда и вскользь. А.П. Смирнов делится тяжестью потери арестованного С.И. Вавилова, передавая слух о его смерти (а тот в 1941 г. еще сидел в тюрьме). Составитель очень деликатно комментирует нравственно болезненные моменты жизни археологов. Убедительно охарактеризованы конфликтные моменты при сотрудничестве А.П. Смирнова и Н.Ф. Калинина. Подчеркивается, что через все письма Алексея

Петровича проходит уважительное, товарищеское отношение к трудам и жизненным проблемам своего старшего коллеги. Он дорожит дружескими отношениями с А.М. Ефимовой, ее мужем В.И. Адо и близким кругом казанских музейщиков (В.М. Дьяконов, О.С. Хованская, Н.Г. Первухин, П.М. Дульский), старается поддержать Александру Михайловну практическими советами в вопросах взаимоотношений с коллегами в музее, организации работы исторического отдела и ее научной деятельности. Начиная с 1945 г. в письмах естественным образом для руководителей археологической экспедиции обсуждается круг ее участников, подготовка к раскопкам, включая вопросы быта и отдыха.

Интересна информация о разведках в 1943 г. гипсовых выработок по р. Каме П.П. Ефименко и С.Н. Бибиковым, археологами ИИМК, эвакуированными в Елабугу. Цель поисков – выбор убежищ для партизанских отрядов на случай прорыва врага в глубину страны. Другое любопытное сообщение касается поездки А.П. Смирнова в июне-июле 1945 г. в Германию в составе комиссии по определению музейных ценностей, вывезенных из СССР, и отбору трофейных коллекций из музеев Берлина и Дрездена (С. 58–61).

В письмах и комментариях то и дело сообщаются сведения об эвакуированных из Москвы и Ленинграда ученых. Упомянута директор Исторического музея Анна Самойловна Карпова (1883–1968), названная комментатором “русской революционеркой” (С. 63). Она подается в таком качестве Википедией. Стоило более точно охарактеризовать ее как члена РСДРП с 1902 г. и партийного функционера после революции. Период ее директорства в Московском институте философии, литературы и истории (1935–1940) знаменитые выпускники отмечают с благодарностью – спасала преподавателей и студентов от репрессий (В том далеком ИФЛИ... 1999. С. 4, 14).

Из писем видно, как тяжело жилось в годы войны советским людям. Нехватка продовольствия у научных работников, бывших то и дело на грани голода (“Мы в Москве живем по-военному и, мягко говоря, нуждаемся в продуктах” – признается А.П. Смирнов летом 1942 г.; голодала и А.М. Ефимова с сыном Анатолием, будущим историком, который школьником ради выживания подрабатывал возчиком); холод в квартирах из-за отсутствия топлива (“Наш дом не отапливается и в квартире у нас 4–5° по С”) (С. 43); немыслимая перегрузка коммунальных квартир. А ведь археолог Смирнов добровольцем участвовал в обеих мировых войнах; в составе московского ополчения осенью 1941 г. попал в немецкое окружение и пробился из него к своим. Если человек такой закалки жалуется на нехватку провизии, значит, вокруг него еле выживали. Его учитель В.А. Городцов оставил тогда в дневнике запись: “Мне снова начали сниться голодные сны” (Городцов, 2015. С. 371), и таких свидетельств в его дневнике множество (Белозерова, Кузьминых, 2015. С. 66, 67). А что говорить о тех, кто пережил блокаду Ленинграда.

В начале издания логично помещены фотопортреты А.М. Ефимовой (1934 г.) и А.П. Смирнова (1960-е годы) из личного архива составителя. Раздел “Иллюстрации” удачно дополняет текст писем. Среди 15 изображений первые 3 отражают раскопки Болгарского городища 1938 г., а остальные фото демонстрируют отдельные конверты, титулы почтовых карточек и тексты писем из книги. Читатель может прочесть их в оригинале, что психологически важно для того, чтобы почувствовать дух эпохи.

В выходных данных книги она представлена как “монография”. С этим трудно согласиться: перед нами публикация писем, издание документальное, источникового характера. Предисловие и комментарии публикатора к эпистолярным документам тут имеются, как и положено при их научной публикации. Сейчас “монографии” чиновники от науки сделали одним из показателей деятельности ученых – отсюда, как видно, и желание любое издание представить именно так.

На первой (с текстом) странице книги содержится название вроде бы серии публикаций: “Документальная история казанской археологии XX века” (С. 2). Но в составе выходных данных на обороте титульного листа такое определение почему-то отсутствует. Обычно в таких сериях издания нумеруются. Должно быть, перед нами первый выпуск.

Тираж издания – 100 экземпляров. Остается надеяться, что его электронная копия получит более широкое распространение, чего книга явно заслуживает.

Редактора и корректора издательство “Школа” не указывает, что превращает его просто в типографию. Опечаток в книге много, они почти на каждой странице. Помимо многочисленных пропусков букв, лишних запятых и отсутствия запятых, встречаются еще наивные ошибки в наречиях и других вроде бы простых словах. Для вполне академической по содержанию и оформлению книги это не очень важно, но все же ... Корректор нужен любому автору, и никакой компьютерный набор не отменит этого правила. Упомянем, что несколько раз упоминаемая в комментариях медаль “За доблестный труд” полностью называлась “... в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”.

Погрешности печати никак не снижают положительной оценки этого издания. Историки археологии пока больше увлекаются нарративом, описанием раскопок и находок, иногда идей, а вот антропологические первоисточники науки о

древностях скупо цитируются. Издание К.А. Руденко дает прекрасный образец документального издания, где эпистолярные тексты знаменитого археолога правильно опубликованы и всесторонне прокомментированы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белозерова И.В., Кузьминых С.В. Жизненный и научный путь В.А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1936–1944 / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых. Отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. М.: ИД Триумф принт, 2015. С. 14–85.

Белозёрова И.В., Кузьминых С.В. Жизненный путь и научное наследие профессора А.С. Башкирова // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Т. 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань: Астер Плюс, 2016. С. 100–126.

В том далеком ИФЛИ: Воспоминания, документы, письма, стихи, фотографии / Сост. А.Г. Коган и др. М.: МГУ, 1999. 512 с.

Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 2: 1936–1944 / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых. Отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. М.: ИД Триумф принт, 2015. 695 с.

Кокорина Н.А., Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А. Памяти Александры Михайловны Ефимовой // СА. 1991. № 2. С. 300, 301.

Кузьминых С.В., Смирнов А.С. Археология в Северо-Восточном археологическом институте // Поволжская археология. 2015. № 1 (11). С. 214–240.

Набиуллин Н.Г. Джукетау – город булгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.

Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Сб. тез. докл. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1999. 142 с.

Овчинников А.В. Древняя и средневековая история Волго-Уралья в трудах советских ученых: А.П. Смирнов. Казань: КГТУ, 2008. 288 с.

Руденко К.А. Археолог Н.Ф. Калинин – заметки к юбилею // Ежегодник-2008 Национального музея Республики Татарстан. Казань: НМ РТ, 2008.

Руденко К.А. Археология XX века: две жизни – две судьбы. О.С. Хованская и А.М. Ефимова. Казань: МОиН РТ, 2010. 176 с.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: Республиканский центр мониторинга качества образования, 2014. 768 с.

Три поколения казанской семьи Адо. Публикация третья // Казанские истории. Культурно-просветительская газета. 2020. 9 апреля. С. 12.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд. М.: Знак, 2006. 344 с.

Харитонович В.А. Деятельность Н.Ф. Калинина в Центральном музее ТАССР в 1920-е годы (По материалам Национального архива РТ) // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 209–213.

Щавелев С.П. “Дело краеведов ЦЧО” 1930–1931 гг. (Курский “филиал”). Курск: КГМУ, 2007. 272 с.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 209–211

ХРОНИКА

ПЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “АРХЕОЛОГИЯ И ГЕОИНФОРМАТИКА” (Москва, 2021 г.)

© 2022 г. Д. С. Коробов*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: dkorobov@mail.ru*

Поступила в редакцию 22.09.2021 г.
После доработки 22.09.2021 г.
Принята к публикации 16.11.2021 г.

DOI: 10.31857/S0869606322010093

25–27 мая 2021 г. в Институте археологии РАН проходила Пятая международная конференция “Археология и геоинформатика”, посвященная использованию географических информационных систем (ГИС), данных дистанционного зондирования (ДДЗ), геофизических методов и трехмерного компьютерного моделирования в археологии. Предыдущее мероприятие, состоявшееся в 2019 г., уже получило свое освещение на страницах журнала “Российская археология” (*Коробов*, 2019). По его результатам был опубликован выпуск 10 электронного издания “Археология и геоинформатика” (2021а), полная версия которого доступна на сайте Института археологии РАН (https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib/el-cat/el-series/arch-i-geoinform/agis-10). К началу работы текущей конференции были изданы тезисы докладов (*Археология и геоинформатика*, 2021б).

Конференция продолжает серию мероприятий, которые с 2003 г. организовывались группой “Археолого-географических информационных систем” (АГИС) отдела сохранения археологического наследия ИА РАН в форме круглых столов, школ и конференций.

Организатором настоящей конференции выступил отдел теории и методики Института археологии РАН. В связи с эпидемиологической ситуацией конференция проходила в режиме онлайн. В ней приняли участие более 100 специалистов 49 разных организаций из 27 городов, в число которых входили иностранные ученые из Бонна и Мюнхена (Германия), Эйсдена (Нидерланды), Баку (Азербайджан), Киева (Украина), Бордо (Франция). На конференции прозвучало 43 устных и 11 постерных докладов.

Работа конференции проходила по нескольким традиционным направлениям. Секция “ГИС в археологических исследованиях” велась 25 мая под председательством *А.А. Тишкина* (Барнаул) и *Д.С. Коробова* (Москва). В рамках данной секции было заслушано 14 устных и 2 постерных доклада, посвященных разнообразным аспектам использования геоинформационных систем в археологии. Открыл работу конференции доклад *А.Г. Сеидова*[1] (Баку, Азербайджан), посвященный использованию ГИС в археологических исследованиях в заповедниках “Ичеришехер” (“Старый город”) в Баку и “Гала” на Апшероне. В докладе *М. Тейхманна* (Бонн, Германия) были показаны возможности геоинформационных систем при картографировании римских поселений и изучении пространственного распределения предметов роскоши на южном побережье Лациума в Италии. Использование исторических карт для анализа динамики землепользования на территории Волжской Булгарии в пределах Предволжья Республики Татарстан продемонстрировал *М.А. Иванов* (Казань). *А.О. Кайсин* (Киров) поделился опытом пространственного анализа археологических работ на территории г. Кирова. Структура археологической базы геоданных Серпуховского Поочья и ее синхронизация с полевой документацией была представлена *И.О. Горячевым* (Москва).

Ряд докладов был посвящен созданию геопорталов пространственных данных, доступных пользователям сети Интернет – доклады *А.В. Мочалова* (Москва) о представлении пространственных данных, полученных в ходе работ Новороссийской археологической экспедиции ИА РАН, и *Б.М. Усманова* (Казань) о геопортале “Страна городов. Городища Волжской Булгарии”. *Е.С. Гришин* (Москва) представил карту археологического изучения Таврической губернии в качестве компонента комплексного картографирования региона.

[1] Здесь и далее мы указываем фамилии и инициалы докладчиков без перечисления соавторов доклада. Полный список авторов – в опубликованных тезисах докладов (Археология и геоинформатика, 2021б) и на сайте конференции (https://www.archaeolog.ru/ru/scientific-activity/periodic-conferences/arkheologiya-i-geoinformatika/pyataya-mezhdunarodnaya-konferentsiya-arkheologiya-i-geoinformatika)

В последние годы существенно расширились области применения трехмерного моделирования археологических ландшафтов, памятников и объектов, осуществляемого методом фотограмметрии. Сопряженные с данной темой доклады и сообщения звучали на конференции ежедневно. Открыло блок докладов, посвященных трехмерному моделированию, сообщение *Ю.М. Свойского* (Москва), в котором представлено комплексное использование пространственных данных при документировании археологического памятника в виде цифрового образа объекта. Результаты моделирования памятников с помощью низковысотной аэрофотосъемки и наземной фиксации объектов были показаны на примере Яломанского городища (крепости) в Центральном Алтае (*А.А. Тишкин*, Барнаул), объектов археологического наследия Пальмиры (*Е.К. Блохин*, С.-Петербург), памятников античного времени Таманского полуострова (*Т.Н. Скрыпицына*, Москва), курганных могильников на территории Республики Тыва и Томской области (*М.В. Вавулин*, Томск), а также археологических памятников Республики Абхазия (*Г.В. Требелева*, Москва).

Завершили работу секции два постерных доклада, посвященных применению ГИС-технологий при археологических разведках на Татарском городище (*О.А. Брилева*, Москва) и картографическому опыту визуализации социально-политического состояния Российского государства последней трети XVII в. (*М.Ю. Свойский*, Москва).

Второй день работы конференции был посвящен докладам, относящимся к направлению “Данные дистанционного зондирования, фотограмметрия и трехмерное моделирование в археологии” (председатели Д.С. Коробов и *С.Л. Смекалов* (Тула)). В 15 устных и 5 постерных докладах и сообщениях рассматривалась тема применения космических снимков, тепловизионной съемки, беспилотных летательных аппаратов, фотограмметрических методов и лидарных технологий для создания трехмерных моделей археологических ландшафтов, памятников и объектов. Затрагивалась также тема использования лазерного сканирования для изучения некоторых археологических комплексов.

Работу секции открыл доклад *М.О. Жуковского* (Москва) о комплексном использовании архивных космоснимков CORONA и современных ДДЗ в ходе археологической разведки погребальных памятников Южного Урала. Любопытный опыт соотнесения памятников археологии Поволжья, открытых экспедициями В.В. Гольмстен в 1920–1930 гг., с современными археологическими объектами методами анализа геопространственных данных и тепловизионной съемки был продемонстрирован *Д.В. Вальковым* (Самара). Результаты применения аэрогеодезических методов изучения археологических памятников были представлены в докладах, рассматривающих древности полуострова Абрау (*А.А. Малышев*, Москва), Крыма (С.Л. Смекалов) и Республики Башкортостан (*Р.Р. Насретдинов*, Уфа).

Преимущества технологии лазерного сканирования воздушного базирования (LIDAR) при изучении археологических объектов, скрытых лесными массивами, рассматривались в двух докладах: об изучении групп памятников Бервенец и Верхмарево на Валдае (*М.Ю. Меньшиков*, Москва) и курганных могильников Ленобласти (*Ст.А. Васильев*, С.-Петербург). Мультидисциплинарный подход при реконструкции ландшафтной истории Алакульского могильника продемонстрирован *В.М. Костомаровым* (Тюмень).

В докладе *И.И. Гайнуллина* (Казань) показаны современные подходы при анализе состояния средневековых городищ в системе управления культурным наследием (на примере изучения Билярского городища и его округи). *А.С. Авилова* (Москва) рассматривала материалы ДЗЗ для оценки антропогенного воздействия на гидрологические условия поселений Нового времени в Тамбовской области. Применение трехмерного моделирования при изучении поселенческих и хозяйственных комплексов Центрального и Юго-Восточного Алтая были освещены *Н.А. Константиновым* (Горно-Алтайск). *И.И. Шкрибляк* (Симферополь) представила результаты трехмерной фиксации археологических объектов в Сирии и в Крыму, полученные с помощью технологии лазерного сканирования.

Большой блок докладов и постеров был подготовлен группой специалистов по трехмерному моделированию под руководством Ю.М. Свойского в соавторстве с археологами – исследователями разнообразных памятников и объектов: архитектурных остатков в Долине храмов Акраганта (Сицилия) (*А.И. Иванчик*, Москва; Бордо, Франция), петроглифов Дальнего Востока России (*Е.С. Леванова*, Москва) и Тепсея (Ю.М. Свойский, *Е.В. Романенко*, Москва), тюркской рунической стелы “Кули-Чур” (Ю.М. Свойский), деревянной таможенной плашки эпохи эллинизма из Фанагории (*С.В. Ольховский*, Москва), керамических сосудов Бесланского курганного могильника (*А.А. Пичугина*, Москва), стел и гробниц из лапидария Ставропольского музея-заповедника (О.А. Брилева). Была продемонстрирована методика проведения съемки и построения трехмерных цифровых моделей археологических ландшафтов, памятников и находок.

В заключительный день заседаний 25 мая было заслушано 15 устных и 4 постерных доклада в рамках секции “Геофизические методы в археологических исследованиях и трехмерное моделирование”, проходившей под председательством

Д.С. Коробова и Й. Фассбиндера (Мюнхен, Германия). Основное внимание работы секции было уделено применению геофизических методов для выявления и изучения разнообразных структур на археологических памятниках. Авторами докладов освещались все основные методы археологической геофизики: магнитометрия, электропрофилирование и электротомография, георадиолокация.

Открыл заседание доклад Й. Фассбиндера, посвященный применению магнитометрии при исследовании ахеменидских древностей на территории Алазанской долины в Грузии. Многолетнее тестирование разных методов геофизики в сочетании с аэрофотосъемкой на одном участке обследования было показано в докладе *Дж. Орбонса* (Эйсден, Нидерланды). *О.А. Позднякова* (Новосибирск) поделилась опытом применения аэромагнитной съемки с беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и аэрофотосъемки для поиска и изучения курганных могильников Западной Сибири.

Поиску грунтовых захоронений на Оглахтинском могильнике (Республика Хакасия) с помощью магнитной разведки был посвящен доклад *А.А. Пушкарева* (Томск). С.В. Ольховский продемонстрировал результаты верификации геомагнитных аномалий в акватории Фанагории при картировании археологических объектов. Опыт электромагнитной съемки на памятниках переходного времени от бронзы к железу в Туро-Пышминском междуречье (Западная Сибирь) показан в докладе *О.Ю. Зиминой* (Тюмень). *В.А. Шевченко* (Москва) поделился результатами геофизических исследований курганного некрополя Гнездилово в Суздальском Ополье.

Комплексные исследования Кенделенского Второго грунтового могильника с каменными выкладками в Кабардино-Балкарии, проведенные методами магнитометрии и георадиолокации, были представлены в докладе *Б.Х. Атабиева* (Нальчик) и *В.Г. Бездудного* (Ростов-на-Дону). *Д.В. Бейлин* (Симферополь) ознакомил аудиторию с результатами применения неразрушающих дистанционных методов при исследовании поселения Бондаренково–Восточное I близ Керчи. Завершило блок докладов, посвященных применению геофизических методов в археологии, сообщение *Г.Х. Вафиной* (Казань) о способах визуализации результатов геофизических исследований на примере участка Царевского городища в Волгоградской области.

В серии выступлений была продолжена тема трехмерного компьютерного моделирования археологических ландшафтов, комплексов и древностей. Великолепный пример трехмерной реконструкции новгородской усадьбы XIV в. продемонстрировал *М.И. Петров* (Великий Новгород). *М.А. Лебедев* (Москва) осветил проблемы и перспективы цифровой фиксации эпиграфических памятников в древнеегипетских гробничных комплексах. Методическим вопросам создания фотограмметрических моделей артефактов был посвящен доклад *Д.О. Дрыги* (Москва). Индивидуальный и массовый подходы в применении трехмерного моделирования при документировании керамики были показаны *А.В. Зайцевым* (Москва). Завершили серию докладов по применению цифровых методов моделирования Ю.М. Свойский и Е.В. Романенко, которыми были рассмотрены методические проблемы построения трехмерных образов.

В конце последнего дня заседания прозвучали постерные доклады, подготовленные группой Ю.М. Свойского в соавторстве: с *Г.А. Хлопачевым* (С.-Петербург) о применении трехмерного моделирования при исследовании палеолитических предметов с гравировками; с *М.Н. Дараган* (Киев, Украина) об использовании трехмерного моделирования при реконструкции скифского доспеха V в. до н.э. из Новой Розановки; с *А.Ю. Виноградовым* (Москва) о цифровом моделировании греческих надписей Кабарды. Финальное выступление М.Ю. Меньшикова было посвящено методу реконструкции калибров артиллерийских снарядов позднего средневековья и нового времени на основании мелких осколков с помощью трехмерного моделирования.

Между заседаниями и после их завершения проводились дискуссии, в ходе которых обсуждались заслушанные выступления и подводились итоги работы конференции.

В заключение стоит отметить, что, несмотря на сложности в проведении очередной конференции “Археология и геоинформатика”, круг участников данного мероприятия не сократился. Использованный формат дистанционного участия позволил подключаться к докладам и сообщениям заинтересованным специалистам. Безусловным преимуществом подобного формата является возможность создавать видеозаписи прозвучавших докладов вместе с презентациями. Заинтересованный читатель сможет найти их на сайте Института археологии РАН в разделе “Периодические конференции” (https://www.archaeolog.ru/ru/scientific-activity/periodic-conferences/arkheologiya-i-geoinformatika/pyataya-mezhdunarodnaya-konferentsiya-arkheologiya-i-geoinformatika).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология и геоинформатика. Вып. 10. [Электронный ресурс] / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2021а. DVD-ROM.

Археология и геоинформатика. Пятая Международная конференция. Тезисы докладов / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2021б. 128 с.

Коробов Д.С. Четвертая международная конференция “Археология и геоинформатика” (Москва, 2019 г.) // РА. 2019. № 4. С. 198–200.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 212–214

ХРОНИКА

ПАМЯТИ С. С. ШИРИНСКОГО (22.07.1937–13.03.2021)

© 2022 г. А. А. Медынцева[1, *], А. В. Чернецов[1, **], Л. А. Беляев[1, *], В. Ю. Коваль[1, ****]**

[1] *Институт археологии РАН, Москва, Россия*

**E-mail: medyntc@gmail.com*

***E-mail: chernenochka@list.ru*

****E-mail: labeliaev@bk.ru*

*****E-mail: kovaloka@mail.ru*

Поступила в редакцию 12.11.2021 г.
После доработки 12.11.2021 г.
Принята к публикации 16.11.2021 г.

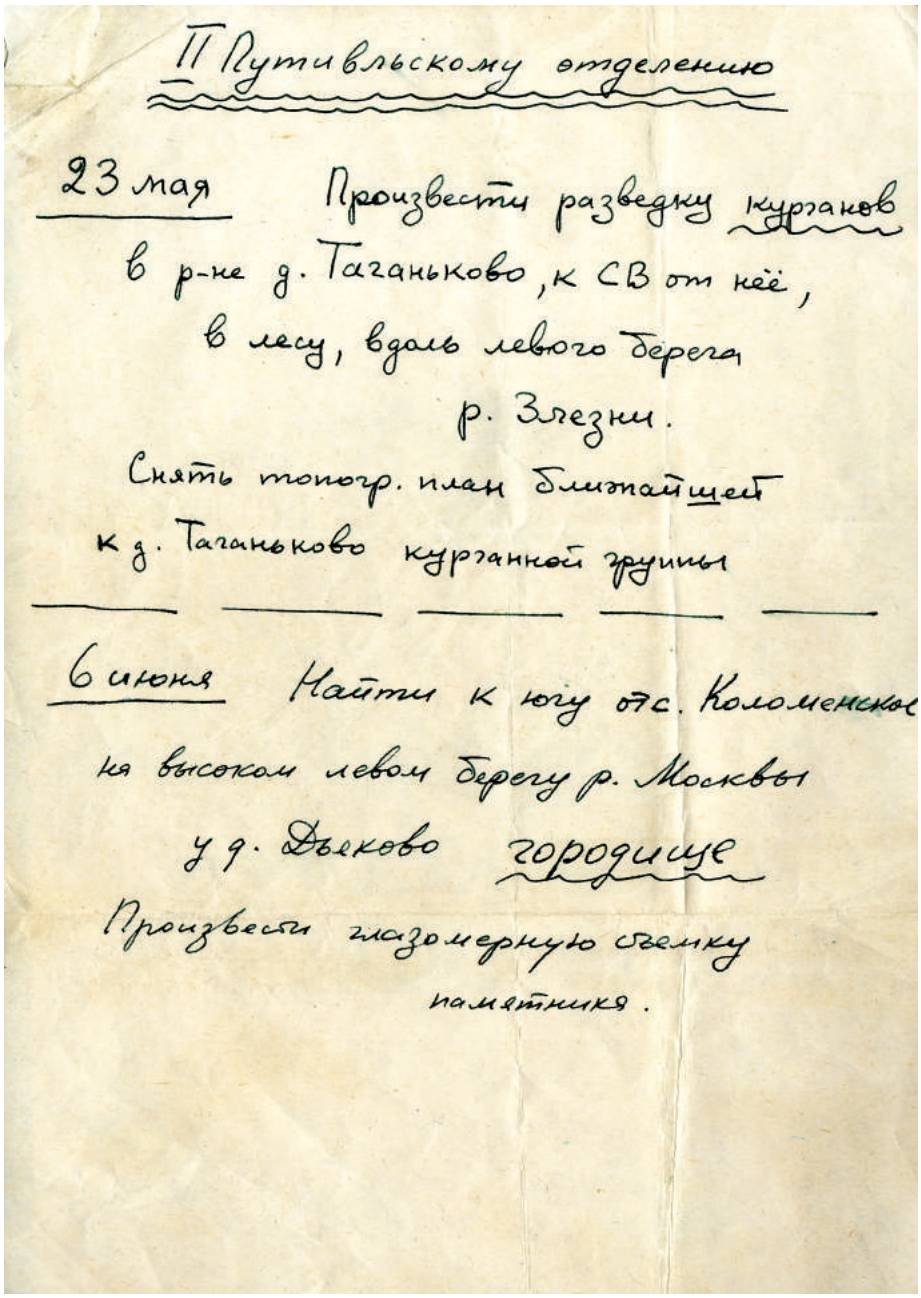
DOI: 10.31857/S0869606322010147

13 марта 2021 г. не стало Сергея Сергеевича Ширинского. Он родился 22.07.1937 в Москве, в семье известного музыканта-виолончелиста, с раннего детства был связан с театральным миром (играл детские роли в спектаклях Ленкома), и, казалось, его жизнь будет связана с искусством. Но победила тяга к истории: Сергей с детства интересовался прошлым Москвы, пропадал то в Коломенском, то в Царицыно. Окончив кафедру археологии исторического факультета МГУ, Сергей Сергеевич поступил на работу в Институт археологии РАН (АН СССР), где и трудился до выхода на пенсию (2005), занимая подчас ответственные должности (в 1968–1974 гг. – ученый секретарь Комиссии по зарубежным связям).

В первой экспедиции в Гнездово он под руководством Д.А. Авдусина работал на раскопках курганов, и дружинная культура Древней Руси и стала его любимой темой. С.С. Ширинский изучал ее в библиотеках, музеях и архивах. Особенно его увлекала полевая деятельность: он был прекрасным полевым археологом. Еще в 1958 г. в Любече в экспедиции Б.А. Рыбакова студент Сергей Ширинский увлеченно обследовал курганные группы в окрестностях города и раскопал несколько курганов.

В основном Сергей Сергеевич работал в центральных и западных районах бывшего СССР, в России, Беларуси, в Украине; руководил Сейминским отрядом Восточно-Белорусской экспедиции ИА АН СССР (1968); возглавлял Верхнеднепровскую экспедицию (1983—1989); исследовал курганные могильники в Смоленской области (1986—1988). Но его полевой опыт включил и зарубежные экспедиции в Месопотамии (1976 г., рук. Р.М. Мунчаев), Венгрии (1975 г., рук. В.С. Титов) и Йемене. Тяга к приключениям (его любимым героем был Лоуренс Аравийский) привела к пешему (и очень опасному) одиночному маршруту по пустыне. В результате были открыты новые памятники (в том числе античной эпохи, надписи доисламского периода), за что ученый получил личную благодарность министра культуры Йемена (результаты опубликованы по-арабски: “Отчет ученого секретаря Института археологии АН СССР об археологическом обследовании древних памятников НДРЙ”, Аден, 1975).

В поле Сергею Сергеевичу были свойственны тщательность и методичность, которые он переносил на кабинетную работу в музеях и архивах. В ГИМ он разобрал беспаспортный материал из



II Путивльскому отделению

23 мая Произвести разведку курганов в р-не д. Таганьково, к СВ от неё, в лесу, вдоль левого берега р. Злезни.

Снять топогр. план ближайшей к д. Таганьково курганной группы

6 июня Найти к югу от с. Коломенское на высоком левом берегу р. Москвы у д. Дьяково городище

Произвести глазомерную съемку памятника.

раскопок В.И. Сизова, вернув ему полноценную значимость (Ширинский С.С. Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Гнездовский могильник: Исследования и публикации. Ч. 1. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999. С. 87–146. (Тр. ГИМ; вып. XXX–VI); Ширинский С.С. Памятники Гнездова как источник изучения начального периода формирования государства Русь // Археология Древней Руси: проблемы и открытия. Матер. междун. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина / Гл. ред. Е.А. Рыбина; отв. ред. Н.В. Ениосова. М.: Изд. МГУ, 2018. (Тр. Ист. фак. МГУ; вып. 140. Сер. II, Исторические исследования; 83). С. 67–68). Научное наследие С.С. Ширинского невелико по объему, но его работы отмечены тщательностью анализа, разнообразием тематики, тонкими наблюдениями и эрудицией (фото 2).

Много сделал Ширинский и как руководитель кружка археологии при Московской областной Детской туристской станции, занимаясь этим увлеченно и проявив незаурядные педагогиче-

ские способности. Их занятия шли несколько лет, в жанре семинаров: Сергей Сергеевич предлагал список тем, ученики выбирали более близкие и готовили доклады. Доклад обсуждался, причем руководитель объяснял, каким образом вообще строятся доклады и статьи. Практиковалось и взаимное обучение: те, кто ходил в кружок постоянно, на следующий год получали задание, во-первых, отвести новую группу в музей и прочесть лекцию о древнем искусстве, а во-вторых, сходить в разведку и провести глазомерную съемку курганной группы или городища. Задание на такой поход Сергей Сергеевич писал от руки, обычно со схемой маршрута. В этих походах он сам специально не участвовал, но сделанные обмеры разбирал. Затем под его руководством проводились раскопки одного-двух курганов под Москвой, т.е. теоретический курс завершала практика. Летом члены кружков работали в экспедициях Б.А. Рыбакова и Г.Ф. Соловьевой, выполняя роль квалифицированных молодых исследователей. Сергей Сергеевич вел не только их обучение, но руководил устройством палаточного лагеря и быта (всегда налаженного), занимался с ними спортом, отвечал за их жизнь и здоровье. Все это требовало много сил и внимания. Зато Сергей Сергеевич пользовался у кружковцев непререкаемым авторитетом и любовью.

С.С. Ширинский до последних месяцев жизни оставался активным участником жизни отдела и Института, уже после выхода на пенсию он сдал на хранение часть коллекции из раскопок Б.А. Рыбакова у с. Заречье (Украина) и собственные материалы. Он часто бывал на заседаниях отдела, помогал в подготовке юбилея отдела средневековой археологии, писал статьи в сборники.

Несчастливое стечение обстоятельств омрачило его уход из жизни после тяжелой травмы. Он не смог проститься с любимой женой (в прошлом – одной из воспитанниц его кружка) и дочерью, помешала пандемия. Но он до последнего дня сохранял присутствие духа, строил планы на будущее.

Мы запомним Сергея Сергеевича Ширинского как исследователя-романтика, истинного рыцаря и преданного служителя археологии.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 215–217

ХРОНИКА

АНАТОЛИЙ СТЕПАНОВИЧ СКРИПКИН (28.11.1940–14.08.2021)

© 2022 г. М. В. Кривошеев[1, *], Л. В. Яворская[2, **], В. Ю. Малашев[2, ***]

[1] Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

[2] Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: tyaf@mail.ru

**E-mail: adsi@volsu.ru

***E-mail: malashev@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.08.2021 г.
После доработки 24.08.2021 г.
Принята к публикации 16.11.2021 г.

DOI: 10.31857/S0869606322010111

14 августа 2021 г. ушел из жизни Анатолий Степанович Скрипкин – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, известнейший специалист в области скифо-сарматской археологии, создатель в Нижнем Поволжье одного из ведущих центров археологической науки.

Анатолий Степанович родился в 28 ноября 1940 г. в х. Нижняя Глебовка Кущевского района Краснодарского края. Будучи еще ребенком в годы Великой Отечественной войны жил в зоне оккупации, а в 1947 г. с родителями переехал в разрушенный Сталинград. Характер Анатолия Степановича ковался именно в суровом послевоенном городе: семья поселилась в ставшей позднее знаменитой разрушенной мельнице Гергардта, юный Толя и в школу пошел, находящуюся неподалеку от Мамаева кургана. Детское увлечение футболом переросло во вполне серьезные занятия в клубе “Динамо”. А в 1959 г. Анатолий Скрипкин был призван в армию, где отслужил три года и по большей части отстаивал честь гарнизона в спортивных соревнованиях.

В 1962 г. А.С. Скрипкин поступил в Волгоградский педагогический институт. Увлечение археологией началось с посещений археологического кружка, который вела доцент Д.И. Нудельман. С будущим делом всей своей жизни он определился после участия в экспедициях Ленинград-

ского отделения Института археологии под руководством В.П. Шилова, работавших в те годы в Нижнем Поволжье. В 1966 г. после окончания с отличием пединститута А.С. Скрипкин остался преподавать в вузе. Там же им впервые была организована археологическая практика.

В 1970 г. А.С. Скрипкин поступил в целевую аспирантуру Института археологии АН СССР. Под научным руководством К.Ф. Смирнова в 1974 г. Анатолий Степанович защитил кандидатскую диссертацию "Позднесарматская культура Нижнего Поволжья". Вернувшись в родной институт молодым кандидатом наук, А.С. Скрипкин в 1974 – 1980 гг. прошел путь от старшего преподавателя до заведующего кафедрой всеобщей истории. За эти годы были реализованы крупные экспедиционные проекты в зонах новостроек, создана археологическая лаборатория, в штат которой вошли тогда еще студенты, а позже – известные волгоградские археологи.

В 1980 г. судьба Анатолия Степановича резко изменилась – он был приглашен на работу в создаваемый тогда в регионе первый классический университет. А.С. Скрипкин стал его первым преподавателем и до конца жизни был связан с Волгоградским государственным университетом. Здесь им была создана еще одна археологическая лаборатория, позднее он возглавил первую в Нижнем Поволжье кафедру археологии в классическом университете, появились первые аспирантура и магистратура по археологии.

В университете он собрал коллектив друзей и единомышленников, который стал известен как волгоградская научная школа археологии Скрипкина. Много крупных научных проектов было реализовано этим коллективом, но почти всегда их инициатором и вдохновителем являлся А.С. Скрипкин. Многие годы упорного труда, сотни научных работ заслуженно закрепили за Анатолием Степановичем звание одного из ведущих в мире специалистов в области сарматской археологии.

Широкий диапазон его научных интересов позволил развивать в Нижнем Поволжье ряд междисциплинарных направлений в археологических исследованиях: археологическое почвоведение, палеоантропологию, археозоологию, палеогенетику. Под редакцией Анатолия Степановича выпускались книги, демонстрирующие результаты этих комплексных исследований. Большую ценность представляют инициированные А.С. Скрипкиным работы в области популяризации археологического наследия и истории археологии Нижневолжского края.

Выдающиеся успехи А.С. Скрипкина в научной сфере еще более впечатляют тех, кто понимает, сколько труда и сил уходило у него на образовательную деятельность. Его роль в становлении археологического образования в Нижнем Поволжье невозможно переоценить. Под руководством профессора А.С. Скрипкина были защищены более десятка кандидатских диссертаций, его ученики, ставшие признанными специалистами в области сарматской и средневековой археологии, работают во многих научных центрах России. При его непосредственном участии подготовлены многочисленные научные, учебные и научно-популярные издания.

Российская археология потеряла в лице А.С. Скрипкина замечательного исследователя. С его именем связаны яркие открытия в области изучения раннекочевнических древностей евразийских степей и фундаментальные теоретические разработки актуальных проблем сарматской археологии. А.С. Скрипкиным исследованы сотни археологических комплексов, ставших основой для создания хронологических и историко-культурных реконструкций применительно к древним кочевым сообществам степной Евразии.

Доминантой в работах А.С. Скрипкина были проблемы хронологии и культурогенеза сарматских культур, этнополитическая история сарматских племен, запечатленные в фундаментальных трудах, в которых он уделял пристальное внимание проблемам формирования сарматских культур, анализу письменных источников, вопросам связей кочевников Волго-Уралья с народами Южной Сибири, Алтая, Китая. Его монография "Нижнее Поволжье в первые века нашей эры" (Саратов: СГУ, 1984), в основу которой легла кандидатская диссертация, явилась первым обобщающим исследованием по позднесарматской культуре. По своему значению данная работа выходит за рамки региональной тематики, и многие ее положения сохраняют актуальность и по сегодняшний день, в частности, вопросы хронологии, периодизация культуры, ее миграционное происхождение, связанное со среднеазиатским регионом. Воплощенная в докторской диссертации А.С. Скрипкина монография "Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект" (Саратов: СГУ, 1990) стала принципиально новым шагом в понимании хронологии ранне- и среднесарматской культур, их соотношения между собой, исторического и этнического содержания. Изданные в 2010 г. под одной обложкой статьи, посвященные широкому спектру проблем контактов носителей сарматских культур с населением восточных территорий евразийских степей вплоть до Китая, напоминают исследователям о предложенных ранее автором решениях и ставят новые вопросы в ряде аспектов древней истории степи (Скрипкин А.С. Сарматы и Восток. Избранные труды. Волгоград: ВолГУ, 2010). Подведением определенных итогов исследований А.С. Скрипкина стала обобщающая монография "Сарматы" (Волгоград: ВолГУ, 2017), в которой он дает анализ гипотез и взглядов на историю и культуру ранних кочевников степей Восточной Европы – от савро-

матской культуры до позднесарматской – и подводит итоги почти векового их изучения.

Важное место в научной жизни А.С. Скрипкина занимали вопросы организации площадок для обсуждения научных проблем. Он входил в состав Постоянного оргкомитета международной конференции “Проблемы сарматской археологии и истории”, у истоков создания которой он стоял в 1988 г., и был одним из тех, благодаря кому она продолжает регулярно работать и в настоящее время. В 2004 г. по его инициативе была создана “Нижневолжская археологическая конференция”, которая уже шесть раз успешно собирала исследователей. В 1998 г. Анатолий Степанович возглавил журнал “Нижневолжский археологический вестник” и был его бессменным главным редактором. За прошедшие годы журнал зарекомендовал себя как высококачественное научное издание и вошел в международные базы данных.

Широкая научная эрудиция Анатолия Степановича, верность избранному пути, неизменная доброжелательность, мастерство докладчика и рассказчика, мягкий юмор останутся в сердцах учеников и коллег, которые будут вспоминать его с чувством уважения, любви и благодарности.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ 0110154 от 4 февраля 1993 г., выдано Министерством печати и информации Российской Федерации

Подписано к печати 14.03.2022 г. Формат 60 × 88 1/8 Усл. печ. л. 26.65 Уч.-изд. л. 27.25
Тираж 21 экз. Зак. 5061 Бесплатно

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по госконтракту № 4У-ЭА-131-21 ООО «Тематическая редакция»,
125252, г. Москва, ул. Зорге, д. 19, этаж 3, помещ. VI, комн. 44
Отпечатано в типографии «Book Jet» (ИП Коняхин А.В.),
390005, г. Рязань, ул. Пушкина, 18, тел. (4912) 466-151

16+